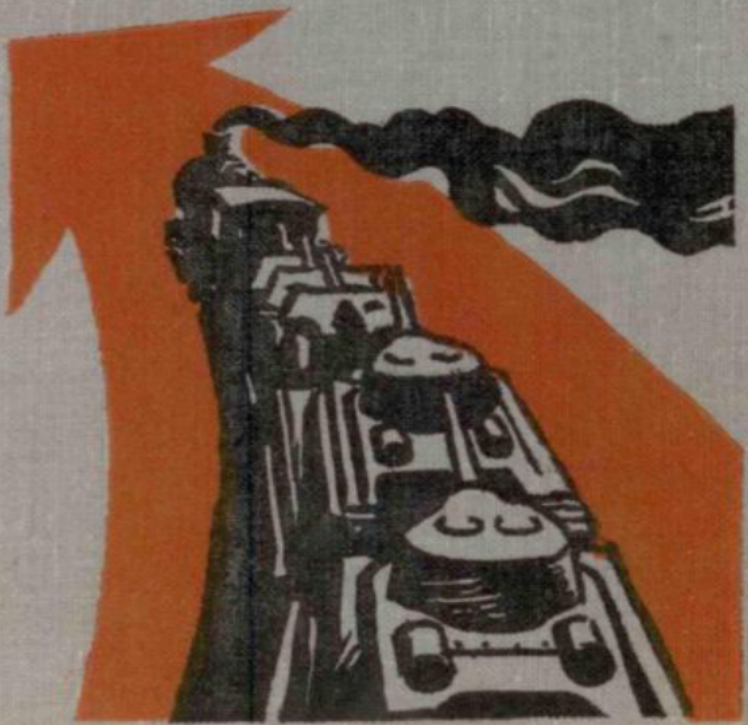
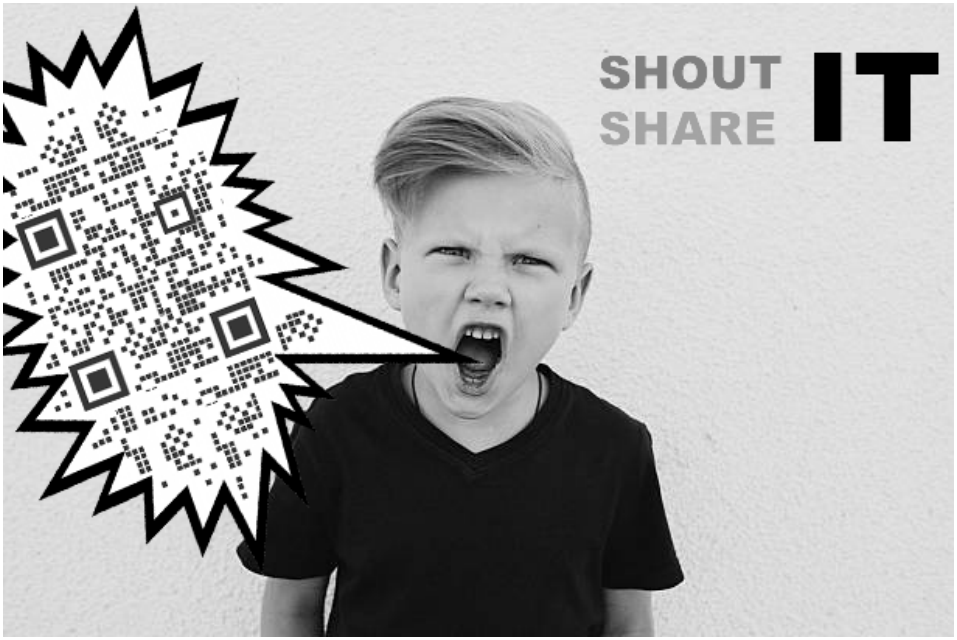
Н. А. Антипенко

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ




SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В годы Великой Отечественной войны генерал-лейтенант Н. А. Антипенко был заместителем командующего фронтом по тылу. В своей книге он рассказывает о работе всех звеньев военного тыла в ряде выдающихся боевых операций, проведенных Красной Армией. Книга «На главном направлении» дважды — в 1967 и 1971 годах — выходила в Москве, в издательстве «Наука». В настоящее издание автор внес поправки и дополнения. Предисловие Маршала Советского Союза Г. К. Жукова написано ко второму изданию.

- Николай Антипенко
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○ Фотоиллюстрации
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14

- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58

- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

Николай Антипенко
НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Н. А. Антипенко,
генерал-лейтенант,
доктор исторических наук

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

МИНСК «БЕЛАРУСЬ» 1982

Предисловие

Великая Отечественная война была суровой проверкой обороноспособности нашей социалистической Родины. Советский пород и его Вооруженные Силы под руководством ленинской партии в годы войны продемонстрировали перед всем миром свое могущество, несгибаемую волю к победе, величайший патриотизм

и преданность пролетарскому интернационализму.

Победа нашего народа и его Вооруженных Сил над фашистской Германией стоила больших жертв. Преодолевая необычайные трудности первого периода войны, когда важнейшие экономические районы страны были временно захвачены врагом, Советское государство постепенно достигло превосходства в силах и средствах над фашистской Германией, что позволило довести всенародную борьбу до полного разгрома врага.

Гигантская работа партии и народа по перестройке всего хозяйства на военный лад, по организации массового производства вооружения и боевой техники, боеприпасов, горючего, продовольствия, обмундирования и других материальных средств обеспечила победу Советских Вооруженных Сил.

Поволжье, Урал, Западная Сибирь и другие восточные районы СССР, куда эвакуировалось промышленное оборудование из западных и юго-западных областей СССР, были превращены в крупнейшие военные арсеналы, поставляющие фронту все необходимое для ведения напряженной войны.

Труженики тыла, рабочие заводов, фабрик, колхозное крестьянство, советская интеллигенция, глубоко осознав нависшую над Родиной смертельную опасность, до предела напрягали свои физические и духовные силы, давали войскам фронтов все необходимое для окончательной победы над гитлеровской армией.

Советский тыл в годы минувшей войны представлял собой неиссякаемый источник силы и могущества Красной Армии и Военно-Морского Флота.

Наши воины, героически сражавшиеся с врагом на всех фронтах, непоколебимо верили в прочность тыла, повседневно ощущали его помощь, а советский народ, напряженно и самоотверженно работавший в тылу, верил в свою армию, в ее победу над врагом.

Связующим звеном между сражающимся фронтом и народным хозяйством страны был тыл Красной Армии. Его роль в войне трудно переоценить.

В небывало сложных условиях протекала работа тыла в первый период войны. Временная потеря западных и южных областей резко снизила военно-экономический потенциал Советского Союза.

В начале войны из-за недостаточной организованности в управлении войсками и неудовлетворительной работы тылов Красной Армии наши войска зачастую оказывались в тяжелой

обстановке. Значительные запасы материальных средств, находившиеся перед войной на территории приграничных округов, были уничтожены или захвачены противником. Вследствие этого Красная Армия лишилась огромных запасов горючего, боеприпасов, вооружения, продовольствия и вещевого имущества. Подвоз из центральных складов был затруднен, так как фронтовые железные дороги находились под постоянным интенсивным воздействием авиации противника. Положение с обеспечением фронтов осложнялось еще тем, что с первых дней войны начались большие встречные перевозки.

Кроме перевозок войск и воинских грузов на фронт, из угрожаемых районов проводилась большая эвакуация людей, промышленных предприятий и народнохозяйственных грузов в глубь страны.

Серьезным тормозом в организации обеспечения войск в начале войны была разобщенность служб тыла, не имевших единого органа управления. До августа 1941 года тыл не имел такой стройной организационной структуры, какая сложилась позже. В то время вопросами оперативного устройства тыла Красной Армии ведали Генеральный штаб и штабы военных округов, они же осуществляли общее планирование поставок для армии материальных средств из народного хозяйства и определяли объем материальных издержек на предстоящую операцию, а материальные средства находились в руках различных служб, которые общевойсковым штабам не подчинялись. Существовал, таким образом, разрыв между функциями планирования, подвоза и снабжения.

Но главная трудность состояла в том, что общевойсковые штабы физически оказались не в состоянии заниматься повседневными вопросами тылового обеспечения войск, будучи до крайности перегружены оперативной работой, не могли вникать в многогранную и сложную деятельность тыла, повседневно управлять им. Начальники служб снабжения стремились решать вопросы снабжения через командующих, как и полагалось по схеме мирного времени, но в условиях войны это оказалось почти невозможным.

Вот почему так остро возникла необходимость разгрузить командующих и общевойсковые штабы от повседневных забот о тыловом обеспечении войск, дать им возможность основное внимание сосредоточить на управлении войсками и организации их боевой деятельности.

Всесторонне оценив состояние и деятельность тыла действующей армии в первый месяц войны, Государственный Комитет Обороны поручил заместителю Председателя Совета

Народных Комиссаров, впоследствии члену ГКО А. И. Микояну непосредственное руководство обеспечением Вооруженных Сил горючим, продовольствием и вещевым имуществом. Секретарю ЦК Коммунистической партии А. А. Андрееву было поручено руководство работой железнодорожного транспорта. На члена ГКО И. А. Вознесенского, заместителя Председателя СНК СССР А. Н. Косыгина, председателя ВЦСПС Н. М. Шверника также была возложена ответственность за организацию снабжения действующей армии.

При ЦК партии был создан комитет помощи раненым, который через партийные, советские и профсоюзные организации страны взял под контроль лечебно-эвакуационное обеспечение раненых и больных.

28 июля 1941 года ГКО принял решение о создании самостоятельных органов тыла Красной Армии. 1 августа 1911 года были образованы Главное управление тыла Красной Армии и управления тыла фронтов и армий. Во главе тыла Красной Армии был поставлен генерал А. В. Хрулев, исключительно энергичный и опытный организатор.

Новая структура тыла Красной Армии, фронтов и армий вполне соответствовала новым условиям ведения войны. А вновь созданные органы управления тылом получили больше прав и возможностей для проявления широкой организационно-хозяйственной инициативы.

Объединение в одних руках функций планирования, управления и организации тылового обеспечения войск, подчинение начальнику тыла всех коммуникаций и транспортных средств позволило более гибко решать сложный комплекс вопросов по тылу, рационально использовать все виды транспорта и навести должный порядок на всей территории тыла фронтов и армий. Новая структура тыла позволила коренным образом улучшить постановку лечебно-эвакуационного дела на фронтах. Установилась более тесная связь военно-тыловых органов с народным хозяйством страны, что дало возможность полнее и лучше использовать в интересах фронта местные ресурсы.

Первоначально новая структура была введена только в центре, на фронтах и в армиях, а в корпусах и дивизиях сохранялся прежний порядок — там за всю работу тыла отвечали общевойсковые штабы. Это приводило к тому, что начальник тыла армии вынужден был давать указания по тылу службам, которые ему не подчинялись. Поэтому в мае 1942 года в соединениях была учреждена должность заместителя командира по тылу, несшего ответственность за организацию тылового обеспечения частей и соединений. Таким образом, к этому

времени было достигнуто единообразие организационной структуры тыла.

Прав генерал Антипенко, выдвигая положение о целесообразности дальнейшего совершенствования организационной структуры тыла Вооруженных Сил не только в военное, но и в мирное время.

Военная обстановка потребовала организовать железнодорожные, дорожные и автомобильные войска. В ходе операций выявились большие неудобства в управлении этими войсками. Восстановление железных дорог велось войсками двух ведомств — Наркомата обороны и Наркомата путей сообщения, что, естественно, отрицательно сказывалось на восстановительных работах.

Решением ГКО 2 января 1942 года руководство всеми восстановительными и заградительными работами на железных дорогах было возложено на Наркомат путей сообщения СССР, в системе которого было образовано Главное управление военно-восстановительных работ.

С этого времени все железнодорожные восстановительные войска перешли в подчинение НКПС, оставаясь в оперативном подчинении военных советов тех фронтов, где они работали.

Дорожные войска в начале войны также находились в системе двух наркоматов — НКО и НКВД. Двойное руководство и здесь сказывалось отрицательно на восстановлении и эксплуатации военно-автомобильных дорог. Поэтому в мае 1942 года дорожные части Главного управления шоссейных дорог НКВД были подчинены вновь созданному Главному управлению автомобильно-дорожной службы Красной Армии[1].

Разумеется, столь значительная перестройка органов тыла в начале войны не могла не сказаться на боевой деятельности войск и не создать трудностей в работе органов тыла. Напрашивается естественный вывод: структура и готовность всех органов тыла Вооруженных Сил еще в мирное время должна в основном соответствовать требованиям военного времени и уровню боевой готовности войск. В начале минувшей войны этого не было, и войска зачастую не имели надлежащего материально-технического обеспечения, что отражалось на их боеспособности.

В современных условиях успех боевых операций, как никогда прежде, зависит от бесперебойного материально-технического и медицинского обеспечения.

Неустанная забота о быте личного состава войск и о своевременном обеспечении их вооружением, боеприпасами, горючим и другими материальными средствами составляет первейшую обязанность командиров и начальников всех

степенен, прежде всего работников тыла.

Личный состав органов тыла Красной Армии в минувшую войну проявил большую изобретательность и оперативность в работе, исключительный трудовой и боевой героизм. Особенно ответственные задачи стояли во время войны перед медицинской службой. Быстрейшая эвакуация раненых с поля боя, своевременное оказание им квалифицированной помощи, максимальное число возвращенных в строй после излечения — этими показателями измерялся успех медицинского обеспечения войск на фронте. Конечно, и все другие службы тыла активно помогали медикам в решении их трудных и благородных задач.

Благодаря согласованной и плодотворной работе всех служб тыла за годы войны около 73 процентов раненых было возвращено в строй[2].

Успех работы тыла на войне зависит прежде всего от умелой, продуманной организации тылового обеспечения, соответствующей замыслу и целям операции. Пути сообщения, транспорт должны быть в таком состоянии, которое обеспечило бы своевременный маневр войсками, а размещение тыловых частей и учреждений — своевременный подвоз материальных средств к войскам и безостановочное передвижение элементов тыла в ходе операции.

Опыт минувшей войны показывает, что войскам не удавалось достигнуть конечных целей наступательных операций, если они не были хорошо обеспечены в материальном отношении. Так, наши войска не смогли достигнуть надлежащего успеха в зимнюю кампанию 1942 года на всех стратегических направлениях и в летне-осеннюю кампанию 1943 года на западном направлении из-за недостаточного материального обеспечения запланированных операций.

От руководства тыла требуется глубокое понимание замысла планируемой операции, способность организовать тыл в соответствии с ее характером. Чем шире размах операции, тем тщательнее должны отрабатываться все практические мероприятия по тыловому обеспечению войск на каждом ее этапе.

Учитывая сложность и объем работы, которую тыл фронта должен преодолеть, командующему войсками необходимо как можно раньше ознакомить своего заместителя по тылу с замыслом, сроками и характером предстоящей операции, с группировкой сил и средствами фронта, в противном случае тыл не сможет решить стоящие перед ним задачи. Так, при подготовке Висло-Одерской операции осенью 1944 года, о чем упоминает автор книги «На главном направлении», мы за 45 суток до начала наступления ориентировали заместителя по тылу генерал-

лейтенанта Н. А. Антипенко во всех вопросах этой операции. Нам было совершенно ясно, что руководство тыла 1-го Белорусского фронта без знания основных аспектов оперативного плана не сможет справиться с предстоящим объемом перевозок, с накоплением и правильным эшелонированием боеприпасов, горючего, продовольствия и других материальных средств.

При любых ограничениях в допуске лиц к разработке плана операции заместитель командующего войсками по тылу наравне с начальником штаба должен быть полностью осведомлен о замысле, сроках и характере предстоящей операции. Всякое запоздалое ознакомление заместителя командующего войсками по тылу с планом предстоящей операции неизбежно приведет если не к срыву, то к серьезным затруднениям в обеспечении действующих войск.

Искусство организации тыла и управления им составляет одну из важнейших сторон современного военного искусства в целом. Правильная организация тыла не терпит шаблона и заученных схем. Каждый раз она требует совершенно конкретных решений, основанных на реальном учете оперативной и тыловой обстановки.

Во время Великой Отечественной войны в силу ряда причин, и в первую очередь из-за ограниченных транспортных возможностей тыла, нередко приходилось пренебрегать уставными положениями и порой даже чрезмерно приближать силы и средства тыла к войскам, идя на известный риск, и это было оправданно.

Читатель найдет в книге генерал-лейтенанта Н. А. Антипенко несколько примеров такого творческого и смелого решения вопросов организации тыла, в частности тыла Центрального фронта в битве на Курской дуге в 1943 году и тыла 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской операции в январе 1945 года. Здесь общепринятые нормы размещения тыловых частей и учреждений пришли в противоречие с конкретно сложившейся оперативно-стратегической и тыловой обстановкой. Если бы организаторы тыла фронта слепо придерживались формальных положений, то Висло-Одерская наступательная операция, проходившая в небывало высоких темпах, не была бы материально обеспечена так успешно.

Работа оперативного тыла в минувшую войну в значительной степени зависела от наличия, пропускной и провозной способности железных дорог, значение которых в тыловом обеспечении войск было решающим. Без хорошо работающих железных дорог мы не смогли бы осуществлять не только большие оперативные перевозки, сравнительно частые во время

войны, но и бесперебойный подвоз материально-технических средств на большие расстояния.

Железнодорожники, работая под постоянным воздействием авиации, а иногда и артиллерии, проявили массовый героизм и законно заслужили признательность Красной Армии и всего советского народа.

Театры военных действий охватывали территорию в тысячи километров, включая районы труднопроходимые, особенно весной, осенью и зимой. Грунтовые дороги имели в этих условиях исключительное значение. Военные дорожники в тесном содружестве с инженерными войсками, местным населением успешно справлялись со своими задачами. Без хорошо налаженного дорожного обеспечения в оперативном и войсковом тылу нельзя было бы своевременно подвезти к войскам материальные средства, эвакуировать раненых и быстро оказывать им квалифицированную медицинскую помощь.

Хорошая техническая оснащенность дорожников, постоянное совершенствование их мастерства с применением индустриальных методов в дорожно-мостовом строительстве будут и впредь способствовать высокой мобильности тыла в целом.

В современных условиях, в связи с угрозой большого разрушения железнодорожных коммуникаций, со сплошной моторизацией и механизацией войск, военно-дорожная служба приобретет еще большее значение. Наличие воздушных, трубопроводных и водных средств сообщения не уменьшает потребности в дорогах.

Воздушный транспорт из-за отсутствия большого числа транспортных самолетов в минувшую войну не играл в перевозках большой роли. Но были моменты, когда не было других возможностей совершать перевозки, как только самолетами, и воздушный транспорт играл тогда решающую роль. Так было со снабжением блокированного Ленинграда, партизанских отрядов и войск, действовавших в тылу врага.

В настоящее время транспортная авиация и вертолеты будут играть более значительную роль в перебросках как войск, так и материальных средств, особенно через зоны, подвергшиеся ударам ядерных средств.

Одной из положительных сторон опыта и структуры оперативного тыла в минувшей войне было комплексное использование всех видов транспорта (в том числе даже конного и вьючного). Комплексное использование всех видов транспорта давало большой эффект, а применительно к современным условиям эта особенность в работе тыла приобретает еще

большее значение.

В целом тыл Красной Армии успешно справлялся с задачами обеспечения войск в крупнейших стратегических операциях, проведенных в высоких темпах и на большую глубину. Только с 1 по 23 июня 1944 года при подготовке Белорусской операции войскам 1-го Прибалтийского и 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов было подвезено свыше 75 тысяч вагонов с войсками, техникой и различными грузами. В ходе операции (с 23 июня по 29 августа 1944 года) войсками названных фронтов было израсходовано 400 тысяч тонн боеприпасов, 300 тысяч тонн горючего и около 450 тысяч тонн продовольствия. Такое же количество материальных средств поглотила Висло-Одерская операция. В ходе Восточно-Прусской операции войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов израсходовали около 200 тысяч тонн боеприпасов, свыше 183 тысяч тонн горючего и 403 тысячи тонн продовольствия. Чтобы подвезти войскам фронтов такое количество материальных средств, потребовалась титаническая работа тыла Красной Армии.

Советское Верховное Главнокомандование и командование фронтов хорошо понимали значение материального фактора на войне. Поэтому, прежде чем принять решение о проведении стратегической операции, Ставка и Генеральный штаб глубоко и всесторонне изучали возможности материального обеспечения фронта.

Тыл Красной Армии в ходе войны был тесно связан с народным хозяйством страны, с советским народом, который в неимоверно трудных условиях самоотверженно трудился, чтобы дать войскам все необходимое для победы. Если позволяла обстановка, поиска и тыл Красной Армии сами включались в промышленное и сельскохозяйственное производство, оказывая населению помощь транспортом, рабочей силой, топливом и сырьем. Достаточно сказать, что за время войны автотранспорт Красной Армии перевез для народного хозяйства свыше 21 миллиона тонн различных грузов.

На освобожденной советской территории армия восстанавливала предприятия угольной, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, пищевой, легкой и других отраслей промышленности. Силами войск и личного состава тыла было построено много жилых домов для колхозников разоренных оккупантами населенных пунктов.

На зарубежных территориях также оказывалась всемерная помощь народам, освобожденным Красной Армией от фашизма, в том числе и немецкому трудовому народу. Эту характерную особенность советских войск, воспитанных в интернациональном

духе, генерал Антипенко показал на страницах своей книги.

К сожалению, в изданной до сих пор военно-мемуарной литературе очень мало отражена работа тыла Красной Армии и почти ничего не сказано о его организаторах и рядовых работниках.

В этой книге правдиво показан массовый героизм работников тыла Красной Армии. Широко освещен труд врачей, санитаров, действовавших на поле боя, поваров, водителей машин, дорожников, военных строителей, которые своим мужеством и трудом ускорили победу наших войск над врагом. Хорошо показана также и деятельность женщин-воинов, которые с первых дней войны шли на фронт вместе с мужчинами и были горячими патриотками Страны Советов. Среди женщин были опытные летчики, разведчики, снайперы, связисты, партизаны, врачи, медицинские сестры, повара, регулировщики и другие воины-специалисты.

В годы Великой Отечественной войны Н. А. Антипенко работал в должности заместителя командующего по тылу Брянского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов. Имея богатый опыт организации тылового обеспечения выдающихся операций Великой Отечественной войны на главном стратегическом направлении, он как крупный специалист в этой области теоретически умело обобщил его.

Практический опыт, теоретическая подготовка и способность к критическому анализу позволили Н. А. Антипенко написать предлагаемую читателю интересную и полезную книгу о работе тыла фронта во время войны.

В книге «На главном направлении» имеется ряд ярких примеров, связанных с деятельностью органов управления тылом в сложной военной обстановке. В ней рассказывается о том, как старшие начальники в любых условиях умели мобилизовать подчиненных на выполнение задач, как в своей работе опирались на партийную и комсомольскую организации.

В книге охарактеризованы взаимоотношения военачальников с местными партийными, советскими и общественными организациями; приведены примеры подлинного советского патриотизма, проявленного войсками; показано, как войска помогали местному населению ликвидировать последствия войны.

Работа Н. А. Антипенко отличается от некоторых военных мемуаров объективным и самокритичным изложением фактов. Она представляет интерес для широкого круга советских читателей, которые найдут в вей много поучительных примеров также и для современных условий. Кроме большого научно-

познавательного она имеет воспитательное значение, особенно для нашей молодежи, жаждущей узнать о великих событиях в жизни народа по правдивым свидетельствам участников.

Книга «На главном направлении» проникнута духом безграничной преданности советскому народу, ленинской партии. Читатель найдет в ней волнующие примеры того, как надо заботиться о советских воинах на фронте, создавать благоприятные условия для их трудной боевой жизни.

Подрастающее поколение должно хорошо знать боевые и трудовые подвиги советских людей старшего поколения в годы Великой Отечественной войны на фронте, в тылу врага, на производстве. Молодежь должна знать, как верные сыны и дочери нашей Родины героически сражались с опытным и злобным врагом и, когда приходилось, мужественно умирали.

В будущей войне, если ее не удастся предотвратить, будет применяться ракетно-ядерное оружие. Поэтому тыловое обеспечение всех родов войск значительно усложнится. Тыл центра, тылы фронтов, ряд экономических баз страны могут серьезно пострадать, что создаст тяжелую обстановку для обеспечения действующих войск.

Современная война сразу же развернется на суше, на морях, в воздушном пространстве. Большое число государств, охваченных военно-политическими группировками двух противоположных систем, их социально-политическая природа и классовая сущность заранее определяют колоссальный пространственный размах будущей мировой войны, ее ожесточенность и бескомпромиссность.

Современные средства безотказной доставки ядерных и других средств поражения позволят в первые же часы и минуты обрушить смертоносные удары на всю глубину стран, в том числе самых отдаленных, находящихся за морями и океанами.

В современных условиях понятие о тыле коренным образом меняется. К фронтам в прежнем понятии добавились новые мощные средства и войска, расположенные в тылу страны, которые с первых же минут войны будут вести вооруженную борьбу с противником, нанося ему удары и поражая средства его дальнего нападения.

Следовательно, функции тыла Советской Армии в современных условиях значительно усложнились и расширились. Теперь надо обеспечивать действующие войска не только на внешних фронтах, но также и в тылу страны.

Однако и в условиях ведения ядерной войны богатейший опыт материально-технического и медицинского обеспечения войск, полученный в период Великой Отечественной войны,

может быть широко использован. Важно не растерять рациональные зерна этого ценнейшего опыта, который достался нашему народу дорогой ценой.

Во второе издание книги «На главном направлении» автор включил весьма ценную главу о центральных органах тыла Советских Вооруженных Сил, проделавших грандиозную работу в годы Великой Отечественной войны. Показан небывалый размах деятельности этих органов. По мысли автора, это высшее звено в системе тыла Вооруженных Сил, в отличие от войскового и оперативного тыла, целесообразно именовать стратегическим тылом. С этим можно согласиться, если учесть то конкретное содержание, какое вкладывает автор в названный термин. Таким образом, вся система тыла Советских Вооруженных Сил состоит из войскового, оперативного и стратегического тылов.

Мы обязаны из уроков войны извлечь все ценное и полезное в организации обороны страны, в строительстве Вооруженных Сил, в материально-техническом, медицинском и ином обеспечении безопасности страны, глубже изучить недостатки и просчеты, которые были допущены в предвоенные годы в организации обороны страны и в подготовке Вооруженных Сил, без чего нельзя успешно строить оборону нашего государства.

Ни один народ в минувшей войне не был так един с войсками в борьбе с врагом, как наш героический советский народ. Единство армии и народа имеет огромное значение для обороноспособности Советского Союза и всех стран социалистического содружества.

Ценный опыт и традиции нашего народа в обеспечении армии всем необходимым надо всемерно оберегать и пропагандировать в исторической и художественной литературе.

В битвах под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, на Украине, в Белоруссии и других районах, где мне довелось руководить войсками фронтов, советские люди оказывали войскам такую помощь, которую нельзя вспомнить без волнения и гордости за наш народ. Отказывая себе в питании, отдыхе, невзирая на смертельную опасность, советские люди сутками стояли за станками на заводах, фабриках и ремонтных предприятиях, работали в госпиталях, пошивочных мастерских, обеспечивали войска вооружением, боевой техникой, материально-техническими средствами, медицинской помощью и всем необходимым для жизни и боя.

Структура материальных издержек в современных боевых операциях, несомненно, изменится в связи с огромным ростом технической оснащенности войск.

Одной из нерешенных проблем минувшей войны была

недостаточная моторизация тыла. Уровень моторизации его не должен отставать от общего уровня моторизации войск. Подвижность оперативного и войскового тылов должна соответствовав подвижности войск.

Высокий уровень моторизации и оснащение войск ракетно-ядерными средствами требуют оснащения и всех звеньев тыла такими мощными транспортными средствами, как полевые магистральные трубопроводы, большегрузная транспортная авиация, мощные автомобили. Все эти средства уменьшают зависимость тыла от железнодорожного транспорта — войска дольше смогут обходиться без подвоза по железной дороге. Однако было бы крайне неосмотрительно придавать железным дорогам лишь вспомогательное значение. В подвозе материальных средств важно умение комплексно использовать все виды транспорта.

Совершенно очевидно, что в новых условиях железные дороги будут подвергаться значительно большим разрушениям. Это обязывает иметь в готовности хорошо оснащенные железнодорожные войска и специальные формирования для ликвидации последствий ядерного нападения противника на железнодорожные коммуникации.

Особо важное значение приобретает расширение военно-политических и экономических знаний руководящих военно-тыловых кадров.

Успешно управлять сложной системой современного тыла можно лишь при учете всей совокупности военных, экономических и политических факторов. Поэтому начальники тыла, начальники служб снабжения должны иметь хорошую подготовку в оперативном, политическом и экономическом отношении, хорошо знать характер и способы ведения современной войны и операций, а также новейшие принципы организации тылового обеспечения войск.

Начальник тыла фронта — крупный организатор и руководитель сложного военного хозяйства, огромного коллектива людей, среди которых имеются тысячи различных квалифицированных специалистов. Сочетание в его работе высокой оперативности, организованности и творческой инициативы достигается как жизненным опытом, так и хорошей оперативно-тыловой подготовкой в высших военно-учебных заведениях.

Военно-экономическая подготовка руководящих кадров тыла должна быть значительно повышена. Речь идет не о попутном расширении военно-хозяйственного кругозора, а о приобретении этими кадрами глубоких и прочных знаний в области военной

экономики.

Правильное решение проблем подготовки руководящих кадров тыла армии облегчит задачу подбора организаторов тыла крупного масштаба. Как показал опыт войны, выдвижение на эту работу даже высококвалифицированных военных специалистов далеко не всегда приносило хорошие результаты, если эти специалисты не обладали организаторскими способностями, широким политическим кругозором и военно-экономическими знаниями.

Задача выиграть войну с наименьшими потерями личного состава и материальных средств — одна из важнейших основ подготовки командно-начальствующего состава. Между тем этой стороне вопроса при обучении, воспитании командных кадров не всегда уделялось должное внимание. В ходе войны были случаи, когда из-за плохого знания оперативной обстановки, недостаточной изученности огневой системы противника безрезультатно выпускались десятки тысяч тонн боеприпасов. А сколько было всевозможных и не всегда оправданных перегруппировок и передвижений войск во время войны! На все это расходовалось колоссальное количество горючего и другого дорогостоящего имущества, а главное — силы людей тратились без всякой пользы…

Проблема экономного использования человеческих и материальных ресурсов в период войны была и всегда остается одной из самых ответственных.

Отдавая должное героическому подвигу советского народа, воинам фронта и тыла советских войск в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, мы не должны забывать, что она началась внезапным нападением на нашу Родину заранее подготовленных и развернутых немецко-фашистских войск.

В современных условиях внезапные ракетно-термоядерные удары могут причинить громаднейшие разрушения важнейшим жизненным центрам страны и нанести большие потери вооруженным силам и населению, что может серьезно отразиться на последующем ходе войны.

Учитывая все еще непрекращающиеся агрессивные происки империалистических кругов и реваншистские замыслы возрождающихся фашистов, мы обязаны держать оборону страны и наши Вооруженные Силы всегда в постоянной готовности.

В свете всего сказанного книга Н. А. Антипенко представляет особую ценность. По существу это был первый труд, капитально обобщивший сложную и многогранную работу органов тыла Красной Армии в Великой Отечественной войне. Позже появились труды ряда видных военачальников, которые также отмечают с

положительной стороны работу органов тыла и их организаторов.

Во втором издании своей книги автор показал работу центральных органов тыла по обеспечению победы Красной Армии над фашизмом. Хорошо показана роль многотысячного коллектива неутомимых тружеников тыла на войне, авангардная роль политработников и партийных организаций в воспитании личного состава тыловых частей и подразделений.

Книга представляет определенный интерес для воспитания кадров современных Вооруженных Сил и является значительным вкладом в военно-историческую науку.

Остается пожелать автору продолжать с таким же успехом дальнейшее обобщение героической работы тружеников тыла Красной Армии, памятуя при этом о необычайно возросшей требовательности современного читателя к объективному изложению событий минувшей войны.

Маршал Советского Союза
Г. К. ЖУКОВ
1971 год

На границе

В феврале 1922 года меня назначили политруком роты в дивизионную школу 3-й Казанской дивизии. Штаб и школа располагались тогда в Симферополе. В городе свирепствовал голод, по улицам бродили истощенные люди, их бледные лица были покрыты черным налетом — может быть, угольной пылью от паровоза, на тендер которого они взбирались, чтобы доехать до хлебного места, или просто грязью, наслоившейся за недели и месяцы жизни где придется.

По всей стране тогда были организованы особые комитеты для помощи голодающим — «Помголы». Делали, что могли, и другие правительственные и общественные организации. Повсеместно отчисляли часть своего пайка в пользу голодающих и советские воины.

Новая экономическая политика (нэп) лишь недавно была введена, и только через несколько месяцев начало сказываться ее благотворное влияние на хозяйство страны.

Из-за особого рода своей службы пограничники острее, чем большинство населения, видели нэп с другой, опасной стороны.

Одновременно с оживлением частной предпринимательской

деятельности усилилась активность антисоветских элементов, надеявшихся на реставрацию капитализма. Воспрянули духом и враги нашей страны за рубежом: участились нарушения советской государственной границы, особенно контрабандистами; они пытались использовать любое ослабление пограничного режима.

Морская граница в Крыму в то время фактически была открытой — контрабандисты почти безнаказанно высаживались на советское побережье, пересекая море от турецкого берега. Не всегда им сопутствовал успех; случалось, шторм опрокидывал перегруженную шлюпку, и тогда погибали не только товары, но и люди. И все-таки они шли на риск, зная, какой куш им отвалят хозяева в случае удачи. К нам везли наркотики, турецкий табак, рожки и прочие «восточные сладости», «колониальные товары» и всякую мелочь, а от нас вывозили золото и драгоценности.

Этому надо было положить конец. В 1922 году Наркомвоенмор приказал выделить из состава Красной Армии специально отобранные воинские части для передачи их в пограничные. войска. Сформированный в Симферополе отдельный батальон выступил пешим порядком в Евпаторию и взял под охрану побережье (протяженностью 350–400 километров) от Перекопского вала через Ак-Мечеть, Евпаторию и далее до стыка с Севастопольской пограничной частью. В составе этого батальона прибыл на границу и я. С того времени и началась моя служба в пограничной охране.

Отдельный взвод, политруком которого меня назначили, занимал участок на самом правом фланге батальона — от Перекопского вала до какого-то населенного пункта в 30 километрах от Ак-Мечети — общей протяженностью около 100 километров. Для нас все здесь было ново. Мы получили временную инструкцию, отпечатанную на папиросной бумаге на пишущей машинке; по ней учились сами и обучали личный состав. Наиболее действенным методом обучения искусству охранять границу служили примеры из практики. Главная «теория» заключалась в изучении способов, которыми пользовались нарушители.

Командир взвода Курбатов и я размещались в деревне Бакал, а личный состав находился на пограничных постах, отстоявших один от другого на 15–20 километров. Жили преимущественно в крестьянских избах, в самых примитивных условиях. Если хозяйка дома отказывалась кухарничать для красноармейцев, они сами поочередно выполняли обязанности повара. Продукты заготавливали в близлежащих татарских деревнях по нарядам местных властей. Нередко случались перебои в снабжении продовольствием.

От каждого пограничного поста выделялись пешие дозоры (лошадей, а тем более машин, тогда у нас не было) с задачей вести неослабное наблюдение за морем. Места, наиболее удобные для причала плавсредств, брались под постоянный контроль.

Поначалу войска погранохраны не имели своих катеров и нарушителей задерживали главным образом на суше, после высадки их на берег. Важно было не упустить момента высадки, чтобы они не успели скрыться в какой-нибудь деревне. Правда, почти всюду в населенных пунктах у пограничников были надежные люди, которые заблаговременно сообщали нам об ожидаемых из Турции контрабандистах.

Не обходилось без неприятностей. Однажды была задержана большая груженая шаланда с четырьмя контрабандистами. Их обезоружили. Начальство приказало шаланду с товарами и экипажем под конвоем доставить в Евпаторию. Для конвоирования выделили лишь двух человек, очевидно, в расчете на то, что шаланда будет следовать все время вблизи берега. Однако в пути конвоиры ослабили свое внимание, и контрабандисты овладели их оружием. Шаланда удалилась от нашего берега и в конце концов оказалась в турецких водах. Немало хлопот доставило это советским дипломатам, пока турки возвратили обоих пограничников. Долго потом мы «прорабатывали» этот случай на поучение молодежи.

Политические беседы с пограничниками посвящались в основном вопросам, связанным с новой экономической политикой и международным положением. Трудно было работать политруку, находясь вдали от штаба батальона: во всем полная самостоятельность, никаких инструктажей и семинаров. Транспорта у нас во взводе не было, кроме той повозки, на которой каптенармус развозил продукты по погранпостам. А за месяц на каждом посту требовалось провести не менее 12–14 докладов или бесед, потому что их приходилось повторять для тех, кто находился в наряде. Кроме того, в мою обязанность входило выступать с докладами перед местным населением — в то время партийных организаций на местах было очень мало.

Хорошо ли мы это делали, не знаю, но работали со всем напряжением и даже перенапряжением сил. Правда, в те годы по молодости этого почти не чувствовали.

Налаживался пограничный режим, и меньше становилось безнаказанных нарушителей границы, но это не лишало работу увлекательности. Наоборот, служба с каждым днем становилась интереснее. Вырабатывались более квалифицированные методы борьбы, мы многому научились. Росла политическая

сознательность, сплачивался партийный коллектив.

Помню, как потрясло личный состав известие о смерти Владимира Ильича Ленина. Большинству из нас не пришлось видеть и слышать Ленина, но все мы безгранично верили ему и любили его. Он не казался каким-то сверхъестественным, его имя не приводило нас в богобоязненный трепет. Мы любили его любовью, какую чувствуют к старшему товарищу, с кем связаны единым делом и стремлением.

После смерти Ильича у нас установилась традиция: партийные собрания всегда начинать ровно в 18 часов 50 минут по понедельникам, в день, час и минуту кончины вождя. Эта традиция, думалось, ко многому обязывала. Мы отчетливее чувствовали близость Ленина, мысленно советовались с ним, горячо спорили между собой о дальнейших путях строительства социализма в нашей стране.

Прошел год пограничной службы. Она мне нравилась, но не покидала мысль о продолжении прерванного гражданской войной сельскохозяйственного образования. В Евпаторийском укоме партии знали о моем желании и, когда пришла разверстка по набору в Петровско-Разумовскую сельскохозяйственную академию (ныне Тимирязевская), меня включили в список первым кандидатом. Однако попасть туда не пришлось: штаб округа не дал разрешения на увольнение в запас. Но как бы в виде компенсации меня все же послали на учебу в Москву, в Высшую пограничную школу ОГПУ, которая размещалась в Безбожном переулке. С осени 1925 года по март 1927 года я учился в этой школе.

То было замечательное военно-учебное заведение. Мы изучали историю нашей партии, историю революционного движения в России и на Западе, политическую экономию. Слушателям прививали навыки самостоятельной работы с книгой. Учились мы по первоисточникам, пользуясь как марксистской, так и немарксистской и даже антимарксистской литературой, приучались самостоятельно разбираться, что правильно, что нет.

В школе отлично были поставлены тактическая, строевая, стрелковая подготовка, физкультура и спорт. Много уделялось внимания обучению стрельбе из пистолета и винтовки.

Перед слушателями выступали такие известные деятели, как Е. М. Ярославский и Ф. Я. Кон. Побывал у нас и А. Мартынов. Мы знали, что на II съезде партии он рьяно выступал против Ленина. Поэтому, когда нам сказали о предстоящей встрече с Мартыновым, все ждали ее с немалым волнением. Сразу же выяснилось, что, несмотря на свой преклонный, как нам тогда

казалось, возраст, Мартынов сохранил ясность мысли и способность к самокритике.

Он сказал, что уже в те годы, когда боролся с молодым, устремленным к революции Лениным, его поражала в нем необыкновенная, железная логика, безграничная вера в рабочий класс. Мартынов подчеркнул, что глубоко сожалеет о своем прошлом, о том, что своими ошибками причинил столько неприятностей Владимиру Ильичу.

А какими интересными и захватывающими были лекции А. Х. Артузова о методах борьбы с контрреволюцией! В то время с успехом закончилась руководимая им операция по поимке Бориса Савинкова, остроумно подготовленная, требовавшая находчивости и личного мужества чекистов.

В 1927 году я окончил Высшую пограничную школу. С волнением мы ожидали приказа о назначении. Почему-то всем хотелось попасть на какую-либо европейскую или дальневосточную границу, и смутная тревога охватывала при мысли о Средней Азии. Признаться, мне тоже не очень хотелось забираться в глушь, какой представлялись тогда эти края, тем более что я был молодым семьянином — моему сыну исполнилось три года. И вдруг назначение в Среднюю Азию!

Невесело было мне, когда впервые ехал так далеко. Чего только не наговорили нам «бывалые» люди: там и басмачи, и тигры, и шакалы, и скорпионы с фалангами, гигантские ящерицы и прочая нечисть; особенно много ужасов рассказывали про каракумские пески… Пугали и тем, что трудно приноровиться к бытовому укладу местных жителей, к особенностям пограничной службы в тех условиях.

Надо сказать, что за девять лет мне многое пришлось увидеть и пережить из того, о чем рассказывали. Но в натуре все это воспринималось совсем иначе, чем на словах, не пугало, а, пожалуй, больше привлекало.

Штаб пограничного округа находился в Ташкенте. На пятый день езды по железной дороге мы прибыли в этот «город хлебный».

— Главное — постарайтесь не попасть в Каракумы, — советовал мне в поезде один из попутчиков.

По его словам, самый трудный участок — это граница с Афганистаном, в зону которого входят каракумские пески. Но случилось именно то, против чего меня так настораживали: получил предписание о назначении инструктором политроты в пограничный отряд каракумской зоны. И это было, пожалуй, лучшим, что могло случиться со мной, если рассматривать всю жизнь до 1941 года как школу, подготовившую меня к

исполнению труднейшего долга на ответственном посту в боях с нашим смертельным врагом. Здесь, в Средней Азии, на заброшенных в песках пограничных заставах я шаг за шагом узнавал нужды войск и способы их удовлетворения, знакомился с повседневной жизнью подразделений, находившихся на военном положении в то время, когда вся страна жила мирной жизнью.

Город Керки Туркменской ССР, куда я прибыл в марте 1927 года, произвел на меня тягостное впечатление.

Началось с переправы на левый берег Амударьи.

Государственной переправы еще не существовало. Промышляли ею частные владельцы каюков. Сажали пассажиров столько, что вода едва не заливала их. Оказалось, что сесть в каюк трудно, так как берег не был оборудован. Требовалось умение прыгнуть в суденышко, чтобы не попасть в реку, кипящую водоворотами. Не менее трудно и выйти из каюка. А как беспомощно чувствовали себя, когда находились на середине полноводной реки и с тревогой следили за туркменом, который, выбиваясь из сил, орудовал длинным шестом, сопротивляясь течению, — именно шестом, а не веслом, ибо только так можно бороться с могучей стремниной горной реки.

Тогда еще не родился хороший обычай — встречать приехавшего товарища, и первые впечатления особенно угнетали меня.

Керки хотя и называли городом, но это был кишлак, правда, но совсем обыкновенный, ибо в нем сходились торговые пути с Афганистаном. Одна из улиц называлась Таможенной; здесь стояло два ряда европейского типа домов, в них размещалась таможня и жили таможенные служащие. Остальные строения — глинобитные, с плоскими крышами и высокими дувалами.

В центре города находилась базарная площадь, куда на верблюдах и ишаках приезжали продавцы и покупатели всевозможных изделий. В базарные дни шла очень оживленная торговля. Немало было здесь купцов — туркменов и афганцев. Торговали мясом, шерстью, коврами, фруктами, а нелегально — контрабандными товарами и наркотиками. Всего было вдоволь, кроме рыбы, хотя рядом протекала Амударья; иногда, правда, нам приносили рыбу, но по высокой цене. Называется эта рыба скаферингус, с виду похожа на маленького сома, а на вкус даже лучше стерляди. Знатоки утверждали, что такая рыба водится только в двух реках мира: в Амударье и Миссисипи.

В наиболее многолюдных, а следовательно, и наиболее грязных уголках рынка располагались парикмахеры; бритву им заменял остро отточенный кусок косы или длинный стальной нож — ими они брили и головы, и бороды, предварительно долго

массируя кожу мокрыми пальцами без мыла. Благодаря такому массажу бритье проходило совершенно безболезненно, не вызывая раздражения. Это испытал на себе.

В Керках я остановился в комнате одного таможенного служащего. Снял угол. Спали мы на полу: старожилы разъяснили, что лучше всего спать на разостланной кошме — скорпионы не любят запаха шерсти. Обувь по утрам не рекомендовалось надевать, не вытряхнув ее предварительно, потому что скорпионы любят забираться туда, где есть хоть слабый запах человеческого пота. Но в конце концов я перестал считаться с тем, что любят и чего не любят скорпионы, и купил топчан.

С другой азиатской тварью — фалангой — мне пришлось вскоре познакомиться; она обычно, как клоп, взбирается по стенкам на потолок и оттуда падает на постель. Первое время мы по нескольку раз за ночь зажигали керосиновую лампу и осматривали стены. Потом надоело.

Почти все приезжие обзаводились настойкой убитого скорпиона на хлопковом масле или на спирте, чтобы смазывать места, укушенные ядовитой нечистью. Насколько эффективно подобное лечение, мне испытать не пришлось.

В Керках в то время насчитывалось до 2 тысяч жителей, из них около 600 русских, большинство которых составляли бывшие ссыльнопоселенцы. В городе были один кинотеатр, одна русская школа и несколько школ на туркменском языке, больница и военный госпиталь.

Керки являлся окружным центром. Здесь размещались окрисполком и окружной комитет партии.

Не раз по заданию командования мне приходилось выезжать в отдаленные кишлаки. Подолгу беседуя с местными жителями, я всегда убеждался в искреннем расположении туркмен к русским, особенно к военным, защищавшим их от вторжения банд. Но не только защита от вооруженных нападений вызывала у туркмен дружеское чувство к русским. В первые годы существования среднеазиатских советских республик значение санитарно-профилактических мероприятий и культурной работы в отсталых районах имело особенно большое значение, ибо население здесь было почти сплошь безграмотное и зараженное различными болезнями. Работали приехавшие из Советской России врачи и учителя, по мере сил участвовали в этой работе командиры и их семьи. Талантливый и трудолюбивый, но приниженный туркменский народ на наших глазах выходил из тьмы и нищеты.

За четыре с половиной года моей службы в погранотряде я проехал в седле много сотен километров по пескам южных Каракумов, по горам Таджикистана, откуда берет свое

начало Амударья (в верховьях она называется Беш-Капа, то есть «Пять рукавов» или «Пять речек»), по густым камышовым зарослям, где едва заметно вьется пограничная тропа.

При выезде на границу с дозором приходилось пользоваться лошадьми, сменяемыми на каждой заставе. Этими поездками решалось сразу несколько задач: во-первых, можно было практически изучать условия несения пограничной службы; во-вторых, отпадала надобность в выделении специального наряда для сопровождения; в-третьих, за часы следования на лошади в составе дозора я успевал наслушаться рассказов наших бойцов не только о служебных делах, но и о детстве, юности, о работе, даже о любимой девушке.

Приезд командиров из управления погранотряда на такие отдаленные заставы, как «Пяндж», «Буры», «Пархар» и другие, было событием для пограничников. Ведь не так уж часто мы наезжали, а люди ждали новостей — радио на заставах не было, газеты сюда привозили с большими перебоями и сразу большими пачками, когда читать их уже становилось неинтересно. К тому же и освещение не позволяло читать по вечерам: в казарме, на кухне, в конюшне и других служебных помещениях обычно горели маленькие, восьмилинейные керосиновые лампы либо фонари «Летучая мышь», а то и просто масляные каганцы.

Горе было тому из нас, кто выезжал на границу плохо подготовленным! Не случайно существовал такой порядок: каждый едущий еще раз штудирует уставы, наставления, получает консультацию у старшего политического начальника по важнейшим вопросам жизни страны. Лишь после такой подготовки можно ехать на границу. Политработник кроме политических бесед был обязан провести на заставе практические занятия по тактике и стрелковому делу, проверить знание пограничной службы.

Еще в Высшей пограничной школе меня научили любить стрельбу из винтовки и пистолета. По прибытии на границу я совершенствовался в стрельбе и меня избрали председателем стрелковой секции общества «Динамо». Однажды летом в качестве председателя инспекторской комиссии мне пришлось в течение двух месяцев проверять стрелковую подготовку всех пограничных застав. Ну и сам настрелялся вдоволь.

Хотя жизнь на заставе ежедневно изобиловала множеством острых моментов — каждый пограничник смотрел смертельной опасности в лицо и, конечно, основательно уставал, — воины не переставали интересоваться общеполитической жизнью, и беседа с прибывшим из «центра» товарищем доставляла им радость.

Во время приезда представителей из погранотряда

устраивались вечера самодеятельности, на которых пограничники пели, играли на музыкальных инструментах, танцевали. Иногда эти развлечения выливались в своеобразный смотр художественных сил — и как старались бойцы показать свою удаль и таланты! Хорошо, когда приезжий человек мог присоединиться к общему веселью. А если ты «сухарь», то о тебе такая слава разойдется по всей границе…

Как говорится, «для себя» я умел играть на гармони, гитаре, мандолине, балалайке, сносно играл в шахматы и шашки. Все это способствовало установлению простых отношений с бойцами.

Музыкальных инструментов на каждой заставе в то время было вдоволь, средств на это не жалели; не хватало другого — людей, умеющих играть на инструментах. Иногда приходилось регулировать распределение таких «умельцев» по заставам еще перед отправкой на границу. Ежегодно на смену бойцам старших возрастов мы получали молодое пополнение. До того как ехать на защиту рубежей нашей Родины, новобранцы проходили на учебном пункте четырехмесячную строевую, политическую и специальную подготовку. Одновременно по определенному плану шло и выявление талантов — певцов, танцоров, музыкантов, шахматистов, физкультурников и т. д. Сначала во взводном, затем в ротном, батальонном и, наконец, в полковом масштабе устраивались вечера самодеятельности, на которых выступали новобранцы — кто с чем мог. В результате становилось ясно, кем мы располагаем, и при распределении людей по заставам учитывалась и эта сторона дела. Ведь как важно, чтобы у себя на заставе, где-то в песках или в горах, пограничники могли послушать своего гармониста или гитариста, поучиться игре в шахматы, имели хорошего запевалу.

Иногда на вечерах самодеятельности выявлялись и значительные таланты. Помню, проходили начальную подготовку призывники рождения 1907 года. Их было более тысячи. Я присутствовал на заключительном вечере самодеятельности. Ведущий объявил, что сейчас выступит молодой красноармеец Никита Сидорович Пушкарь. Раздались аплодисменты — очевидно, кое-кто уже знал его голос. Он запел высоким тенором. Аккомпанировали ему на гармошке не очень удачно, но это не расхолаживало ни певца, ни слушателей. В его репертуаре было много украинских песен. Возможно, в тот вечер Пушкарь впервые испытал всю силу артистического волнения — его слушали столько незнакомых людей… Аудитория замерла. А когда он запел «Повий, витре, на Украину», взрыв восторга был неописуемый. Мы понимали: Пушкарь — настоящее дарование. Но не могли послать его куда-либо далеко учиться пению и

сделали возможное — определили его в школу младших командиров, которая размещалась при штабе погранотряда. Правда, Пушкарю не раз приходилось выезжать вместе со школой в каракумские пески для вооруженной борьбы с басмачами; в боевых столкновениях поведение его было достойным. Когда же в конном строю школа совершала прогулку по городу, жители выходили на улицу, чтобы послушать голос Пушкаря.

Вскоре в погранотряд прибыл молодой врач Максим Давидович Розенблюм с женой Елизаветой Яковлевной, только что окончившей Ленинградскую консерваторию по классу фортепьяно. Елизавета Яковлевна сразу обратила внимание на голосовые данные Пушкаря и взялась за разучивание с ним репертуара. За три года службы боец научился исполнять не только песни, но и сложные арии.

Когда наступило время увольнения из армии, Пушкарь зашел ко мне проститься. Я спросил, куда он держит путь.

— К себе на родину, на Украину, работать на железной дороге.

Поблагодарив Пушкаря за службу и за то удовольствие, какое он доставлял пограничникам своим пением, я на всякий случай дал ему записку следующего содержания: «Директору Большого Академического театра, город Москва. Пограничник Пушкарь Н. С. за три года службы на границе доставлял большую радость людям своим выдающимся голосом. Не откажите в любезности прослушать его. Возможно, это дарование».

Так уехал от нас Пушкарь.

Прошло много лет с тех пор. Кажется, в 1958 году иду я по улицам Москвы к месту своей службы и вдруг вижу большой плакат, извещающий о чествовании солиста Московской филармонии Н. С. Пушкаря по случаю двадцатипятилетия его артистической деятельности. В Москве были и супруги Розенблюм. Решили вместе пойти на торжество. Пушкарю преподнесли приветственные адреса от Министерства культуры, от коллектива филармонии и других учреждений. Я поднялся и попросил слова. Это было неожиданным для устроителей юбилея и для юбиляра. Он кинулся меня благодарить.

Впоследствии Пушкарь рассказал мне, какой дорогой ценой досталась ему учеба. Голос-то был, а общей музыкальной культуры и культуры пения не хватало. Восемь лет учился, пока не закончил консерваторию, уже выступая на сцене.

Никита Сидорович и сейчас продолжает свою артистическую деятельность в Госконцерте, выезжает на гастроли в разные концы нашей Родины. Коммунист Пушкарь не забывает и своих прежних друзей-пограничников, в рядах которых он возмужал и

получил путевку в жизнь.

Три года службы в пограничных войсках являлись для бойцов не только школой воинского мастерства и мужества, по и школой общей культуры.

Через некоторое время я стал помощником начальника погранотряда по политчасти. Но выезжать на границу мне приходилось так же часто, как и раньше. Редкий выезд обходился без приключений. Вспоминаю заставу «Буры» в верховьях Амударьи. Граница здесь проходила по реке, причем советский берег был покрыт настолько высоким и частым камышом, что казался непроходимым. В самой чаще шла пограничная тропа шириной не более полуметра. Двигаясь по ней, обычно вели наблюдение пешие дозоры, а в 300–400 метрах от берега на открытой местности шла дорога для конных. Следуя однажды по этой дороге с комендантом соседнего пограничного участка П. Козловым, я вдруг заметил метрах в двухстах от нас полосатое желтовато-бурое животное, шагавшее вдоль камыша в одном с нами направлении, Козлов воскликнул:

— Тигр!

Он запретил ускорять шаг лошадей и делать какие-либо резкие движения, чтобы не дать повода зверю напасть на нас. Мы ехали ровным шагом больше километра. Потом тигр свернул в камыши.

Пограничники заставы «Буры» рассказали нам, что этот тигр с семьей обитает в зарослях недалеко от заставы, и дозоры не раз испытывали тревогу, когда рычание зверя сопровождало их движение по пограничной тропе.

На этой же заставе был случай, когда ночью навстречу двум пешим пограничникам, шедшим в дозор по густому высокому камышу (высота его достигала здесь 12 метров), буквально в 10–15 шагах показалась пара ярко светящихся глаз. В то время ходили в дозор с винтовкой, заряженной на все пять патронов, со спусковым крючком на предохранителе. Шедший впереди пограничник мгновенно прицелился по стволу в направлении двух ярко светящихся точек. Выстрел был на редкость удачным, и раненный в лоб тигр, упершись головой в землю, стал всем телом совершать круговые движения. Легко представить силу раненого зверя; в радиусе двух метров вокруг он укатал гигантский по высоте и густоте камыш. Лишь через 30–40 минут тигр перестал подавать признаки жизни.

А вот какой случай произошел в районе кишлака Пархар у подножия Тянь-Шаня. Там тигр прыгнул на круп лошади, но она резким ударом отбросила зверя. Пограничника выбросило из

седла. Тигр не тронул человека, а стал преследовать лошадь.

За время службы в Средней Азии мне не приходилось слышать о нападении тигра на человека, то есть о тиграх-людоедах. Зато домашним животным от них доставалось, и не раз местные жители просили пограничников помочь им провести облаву. Иногда удавалось живьем изловить страшного зверя, заманив его в замаскированную яму.

Барсы тоже почти никогда не нападают на человека, но долго идут по его следу. Однажды, вскоре после выезда ночью с пограничным дозором, мы заметили позади себя пару светящихся «фар». Опытные товарищи сразу по повадкам определили, что это барс. Расстояние между нами было примерно 500 метров.

— Сейчас остановимся, — сказал один товарищ, — и барс свернет в сторону, а начнем движение — он снова пойдет за нами.

Действительно, несколько раз мы останавливались, и «светляки» сворачивали в сторону. Так и ехали под надзором барса километров двадцать пять.

Самое отвратительное ощущение испытываешь, когда проезжаешь мимо логова шакалов и гиен. Их вой слышен за несколько километров.

По всем пограничным тропам Таджикистана езда была трудной. Следуя на восток от Сарай-Комара к подножию Тянь-Шаня, часто приходилось, держась за хвост лошади, взбираться по крутым склонам почти отвесных берегов Амударьи. Впереди — крутой подъем, а сзади — обрыв в 50–80 метров над рекой. Оглядываться или смотреть вниз не рекомендуется. Были случаи, когда лошади вместе с всадниками падали в пропасть.

Не менее опасна езда по горным карнизам. Представьте себе высокую крутую гору. Чтобы обогнуть ее, надо ехать верхом не менее пяти часов по тропе шириной всего 30–40 сантиметров. Самая большая неприятность в таком путешествии — встречный всадник. Мучительно долго приходится сдавать лошадь назад, пока достигнешь маленькой площадки для разъезда.

Некоторые всадники предпочитали ехать с закрытыми глазами, чтобы не видеть бездонных пропастей. Все равно нельзя ни понукать лошадь, ни посылать ее шенкелем или шпорой, а лучше всего положить повод свободно на переднюю луку седла. Лошадь, если ей не мешать, выручит и себя, и всадника. В этих местах, как нигде, понятна любовь человека к лошади, верному другу.

Мы не ограничивались выполнением только своих прямых служебных обязанностей. Иногда приходилось, например, призывать к порядку охотников, допускавших браконьерство,

особенно в охоте на фазанов. Зная любопытство этих птиц и их тяготение ко всему цветному и пестрому, напоминающему собственное оперение, браконьеры безжалостно этим пользовались. Они размалевывали одну сторону фанерного листа самыми причудливыми красочными узорами, и под прикрытием такого щита охотник приближался к фазану, сгорающему от любопытства и поднимающему голову все выше и выше. Подобравшись вплотную, браконьер ударял его палкой по голове. Этот варварский способ уничтожения птиц стали преследовать по закону.

Часто случалось видеть большие стада диких коз, особенно в каракумских песках. Эти животные часто подкрадывались к человеческому жилью, чтобы попить воды. На некоторых заставах строились широкие бассейны, выложенные кирпичом и зацементированные; они назывались «хаузами» и служили для сбора воды из атмосферных осадков в зимнюю пору. К таким колодцам и подходили козы, томимые жаждой. Стрелять в них в такое время пограничники считали для себя делом недостойным.

Среди особенностей службы на среднеазиатской границе нельзя не упомянуть о положении семей командного состава, живших на погранзаставах постоянно. Если мужчине не совсем просто было проехать несколько сот километров в седле, то каково приходилось женщинам? Большинство из них предпочитало сидеть в люльке, притороченной на боку верблюда. С одной стороны — люлька с женой и детьми, с другой — домашний скарб… Трудная это была езда — 100–200 километров покачиваясь в такт поступи верблюда. Он же иногда и спотыкался, а то вдруг наклонялся, чтобы щипнуть пучок сухой травы.

Женам командиров-пограничников было гораздо труднее, чем их мужьям, переносить и особенности пограничного быта. Ведь жили в землянках с глинобитными полами, без электричества и без воды. Никто не был гарантирован от укуса скорпиона или фаланги, от опасности заразиться страшной болезнью пиндинкой. Мало того, женам вместе с мужьями случалось с оружием в руках отбиваться от басмачей, и этому никто даже не удивлялся: ясно, что во время нападения банды надо всем быть под ружьем…

А вот то, что, справляясь со всем этим, жены командиров находили еще время, а главное, желание и силы участвовать в общественной работе среди красноармейцев и местного населения, было поразительно.

Мне хочется назвать жен пограничников Марию Константиновну Клочкову, Татьяну Александровну Горчинскую,

Зою Павловну Кулькову. (Кстати, в декабре 1936 года Кулькова была делегатом Всесоюзного съезда жен командиров и там выступала с речью). Им пришлось вместе с мужьями, начальниками пограничных застав, жить в трудных условиях, впервые очутившись в таком положении.

Редко на какой заставе жили две женщины, чаще одна. Особенно неприятно было, когда муж выезжал на границу по тревоге: имели место случаи нападения басмачей на заставы и увоза русских женщин как раз в тот момент, когда пограничники, коварно отвлеченные бандитами, устремлялись в другой конец участка.

В те годы, рассказывали Клочкова, Горчинская и Кулькова, среди призванных в армию было немало неграмотных и малограмотных. С ними жены пограничников занимались по программе ликбеза. Сколько радости, когда человек посылает свое первое письмо на родину, написанное собственноручно!

В свободные часы воины слушали чтение газет и книг. Женам командиров приходилось помогать и на кухне готовить еду. (Обычно командный состав питался вместе с бойцами). Ведь повар на заставе был из красноармейцев и раньше не занимался кулинарией. На женщинах лежало и ведение подсобного хозяйства: доить коров, которых было от трех до пяти на заставе, выращивать овощи, цветы. Жены командиров старались создать уют в казармах.

Вечера самодеятельности проводились довольно часто. Бойцы читали стихи, пели в хоре, плясали под гармонь.

Наши женщины дружили с туркменками, таджичками и узбечками близлежащих кишлаков, учили их русскому языку, разъясняли советскую национальную политику, оказывали медицинскую помощь.

В погранотрядах и комендатурах женщин учили стрелять и ездить верхом не только ради спорта.

Надежда Павловна Бельченко, муж которой был в те далекие годы политработником в 47-м Керкинском погранотряде, вспоминает в своем письме:

«История знает немало фактов, когда при нападении басмачей на заставу в обороне находились только трое: дежурный по заставе, повар и жена начальника заставы, отлично владевшая оружием. Остальные вели бой с другой бандой басмачей.

Считалось за правило учить жен пограничников стрелковому делу и верховой езде. В пашем погранотряде жен пограничников стрелковому делу обучал политработник Николай Александрович Антипенко. Сам он был отличный стрелок из револьвера и винтовки и обладал большой методикой обучения как

командиров, так и их жен. Я тоже с удовольствием прошла полный курс стрелковой подготовки из револьвера и трехлинейной винтовки. Случилось так, что на одном соревновании я получила интересный для того времени приз — отрез сукна на костюм.

Со мной вместе обучались тогда жены Январева, Шемионко, Богданова, Тельная, Севрюкова и многие другие…»

Через некоторое время я встретился с Надеждой Павловной и ее мужем Сергеем Саввичем Бельченко, генерал-полковником, теперь ветераном Советской Армии. Мы долго вспоминали нелегкую, но интересную жизнь на границе.

Наиболее сложным для того времени вопросом в быту среднеазиатских пограничников было устройство детей. Ребенку четырех-пяти лет уже нельзя обходиться без детского общества. Правда, вырастая здесь, малыш рано приобретал самостоятельность, но нередко она превышала меру. Русских школ поблизости не было, поэтому возникала необходимость создать детский интернат. Такое учреждение на 60–70 мест впервые было организовано нами в городе Мары. Предполагалось, что со всех пограничных застав дети старше четырех лет будут направлены в «Детскую коммуну» (так тогда именовалось это учреждение).

Казалось, сомнений в целесообразности подобного интерната не могло быть. Ему нашли хорошее помещение, подобрали отличный педагогический персонал. Содержание интерната государство взяло на свой счет, и лишь небольшая часть расходов покрывалась за счет специального фонда погранотряда. Однако было нелегко убедить некоторых матерей отправить ребенка за 300–400 километров на попечение чужих людей. Решили в день открытия провести съезд жен начальствующего состава, дети которых должны остаться в «Детской коммуне». Два дня прожили матери в Марах, наблюдая, как чувствуют себя их дети. Затем наступил день отъезда матерей на свои погранзаставы. И вдруг мне докладывают, что жены таких-то командиров забрали ночью своих детей и увезли их на границу. Это был большой удар по нашему начинанию. К счастью, увезли только двух или трех детей. Остальные прекрасно прижились, и слава о «Детской коммуне» разнеслась по всей среднеазиатской границе.

Когда наступили жаркие месяцы, нам удалось вывезти этих детей на лето под Москву. Тогда матери «похищенных» детей сами стали упрашивать, чтобы и их ребят взяли в подмосковный лагерь.

Бывали случаи, когда по многу суток подряд без сна и без воды бойцы преследовали нарушителей границы по каракумской

пустыне. Здоровье таких красноармейцев требовало особой заботы. В Марах организовали санаторий для пограничников с двухнедельным сроком пребывания. Сюда принимались не больные (таких в погранохране быть не должно), а наиболее отличившиеся. Условия для отдыха создали, я бы сказал, идеальные, конечно, по тому времени и по сравнению с весьма суровым повседневным бытом. Отдыхающий получал белоснежное обмундирование, пятиразовое питание, участвовал в играх и слушал, если пожелает, лекции, ежедневно — и даже не раз в день — принимал душ (а это роскошь для жителей безводной пустыни).

Даже такие города, как Ташкент, Самарканд, и Ашхабад, утопавшие в зелени, страдали от нехватки воды. Другие же населенные пункты, удаленные от рек, особенно погранзаставы в песках, страдали от ее недостатка почти круглый год. Дислокацию погранзаставы в основном определяло наличие колодца, пусть даже линия государственной границы проходила южнее, и между нашими и афганскими заставами неохраняемая зона в песках достигала сотни километров. Впрочем, линия границы в некоторых местах носила скорее символический характер, нежели юридический, поскольку пограничных знаков не ставили, а там, где они были, пески их быстро заметали.

Вспоминаются погранзаставы Джей-Рали, Ширам-Кую, Оскан-Уюк. Их разделяли от 60 до 100 километров безводной пустыни. Колодцы этих застав представляли некую загадку. Как могли наши предки определить без пробного бурения, что именно здесь есть вода? Чем руководствовались древние жители пустыни, приступая к рытью глубочайших колодцев, в которых вода стояла на 300 метров ниже поверхности земли? Не удивительно, что многие верят, будто в старину были такие «провидцы», которые обладали таинственным даром чувствовать глубоко спрятанную воду. Как бы там ни было, отыскание воды здесь — дело удивительное.

Поражало меня и устройство колодцев. Смотришь в трехсотметровый ствол и изумляешься выносливости, смелости и упорству героев-одиночек, которые несколько лет изо дня в день извлекали грунт кожаными мешками. Именно кожаными, ибо твердый материал, если сделать из него ведро, мог бы, ударясь о стенки колодца, вызвать обвал и свести на нет всю титаническую работу.

Известно, что в штольне на глубине 200–300 метров ощущается недостаток кислорода. Как же человек, работая, выдерживал это? Каждый подъем земли из колодца вытеснял на поверхность часть углекислоты, а каждое опускание пустого

мешка вниз приносило немного воздуха, более богатого кислородом… Но, разумеется, надо было обладать поистине богатырским здоровьем, чтобы выдержать столь тяжелое испытание.

Существуют эти колодцы много веков. Приученные верблюды сами, без погонщика и присмотра, изо дня в день черпают из них воду. На канате толщиной 5–8 сантиметров верблюд тянет бурдюк с водой, идя по проторенной за многие годы тропе протяженностью до 300 метров. Почувствовав толчок бурдюка, верблюд, никем не понукаемый, поворачивается и идет в обратную сторону. За те секунды, что верблюд поворачивается, человек должен вылить воду из бурдюка в громадную бочку, установленную возле колодца, или в бетонированную открытую емкость. И днем, и ночью совершалась на заставе эта работа, ибо воды требовалось много. Велика цена каждой ее капли в пустыне!

А на одной нашей высокогорной заставе пограничники получали воду из реки, протекающей в ущелье. Воду доставлял ишак в двух канистрах на боках. Животное не нуждалось в сопровождении. У него выработался рефлекс: вниз (около 200 метров) идти с порожней тарой, вверх — с заполненной, и, пока канистры не были опорожнены на заставе, ишак вниз не уходил.

Мы порою читаем в газетах и слышим по радио о грандиозном Каракумском канале. В 1929 году я был свидетелем того, как он стихийно возникал. Произошло это в районе кишлака Кизылаяк, вблизи которого проходил построенный незадолго до этого Бассага-Керкинский канал протяженностью около 60 километров. Начало его находилось у пограничного кишлака Бассага, где Амударья поворачивает на север и где речная граница с Афганистаном прерывается, уходя на запад по каракумским пескам. Каждое лето все местное население и близлежащие войсковые гарнизоны поднимались на борьбу с паводком. В связи с резким повышением уровня Амударьи напор воды в канале бывал настолько велик, что возникала угроза размыва правого или левого берега, а это могло причинить огромный ущерб крестьянским дворам и хлопковым полям. Десятки тысяч мешков с песком выкладывались вдоль берегов канала, многие сотни крестьян несли круглосуточную вахту по всей трассе.

И вот однажды, в 1929 или 1930 году, вода поднялась настолько, что никакие мешки с песком не могли ее сдержать. Уже только сантиметрами исчислялось расстояние между зеркалом воды и верхней точкой берега. Катастрофа казалась неизбежной: еще миг, и масса воды ринется на беззащитные населенные пункты, смоет посевы, лишит людей крова и хлеба.

Но вода сама нашла себе иной выход. В районе кишлака Кизылаяк, прорвав левый берег, она устремилась в сторону каракумских песков, не причинив никакого ущерба людям.

Позднее установили, что путь, по которому пошла избыточная вода, был старым руслом Амударьи; именно здесь, у современного кишлака Кизылаяк, несколько тысяч лет назад произошел поворот могучей среднеазиатской реки на северо-запад, и она стала впадать не в Каспийское, а в Аральское море.

Кто из наблюдавших прорыв водой левого берега Бассага-Керкинского канала мог подумать, что на его глазах совершается природное чудо: воды Амударьи вновь устремились в сторону Каспийского моря по своему древнему руслу! Бывший тогда председателем ЦИК Туркменской ССР Надырбай Айтаков проплыл со мной на лодке по водосбросу, положившему начало знаменитому теперь Каракумскому каналу, в глубь песков более 15 километров. Но вода и дальше сама пробивала себе дорогу. Нередко ей приходилось встречать на своем пути большую гряду барханов, закрепленных зарослями саксаула; упершись в эту гряду, вода все выше поднималась, и тогда возникало огромное озеро, которое исчезало, как только вода прорывала барханы и устремлялась дальше на запад, чтобы вновь встретить препятствие и вновь образовать озеро. Лишь много позже вмешались человеческий ум и руки в эту стихийную работу воды, направляя ее по наиболее благоприятному пути, чтобы миллионы кубометров драгоценной влаги не уходили зря в ненасытную толщу каракумских песков.

Почти на тысячу километров проникла теперь амударьинская вода по Каракумскому каналу — крупнейшему в мире гидротехническому сооружению, орошающему сотни тысяч гектаров земли, на которой выросли новые совхозы и колхозы. Не только верблюд шествует по каракумским пескам. По ним текут воды Каракум-реки, они несут сотни судов, поднимающих десятки тонн груза, и белоснежные теплоходы на подводных крыльях стремительно мчат пассажиров через сотни километров некогда безводной и безлюдной местности.

Из природных явлений, характерных для зоны Каракумов, еще хорошо запомнился «афганец». Так назывались пыльные бури, надвигавшиеся обычно со стороны Афганистана.

Картина приближения «афганца» и его чудовищная сила, поднимающая на километры вверх огромные слои песка, не раз описывалась в научной и художественной литературе. Я хочу лишь сказать, что многие напрасно думают, будто опасность

оказаться во власти «афганца» существует только в пустыне. Слов нет, в пустыне выдержать его удары труднее, но и на пограничной заставе, как равно и в любом населенном пункте, «афганец» доставляет массу неприятностей.

Сначала устанавливается какой-то таинственный штиль, людей охватывает смутная тревога. Затем южный небосвод заволакивается желтовато-бурой пеленой, как бы накрывается снизу огромным пологом, растущим вверх и вширь с каждой минутой. Яркий солнечный день быстро сменяется сумерками. Желтая пыль летит все плотнее, проникая во все щели. Как бы вы ни закрывали уши, нос, рот, глаза, какой бы одеждой ни пытались прикрыть свое тело, — все бесполезно, пыль проникает всюду. Сначала вам удается выплевывать ее, потом во рту пересыхает, и вы уже едва шевелите языком и зубами, и на зубах хрустит песок, словно битое стекло. Некоторые хозяйки заранее конопатили окна своих квартир, заклеивали их бумагой, и все же, как только налетал «афганец», на любом предмете в доме можно было выводить пальцем буквы или рисовать по слою проникшей пыли. У каждого пограничника и у многих местных жителей есть защитные очки, плотно прилегающие к лицу; они очень нужны в такое время, хотя и приходится, крепко зажмурясь, протирать их чуть ли не каждые 20–30 минут.

Но эта напасть не бывает долгой. Гораздо больше волнений и тревоги приносили пограничникам и местным жителям разливы таких могучих рек, как Амударья (несмотря на поворот ее в новый отвод), Вахш, Пяндж и другие. Обычно это случалось в июле, когда происходит наиболее бурное таяние снегов и льда в горах, откуда берут начало реки Средней Азии. Преодоление реки в это время и при тогдашних переправочных средствах было делом весьма рискованным. Чтобы попасть на противоположный берег, надо было подняться вверх на 4–6 километров и там сесть на плотик из поплавков системы Полянского. Быстрое течение относило плотик к другому берегу, отгоняя его на 4–5 километров вниз по течению за 1–2 минуты. На двоих пограничники делали один плотик из трех или четырех поплавков. Раздевались на всякий случай догола, винтовки и одежду держали в руках. Холодная вода обжигала свисающие с плота ноги. Мне пришлось переправляться таким образом всего раза три, но забыть это трудно.

Запомнилась также переправа через устье Вахша в таком месте, где ширина превышала полкилометра. Здесь переправочным средством служил каюк. Не случайно эта лодка носила столь безотрадное название. Мы переправлялись с комендантом погранучастка П. Козловым. Спустив каюк на воду,

быстро прыгнули в него. Козлов взял в руки кормовое весло. Вдруг в лодке стала сильно прибывать вода. Кроме моей фуражки, выливать ее было нечем. И могу сказать, не преувеличивая: я действовал очень усердно, зачерпывая и выливая воду за борт.

Нередко думал: нам, старшим начальникам, не так уж часто приходилось подвергать свои нервы подобным испытаниям, а ведь пограничники, несшие каждый день службу, ежечасно находились в обстановке, требовавшей высокого физического и нервного напряжения.

Представляет, на мой взгляд, особый интерес и то, как тогда снабжались пограничники продовольствием.

В годы нэпа его поставляли купцы — либо русские, либо чаще афганские. С ними ежегодно заключались договоры, и от хозяйственников погранотряда требовалось лишь следить за точным выполнением договорных обязательств; это было нетрудно, ибо заинтересованные в возобновлении договора оборотистые купцы обычно поставляли продукты хорошего качества и без перебоев. А сахар, табак, мыло и специи поставлялись на заставы тоже без больших хлопот со складов погранотряда.

В связи со сплошной коллективизацией резко обострилась классовая борьба. Пограничная служба в Средней Азии в конце 20-х — начале 30-х годов стала особенно трудной. Противники создания колхозов с помощью зарубежных антисоветских организаций переходили из Средней Азии в Иран и Афганистан, перебрасывая туда не только свое, но и награбленное колхозное и государственное имущество. Такая «эмиграция» наносила большой экономический ущерб. Чтобы ее остановить, недостаточно было вести разъяснительную работу по кишлакам. Нередко приходилось вступать в вооруженную борьбу с крупными и мелкими бандами, формируемыми на сопредельных территориях специально для того, чтобы переводить байские семьи от нас за границу.

Активная боевая жизнь пограничников в те годы считалась обычной, она редко сменялась относительным затишьем. Повседневный героизм был неотделим от будней пограничной службы, и заставы соревновались между собой: кто лучше сумеет охранять границу, чьи бойцы больше проявят смекалки, у кого крепче взаимная выручка в бою. С годами это соревнование переросло в традицию.

Пожалуй, лучшей пограничной традицией была любовь, которую командиры вызывали к себе у бойцов. Встречаясь в

отряде или в комендатуре, пограничники с гордостью говорили друг другу:

— Я с заставы Соколова.

— Я с заставы Клочкова.

— Я с заставы Юдина.

— Я с заставы Ярошевского.

И они имели право гордиться своими командирами. Имя каждого начальника заставы было боевым именем, записанным в историю пограничной охраны Средней Азии. Эти имена не должны быть забыты.

Но не все делается для того, чтобы их помнили.

Как-то прочитал в Музее пограничных войск историю отряда, в котором я служил. Увы, там я не нашел названных фамилий, за исключением Я. Ярошевского. Не нашел также ни Якова Григорьевича Богуна, ни его помощника по политчасти Николая Акимовича Авдюхина, ни других доблестных пограничников.

Кстати, об Авдюхине. 23 февраля 1928 года на заставе Ширам-Кую собрались пограничники, чтобы отметить десятилетие Красной Армии. Выслушали доклад Авдюхина, затем заиграла гармонь, собрались попеть, потанцевать. Вдруг раздалась команда: «В ружье!» Через несколько минут десять пограничников во главе с Авдюхиным выступили в погоню за бандой, прорвавшейся в наш тыл. Полтораста километров продолжалась погоня. Банду настигли. В ее составе насчитывалось 40 сабель. Неравный бой был длительным и упорным: банду разбили.

Незабываем подвиг пограничников под командой уполномоченного погранотряда Михаила Климовича Антонова. Он с двадцатью бойцами настиг банду численностью в 70 сабель, пытавшуюся уйти в Афганистан с награбленным имуществом.

Антонов приказал нескольким бойцам усилить ружейно-пулеметный огонь, чтобы прижать бандитов к земле, а сам с другой группой бойцов пошел в обход и ударил с тыла. Банда была уничтожена.

А подвиг помощника коменданта Григория Григорьевича Соколова! Это он, тогда еще совсем молодой (впоследствии генерал-лейтенант), с группой в 30 человек в марте 1929 года преследовал вооруженную до зубов банду Давлет-Сардара численностью в 70 всадников и на сотом километре настиг ее. Начался бой. Сперва был ранен конь Соколова, затем и сам Соколов получил тяжелое ранение. Но он не переставал руководить боем до полного уничтожения банды. Пятерых наших раненых, включая Г. Г. Соколова, в жару доставили за 200 километров в люльках, притороченных к спинам верблюдов, в

ближайший населенный пункт, где им оказали квалифицированную медицинскую помощь.

В те годы в нашем погранотряде не было человека, который бы не знал бойца А. Н. Малоивана, отличавшегося удивительной храбростью. Находясь в секрете со своим командиром отделения Скляром, он заметил на одном из островов Амударьи человек десять контрабандистов, по всей вероятности, вооруженных. Решили задержать их. Но как преодолеть бурную протоку? Переправочных средств не было. Вблизи стояла пустая кибитка с поломанной дверью. Воспользовались этой дверью как плотом. Скрытно добрались до острова и стали осторожно приближаться к банде. Но наблюдатель заметил пограничников, завязался бой. Командир отделения Скляр был смертельно ранен в голову, и Малоивану пришлось одному отражать натиск бандитов. Метким огнем он уничтожил половину банды, остальных вынудил искать спасения вплавь. После этого на той же двери он переправился с телом Скляра на свой берег. За этот подвиг Малоивана наградили орденом Красного Знамени.

До сей поры в моей памяти сохранился эпизод борьбы с бандой Ана-Кули. Главарь считался неуловимым. Много раз переходил он границу — и каждый раз безнаказанно; его несколько раз «убивали», но он появлялся вновь.

В феврале 1932 года в Марах, где я работал помощником начальника погранотряда, было получено сообщение, что Ана-Кули с 400 хорошо вооруженными всадниками вновь появился, чтобы вывести за границу несколько сот байских семей, собравшихся с разных концов Туркмении. Поступившая из Москвы телеграмма извещала, что И. В. Сталин лично следит за операцией по ликвидации банды и что начальник погранотряда несет персональную ответственность за ее успех.

Было ясно, что на этот раз высшее начальство не простит нам безнаказанного ухода Ана-Кули. Из Ташкента даже потребовали, чтобы вместе с донесением об успешной ликвидации банды был доставлен и сам Ана-Кули — живой или мертвый.

М. А. Орлов, начальник погранотряда, сформировал истребительный отряд в составе 140 сабель из специально отобранных пограничников, включил лучших курсантов школы младшего начсостава во главе с ее начальником Евгением Корниенко, человеком тактически грамотным, находчивым и решительным. Нужно было выделить политработника для выполнения обязанностей комиссара истребительного отряда. Я изъявил желание, чему начальник погранотряда был рад: инструктировать своего помощника не нужно.

Мы отправились в путь. Со мной ехал и мой «практикант» красноармеец срочной службы В. Ф. Шевченко, впоследствии видный политический работник в пограничных войсках. Нам предстояло выйти наперерез банде, двигавшейся в сторону афганской границы. По предварительным расчетам встреча могла произойти в глубине Каракумов, не ближе 140–160 километров от границы.

Так и случилось. Более чем в сотне километров от города Мары — исходного нашего пункта — мы увидели следы множества недавно прошедших лошадей и верблюдов. Моросил дождь, и на сыром песке эти следы хорошо просматривались. Вскоре передовые дозоры донесли, что банда положила на землю всех верблюдов в одной из долин, а басмачи заняли сопки, выгодные для ведения боя.

Лежала густая пелена тумана. Лишь изредка в просветах можно было наблюдать с сопки расположившийся в долине караван — не менее 4 тысяч верблюдов, из которых почти каждый был навьючен, мы знали, коврами, ценностями и продовольствием. Со стороны противника местность просматривалась лучше, чем с нашей, и хорошо замаскировавшиеся басмачи могли вести прицельный огонь.

Спешившись и отправив коноводов с лошадьми за пригорок, наш отряд пошел в наступление. Первый бой, продолжавшийся около четырех часов, проходил с большим напряжением; мы потеряли несколько человек убитыми и ранеными. С наступлением темноты все стихло. Банда двинулась дальше.

Утром следующего дня часть наших людей занималась розысками и опознанием трупов, а остальные преследовали басмачей. Вскоре мы снова настигли банду, и опять завязался бой, длившийся до темноты.

На третий день повторилось то же. И хотя убитых басмачей насчитывалось изрядное число — после трех боев более 300,— у противника по-прежнему оставалось около 400 активных штыков; винтовки убитых басмачей переходили в руки тех, кто оставался в живых в уходившем караване.

Последний, четвертый бой развернулся с утра в долине Намаксар, в 12 километрах от афганской границы. Было ясно, что если в этом бою банда не будет полностью уничтожена, то ночью остатки ее достигнут территории Афганистана. К нам на подмогу прибыла из кушкинского стрелкового полка группа бойцов в 40 сабель под командованием начальника полковой школы А. А. Лучинского. Чтобы выйти в тыл банде, ока совершила на конях более чем стокилометровый форсированный переход вдоль границы. Еще раньше к нам приехал командир кушкинского

полка Шарков, который принимал непосредственное участие в ликвидации остатков банды. Бой начался с самого утра и длился до темноты. Чтобы оставшиеся в живых басмачи не ушли через границу ночью, все выходы из долины Намаксар заняли наши дозоры.

Ранним утром мы уточнили результаты проведенной операции. Банду возглавлял сам Ана-Кули. Его ближайшими помощниками были сын и брат. В каждом бою басмачи недосчитывались то одного, то другого своего главаря. К концу операции все главари банды были убиты. Из 4 тысяч верблюдов, находившихся в караване, уцелело не более 2 тысяч. Мы погрузили на них раненых, женщин и детей, чтобы отправить в Кушку. Чуть ли не целый поезд заняло отбитое нами у басмачей добро, которое они хотели увезти за границу.

С той поры таких крупных бандитских формирований на среднеазиатской границе уже не было.

В чем заключалась обязанность комиссара истребительного отряда в этой операции? Если командир отряда должен был находиться там, откуда ему удобнее управлять боем, то комиссар в этой обстановке наилучшим образом мог выполнить свою роль, находясь с бойцами, а иногда и впереди них. Вот где пригодилась моя старая страсть к стрелковому делу, благодаря которой стал «стрелком-мастером» по винтовке и пистолету! Выезжая на операцию, я взял с собой винтовку с оптическим прицелом системы Лаймана. Хотя басмачи маскировались очень тщательно, но их чалмы все же были различимы на общем фоне, а для стрельбы с оптическим прицелом на расстоянии 150–200 метров достаточно иметь мишень размером в спичечную коробку. Бойцы видели, как при каждом моем выстреле еще одна чалма подскакивала вверх и исчезала; возможно, поэтому они и старались держаться поближе ко мне. Нередко увлеченные ходом боя пограничники стремились сойтись в рукопашную схватку, но я их удерживал, видя, что для этого момент еще не наступил.

В Кушку, а затем в Мары были доставлены дети из каравана, уводимого Ана-Кули. Некоторые из них лишились родителей. Местные власти разместили ребят по детским учреждениям. Двухлетнего мальчика взял в свою семью начальник погранотряда М. А. Орлов. Уже после войны мне случилось встретиться с Михаилом Алексеевичем, и он рассказал, что его приемный сын учится в Ленинграде. На фотографии я увидел красивого смуглого мальчика, которым гордился приемный отец.

Не забыть мне и случая с одной туркменской девочкой, которую нашли после боя. Следуя с дозором, мы заметили небольшую группу всадников, двигавшихся в сторону

Афганистана. Поспешили к ним наперерез. Они также ускорили движение и открыли ружейный огонь. Дальнейшее преследование было безуспешным — уставшие кони едва переступали по песчаным наметам. Прекратилась также и стрельба. Вдруг невдалеке из-за кустов саксаула появилась ярко-красная фигура. С расстояния 250–300 метров показалось, что нам устроили засаду. Двое из нас спешились, чтобы вести более прицельный огонь, но пока не стреляли, стремясь подобраться поближе к укрывавшемуся «нарушителю». Подойдя совсем близко, мы увидели женскую фигуру с закрытым лицом. Это была очень красивая девочка 12–13 лет, которую басмачи хотели увезти насильно. Обнаружив преследование, они бросили ее, чтобы легче уйти от погони. Местные власти определили девочку в интернат.

Мужество пограничников проявлялось не только в боевых стычках с противником. Сама по себе служба на границе — это мужество. Самым большим испытанием и для коня и для всадника являлось безводье. Нужна большая выдержка, чтобы флягу с водой расходовать постепенно, отпивая мелкими глотками. Были случаи, когда лошадь, дорвавшаяся до воды после 70-километрового перехода, погибала тут же у колодца, если ее не приучили пить мало и постепенно утолять жажду.

Большое значение имела тренировка для проведения длительных переходов по безводью. Обычно пограничнику перед выездом давали ломоть хлеба с толстым слоем соли — «солевой бутерброд». Съев такой бутерброд, человек напивался воды до полного утоления жажды. В походе происходило не только обезвоживание, но и обессоливание. Заблаговременно принятая большая порция соли, удерживающая влагу в организме, помогала переносить эти потери в пути.

Я уже говорил, что питание пограничники всегда получали вполне достаточное, хотя сохранять продукты при отсутствии холодильников было трудно; скоропортящиеся продукты защищали от жары, опуская их в кожаных мешках в колодец.

Большим спросом пользовался клюквенный экстракт. В нем мы видели профилактическое средство против цинги, которую всегда надо ожидать, когда пищевой и климатический режим резко меняются против привычного. Центр доставлял нам клюквенный экстракт, и каждый пограничник, идя в наряд, брал с собой один-два флакона. Нетрудно представить себе, какое удовольствие получал боец и от кружки кисло-сладкого кок-чая (зеленого чая) после длительного перехода по жаре.

В те годы хорошая керосиновая лампа (16- или 30-линейная)

в большой степени определяла уют. Электричества у нас не было, а жизнь в вечернем полумраке — скучное дело. Свет в комнате веселил душу. Командование погранотряда заботилось прежде всего о хорошем освещении ленинских комнат, где пограничники обычно проводили свой досуг. Но если здесь лампы выручали, то в другом выручить не могли: для киноаппарата требовалось электричество.

Вначале на весь погранотряд (протяженность охраняемой им границы достигала 1000 километров) было две-три кинопередвижки. Лишь через год-два мы так разбогатели, что дали каждой комендатуре по одной. Кинопередвижка помещалась в двух конных вьюках: в одном — киноаппарат, в другом — генератор со специальным станком. Груз равномерно размещался по обоим бокам лошади. Пограничники заставы поочередно крутили далеко не совершенный движок, а киномеханик пропускал ленту. Размер экрана едва достигал 1,5 квадратных метра.

Киномеханик в пограничной жизни был важной персоной, от него во многом зависела культурная жизнь на заставе, и трудился он много. Изо дня в день, из месяца в месяц передвигался верхом на коне от заставы к заставе с киноаппаратом и двумя кинокартинами, демонстрируя одну при следовании «туда», а другую — «обратно». Иногда ему приходилось по два раза пропускать картину, чтобы обслуживать тех, кто накануне был в наряде. В журнале учета киносеансов обязательно расписывался начальник погранзаставы, отмечавший и число сеансов и число людей, присутствовавших на них.

Нередко пограничники устраивали конно-спортивные соревнования, в которых участвовали и туркменские наездники. А в местных национальных праздниках, сопровождавшихся массовыми конными заездами, участвовали и советские пограничники. Надо признать, что туркменские лошади всегда оказывались более выносливыми и быстрыми. Я уже не говорю о достоинствах такой необыкновенно красивой породы здешних лошадей, как ахалтекины.

В 1935 году по всей стране газеты возвестили о конном пробеге туркменских джигитов по маршруту Каракумы — Москва. Возглавлял его пограничник Семен Петрович Соколов, бывший начальник каракумской погранзаставы Джей-Рали. Джигиты были приняты в Москве К. Е. Ворошиловым и М. Н. Тухачевским и награждены правительством за выдающийся успех.

Семен Петрович Соколов — позднее полковник в отставке — один из тех, кому в первые годы Советской власти было доверено несение личной охраны В. И. Ленина. В январе 1924 года С. П.

Соколов одним из первых встал на пост у Мавзолея Владимира Ильича.

Между командованием погранотряда, погранкомендатур, погранзастав и местными организациями были самые дружественные отношения. Местные жители, городские и сельские, с одобрением говорили о том, как представители погранвойск осуществляют принципы ленинской национальной политики, не допуская каких-либо великодержавных замашек. Дружбу с пограничниками ценили и туркменские руководящие работники.

За годы работы в Туркмении меня избирали в состав Керкинского окружного комитета партии, Керкинского окружного исполнительного комитета Советов. Я состоял членом партийной тройки ЦКК по Марыйскому району, был делегатом Всетуркменского партийного съезда.

С гордостью и признательностью ношу орден Красного Знамени Туркменской Советской Социалистической Республики, которым меня наградило туркменское правительство за борьбу с басмачеством и участие в общественно-политической жизни.

Зимой 1932/33 года меня назначили на должность начальника и комиссара Ташкентской пограничной радиошколы. Она готовила радистов и электромехаников для пограничных войск Европейской части СССР и для всей Средней Азии. Начальник войск округа Н. М. Быстрых, напутствуя меня, сказал:

— Вам предстоит выполнить приказ партии: большевики должны овладеть техникой. Беритесь смелее за новое дело!

Не так это просто — командовать частью и самому обучаться такому сложному делу, как радиослужба. Наряду с организацией учебного процесса надо было еще руководить строительством огромного учебного корпуса, курсантского общежития, а также двух домов для начальствующего состава.

Это было для меня первое и, пожалуй, наиболее серьезное испытание на организаторскую зрелость. Впервые мне пришлось почувствовать всю ответственность командира-единоначальника. Одно дело — критиковать командира «со стороны» за те или иные неполадки, не неся формально личной ответственности, другое — самому отвечать за все: за боевую и специальную подготовку, за партийно-политическую работу, за моральное состояние части, за хозяйство и быт людей, заблаговременно думать о приближении зимы и заготовке топлива, овощей на предстоящий год, а весной организовывать ремонт жилого фонда, техники. Хорошая воинская часть не может обходиться без подсобного хозяйства, и руководство им составляет также заботу командира.

Разумеется, у командира есть помощники по различным отраслям работы. Но разве может его беспокойное сердце не откликаться на повседневные трудности и нужды? Быть командиром части — это значит брать на себя львиную долю ответственности за действия и жизнь всех своих подчиненных, не всегда имея притом уверенность, что тебя правильно поймут и поддержат в трудную минуту «сверху».

Никак не ожидал, что такое множество щелчков посыплется на меня в первую же пору руководства частью. До этого на протяжении 14 лет службы в армии я не имел ни одного взыскания, а за два с половиной года командования школой, несмотря на то, что последняя превратилась в образцовую воинскую часть в округе, я умудрился получить четыре выговора!

Поводов для взысканий было сколько угодно.

Сорвалась лошадь с привязи, наступила ногой на оборвавшийся провод под током и тут же погибла — начальнику школы выговор. До этого случая я не знал, что лошадь мгновенно погибает даже от 50 вольт напряжения в сети. Она сама является носителем большого электрического заряда. Темной ночью, особенно в сильную грозу, от лошади отскакивают огромные искры, и больше всего от ее гривы — это мне приходилось неоднократно наблюдать во время ночных поездок по границе.

Курсант сорвал яблоко в саду колхозника-узбека, проезжая верхом на лошади мимо его усадьбы, — начальнику школы выговор за плохое воспитание подчиненных. А ведь сколько раз мы настойчиво разъясняли, как важно строго соблюдать правильные взаимоотношения с местным населением вообще, особенно с теми колхозниками, на участках которых размещались радиостанции школы (таких станций было больше 100).

Из окружного склада получили соленую рыбу взамен мяса, сварили суп, а рыбу выдали на второе блюдо. У нескольких курсантов расстроились желудки — начальнику школы выговор за плохой контроль пищеблока.

Фельдшер наш любил выпить. Однажды, напившись, он отсутствовал три дня и его нигде не могли найти — начальнику школы выговор за… И т. д.

Разумеется, и начальник школы не оставался безучастным к тем или иным правонарушениям, он реагировал на них «по административной и общественной линиям».

Я чувствую, что вторгаюсь в недозволенную для критики область. Но что скрывать? Не раз в то время я думал о том, как важно беречь авторитет командира не только ему самому, но и начальникам, стоящим над ним.

Годы командования радиошколой явились и для меня самого

школой — и не только в смысле умения командовать отдельной частью. От меня требовалось овладевать техникой. Где же можно было лучше, чем здесь, решать эту задачу!

Моим первым заместителем был начальник штаба школы М. М. Монасевич — большой специалист в области радио; он охотно согласился преподать мне основы электротехники и радиотехники. Для занятий мы отвели два часа в день, чаще всего по утрам, с 8 до 10 часов. Настойчиво занимаясь, я получил месяцев за шесть общее представление об этих дисциплинах. Другой мой подчиненный — А. Г. Сурин — обучал меня работать на ключе по азбуке Морзе. В кабинете у меня был ключ, каждую свободную минуту я на нем упражнялся и вскоре стал принимать на слух и передавать 50–60 знаков в минуту, что тогда считалось удовлетворительным. Я мог теперь с большим пониманием дела присутствовать на занятиях с курсантами, а следовательно, более уверенно руководить радиошколой.

Не совсем обычными были тогда у нас формы и методы воспитательной работы. Упомяну о некоторых из них.

Когда я был непосредственно на границе, мы широко применяли такой способ поощрения, как отправка писем родителям отличившихся пограничников. Это ввел и в радиошколе. Командование писало не только родителям, но и на заводы, на шахты, в совхозы — туда, откуда прибыл новобранец. Случалось, там наши письма публиковали в местной печати. Это не были сухие, стандартные письма «под копирку». Нет, в каждом из них рассказывалось об успехах курсанта, его поведении, поощрениях, показателях в учебе. Удостоиться такого поощрения считалось большой честью. Пожалуй, не было более сильного способа морального воздействия. Да и для родителей бойца эти письма много значили: они нередко под стеклом вывешивались на видном месте. Мы получали ответные письма от родителей, братьев, сестер, директоров предприятий, правлений колхозов. Переписка была настолько обширной, что нам пришлось создать специальное бюро (как теперь говорят, на общественных началах).

По инициативе партийной организации ввели обычай собираться «на чашку чая» у начальника школы, куда приглашалось 20–25 курсантов-отличников во главе с командиром их подразделения. Огромное здание школы было полностью радиофицировано, и каждый курсант мог слушать у репродуктора, о чем говорят на этой неофициальной встрече. Обычно вечер сводился к откровенному обмену мнениями о жизни школы; курсанты чувствовали себя свободно, а мы все — и командование и партийное бюро — постоянно помнили о том,

что самая строгая воинская дисциплина не должна ущемлять ничьего чувства собственного достоинства. Душой этих собеседований был молодой секретарь партийного бюро В. Ф. Шевченко, служивший ранее со мной в погранотряде.

Одним из видов премирования лучших курсантов было посещение Ташкентского оперного театра. В те годы начальник школы располагал по параграфу «культпросветработа» значительными средствами, из которых приобретались на весь год 6–8 постоянных билетов на субботу и воскресенье в оперный театр. Около 800 билетов в год предоставлялось лучшим воинам школы. Курсанты очень ценили эту форму поощрения. Многие из них впервые приобщались таким образом к высшим формам театрального и музыкального искусства.

Памятным для всего личного состава был приезд в школу всемирно известного радиста Героя Советского Союза Э. Т. Кренкеля, участника челюскинской эпопеи. Кренкель увлекательно рассказывал о роли радиосвязи в этой эпопее. Курсанты и командиры слушали, затаив дыхание. Потом один из них попросил остановиться на вопросе, как работала техника на льдине. Эрнест Теодорович привел ряд примеров преодоления неимоверных трудностей. Поддерживать устойчивую связь в арктических условиях было чрезвычайно сложно. Возникали и критические положения. Но Кренкель с честью выходил из них.

Упорный, самозабвенный труд коллектива командиров-специалистов радиошколы был вознагражден высокой успеваемостью курсантов — 90 процентов имели оценки «отлично» и «хорошо».

А сколько заботы и внимания уделяли быту курсантов жены начальствующего состава. В то время рекомендовалось вовлекать жен командиров в работу по улучшению казарменного быта. Красноармейская казарма должна была быть чистым, светлым, уютным общежитием, где все постели отлично заправлены, покрыты покрывалами, подушки не соломенные, а перовые, на тумбочках стоят графины с водой, а между кроватями расстелены коврики. Наряду с такой заботой об уюте мы настойчиво тренировали людей в частых переходах с большой выкладкой, приучали курсантов стойко переносить жару, физические лишения, возможно дольше обходиться без поды. Тем слаще был отдых в хорошо оборудованной казарме. Приезжавшие из разных гарнизонов представители командования неизменно отмечали в школе строгий порядок.

Не без грусти в 1935 году я оставил радиошколу, получив

назначение на должность военного комиссара железнодорожной бригады в Киев. За почти девятилетний период службы в Средней Азии я успел настолько привязаться к этому краю, к местным жителям, к товарищам по работе, что переезд даже в такой красивый город, как Киев, не мог подавить грусть разлуки.

В конце 1938 года я вернулся в погранвойска. Назначили меня в Харьков на должность помощника начальника пограничных войск округа, а позже — начальника окружного управления снабжения пограничных и внутренних войск НКВД. С этого времени и началась моя специализация как организатора тылового обеспечения войск.

В систему снабжения входило обеспечение войск вооружением, боеприпасами, автотранспортом, горючим, продовольствием, вещевым имуществом, финансами, квартирным довольствием. К тому времени я уже закончил заочный факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе и получил воинское звание комбрига.

В начале 1940 года мне поручили формирование окружного управления снабжения Львовского пограничного округа с одновременным исполнением обязанностей заместителя начальника пограничных войск. При назначении во Львов мне достаточно убедительно разъяснили всю сложность наших взаимоотношений с Германией, высокую ответственность пограничных войск на юго-западе. В связи с этим также было сказано, что перевод на западную границу СССР я должен рассматривать как повышение.

Недолго пришлось нести здесь «мирную» пограничную службу. К тому же и этот короткий срок оказался весьма насыщенным событиями. Вместе с заместителем начальника пограничных войск округа И. А. Петровым мне довелось участвовать в прокладке новой государственной границы с Румынией и выбирать наиболее подходящие пункты для размещения застав. На машине и пешком мы пробирались по горнолесистой местности южнее Черновиц. Наше внимание здесь привлекла самая высокая гора Поп-Иван — свыше 2 тысяч метров над уровнем моря. Решили разместить на ее вершине пограничную заставу.

Сам я на эту гору взобрался лишь в начале мая 1941 года, решив посмотреть, как живут пограничники. (Погранзастава так и называлась «Поп-Иван»), Подъем в гору начали около 8 часов утра, одетые по-летнему; пришли же на заставу около 8 часов вечера. Примерно на полдороге нас встретил дозор, который принес валенки и полушубки. Вскоре мы вступили в полосу глубокого снега. Чем выше поднимались, тем становилось

холоднее, останавливаться на отдых опасались, боясь простуды, и хоть медленно, но безостановочно шли. По дороге в одном месте нашли обоймы с русскими винтовочными патронами, на которых была выбита цифра «1916» — здесь находились русские солдаты в первую мировую войну.

Из личного опыта восхождения на эту гору и из рассказов пограничников я узнал, что основная трудность здесь — доставка продовольствия. Одну треть пути его доставляли на вьючных лошадях, а дальше только на себе. Промышлявшие этим местные жители совершали за сутки один оборот; на спине одного человека умещалось 40–45 килограммов продуктов. Когда раньше- во Львове я читал сетования начальника заставы «Поп-Иван» на то, что слишком низко оплачивается труд носильщиков, мне это показалось неосновательным. Но теперь стало ясно, что надо повысить оплату по крайней мере вдвое. Лишний раз пришлось убедиться, как необходимо личное знакомство командира с обстановкой.

Часто бывая на заставах, я наблюдал оживленное движение на сопредельной стороне. Если полгода назад у пограничного шлагбаума можно было увидеть одного-двух немецких солдат, то в апреле и мае 1941 года, когда я прибыл на заставу у Перемышля, как по команде, выскочило не менее трех десятков немецких офицеров, которые вели себя крайне возбужденно. Признаков нарастания активности немцев вблизи границы с каждым днем становилось все больше. И не только на земле, но и в воздухе оживилась их деятельность. Немецкие самолеты часто совершали разведывательные полеты, углубляясь иногда в нашу сторону на несколько десятков километров; зенитные части и истребительная авиация Красной Армии могли лишь созерцать эти наглые выходки — стрелять им не разрешалось из опасения провокации.

Случилось так, что очередной отпуск мне предоставили с 22 июня 1941 года. По совету начальника погранвойск округа я решил далеко не уезжать, а отдохнуть в одном из санаториев Прикарпатья. Нужда в хорошем отдыхе была большая — четыре последних года, заочно учась в академии, я все отпускное время использовал для выполнения академических заданий. 21-го с вечера приказал водителю Д. М. Груню подать машину к 6 часам утра.

Как ни в чем не бывало, в отпуск уходили и другие командиры. Правда, учитывая тревожную обстановку, начальник погранвойск округа установил порядок, согласно которому по выходным дням дежурство по штабу округа нес один из его заместителей.

В ночь на 22 июня по штабу пограничного округа дежурил начальник политотдела округа Я. Е. Масловский (позднее генерал-майор) — ему и пришлось получить первую информацию и доложить в Москву о начале войны.

Начало войны

В 4 часа утра 22 июня 1941 года начался обстрел нашей территории. Около 5 часов утра дежурный по штабу округа оповестил об этом нарочными и по телефону всех командиров. Едва успев одеться, я услышал гул самолетов, затем разрывы авиабомб. Отправил семью в подвал трехэтажного дома, а сам побежал в штаб округа, находившийся в двух километрах от моей квартиры. На улицах Львова уже лежали трупы, слышны были стоны раненых. Я видел очередной заход вражеских самолетов над тем районом, где оставалась моя семья.

В результате этого налета был сильно поврежден дом, в котором мы жили, и моя квартира, но, к счастью, все укрывшиеся в подвале остались невредимыми.

Авиационные налеты на Львов продолжались почти непрерывно несколько дней. Наша истребительная авиация понесла большие потери в этом районе на аэродромах в первый же час войны, зенитные средства, которыми мы располагали, также вскоре были подавлены.

Надо сказать, что вблизи Львова нашей авиации находилось немало, но жилья для летчиков возле аэродромов не было.

Поэтому летный состав почти ежедневно, а в субботний вечер всегда, следовал пригородными поездами на ночлег во Львов, оставляя у боевых машин дежурных. Это оказалось на руку фашистам, начавшим войну рано утром в воскресенье, когда все население, включая и военных, спокойно отдыхало.

В штабе пограничных войск Я. Е. Масловский рассказал, что в ночь с 21 на 22 июня 1941 года на участке одного из наших отрядов перешел границу немецкий солдат и сообщил, что в четыре часа утра немцы перейдут в наступление. Масловский немедленно доложил об этом в Москву дежурному по штабу погранвойск СССР.

Аналогичные сигналы были и на других участках западной границы Советского Союза.

Предупреждение, полученное даже за четыре часа до вражеского вторжения, оказало бы большую услугу, если бы ему поверили. Четыре часа — срок ничтожно малый для принятия больших ответных мер, но за эти часы можно было поднять по тревоге войска Красной Армии, располагавшиеся непосредственно у границы, вызвать на аэродромы значительную часть летного состава, поднять самолеты в воздух до того, как они были сожжены на земле.

О значении этих четырех часов красноречиво свидетельствуют некоторые эпизоды первых столкновений с противником тех частей, где люди были подняты по тревоге за три-четыре часа до вторжения. Пример — незабываемый подвиг располагавшейся в районе Равы-Русской и прикрывавшей Львов 41-й стрелковой дивизии. Бывший начальник штаба этой дивизии Н. Еремин в своих воспоминаниях рассказывает, что с весны 1941 года, как только начались занятия по боевой подготовке, дивизия была рассредоточена и не представляла боеспособного соединения. Оба артиллерийских полка, противотанковый и зенитный артиллерийские дивизионы, другие специальные подразделения находились на учебных полигонах и сборах вне района дислокации дивизии. Ввиду того, что немецкая авиация с каждым днем наглела, летая на малых высотах над советской территорией, а разведка доносила, что гитлеровцы наращивают силы непосредственно у границы, командир 41-й стрелковой дивизии генерал-майор Н. Г. Микушев принял 19 июня самостоятельное решение — вернуть весь личный состав со специальных сборов и полигонов, а также с работ на оборонительном рубеже и всем частям и подразделениям полностью сосредоточиться в лагерях.

— А как же корпус и армия? Это с их ведома? — спросил начальник штаба дивизии.

— Об этом не будем говорить. Вы сами понимаете, каково наше положение, — уклонился от прямого ответа генерал[3].

Генерал Микушев погиб смертью храбрых в боях за Киев в 1941 году, и остались навсегда неизвестными обстоятельства, при которых он принял свое необычно смелое для того времени решение. Как бы там ни было, благодаря своей прозорливости и решительности он принял ряд мер, повысивших боеготовность дивизии, и это имело немаловажные последствия.

К вечеру 21 июня вся дивизия была в сборе. Между штабом дивизии и начальником погранотряда майором Я. Д. Малым, очень энергичным и волевым командиром, поддерживался постоянный контакт; командир дивизии был хорошо информирован о положении дел на границе. В субботу вечером 21 июня, по рассказу Еремина, генерал Микушев, созвав для совещания командиров и комиссаров частей, обратился к собравшимся со следующими словами:

— Мы с вами находимся в приграничной дивизии, и наша задача заключается в защите государственных интересов здесь, непосредственно на границе… Эта задача с нас не снимается сейчас, когда в приграничной зоне, как вам известно, создалась довольно-таки неясная и тревожная обстановка. Среди местного населения продолжают упорно держаться слухи о скорой войне. Вы сами видите, как немецкие самолеты нарушают границу и летают над нашей территорией. Непосредственно перед нами к самой границе только за последние дни немцы подвели крупные силы… Мы с вами должны быть готовы к самому худшему… Начальник штаба дивизии остается в лагерях до утра. Командиры частей тоже. Начсоставу отпуска сегодня сократить до минимума — лучше всего быть в лагерях…[4]

Начало войны не застигло дивизию Микушева врасплох. Ее части и подразделения действовали по заранее намеченному плану. Она оборонялась сначала в полосе 50 километров по фронту. Против нее действовало пять пехотных дивизий противника, ибо это было важное операционное направление. Противник планировал к исходу 22 июня овладеть Равой-Русской, а еще через два дня взять Львов. Но он просчитался. Советские воины проявили небывалое мужество, стойкость, боевое умение. Нередко сходились врукопашную, и каждый раз немцы не выдерживали, оставляли своих раненых, технику и отходили. Лишь на шестые сутки дивизия, согласно приказу, оставила свой оборонительный рубеж. А ведь она дралась без поддержки танков и авиации, с плохо обеспеченными флангами.

Вот что значит не дать себя застигнуть врасплох,

заблаговременно проявить инициативу и решительность, действовать самостоятельно, чувствуя свою ответственность перед народом!

Из этого факта напрашивается много важных и поучительных выводов, относящихся не только к военному делу. Но прежде всего он доказывает, что даже не два дня, а несколько часов имели в той обстановке большое значение.

Еще такой факт. 99-я стрелковая дивизия, находившаяся перед началом войны в районе Перемышля, была приведена в боевую готовность лишь после того, как начался артиллерийский и авиационный обстрел нашей территории. Но первый удар фашистских войск приняли на себя пограничники 92-го погранотряда. Они стойко удерживали линию государственной границы до 12 часов 22 июня. Это дало возможность командиру 99-й стрелковой дивизии привести все части в боевую готовность, выдвинуть их в назначенные полосы обороны.

Несмотря на внезапность нападения противника, в дивизии не было потеряно твердое и четкое управление со стороны командования, нормально функционировала хорошо налаженная связь с подразделениями.

Завязались кровопролитные бои. Правда, к исходу 22 июня противник овладел Перемышлем, но в результате решительных и умелых действий частей 99-й стрелковой дивизии под командованием полковника Н. И. Дементьева и сводного батальона пограничников под командованием старшего лейтенанта Г. С. Поливоды к 17 часам 23 июня город был вновь освобожден. Противник оставил на улицах свыше 300 трупов, 12 пулеметов, несколько орудий и 2 танка. В этой ожесточенной схватке в тыл немецким частям в Перемышле ударил отряд, состоявший из партийного актива города; 200 человек во главе с секретарем Перемышльского горкома партии П. В. Орленко вынудили противника отойти за пограничную реку Сан[5].

Гитлеровскому командованию не удалось здесь достичь какого-либо значительного успеха за шесть дней упорных боев, и это облегчило советским войскам маневрирование на других участках фронта. Лишь 28 июня 99-я дивизия и пограничники 92-го отряда оставили город по приказу вышестоящего командования.

Известны и другие подобные случаи. Вспоминая о них, приходишь к выводу: дорого обошлась бы Гитлеру его авантюра уже в самом начале вторжения в СССР, если бы этому вторжению предшествовала с нашей стороны большая бдительность. Даже неотмобилизованная Красная Армия не позволила бы противнику так глубоко вторгнуться в Советскую страну.

Уместно ли каждый раз кивать на то, что центр не дал своевременных директив о повышении боевой готовности войск? Действительно ли только центр был виноват в притуплении бдительности в войсках, находившихся непосредственно на границе? Неужто от центра зависело решение такого вопроса, как оставление самолетов на попечение дежурных и отпуск всех летчиков во Львов к их семьям?

Такое толкование, хотя в нем есть доля правды, весьма недостаточно; оно не позволяет сделать правильных выводов на будущее. Когда войска находятся на границе, да еще на неспокойной, уже одно это обязывает командование соединений и частей ко многому. И, как видно из приведенных фактов, некоторые командиры, действуя инициативно и искусно, задержали впятеро-вшестеро превосходящего противника в тот период военных действий, когда каждый час был так дорог для нашей страны.

Положение в самом Львове в первые дни войны было крайне напряженным. Противник почти круглосуточно бомбил город, число жертв среди населения росло с каждым днем. Среди военнослужащих также были жертвы от выстрелов из-за угла: активизировались местные буржуазно-националистические группы, а также просочившиеся в город немецкие диверсанты.

24 июня наши семьи на грузовиках отправили в направлении Киева без указания определенного адреса. Квартиры заперли и дали наказ дворникам следить за порядком, заверив их, что скоро возвратимся. Мы верили этому.

В тот же день, по приказанию из центра, начали отправлять на восток весь железнодорожный порожняк и паровозы. Я позвонил в Москву и попросил разрешения загружать отходящие вагоны имуществом, находившимся в неприкосновенном запасе на окружном складе (15 тысяч пар кожаных сапог, столько же валенок, шинелей, полушубков, а также артиллерийское имущество). В ответ меня обругали, пригрозили расстрелом за «панические настроения».

К исходу дня 25 июня последовало новое распоряжение из Москвы — немедленно эвакуировать окружной склад. Но было уже поздно, у нас не осталось ни одного вагона: железнодорожники проявили высокую мобильность и успели отправить в тыл один за другим, вероятно, более сотни поездов порожняка… А звонки из Москвы все учащались. Теперь мне грубо и грозно напоминали, что я лично отвечаю за эвакуацию складов. Тот же начальник на мой неизменный ответ, что, выполняя приказ центра, мы остались без единого вагона, хладнокровно повторял:

— Вам там на месте виднее, где изыскать средства. Вы несете за это имущество персональную ответственность.

Не менее трех раз в сутки я ездил на окружной склад, располагавшийся на окраине Львова. С трех сторон территория склада была обрамлена четырех- и пятиэтажными жилыми домами, из их окон и чердаков все чаще раздавались выстрелы. Ходить по территории склада становилось небезопасно. Можно было ждать и попыток каких-либо диверсионных групп завладеть военным имуществом. Чтобы не допустить этого, я приказал начальнику склада подготовить все хранилища к уничтожению.

Такое распоряжение я отдал по обязанности старшего начальника, но, откровенно говоря, не мог примириться с возможностью привести его в исполнение, ибо не хотелось верить, что уже в самом начале войны мы вынуждены будем быстро отходить. Между тем по улицам Львова на восток проходили все новые и новые колонны наших войск, уже выдержавшие тяжелые бои, отразившиеся и на их экипировке. А я должен был сжечь столько ценного обмундирования и обуви! Приказал начальнику склада погрузить в машины кожаную обувь, летнее обмундирование, вывезти на перекрестки и раздать проходящим войскам. Естественно, в этой обстановке ни о каких раздаточных ведомостях или расписках не могло быть и речи.

Исполнение этого дела было сопряжено с немалыми трудностями и острыми переживаниями. Из-за процедуры переодевания, несколько задержавшей прохождение войск, на перекрестках образовались «пробки». В условиях непрекращавшихся налетов авиации противника это могло стать причиной больших неприятностей. Но все обошлось благополучно.

Все, что осталось после этого на складе, облили бензином и сожгли. Горело драгоценное зимнее обмундирование. Ужасное это было зрелище! Но как предлагать бойцам теплые вещи в то время, когда стоит жара, а они и без того перегружены оружием и боеприпасами? А ведь можно же было все эвакуировать двумя-тремя днями раньше!

30 июня наши войска оставили Львов. Случилось так, что я оказался во главе небольшой группы военнослужащих. В их числе были прокурор и председатель трибунала округа, работники политотдела и все мои подчиненные по управлению снабжением. Двигались мы на автомашинах. Руководить этой группой выпало на мою долю: все знали, что я по званию комбриг, что у меня есть некоторый боевой опыт, — а в той обстановке каждому хотелось иметь подготовленного в военном отношении начальника. Независимо от своих прежних должностей все чувствовали себя в

нашей группе рядовыми бойцами и на привалах несли обязанности бойцов в круговой обороне. Почти каждый час наша колонна автомашин вынуждена была останавливаться на обочинах или маскироваться у лесных опушек от обнаглевших немецких летчиков, свободно выбиравших себе цели и охотившихся не только за мелкими группами, но и за одиночками. Во время одного из таких нападений автомашина, в которой я ехал, получила несколько пулевых пробоин.

Через два-три дня до нас дошел слух, что фашистов повсеместно гонят обратно, что Львов снова занят нашими войсками и туда возвращаются областные организации. Ликованию не было границ.

И тогда ко мне подошел наш прокурор. Он предложил дать письменное объяснение: кто разрешил сжигать склад и раздавать войскам обувь и обмундирование без соответствующего оформления? Тон, которым были заданы эти вопросы, дал понять, что меня ждет…

Делать нечего. Присев у дерева, я стал писать обстоятельное объяснение. Не прошло, однако, и часа, как ко мне снова подошел прокурор.

— Порвите, Николай Александрович, что написали. Никому это не нужно, — сказал он. — Немец не только удерживает Львов, но и продвигается на восток. Хорошо сделали, что уничтожили склад и хоть часть имущества раздали своим войскам.

Я только подумал: «А что он мне скажет, когда обстановка снова изменится?..»

Своеобразно складываются условия, при которых твоя жизнь может оказаться висящей на волоске… Немало оружия, боеприпасов, горючего, продовольствия, обмундирования оставлено было противнику на глазах наших войск, отходивших с боями и остро нуждавшихся в этом имуществе. Но трудно винить начальников складов. А вдруг война прекратилась бы в тот самый момент, когда они без разрешения свыше раздавали имущество?

Видимо, под тяжестью чувства ответственности за незаконную раздачу обуви и обмундирования советским воинам, за те минуты, когда я писал объяснение, моя густая и черная шевелюра заметно побелела.

На подступах к Москве

Приехав в Киев, и получил приказ немедленно отбыть в Москву. Несколькими днями раньше специальным самолетом вызвали в Москву и начальника войск Львовского пограничного округа генерал-майора В. А. Хоменко. Его назначили на должность командующего 30-й армией, с ходу вступившей в тяжелые бои на смоленском направлении. В ту же армию назначили и меня армейским интендантом.

В десятых числах июля я находился в районе города Белый Смоленской области. Не так легко оказалось найти штаб армии: обстановка менялась чуть ли не каждый час. Командный пункт, отмеченный в Москве на моей карте, уже был в руках противника. Двигался я к нему по шоссе до тех пор, пока не увидел несколько групп бежавших в нашу сторону красноармейцев. Среди них было много раненых. Остановив машину, я спросил:

— Где здесь какой-нибудь штаб?

Один боец ответил:

— Где штаб — не знаю, а немцы вон за тем бугром, метров триста от нас.

Пришлось повернуть назад.

Штаб армии я нашел в заболоченном лесочке, именуемом на карте «лес Подзайцево», всего в трех километрах от противника. Нетрудно понять, почему тогда так часто терялось управление войсками и штабы нередко попадали под огонь противника. Лишь спустя месяц или два последовал приказ командующего фронтом об упорядочении дислокации штабов соединений и объединений в обороне, после которого значительно повысилась устойчивость управления войсками в очень маневренных оборонительных боях того времени. Но когда я прибыл в 30-ю армию, этого приказа еще не было, не было и деления армейских органов управления на два эшелона. Вернее, формально такое деление существовало, но все органы управления располагались в одном и том же месте. Так и в 30-й армии: второй эшелон управления, за который я отвечал, находился на опушке, ближе к противнику, а штаб армии размещался в лесу, в 300–500 метрах позади второго эшелона.

Командарм приказал мне возглавить все службы материального обеспечения, включая артснабжение, автомобильный транспорт, железнодорожный подвоз, то есть установить такой порядок, какой существовал в погранвойсках до войны. Это было необычным тогда совмещением обязанностей, ибо по схеме, принятой ранее, названные службы подчинялись разным начальникам снизу доверху. Не существовало тогда и должности начальника тыла, имелись лишь отделы и отделения при штабах, ведавшие организационно-тыловыми вопросами.

Еще до войны чувствовались недостатки такой структуры, но, как это бывает, в мирное время сила привычки и инерция надолго сковали инициативу людей. Понадобился тяжелый жизненный урок, чтобы понять все значение слаженного, хорошо управляемого тыла.

В августе 1941 года ввели должности заместителя командующего армией по тылу, заместителя командующего фронтом по тылу и начальника тыла Красной Армии. Получив новые штаты и структуру тыла, Военный совет 30-й армии сделал представление о назначении меня на ту должность, на которой я и без того фактически был. Но когда я ехал в штаб фронта с этим представлением, в пути мне встретился генерал-майор В. И. Виноградов, уже назначенный на мою должность. Я вернулся в Москву.

В конце августа (или начале сентября 1941 года — точно не помню) мне предложили должность начальника штаба погранвойск в Чите или Тбилиси и дали сутки на размышление. С формальной стороны это было повышением по службе.

А с фактической? Еще вчера я находился среди товарищей в труднейших условиях фронта, лицом к лицу с врагом, а сегодня

вдруг уеду куда-то за тысячи километров в глубокий тыл…

К заместителю наркома генералу А. Н. Аполлонову я явился с рапортом об откомандировании меня в действующую армию. На рапорте он наложил резолюцию: «Удовлетворить просьбу тов. Антипенко». С этим я и прибыл к начальнику тыла Красной Армии генерал-лейтенанту интендантской службы А. В. Хрулеву. Он принял меня очень любезно. Впервые мне довелось познакомиться с человеком, на плечи которого в самом начале войны была возложена ответственнейшая задача — обеспечение Вооруженных Сил Советского Союза всеми видами материально-технического снабжения. В те дни лишь создавался новый орган — Главное управление тыла Красной Армии, подбирались кадры работников для центрального аппарата, для фронтового и армейского звеньев. Это было сложное дело.

Андрей Васильевич не стал тратить время на разговоры анкетного характера. Двух-трех вопросов о последней работе было достаточно, чтобы он принял решение. Через несколько минут мне вручили предписание о назначении начальником тыла 49-й армии Резервного фронта (под Москвой).

Быстрота ориентировки, острый ум, живой, беспокойный характер — этих черт Хрулева нельзя было не заметить даже при первой кратковременной встрече с ним.

В виде напутствия Андрей Васильевич заметил:

— Поезжайте в эту армию, не смущайтесь ворчливым характером командарма Захаркина: Ивана Григорьевича я давно знаю. Он значительно старше вас, заподозрит вас поначалу в несолидности. Но он умеет ценить работников. Берите в свои руки все армейское хозяйство. Покажите твердую руку в наведении порядка, там все разболталось. Нет хозяина в тылах. Нам вообще предстоит создать заново систему управления тылом Красной Армии.

Проехав несколько часов в автомобиле по можайскому шоссе, я прибыл в 49-ю армию, штаб которой находился в 20–30 километрах к западу от железнодорожной станции Ново-Дугинская. Представился командарму генерал-лейтенанту И. Г. Захаркину и члену Военного совета бригадному комиссару А. И. Литвинову. Мой сорокалетний возраст действительно показался командарму несолидным, он дал это понять, встретив меня с холодком. Хорошо, что я был предупрежден Хрулевым! Но веря и второй части рекомендации Хрулева, я не сомневался, что в работе мы поймем друг друга. А сейчас без промедления надо браться за дело.

Армия недолго стояла в обороне. Вскоре наступили трагические дни.

Скажу несколько подробнее о сложившейся обстановке.

Находясь в тылу 30-й армии, которая вела тяжелые бои, войска 49-й армии подготовили новый оборонительный рубеж в 30–40 километрах от линии фронта. Была создана глубоко эшелонированная система инженерных сооружений, занятых войсками и боевой техникой. Дивизии, входившие в состав 49-й армии, были хорошо укомплектованы и готовились к активным действиям. Особенно большую работу проделали артиллеристы: они пристрелялись к каждому направлению, отработали взаимодействие с пехотой, выложили на огневые позиции по два боевых комплекта боеприпасов.

Еще и еще раз проверял командарм И. Г. Захаркин надежность оборонительной системы подчиненных ему войск. Личный состав армии хорошо усвоил задачу — стоять насмерть! — и это не являлось фразой, ибо высоким был дух патриотизма у каждого воина. Казалось, если противник прорвет боевые порядки 30-й армии, стоявшей впереди, то он тут же наткнется на мощную оборону 49-й армии и дальше не пройдет.

И вдруг приказ Ставки: 49-й армии сняться с занимаемых рубежей, погрузиться в вагоны и переместиться на курское направление, где запять оборону на рубеже Харьков, Курск, Орел. Многие из нас недоумевали: неужто следовало бросать столь хорошо подготовленный оборонительный рубеж на московском направлении? Не получится ли так, что мы снимемся с позиций, погрузим людей в вагоны, а в это время и будет нанесен удар значительно превосходящими силами по 30-й армии? В этом случае врагу открылся бы на десятки километров свободный путь.

Но вышло еще хуже — 30 сентября и 2 октября гитлеровцы начали свое генеральное наступление на Москву. Нанеся поражение ослабленной трехмесячными боями 30-й армии, они без труда прошли рубеж, занимаемый ранее 49-й армией. Одновременно они нанесли авиационный удар по железнодорожной рокаде Ржев — Вязьма, где сосредоточилось несколько десятков железнодорожных эшелонов с техникой и войсками 49-й армии.

Вместо перебазирования на курское направление командованию и штабу 49-й армии пришлось возглавить войска в районе Калуги; это были разрозненные части и подразделения, отходившие на восток. Сюда же подходили и эшелоны с частями и соединениями армии. В тот момент командарм И. Г. Захаркин приказал мне отправиться в Калугу, чтобы лично выяснить, кто поджег спичечную фабрику; она пылала огромными языками пламени, и пожар усиливал панику. Явившись в горком и горисполком, я никого там не обнаружил. Телефонная связь

продолжала действовать, но никто не отвечал на вызов. На соседних с фабрикой улицах уже появились немецкие солдаты. Надо было уходить, и я так и по смог выяснить, по чьему распоряжению подожгли спичечную фабрику. Этот преждевременный поджог создал в войсках и среди населения уверенность, что город обречен на сдачу врагу. И такое настроение создано было как раз в то время, когда мы собирали силы, чтобы Калугу защищать.

Штаб армии с подразделениями обслуживания отходил на Алексин. К вечеру дороги размокли от проливного дождя. Транспорт «по брюхо» засел в грязи. Кому его не удавалось вытащить, тот продолжал путь пешком.

Вскоре сдали и Алексин, взорвав предварительно железнодорожный мост через Оку; однако примерно через месяц противник открыл по нему движение. Возникло сомнение — достаточно ли полно был взорван мост? Почему противник так быстро восстановил его?

Началось затяжное следствие. Офицеру-заградителю из службы военных сообщений (ВОСО) пришлось пережить немало неприятностей (если можно так деликатно выразиться). Впоследствии, когда Алексин снова был занят Красной Армией и нам пришлось восстанавливать мост, теперь разрушенный уже немцами, всем стало ясно, что никакой ошибки офицер ВОСО при взрыве моста не допустил. Но урок из опыта подрыва алексинского моста через Оку мы извлекли, помнили его, когда 49-я армия занимала оборону вокруг Серпухова и стоял на очереди вопрос, когда и как взрывать серпуховский железнодорожный мост через Оку.

В середине октября противник располагался полукольцом в 6–7 километрах западнее Серпухова. Здесь у нас произошло любопытное эшелонирование штабов. В самом Серпухове находились все службы, подчиненные начальнику тыла армии. Он со своим штабом находился там же. Поскольку старшим начальником в войсках Серпуховского гарнизона был я, то командующий армией назначил меня начальником гарнизона. По положению, я вошел в состав городского комитета обороны («наш маленький ГКО», как мы его шутя называли); председателем его являлся секретарь горкома партии Гусев, членом комитета — председатель горсовета Соколов.

Восточнее Серпухова, в деревне Бутурлино (в 15–18 километрах от противника), размещался первый эшелон штаба армии.

По общепринятой схеме второй эшелон надо было расположить восточнее Бутурлино, то есть дальше от линии

фронта. Но в этом случае район Серпухова пришлось бы поделить между дивизиями. Кроме того, здесь проходила железная дорога Москва — Тула — Орел, а также важное и единственное в тех условиях шоссе Москва — Симферополь. Было бы нелепо уходить из города всем органам армейского тыла лишь в угоду схеме, да еще в те дни, когда все население Серпухова готовилось встать на его защиту.

Чтобы иметь хоть небольшую, но вполне боеспособную воинскую часть, подчиненную городскому комитету обороны, мы сформировали из рабочих серпуховских предприятий, а также из числа ежедневно выходивших из окружения военнослужащих отряд численностью свыше 600 человек, прекрасно одетых, обутых и вооруженных. Этим, конечно, не ограничилось. В Серпухов на сборный пункт продолжали прибывать в одиночку и группами бойцы и командиры, выходившие из окружения или отставшие от своих частей. Для этих людей крайне важно было простое человеческое внимание и товарищеское отношение командования и политических органов. В результате 49-я армия получила довольно значительное пополнение людьми и техникой.

В то время случалось, что в тыл направлялись, так сказать, «бесхозные» автомашины, да еще с зенитными установками или ценным военным имуществом. Мы забирали их в отряд, подчиненный горкому партии. В результате он оказался оснащенным зенитными средствами в два-три раза выше любой нормы.

Одну из важнейших обязанностей начальника тыла армии в то время составляла эвакуация промышленного оборудования на восток. Нельзя было упустить ни одного дня навигации по еще не скованной льдом Оке. Ранние морозы угрожали ледоставом. День и ночь загружались баржи и отправлялись в сторону Горького. Какое только имущество не проследовало в этом направлении! В те дни прибыл в Серпухов один из заместителей наркома легкой промышленности (фамилии его не помню). Его задачей было ускорить эвакуацию текстильных предприятий, сырья. Он видел, как много непосредственно военных дел у начальника тыла армии, когда обстановка на фронте так тревожна. И все-таки он неотступно нажимал на меня, иногда припугивал, а иногда патетически заверял в глубочайшем ко мне уважении и обещал, что «наркомат и вся Москва никогда не забудут вас, вашу помощь и отблагодарят, как только кончится война».

Работники тыла 49-й армии делали все, чтобы спасти ценности. Но главная заслуга воинов армии состояла в том, что они не отдали Серпухов на поругание и разграбление врагу, в

честь чего уже после окончания войны у села Кременки установлен мемориал и открыт музей.

Однажды явился ко мне штатский человек и попросил принять от него машину, доверху наполненную деньгами, сложенными в мешки. Сколько денег в этих мешках, он не знал, так как не считал их при выносе из госбанка какого-то города, куда с минуты на минуту мог ворваться враг. Откровенно говоря, это «имущество» меня смутило: я не сразу решил, как поступить с ним. Да и начфин армии не мог предложить мне чего-либо путного. Один мешок денег — и то много. А тут целая машина! Кто их будет считать? Куда их девать? И время ли нам возиться с этим делом, если вокруг столь напряженная обстановка? Я дал этому человеку красноармейца для сопровождения и посоветовал поскорее отправляться в Москву, а если и там не примут, то ехать дальше на восток. Правда, наши автомобилисты не прочь были заменить его новенькую машину ЗИС-5 на более изношенную, но пришлось им отказать в исполнении этого соблазнительного намерения. Так и ушла куда-то на восток машина, полная денег…

Между тем положение на фронте все ухудшалось. В те дни со стороны Высокиничей на Серпухов двигалась колонна немецких войск, не встречая на своем пути какого-либо серьезного сопротивления. 49-я армия до крайности растянулась в обороне, и командарм вспомнил о серпуховском отряде рабочих, проходивших повседневно военное обучение. Он приказал бросить его навстречу противнику. Командование отрядом добровольно взял на себя комбриг П. А. Фирсов, человек решительный и храбрый: сдав мне обязанности начальника гарнизона Серпухова, он временно оказался не у дел. Под его командованием отряд серпуховчан не только остановил немецкую колонну, но и разгромил ее, захватив пленных и трофеи — немалое событие для того времени! П. А. Фирсов вскоре стал командовать дивизией, а затем корпусом и закончил войну в звании генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза.

Успех под Высокиничами воодушевил серпуховских рабочих, которые и до этого охотно выполняли любые задания, чтобы помочь Красной Армии.

Москвичи и жители подмосковных районов от мала до велика поднялись на защиту столицы. Строительство оборонительных рубежей составляло тогда одну из самых важных и неотложных задач. На всех дорогах, ведущих к Москве, устанавливались тысячи металлических «ежей», прорывались многие десятки километров противотанковых рвов. В самой Москве на каждой магистральной улице возвышались заграждения. По существу почти стерлись грани между фронтом и тылом. Небольшие

заводы и мастерские, цехи больших предприятий на оставшихся после эвакуации станках изготовляли минометы, гранаты, собирали самолеты У-2, ремонтировали пушки, танки, автомашины. На фабриках, в ателье и по домам изготовлялись теплые вещи для воинов; собирали теплые вещи у населения.

Жители Серпухова, Коломны и других населенных пунктов, входивших в полосу обороны 49-й армии, стремились помочь фронту. Женщины добровольно брали на себя обязательства сшить определенное количество ватных курток, шаровар, теплого белья. Мы давали им материалы, лампы и керосин, а особо нуждавшихся обеспечивали продовольствием и топливом.

Как пригодились изготовленные коломенскими и серпуховскими рабочими бидоны и ведра из нержавеющего сплава (с ватными утеплителями) для доставки горячей пищи и чая бойцам на передний край!

Трудно стало, когда начались морозы и снегопады. Ведь на переднем крае почти невозможно было подогревать пищу; немецкие наблюдатели выслеживали появление струек дыма и обрушивали по этому месту минометный огонь. Позже, когда появились банки с сухим спиртом и можно было разогреть пищу без всякого дыма, условия подготовки горячей пищи значительно улучшились. Но в первую военную зиму от длительного отсутствия горячей пищи участились желудочно-кишечные заболевания на передовых позициях.

Примерно в середине ноября в Перхушкове, где размещался штаб Западного фронта, Военный совет этого фронта созвал совещание начальников тыла армий, чтобы обсудить вопросы, связанные с материальным обеспечением личного состава. Первое место занял вопрос о доставке горячей пищи на передовые позиции. Член Военного совета Н. А. Булганин неоднократно подчеркивал, что И. В. Сталин лично интересуется тем, что делается для улучшения продовольственного снабжения воинов на переднем крае.

После этого совещания мы обратились за помощью к серпуховским и коломенским рабочим, и буквально за одну неделю люди изготовили тысячи ведер с крышками и чехлами, а также несколько сот ручных салазок. На этих салазках бойцы в маскировочных халатах доставляли горячую пищу непосредственно в окопы. Нередко они подвергались обстрелу со стороны врага. Бывали случаи, когда снайперы простреливали ведра. Но в общем доставку горячей пищи на передний край наладили, и это сразу же сказалось на самочувствии воинов.

Казалось бы, мелочь? Но такие «мелочи» важны. Какую, например, пользу принесли изготовленные серпуховскими

женщинами матерчатые маски против обмораживания! Они особенно потребовались кавалеристам корпуса П. А. Белова, входившего тогда в состав 49-й армии, а также ездовым и повозочным всех частей и соединений. Возможно, серпуховские труженицы после войны и забыли об этой «мелочи», за которую в то время в их адрес шли бесконечные письма с благодарностью от наших воинов. Я позволю себе и теперь сказать еще раз большое солдатское спасибо трудящимся Серпухова и Коломны за их помощь.

Секретарь Серпуховского горкома партии Гусев и председатель горсовета Соколов посетили бойцов на переднем крае. Я сопровождал их. Почти весь последний километр ползли по-пластунски, часто отдыхая. Добрались до окопа, из которого хорошо просматривался передний край противника. Я порекомендовал Гусеву побеседовать с бойцами в землянке с тремя накатами, но он предпочел устроиться за обратным скатом высоты, где можно собрать побольше людей. После беседы вручили подарки. Приближался вечер, люди разошлись по своим местам, и нам надо было возвращаться, но вдруг в 20–30 метрах начали рваться мины, пришлось укрыться в землянке. Минометный налет повторялся несколько раз. Когда совсем стемнело, руководители города благополучно добрались домой. Не пришлось даже ползти, как днем.

Население помогало нам в оборудовании госпиталей, в уходе за ранеными и больными. В отдельные дни в город прибывало с фронта по тысяче и более раненых. Далеко не всегда удавалось сразу или через короткое время эвакуировать их дальше в тыл, а многих по медицинским соображениям оставляли на месте, обеспечив им квалифицированную врачебную помощь и удовлетворительный быт. В госпиталях и медсанбатах, загруженных вдвое-втрое больше, чем полагалось по штату, не хватало медсестер, санитаров, уборщиц, истопников, и многим раненым пришлось бы очень худо, если бы опять-таки не помощь местных жителей.

Городские власти предоставили под армейские и дивизионные медицинские учреждения все сколько-нибудь пригодные помещения, в первую очередь школы и больницы.

Трудная задача легла на медицинский персонал, которому приходилось работать без отдыха по нескольку суток подряд. У врачей, часами не отходивших от операционных столов, отекали ноги; были даже случаи, когда им приходилось разрезать обувь. Работа хирургов нередко проходила под авиационными налетами и артиллерийским огнем противника. Случалось, штукатурка сыпалась во время операции на головы врачей, в открытые раны.

Бывало и хуже.

Забота о раненых составляла одну из важнейших задач органов тыла на протяжении всей войны. А в те дни противник нависал над Серпуховом с трех сторон; возможность вторжения его в город представляла вероятную опасность. От всех служб тыла требовалось предельное напряжение сил, чтобы обеспечить, если надо будет, полную и быструю эвакуацию нескольких тысяч человек. Я считал своей обязанностью возможно чаще бывать в госпиталях, выяснять нужды раненых.

Из разговоров с воинами выяснилось странное явление: почти никто из них не знал ни армии, ни дивизии, ни даже той части и подразделения, в составе которого находились до ранения. (Ни о каких медкартах передового района и речи тогда не было; первичная документация на раненого бойца заводилась в армейском госпитале или медсанбате). Отчего так получилось? Дело в том, что в армию поступало пополнение почти ежесуточно по одному-два эшелона, преимущественно ночью. Под прикрытием темноты бойцов выгружали из вагонов, тут же сажали в автомашины и везли прямо на передовую. А с рассветом они вступали в бой, не успев узнать даже фамилию своего командира отделения. Таких были тысячи. И поныне многие из них говорят правду, что воевали за Москву, ранены под Москвой, но где ранены — не знают.

Больше всего бойцы в госпиталях жаловались на нехватку табака и писчей бумаги. Недовольны были и отсутствием фотографов — каждому хотелось послать родным свой снимок, идет война, мало ли что случится. Но были не только жалобы. Многие раненые с благодарностью говорили о том или ином враче, медсестре, няне, о навещавших госпиталь серпуховских гражданах. В одном госпитале мне пришлось услышать слова благодарности хирургу Хмаре. Я удивился, знакомясь с этим хирургом, совсем молодой девушкой, почему-то ожидал увидеть пожилого и опытного врача. И уж никак я не мог предположить, что впоследствии Елена Дмитриевна Хмара и я станем навсегда неразлучны.

Много хлопот доставлял нам железнодорожный мост через Оку у Серпухова. В тревожные октябрьские дни 1941 года, когда положение на фронте было неустойчивым, командарм объявил мне, что я лично отвечаю за своевременность и полноту разрушения железнодорожного моста. При этом напомнил об алексинском мосте, по поводу которого тогда еще продолжалось следствие. Серпуховский мост надо было разрушить до основания.

Мост этот, вероятно, известен многим. Если соседний с ним

автомобильный мост был знаменит в то время своей ветхостью и невероятно скрипел, когда по нему проезжали, то прочный и изящный железнодорожный мост являлся гордостью нашей технической мысли. И вдруг такой красавец окажется изуродованным и повергнутым на дно реки…

Почему это задание возложили на меня? Потому, что мой штаб располагался в самом городе, неподалеку от железнодорожного моста. При возможной передислокации мыслилось, что управление тыла армии будет отходить позже первого эшелона штаба армии, и начальник тыла сможет дать в нужный момент команду на взрыв. Ведь речь шла об объекте стратегического значения: поспешишь со взрывом — причинишь огромный ущерб; опоздаешь — противник воспользуется уцелевшим мостом.

Несколько раз я и представитель службы военных сообщений армии выезжали на мост, проверяли надежность приготовлений к взрыву. К каждой балке были подвешены гирлянды шашек, во всех опорах — метровые ниши, в них заложили взрывчатку. Вся эта сложная система соединялась проводами. В специальном укрытии, недалеко от моста, находился сержант с подрывной машинкой. От движения его руки зависела судьба столь важного сооружения: стоило ему лишь повернуть ручку этой машинки на несколько градусов, чтобы мост превратился в бесформенную груду металла. Навещая саперов-мостовиков, я видел по лицу сержанта, что он понимает трагизм возложенной на него задачи.

Противник в течение нескольких недель вел методический обстрел моста из дальнобойных орудий, и лед был испещрен множеством лунок от снарядов. Однако не было случая, чтобы снаряд попал в балку или опору.

Советские войска, отстоявшие подмосковные рубежи, спасли мост от разрушения. Проезжая по этому мосту в послевоенные годы, я всякий раз живо вспоминаю то трудное время.

В октябре и ноябре наши войска отражали непрерывные атаки противника и одновременно готовились к решающим боям. Накопление боеприпасов для предстоящего контрнаступления считалось самой неотложной задачей, причем основным способом накопления являлась экономия их. Строжайше запрещалось вести артиллерийский огонь по малозначимым целям. Расход планировался поштучно, по два-три выстрела на орудие в сутки — так мало было снарядов. Можно себе представить, как обидно бывало артиллеристам видеть перед собой цель и не дать по ней залпа.

Однажды мне случилось быть в деревне, одну половину которой занимали немцы, а другую наши. На южной окраине

стояла полковая батарея. Ее командир отдал мне рапорт и доложил о наблюдаемом передвижении противника группами на противоположном конце улицы. Я спросил, почему он не накроет их огнем.

— К сожалению, не имею права, — огорченно доложил он. — Суточную норму мы уже израсходовали.

Я пообещал ему в виде исключения пополнить запасы снарядов (и даже с лихвой), если он не упустит благоприятного момента.

После нескольких метких выстрелов по видимой цели передвижение людей на стороне противника прекратилось, и воцарилась длительная тишина. Наши артиллеристы отвели душу.

В результате ежедневного подвоза боеприпасов с фронтовых складов и жесткой экономии в расходовании их к 5 декабря армия накопила не менее двух боевых комплектов, то есть по 160–200 снарядов на орудие. Этого было достаточно для артиллерийского обеспечения прорыва немецкой обороны.

В конце ноября и начале декабря на левом крыле Западного фронта продолжалась упорная борьба за стратегическую инициативу. Правда, вражеские войска еще не перешли к обороне, да и не стремились к этому, но и наступать по ранее принятому плану им уже не хватало сил.

Потерпев серьезное поражение под Каширой, гитлеровское командование предприняло попытку обойти Тулу с северо-востока. Общий замысел врага сводился к тому, чтобы встречными ударами 2-й танковой армии из района Венева и 4-й полевой армии из района Алексина перерезать железную дорогу Серпухов — Тула и симферопольское шоссе, полностью завершить окружение тульского гарнизона и в последующем овладеть Тулой.

Надо сказать, что вначале противнику сопутствовал успех. Перейдя 2 декабря в наступление со стороны Венева, ему удалось к исходу следующего дня овладеть несколькими населенными пунктами, в том числе и станцией Ревякино, перерезать железную дорогу и выйти к шоссе. Тула оказалась почти полностью окруженной. Между вражескими войсками, наступавшими навстречу друг другу, оставалось не более 5 километров. Но большего достигнуть противник не смог[6].

Ликвидация вражеского прорыва в районе станции Ревякино была возложена на 49-ю и 50-ю армии, которые выделили из своего состава ударные группировки войск. В 49-й армии для выполнения этой задачи привлекалась 340-я стрелковая дивизия с танковым батальоном.

В течение 5 и 6 декабря прорыв вражеских войск на восток ликвидировали, 7 декабря освободили станцию Ревякино, и противник под натиском ударных групп обеих армий вынужден был, бросая танки и другую тяжелую технику, спасаться бегством.

В ночь на 5 декабря вспыхнули ожесточенные бои на левом фланге нашей армии, в стыке с 50-й армией. Однако наступление противника и здесь потерпело неудачу, на следующий день мы отбросили его части в исходное положение.

Это были последние наступательные потуги врага.

В тылу, как нигде, четко просматривались признаки надвигавшихся перемен в форме боевых действий на фронте, и мы предполагали, что стоим на пороге грандиозных событий, к которым долго и тщательно готовились.

Разгром гитлеровцев под Москвой

Наконец долгожданный день наступил: 6 декабря 1941 года Западный фронт перешел в наступление. Наша 49-я армия вместе с другими объединениями получила задачу разгромить группировку врага, угрожавшую Москве с юга. Действия этих войск фронта составили Тульскую наступательную операцию. Ее характерной чертой явилось то, что армии переходили в наступление не одновременно. Первой утром 6 декабря начала наступать 10-я армия, которая взаимодействовала с частями 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, продолжавшими наступление после нанесенного контрудара под Каширой без какой-либо паузы. 8 декабря из района Тулы в сражение вступила 50-я армия. 49-я армия, имевшая в своем составе пять стрелковых дивизий со средствами усиления, перешла к активным действиям 14 декабря после разгрома группировки противника восточнее и южнее Тулы.

В задачу 49-й армии входило: 14 и 15 декабря окружить и уничтожить алексинскую группировку противника и развивать дальнейшее наступление на Калугу. Армия наступала в широкой полосе, достигавшей 70 километров; глубина ее боевой задачи

составляла 30 километров.

Войска нашей армии прорвали оборону противника и стали с упорными боями в нелегких условиях продвигаться на запад. Тогда стояли лютые морозы. Слой снега достигал 70–90 сантиметров. Это влияло на темпы наступления.

Тяжело пришлось работникам тыла армии в осеннюю пору, когда казалось, что весь транспорт безвозвратно засел в грязи. Но не легче стало и зимой. Боец с личным и групповым стрелковым оружием кое-как мог продвигаться вперед, преследуя противника. Но как быть с тяжелой боевой техникой, с автотранспортом? Нельзя сказать, что армии, которые имели в полосе своего наступления шоссейные дороги, находились в лучших условиях, нежели мы, наступавшие в менее благоприятной полосе. Всем было трудно. Везде приходилось расчищать снег, прокладывать дороги по целине. Именно в это время мы научились строить дороги, напоминавшие снежные коридоры протяжением до 100–150 километров.

Для дорожников то было время суровых испытаний. Как показал опыт, им меньше всего приходилось считаться с ранее существовавшими дорогами; крайне разбитые в осеннюю распутицу, они не вполне отвечали требованиям, предъявляемым к «снежной дороге». Удобнее оказались открытые поля, пусть даже перепаханные. На них свободнее выбрать кратчайшее направление, легче применить технику. Правда, техники не хватало. Даже грейдер на тракторной или конной тяге являлся большим подспорьем в строительстве полевых дорог. Расчищались обычно трех- четырехметровые полосы с разъездами. По обеим сторонам возвышались снежные стены высотой в 2–3 метра. Выгода таких дорог и в том, что, окрасив машины в белый цвет, мы добивались минимальной видимости их с воздуха.

Отступая, немцы сжигали и разрушали почти все населенные пункты. Не оставалось дорожных знаков, за исключением наименований деревень, написанных по-немецки. Между тем в условиях, когда вся местность покрыта толстым слоем снега и очень мало топографических карт крупного масштаба, крайне важно было обставлять необходимыми дорожными указателями не менее двух направлений в полосе каждой дивизии. Как же решили эту задачу армейские дорожники, во главе которых стояли опытные, трудолюбивые, весьма находчивые люди — военные инженеры 3 ранга Т. Н. Николаев и Р. Л. Ткачев? Они открыли «полевую художественную мастерскую» по изготовлению дорожных знаков. Знаки готовились и для тех населенных пунктов, которые еще находились у противника.

Руководствовались при этом картами самого крупного масштаба, на которых видны улицы, переулки. Пока шла борьба за тот или иной населенный пункт, машина, нагруженная дорожными знаками, находилась в непосредственной близости к нему, и через 2–3 часа после его освобождения уже устанавливались указатели на всех въездах и выездах. И командарм, и командиры дивизий не раз выражали свое восхищение четкой работой наших дорожников.

Первые же дни контрнаступления под Москвой зимой 1941 года показали, насколько недооценивалась роль тыла общевойсковым командованием. Поэтому Военный совет Западного фронта издал специальную директиву. В ней указывалось на слабое управление тылом со стороны военных советов армий и командиров соединений. Органы тыла, как правило, отрывались от войск, теряли управление. Многие командиры забывали, что без хорошо организованной работы тыла самая удачная операция может захлебнуться. Эта директива сыграла немалую роль в укреплении системы тылового обеспечения.

Зимнее наступление продолжалось. Благодаря снежным дорогам автотранспорт более или менее бесперебойно доставлял боеприпасы и продовольствие дивизиям. Но как подать все это в полки? Здесь на смену машине пришли сани.

Легко сказать — сани. Об оснащении ими войск тоже надо было подумать заблаговременно. Ведь на военных складах не было ни саней, ни специальной упряжи. Пришлось обратиться за помощью к местному населению и одновременно налаживать изготовление их своими силами. К концу декабря 49-я армия имела уже более трех тысяч саней с упряжью. Было сформировано несколько гужевых транспортных рот. В январе и феврале 1942 года вся масса перевозок в войсковом тылу легла на гужевой транспорт.

Однако чем больше гужевого транспорта, тем больше нужно лошадей, а следовательно, и фуража. Чем кормить 4 тысячи лошадей? Мы начали скармливать уцелевшие соломенные крыши и остатки фуража, покинутого эвакуированными жителями. Вскоре на всем фронте наступил жесточайший фуражный кризис.

Далеко в тылу, в пойме Оки, стояли десятки тысяч копен сена, скошенного летом 1941 года. Никто его не вывозил, и ему грозила полная гибель от весеннего паводка. Уже давно мы прослышали про это сено и подумывали, как бы воспользоваться им прежде, чем разольется река. Но для этого требовалось бросить в район сенозаготовок сотни саней с лошадьми и сотни бойцов, раздобыть сенопрессовальные машины, проволоку и

шпагат. Мы тщательно разработали план сенозаготовок и доложили его члену Военного совета бригадному комиссару А. И. Литвинову. Он сразу и решительно поддержал нашу инициативу. В течение декабря и января было запрессовано и вывезено к железной дороге свыше 5 тысяч тонн отличного сена, и в те дни, когда 49-я армия осталась почти без фуража, стали поступать один за другим железнодорожные составы с сеном.

Мы не только избежали такого ужасного бедствия, как массовый падеж коней, но оказались настолько обеспеченными по сравнению с соседями, что часть нашего сена начальник тыла фронта взял в свое распоряжение и передал другим армиям. В 50-й армии, например, у нашего соседа слева, конский падеж достиг наибольших размеров. Справедливости ради, следует признать, что в этой беде надо было винить не одних работников тыла. Конечно, и нашим лошадям пришлось бы так же плохо, как лошадям 50-й армии, если бы до этого командующий армией и член Военного совета не поддержали инициативу своих тыловиков.

У нас с командармом, как это часто бывает на войне, дружная работа перешла в личную дружбу. Мы даже условились оставаться неразлучно в одной армии до конца войны.

Один случай показал, как относился ко мне командарм. В январе 1942 года в ходе наступления штаб нашей армии переместился в деревню Барсуки, восточнее Юхнова. Здесь же находился и я с небольшой группой командиров тыла. Возвратившись из какой-то дивизии весь продрогший, я был рад жарко натопленной избе. Раздевшись, присел за столик и стал рассказывать о положении дел в дивизии. Тут же был секретарь парторганизации управления тыла армии И. И. Панкратов. Хозяйка с девочкой возилась у печки. Вдруг все обрушилось. Я пришел в сознание лишь после того, как меня извлекли из-под развалин и тлеющих обломков. Немецкий самолет, пролетая над деревней, угодил 100-килограммовой бомбой прямо в нашу избу. Погибло семь человек, в их числе и хозяйка с девочкой. Мой автомат, висевший на стене, перебило осколком пополам, в бурке оказалась добрая сотня дыр, а сапоги, лежавшие на полу, были изрешечены. Я отделался лишь легкой контузией. В этот момент возвращался с передовой командарм. Увидев догоравшие обломки моей штаб-квартиры и узнав, что в момент прямого попадания бомбы в избе находился я, он заплакал.

Все мы горевали по И. И. Панкратову, которого не стало после этой бомбежки. Это был необыкновенный человек. Партийную работу он начал еще в 1906 году как один из организаторов забастовки на Казанской железной дороге. Позднее

жил несколько месяцев на Капри, общаясь там с Горьким. Немало лет провел в сибирской ссылке. В 1941 году ему было за пятьдесят — возраст не призывной, но Иван Иванович решил вступить в ополченскую дивизию. В райвоенкомате ему в этом отказали, принимая во внимание возраст и служебное положение. Тогда он пошел в другой военкомат, где умолчал о своей работе, предъявив лишь партийный билет. Тут же был зачислен в ополченцы и через несколько дней сражался под Москвой. Когда его дивизия, понесшая большие потери, переформировалась, И. И. Панкратова перевели в 49-ю армию на должность делегата связи при начальнике тыла армии. Люди, занимавшие эту должность, обычно ездили в войска с разными поручениями, но, естественно, мы не могли «гонять» такого солидного человека по командировкам. Как раз в это время создавалась парторганизация управления тыла армии, и Панкратова избрали секретарем. Скоро он завоевал всеобщее уважение.

Не было сомнения, что Иван Иванович погиб. И вот в 1946 году, подойдя однажды к телефону, я услышал:

— С вами говорит Панкратов, Иван Иванович…

Опомнившись, я попросил Ивана Ивановича немедленно приехать ко мне.

Оказывается, когда авиабомба попала в наш домик в деревне Барсуки, И. И. Панкратов, тяжело раненный, провалился в подпол, где хранился картофель, и долго пролежал там без сознания. Его извлекли из-под развалин и доставили в госпиталь одной из соседних армий, откуда затем эвакуировали в Среднюю Азию. Он полтора года пролежал в гипсе. Мы, его друзья по 49-й армии, за короткий срок много раз перемещались из одного района в другой, переходили на службу в другие места, и Панкратов не мог нас найти, а мы его и не искали, считая убитым. К концу войны Ивана Ивановича доставили в Москву. Ходил он на протезе — одна нога стала короче на 8 сантиметров.

И. И. Панкратов умер в 1962 году.

Овладев 5 марта 1942 года Юхновом и выйдя за Угру, наша армия перешла к обороне. Иногда и в этот период бои носили ожесточенный характер. Противник не раз пытался отбросить наши войска на восточный берег Угры.

Около месяца штаб армии, включая и управление тыла, располагался в деревне Кувшиново, в 3–4 километрах от противника, находившегося на противоположном берегу реки. Гитлеровцы держали нашу деревню под непрерывным артиллерийским обстрелом. Сначала мы прятались в щелях, потом надоело, все сидели в домах и работали.

Близилось время весеннего паводка. Низководные мосты,

построенные армейскими инженерными и дорожными частями, вот-вот могли быть снесены ледоходом. День и ночь работали в течение двух недель мостостроительный и дорожностроительный батальоны, воздвигая высоководный мост через Угру. Наконец донесли рапортом о его постройке Военному совету армии. За несколько дней до этого командующий артиллерией генерал Н. А. Калиновский выставил вокруг моста зенитное прикрытие.

Мы знали, что немцы тщательно наблюдали с воздуха за нашим строительством. Наблюдали, но не нападали. А когда мост достроили и командарм торжественно разрезал ленточку для пропуска автомобильного транспорта, на другой же день противник произвел мощный налет авиации. Сначала он подавил наши зенитные средства, а затем разрушил мост. Стоя под деревом вместе с генералом И. Г. Захаркиным в каких-нибудь 500–600 метрах от моста, мы наблюдали картину его гибели.

Не описать обиды, какую пришлось испытать, увидев мост, упавшим в реку. Пришлось приниматься за строительство нового на том же месте с использованием уцелевших подходов (Угра разлилась в то время на 6–8 километров). Наконец по новому высоководному мосту пошли транспорты с боеприпасами, горючим, а затем и тяжелая материальная часть.

Как раз в те дни к нам в армию приехала монгольская делегация во главе с С. Лувсаном[7]. Она приехала по только что восстановленному мосту в сторону боевых порядков войск. К счастью, ей удалось выйти без потерь из зоны интенсивного артиллерийского огня, но все же командарму пришлось давать объяснение вышестоящему начальству, почему он допустил такую рискованную для гостей поездку. В составе делегации находилась С. Янжима — государственный и общественный деятель Монголии, жена и соратник Сухэ-Батора.

Вторая, более обширная монгольская делегация во главе с маршалом Чойбалсаном посетила другие войска фронта и вручила подарки советским воинам. Там тоже сложилась трудная боевая обстановка. К счастью, делегация благополучно миновала зону минометного и артиллерийского огня.

Забегая несколько вперед, скажу, что в апреле 1943 года на Брянский фронт в 61-ю армию прибыла делегация во главе с генеральным секретарем ЦК МНРП, начальником политуправления Монгольской народно-революционной армии генерал-лейтенантом Ю. Цеденбалом. Этой делегации также пришлось перенести немалые трудности при следовании на передовую. Местность оказалась настолько плотно заминированной отходящим противником, что каждый член делегации обязан был идти строго по стопам проводника, чтобы

не наступить на мину. Одна часть этой делегации во главе с Ж. Лхагвасурэном посетила войска Центрального фронта на Курской дуге. Мне довелось принимать ее.

Надо сказать, что на протяжении всей Великой Отечественной войны в лице Монгольской Народной Республики мы имели верного друга. Монгольская народно-революционная партия призвала свой народ грудью встать на защиту завоеваний Великой Октябрьской социалистической революции и идти рука об руку с советским народом в его борьбе с фашизмом. С первых дней войны от рабочих и служащих, животноводов и воинов Народно-революционной армии поступали многочисленные письма с просьбой отправить их в Советский Союз на борьбу с гитлеровскими захватчиками. По всей стране начался сбор средств и подарков для Красной Армии.

Монгольские женщины повсеместно создавали самодеятельные кружки для изготовления теплых вещей. Десятки тысяч полушубков, телогреек, валенок, а также значительное количество продуктов было отправлено из МНР на советско-германский фронт.

Коллективы промышленных предприятий без выходных дней работали по 10–12 часов и выпускали продукцию фронтового назначения.

На средства трудящихся Монголии была построена танковая колонна «Революционная Монголия» и передана делегацией во главе с премьер-министром МНР и главкомом монгольской армии маршалом Х. Чойбалсаном 12 января 1943 года одному из лучших танковых соединений Красной Армии — 44-й гвардейской танковой бригаде, которой командовал полковник М. Т. Леонов. Когда он погиб в битве под Курском, его заменил начальник штаба бригады полковник И. И. Гусаковский, впоследствии дважды Герой Советского Союза, генерал армии.

Каждая боевая машина колонны «Революционная Монголия» имела наименование того района, на чьи средства она была построена. Один танк носил имя Чойбалсана. Командир бригады И. И. Гусаковский дошел на нем до Берлина. В настоящее время этот танк установлен на одной из главных улиц Улан-Батора. На пьедестале по-монгольски и по-русски высечено: «Да здравствует боевая дружба монгольского и советского народов!»

В 1943 году на средства, собранные в МНР, была построена авиаэскадрилья «Монгольский арат», которая в составе Военно-Воздушных Сил СССР прошла боевой путь до Чехословакии.

За годы войны монгольские коневоды поставили для нужд фронта 500 тысяч табунных лошадей и, кроме того, подарили советским кавалеристам 30 тысяч коней, выезженных под седло.

В фонд помощи пострадавшим от войны советским гражданам трудящиеся МНР сдали более 40 тысяч голов продуктивного скота.

Оказывая нам помощь, Монгольская Народная Республика всемерно укрепляла и свои вооруженные силы. В 1945 году они приняли участие в разгроме Квантунской армии милитаристской Японии. Большое число монгольских воинов награждено советскими орденами и медалями. 26 февраля 1946 года в Кремле М. И. Калинин вручил орден Суворова I степени маршалу Х. Чойбалсану, орден Кутузова I степени генерал-лейтенанту Ю. Цеденбалу.

После войны дружба советского и монгольского народов все крепнет и крепнет с каждым годом.

Из советских людей в Монголии особой любовью и признательностью пользовались Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, а также многие другие участники боев на Халхин-Голе генералы и офицеры Красной Армии И. И. Федюнинский, И. М. Ремизов, Н. П. Яковлев, Я. В. Смушкевич, Г. П. Кравченко, С. И. Грицевец, Н. Ф. Гастелло и другие. Правительство МНР присвоило Г. К. Жукову звание Героя Монгольской Народной Республики с вручением ордена Сухэ-Батора. До последних дней жизни его не переставали навещать товарищи из МНР.

Искренний друг СССР первый секретарь ЦК МНРП, председатель Совета Министров МНР Ю. Цеденбал прислал мне в мае 1973 года в связи с Днем Победы письмо. В нем, в частности, говорится:

«…Радостно отметить, что происшедшая после минувшей войны глубочайшая перемена в социальном облике мира, коренное изменение соотношения мировых сил в пользу социализма, формирование и укрепление мировой социалистической системы, превращение ее в решающий фактор мирового развития — все это прямой и закономерный результат титанической борьбы и величайшей победы советского народа в Великой Отечественной войне. Поэтому трудящиеся МНР с чувством искренней благодарности к советскому народу, его героической армии, великой Ленинской партии вместе со всеми прогрессивными силами земли каждый год отмечают День Победы».

В ходе наступления зимой 1941/42 года Военный совет армии неослабно следил за материальным обеспечением войск. С этой же целью и я не раз выезжал в части и соединения. Один из таких выездов мне надолго запомнился.

По дороге к линии фронта узнал от командарма, что деревня,

куда я ехал (не помню ее названия, кажется, Суковка), уже занята нашими войсками и там можно разыскать командира полка. Вместе с адъютантом и шофером Д. М. Грунем мы прибыли туда и действительно нашли в школе командира полка с группой командиров. Но деревня была нашей лишь частично, во второй половине еще оставались немцы. Шла ожесточенная ружейно-пулеметная перестрелка.

Пока я беседовал с командиром полка, в 15–20 шагах от нас собрались командиры, чтобы не мешать разговору. Вдруг раздался громкий хлопок, все заволокло дымом от разорвавшейся мины. Командир полка предложил мне немедленно отойти за угол здания. Там я встретился с бойцом, прибывшим из какой-то роты, и только успел спросить его, как обстоят дела с питанием и обмундированием, как он упал, тяжело раненный осколком мины. Тогда командир полка сказал:

— Прошу вас, товарищ генерал, немедленно отсюда уехать. Мы были неосторожны, противник заметил скопление людей и не оставит нас в покое.

Нам стоило немало усилий выбраться из зоны минометного огня врага.

В 1972 году я получил письмо от участника боя за упомянутую деревню — командира танкового взвода Г. А. Чобаняна. По его словам, то была деревня Суковка на юхновском направлении. Интересна судьба этого мужественного человека. Ему посчастливилось остаться в живых после трех ранений и контузии. Как бы в награду за все пережитое, он обрел друга жизни при необычных обстоятельствах. Однажды на фронт пришла посылка, адресованная «самому храброму человеку в подразделении». В ней было письмо от Тамары Епифановой. Все решили, что посылка должна принадлежать Геворгу. Чобанян поблагодарил девушку и с той поры между ними завязалась переписка. Тамаре тогда было 18 лет.

В январе 1945 года, после третьего ранения, Геворг попал в один из московских госпиталей. Тамара приехала к нему.

— Мне показалось, — рассказывал Геворг, — что я знаю ее уже давно. Но чувствовали мы себя очень неловко и говорили лишь о том о сем.

Через неделю после войны они поженились.

Теперь Геворг Авакович и Тамара Павловна Чобанян проживают с сыном в Москве. Танкист сменил профессию на самую мирную — он работает в часовой промышленности.

В том же танковом батальоне служил командир Михаил Моторный, не раз побывавший с Г. Чобаняном в самых жарких схватках с врагом. Около года они находились в одном

подразделении и подружились. Затем пути их разошлись на десятилетия.

В 1970 году вышла книга Героя Советского Союза Д. Лозы «Презирая смерть». В ней описаны боевые подвиги танкистов в войне с гитлеровцами. Первый рассказ — о Г. Чобаняне, командире танковой роты 156-го танкового полка 45-й механизированной бригады. Читая книгу, М. Моторный взволновался:

— Неужто наш Чобанян?

Напечатанная фотография напоминала друга, каким он его знал. К сожалению, о дальнейшей судьбе Геворга в книге Д. Лозы не было рассказано. Тогда Михаил Моторный решил послать письмо в Армению. Там нашли Авака Чобаняна — отца Геворга. Моторный написал ему так:

«Дорогой отец Авак! Это письмо пишет один из самых близких друзей и товарищей вашего замечательного сына Геворга… Он был моим братом по крови, спас от взорвавшейся бомбы врага. Ваше письмо на фронт к Геворгу читал перед строем командир батальона Чернушевич[8]. Мне казалось, что это письмо и от моего отца, хотя я остался без отца, когда мне было 6 месяцев — его убили белогвардейцы. Дорогой папаша Авак! Я впервые с начала войны увидел такого смелого в бою и такого скромного в личной жизни, как Геворг. О нем можно сказать: храбрейший из храбрых, скромнейший из скромных. Когда немцы начинали свои атаки, Геворг садился в свой Т-60 и утюжил их бесстрашно. Он был грозой для фашистов. Мне бы хотелось, чтобы Вы, дорогой отец, все это знали и рассказали другим. Ваш рассказ будет в сто раз сильнее любого очерка, ибо это пишет Вам очевидец, товарищ и друг. Разрешите мне крепко обнять Вас как отца (ибо я своего отца не обнимал), еще раз поблагодарить за такого прекрасного сына, обнять и поцеловать. Разрешите сказать и закончить: Ваш сын Михаил».

Фронтовые друзья нашли друг друга через нашу литературу.

Но вернемся к дальнейшему повествованию.

Комиссаром тыла нашей армии был полковник А. Н. Рассадин. Вот уж настоящий комиссар! Он сочетал в себе черты партийного работника, хозяйственника, смелого военного человека и надежного товарища. Его незаурядные качества заметили. Рассадина назначили членом Военного совета в соседнюю армию, присвоили звание генерал-майора.

На замену ему прибыл полковник (впоследствии генерал-майор) И. С. Фурсов, с которым мы поработали недолго, так как я скоро убыл из 49-й армии. Но даже за короткий срок совместной

службы я увидел в нем те же черты опытного партийного работника. А. Н. Рассадин до войны был секретарем Бакинского горкома партии, И. С. Фурсов, инженер по образованию, — секретарем Сталинградского обкома.

Чувство глубокого уважения и благодарности к моим фронтовым комиссарам я сохранил до сих пор. Проникая во все «закоулки», они мастерски добивались образцовой работы частей и учреждений тыла по полному и своевременному обеспечению войск материально-техническими средствами. Под их непосредственным руководством наши коммунисты были всегда на самых трудных и опасных участках.

На Брянском фронте

Взаимоотношения у нас с командующим 49-й армией сложились настолько хорошие, что у меня и в мыслях не было желания менять место службы. Но вот раздался звонок из Москвы (у меня в то время был свой высокочастотный аппарат — ВЧ), на проводе — начальник штаба тыла Красной Армии генерал-майор М. П. Миловский. Справившись о здоровье и самочувствии, Михаил Павлович стал расспрашивать, как идут дела в армии. Докладывая все по порядку, я чувствовал, что не за этим он ко мне позвонил — не в обычае было, чтобы центральное начальство обращалось в армию, минуя фронтовое управление.

— Сколько времени вам потребуется на сборы? — спросил он меня.

От такого вопроса я растерялся и ответил не сразу. М. П. Миловский продолжал:

— Хрулев приказал вам быть готовым к отъезду через 24 часа. Куда ехать — указание последует дополнительно.

— Слушаюсь.

Я доложил командарму и попросил его заступиться за меня. Ведь мы собирались не разлучаться и вместе заканчивать войну.

Но через два дня поступило приказание из Москвы немедленно отбыть на Брянский фронт, где вступить в должность заместителя командующего фронтом по тылу. Это произошло в конце июня 1942 года. Прощание с генералом И. Г. Захаркиным было очень теплым.

Уезжая с Западного фронта, я увозил с собой уже немалый опыт, полученный в исключительно трудной обстановке. Надо отдать должное И. С. Хохлову — члену Военного совета фронта по тылу, — он умел будить в нас энергию, инициативу, изобретательность и любовь к своему делу. Человек незаурядных организаторских способностей, он знал экономику страны и ее нужды; на работу в армию перенес все, чему научился, будучи Председателем Совнаркома Российской Федерации. Главной его отличительной чертой было знание «мелочей» и замечательное умение сочетать эти «мелочи» с общегосударственными нуждами и задачами, умение заставить военных в полной мере использовать все, что есть вокруг них, чтобы поменьше обращаться к правительству со всякими просьбами. И. С. Хохлову принадлежит большая заслуга в воспитании многих военно-хозяйственных работников, вступивших в войну с классическими представлениями о безотказности и бесперебойности поставок в армию любого имущества — была бы представлена по начальству заявка.

Жизнь безжалостно опровергла розовое представление о том, что все блага будут поданы нам на блюдечке. В первое время даже заявки представлять было некому. Приходилось самому соображать, что и откуда взять, чтобы накормить бойцов, скорее доставить на фронт все необходимое. И Хохлов показывал пример кадровым военным, как надо решать организационно-хозяйственные задачи, возникавшие на каждом шагу. Выходец из трудовой семьи, он мог сам взять в руки топор или косу и доказать, что всякий, кто хочет, может научиться ими владеть.

Следуя на машине к новому месту службы, я старался мысленно представить себе обстановку, в которой придется решать задачи уже не армейского, а фронтового масштаба.

Проехали Тулу, Ефремов. День клонился к вечеру, когда водитель Грунь обратил мое внимание на едва заметные черные точки в воздухе:

— То ли птицы, то ли самолеты.

Не прошло и минуты, как увидели клубы дыма над Ельцом. Пока мы приближались к этому городу, фашистские стервятники сделали несколько заходов, сбросив сотни бомб. На главной улице нам встретились лишь несколько рыдающих женщин с детьми. Город казался мертвым: поваленные телеграфные столбы,

горящие дома — следы совершенного фашистами преступления.

В 12 километрах юго-восточнее Ельца располагался штаб Брянского фронта. Командовавший этим фронтом генерал Ф. И. Голиков в первой декаде июля 1942 года отбыл на вновь созданный Воронежский фронт. Ожидали другого командующего.

Должность начальника тыла фронта я принял от генерала В. Н. Власова. Встретились мы с ним в избушке, наполненной табачным дымом. Состояние рабочей комнаты и внешность генерала Власова были как бы отражением его настроения: небритое лицо, взъерошенные волосы, измятое обмундирование — все показывало, что он переживает глубокую депрессию в связи с неудачами: противнику удалось глубоко вклиниться на стыке между 13-й и 40-й армиями, и, несмотря на действия введенных в сражение нескольких танковых корпусов, приданных фронту, враг здесь не был ни разбит, ни даже оттеснен.

Из короткой беседы с В. Н. Власовым мне стало ясно, что Брянский фронт испытывает острую нужду буквально во всем: в продовольствии, горючем, боеприпасах. Главное — не хватает транспорта. По этой причине госпитали забиты ранеными — эвакуация по железной дороге затруднена непрерывной бомбежкой.

Неприглядную картину нарисовал мне Владимир Николаевич.

— Нельзя ли нам попить чайку? — спросил я.

— А почему бы нет? — ответил он. — Хоть сию минуту. Сейчас мы сядем в машину и поедем попить чаю.

Действительно, пришлось проехать около 5 километров. В одном из оврагов оказалась палатка с харчами. Из-за стакана чаю тратить столько времени!

— Да, у нас такой порядок. Велено никаких столовых вблизи штаба фронта не держать, — невесело разъяснил В. Н. Власов, — не демаскировать…

Накормить штаб фронта — это небольшой вопрос по сравнению с обеспечением всего фронта. Но штаб является «мозгом» фронта и время его работников надо беречь. Мне стало ясно, что этот вопрос требует решения.

Вскоре прибыл новый командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский. О нем, о его 16-й армии много писали в газетах. Имя Рокоссовского не сходило с уст, когда речь шла о боях под Ярцевом, об отражении немецких атак на волоколамском шоссе, о переходе наших войск в наступление на этом направлении. Знали мы и о том, что в Московской битве Константин Константинович был ранен.

Теперь мне пришлось встретиться с ним как со своим

командующим. Хотя мы увиделись впервые, у меня было впечатление, будто уже много лет знаем друг друга. Я рассказал о себе, о своей службе.

— Мы попали в очень сложное положение, — сказал Рокоссовский.

Глядя на карту, он рассказал об обстановке: 13-я армия, ставшая теперь левофланговой армией фронта, вела напряженные бои. Надо ей помочь.

Выслушав мой доклад о состоянии тыла, командующий пожелал мне успеха.

— Еще раз прошу побеспокоиться о раненых тринадцатой армии.

В тоне, каким генерал К. К. Рокоссовский это сказал, не было ничего похожего на приказ, но я почувствовал серьезную тревогу за 13-ю армию. По прибытии в штаб тыла я попросил начальника санитарного управления фронта генерала М. С. Ицкина подробно доложить о положении дел. По сводке начсанарма 13-й в деревне Барановка скопилось много раненых. Он просил помочь эвакуировать их. Ицкин же утверждал, что в 13-й армии вполне достаточно и свободных госпиталей и санитарных машин, и ему непонятно, как могла образоваться такая «пробка». Я немедленно выехал с ним в Барановку, находившуюся в 70–80 километрах от штаба тыла фронта.

Картина беспомощности и неорганизованности сразу же бросилась нам в глаза. На участке в 20–30 километров вдоль линии фронта располагалось четыре госпиталя в 5–8 километрах один от другого, в затылок к медсанбатам дивизий. По схеме правильно. Но три госпиталя совершенно бездействовали, а четвертый, в Барановке, принял свыше 2 тысяч раневых. «Принял» — это даже не то слово. Раненых не принимали, а просто разгружали по крестьянским дворам шоферы машин, идущих за боеприпасами на армейский склад к ближайшей железнодорожной станции. Была одна-единственная дорога от войск на армейский склад — она шла через Барановку. А так как санитарная эвакуация осуществлялась главным образом с помощью обратного порожняка, то водители машин, стремясь как можно быстрее доставить боеприпасы на фронт, не тратили времени на поиски госпиталей, укрытых в лесу, а считали более удобным воспользоваться ближайшим. К тому же служба пикетирования была поставлена из рук вон плохо, никаких указательных знаков в сторону развернутых в тылу госпиталей мы не обнаружили.

А что делается в госпитале, рассчитанном на 200 коек, если в нем оказалось 2 тысячи раненых, разбросанных по всей деревне?

Нетрудно представить. В этой обстановке нельзя было ограничиться только мерами административного воздействия. Из создавшегося положения пришлось сделать серьезные выводы и на этом примере показать, к чему ведет несогласованность действий различных служб тыла. За это в первую очередь отвечает начальник тыла армии.

Начсанарм 13-й разместил свои госпитали по довоенной схеме, вне связи с создавшейся обстановкой. Он не учел того, что в напряженных боевых условиях трудно заставить водителя транспортной машины делать крюк по бездорожью в поисках госпиталя, к тому же так хорошо замаскированного, что даже своим людям нелегко его найти. Обстановка подсказывала, что целесообразнее всего разместить госпитали вблизи дороги, идущей через Барановку. Пусть это явится нарушением схемы устройства санитарного тыла, зато раненым будет намного лучше. В данном случае штаб тыла армии действовал по шаблону, не проявляя инициативы.

Тяжелый урок, извлеченный нами в Барановке, был немедленно доведен до сведения других армий. Санитарное управление фронта оказало действенную помощь 13-й армии. Командующий фронтом одобрил меры, принятые по этому поводу.

Близилась осень. Необходимо было подумать об обеспечении войск на зиму. Сидеть сложа руки в ожидании, когда центр даст все необходимое, неразумно. Осень — значит надо заготовлять продовольственное зерно, фураж, картофель, овощи, организовать нагул скота, поступавшего в живом виде, и так далее.

Не раз пришлось советоваться по этим вопросам с секретарем Орловского обкома партии Н. Г. Игнатовым. Но кроме Орловской в границы тыла фронта входили еще четыре области.

Военному совету доложили план мероприятий по заготовкам. Командующий внимательно рассмотрел его и помог выполнить.

— Как ни трудно отвлекать с фронта машины, людей, но еще хуже, если придется голодать зимой, — заметил К. К. Рокоссовский.

На самолете У-2 вместе с начальником продотдела И. И. Макаровым я облетел Тульскую, Рязанскую, Пензенскую, Тамбовскую области, всюду доложил гражданским руководителям о предпринимаемых фронтом шагах и всюду заручился поддержкой. По согласованию с областным руководством расставили кадры военных заготовителей и автотранспорт, определили пункты хранения всего заготовленного. Что касается Орловской области, то здесь перед

нами стояла задача не только помочь сильно поредевшему населению убрать урожай, но и провести осенние полевые работы. Мы дали семенной материал, горючее, автотранспорт, а там, где было возможно, и тракторы.

У нас легко складывались дружественные рабочие связи с обкомами и райкомами, с облисполкомами и райисполкомами прифронтовых областей, особенно Орловской и Тульской. Секретарь Тульского обкома партии В. Г. Жаворонков и председатель облисполкома Н. И. Чмутов с исключительным вниманием относились к нуждам фронта. У них свежи были в памяти дни героической обороны Тулы. Таких руководителей не надо было убеждать, чем нужно помочь фронту. Они сами организовали в Туле ремонт и изготовление оружия, предоставили все лучшие помещения под фронтовые госпитали, нашли возможность разместить ремонтные базы. Со своей стороны и фронт делал все, чтобы помочь области в восстановлении хозяйства, особенно угольных шахт. Тыловые органы своими силами полностью восстановили две затопленные шахты и наладили там добычу угля.

О нашей работе с секретарем Орловского обкома партии Н. Г. Игнатовым стоит сказать подробнее. Командующий, относившийся к нему с глубоким уважением, не раз обращал мое внимание на меры помощи пострадавшим районам. Эта многострадальная область долго была театром вооруженной борьбы с немецким фашизмом, ее люди подверглись массовому уничтожению, экономика — разрушению. Когда в августе 1943 года Орел освободили, мы увидели город почти сплошь в руинах. На долю Н. Г. Игнатова выпала тяжелая обязанность руководить всеми восстановительными работами.

Наши деловые взаимоотношения с гражданскими властями содействовали тому, что заготовки везде шли успешно. Хуже обстояло с вывозом заготовленного к железной дороге.

Считать ли заготовленным то, что находится в «глубинках»? Опыт минувших лет показывал, что не вывезенное оттуда зерно так и оставалось там до следующего года, и заготовительные органы не рассматривали его как реальный ресурс. Военный совет фронта принял специальное решение о мерах усиления работ по вывозу в первую очередь из глубинных пунктов. После этого к пристанционным заготовительным пунктам было подвезено различного зерна и фуража почти на годовую потребность фронта. Было чему радоваться — приближение зимы нас не страшило!

Вскоре стало известно, что член Государственного Комитета Обороны А. И. Микоян созывает в Кремле совещание начальников

тыла фронтов для обсуждения вопроса о готовности к зиме в продовольственном отношении.

Партия возложила на А. И. Микояна наблюдение за обеспеченностью Вооруженных Сил продовольствием, горючим, за своевременной доставкой на фронт боеприпасов, вещевого имущества. Кроме того, А. И. Микоян как член ГКО ведал тогда заготовками, импортом для армии, внешней и внутренней торговлей, в его ведении находились морской и речной флоты.

Самым острым вопросом в первый год войны было обеспечение армии теплым обмундированием и валяной обувью. Зима, как известно, выдалась лютая, снежная. Но благодаря героическим усилиям советского народа и хорошей организации действующая армия своевременно получила добротную обувь и одежду, и поэтому обморожений почти не было. В 1942 году на первый план выдвинулось снабжение армии продовольствием. Для этого и созвали упомянутое совещание.

Для участия в совещании я пригласил с собой начальника продовольственного отдела фронта И. И. Макарова, который до войны не раз встречался с А. И. Микояном. Поскольку Брянский фронт проделал немалую работу по заготовкам продовольствия и я знал где, что и в каком количестве заготовлено, предстоящая встреча меня не очень беспокоила.

Совещание в Кремле продолжалось одну ночь. Первым выступил начальник тыла Волховского фронта. Поднявшись, он стал перелистывать свою записную книжку в поисках данных, но темпераментный А. И. Микоян переходил от одного вопроса к другому, и докладчик не успевал находить нужную страницу, а наизусть ничего не помнил. Крайне раздраженный неосведомленностью начальника тыла А. И. Микоян тут же приказал освободить его от занимаемой должности. Затем выступил с докладом начальник тыла Западного фронта генерал В. П. Виноградов. У него обошлось все благополучно.

Наступила моя очередь. Я привез с собой схемы и диаграммы на ватмане, наглядно показывавшие состояние запасов продовольствия. Анастас Иванович, находившийся на противоположном конце стола, подошел ко мне и сел рядом. Мой доклад фактически превратился в оживленную беседу с ним.

И поныне остается в памяти огромный масштаб практических дел, которыми непосредственно занимался Анастас Иванович. Невозможно представить себе сколько-нибудь значительного государственного мероприятия по обеспечению нужд действующей армии без его активного участия.

За короткое время пребывания на Брянском фронте у меня

сложились дружеские отношения с начальником штаба фронта генералом М. С. Малининым и с начальником артиллерии фронта генералом В. И. Казаковым. В создании дружеского расположения, связавшего руководящих работников фронта, весьма важную роль играл К. К. Рокоссовский. Мои отношения с ним стали еще более сердечными, чем в первые дни знакомства.

Вскоре по приезде на Брянский фронт меня наградили орденом Красного Знамени, к которому был представлен за участие в битве под Москвой. По тем временам орден Красного Знамени для начальника тыла армии представлял необычно высокую награду, и я им очень гордился.

30 сентября 1942 года генерала К. К. Рокоссовского назначили командующим Донским фронтом. Он пригласил с собой на новое место работы генералов М. С. Малинина, В. И. Казакова и меня, чему я был рад. Но А. И. Микоян запретил перемещать меня до полного завершения успешно начатых заготовок. А через полтора месяца новому командующему Брянским фронтом М. А. Рейтеру приказали передать Донскому фронту большую часть заготовленного нами продовольствия, находившегося в тех областях, которые примыкали непосредственно к Донскому фронту. Это огорчило нас до крайности, хотя мы и понимали, что лучшего выхода у центра не было.

Положение на Брянском фронте в конце 1942 года было напряженным: то на одном, то на другом участке противник пытался атаковать. Особенно трудная обстановка сложилась на участке 48-й армии, у генерала П. Л. Романенко, и как раз в этой армии в то время не оказалось начальника тыла.

Помощник начальника тыла Красной Армии по кадрам генерал И. Т. Смелов позвонил мне из Москвы и спросил, знаю ли я дивизионного комиссара М. К. Шляхтенко и могу ли принять его на работу в наш фронт. Я согласился с назначением его начальником тыла 48-й армии. Первое время трудно пришлось Шляхтенко в этой должности.

Командующий 48-й армией генерал П. Л. Романенко не всегда умел справедливо судить о своих подчиненных вообще и, в частности, не сумел понять вновь назначенного начальника тыла. Армия в те дни едва сдерживала натиск противника, и малейшую неудачу на фронте генерал объяснял плохой работой тыла. Дошло до того, что командарм поставил перед командующим фронтом вопрос о смещении Шляхтенко. Как сейчас помню, разговор командующего фронтом, находившегося в штабе 48-й армии, со мной по телеграфному аппарату «Бодо».

— Откуда вы взяли этого Шляхтенко? Известно ли вам, что

он проваливает дело? Я требую от вас принятия решительных мер.

Прочитав на ленте эти слова, я заверил генерала Рейтера, что приму меры, и в ту же ночь сам прибыл в расположение штаба тыла 48-й армии. Еще до отъезда я приказал немедленно загрузить и отправить в эту армию один автобатальон с боеприпасами, а другой — с горючим.

Я не сразу узнал Шляхтенко. Лицо его стало землистым, он давно не брился, несколько ночей не спал, и мне казалось, что он ко всему равнодушен, потерял способность сказать что-либо внятное в защиту свою и подчиненных.

— Трудно, очень трудно, — только это и услышал я от него.

По разному можно подойти к такому человеку. Самым распространенным в то время методом считалось снятие с должности, и это в наибольшей мере оправдало бы меня в глазах командующего фронтом. Но ведь это был Шляхтенко! Я знал всю его жизнь. Член партии с 1919 года, стойкий коммунист, человек высокой культуры, пользовавшийся всеобщим уважением среди пограничников Среднеазиатского, а затем Украинского пограничных округов. Я верил, что он способен хорошо и быстро освоить новое для него дело.

Размышляя об этом и будучи совсем не весел, я начал с того, что самым веселым тоном порекомендовал Михаилу Кондратьевичу немедленно побриться, затем позавтракать со мной и отдохнуть. Он так и сделал. Пока Шляхтенко отдыхал, я как бы замещал его. Благодаря принятым мерам положение со снабжением армии заметно улучшилось. А сам Шляхтенко, отдохнув, выглядел совсем иным человеком.

Оставалась неразрешенной одна «деталь». Дело в том, что из Москвы Шляхтенко прибыл в форме дивизионного комиссара. Когда вводились погоны, я предложил ему надеть знаки различия полковника, сам же имел в виду договориться с Романенко о последующем представлении его к присвоению этого воинского звания. При сложившейся тогда в 48-й армии обстановке трудно было рассчитывать на благосклонность командарма.

Однако, как нередко бывает на фронте, жизнь буквально «переворачивает мозги» людей. 48-я армия не только устояла против превосходящих сил противника, но и нанесла ему большой урон. Командарм после этого не раз выражал удовлетворение работой начальника тыла армии Шляхтенко и сам, без моей просьбы, добился того, что Шляхтенко стал «законным» полковником.

Командующий Брянским фронтом генерал-полковник М. А. Рейтер немало внимания уделял тылу. Он сам в первые месяцы

войны был начальником тыла Брянского фронта и ушел с этой должности после ранения. Главным, по его мнению, в работе тыла должна быть постоянная забота о бойцах, особенно на передовой. Рейтер любил вспоминать при этом, что он сам прошел суровую жизнь солдата еще в империалистическую войну.

Когда наступила зима 1942/43 года, для изучения быта солдат и боеготовности войск фронта в целом командующий создал несколько комиссий во главе с начальником штаба, прокурором, начальником политуправления, начальником тыла фронта.

Мне пришлось обследовать одну из дивизий 13-й армии. От дивизии до полка добирался на санях, а далее — в маскировочном халате пешком до батальона и наконец по ходам сообщения — в роту и взвод. Со мной шли мой адъютант и командир батальона. В беседе принимали участие 15–20 солдат.

Я просил их без всякого стеснения рассказать о житье-бытье, заверив, что их пожелания будут доложены на заседании Военного совета фронта.

Прежде всего коснулись вопроса об одежде, обуви и питании. Ведь стояла зима, сильные морозы чередовались с оттепелями, а это — бич для снабжающего фронт обувью. В валенки или ботинки обуть солдата? Обременять его хранением в вещевом мешке лишней пары обуви, конечно, невозможно. Не только килограмм, 100 граммов добавочного груза на плечи бойца заметно его утомляют. Где же хранить запасную обувь, которая может понадобиться при смене погоды?

По-разному решался этот вопрос в дивизиях и армиях. В одних при выдаче валяной обуви всю кожаную собирали на склад дивизии, там ремонтировали и хранили до весны. В других вся обувь концентрировалась на армейском складе, и это был более надежный способ ее сбережения. Но и в том, и в другом случае боец не мог сменить обувь, если внезапно менялась погода. Вот почему этот вопрос и был мною задан при встрече с воинами. Пришли к выводу, что без валенок оставаться до конца зимы нельзя ни на один день, а для всякого случая хорошо бы иметь два-три десятка пар кожаной обуви разных размеров в батальоне.

Далее я просил показать паек неприкосновенного запаса (НЗ), который по уставу должен находиться в вещевом мешке каждого бойца. Увы! Ни у кого НЗ не оказалось. Командир батальона объяснил, что все пайки НЗ хранятся в специальном укрытии при штабе батальона и выдаются на руки в случае необходимости. Практика показала, по словам командира батальона, что такой способ более надежен. На обратном пути я проверил порядок хранения пайков, и мне оставалось лишь поблагодарить

командира батальона.

— Как часто моетесь и меняете нательное белье? — спрашивал я бойцов.

Несмотря на весьма суровую обстановку, командир полка и полковой врач обеспечивали всему личному составу мытье со сменой белья регулярно один раз в декаду. За полтора года войны мы научились соблюдать гигиену в любых условиях.

Горячая пища подавалась в окопы, по словам бойцов, регулярно, но не хватало специй. Надоели концентраты. «Колбаса второй фронт», как называли иронически воины американские мясные консервы, лишь отчасти восполняла недостаток мяса. И все в один голос заявляли, что советские мясные консервы приятней на вкус.

Получили одобрение банки с сухим спиртом. Благодаря им подогревали пищу в окопе без риска демаскировать себя: ведь такой огонь дыма не дает. К сожалению, на фронте мало было сухого спирта.

Перебои в обеспечении махоркой или табаком оказались наиболее жгучим вопросом, и мне пришлось выслушать немало справедливых жалоб. Но положение табачной промышленности оставалось еще тяжелым. Мы должны были восстановить одну махорочную фабрику сами и заготовили изрядное количество табачного листа; однако приходилось еще ждать некоторое время, пока фронт станет производить махорку своими силами.

Личный состав довольно хорошо был осведомлен об обстановке на других фронтах и о международной жизни. Разгром и пленение многотысячной армии Паулюса под Сталинградом воодушевили наших воинов. Буквально через несколько дней после этой победы им пришлось участвовать в наступлении на Касторное, преследовать немцев на курском направлении, и они понимали, что, собственно, это было продолжением Сталинградской битвы.

По возвращении в штаб фронта всех участников обследования состоялось расширенное заседание Военного совета, на котором председатели комиссий сделали подробные доклады. Полученный таким образом материал послужил основой для практической работы всех служб фронтов, особенно служб тыла и политуправления.

В феврале 1943 года возникли большие затруднения с железнодорожными перевозками. На курское направление шли один за другим эшелоны с войсками Донского фронта. Елецкий узел перегрузили до крайности, и, заметив это, противник усилил авиационные налеты на него. Вот тут-то и сказалось значение обходного железнодорожного пути, построенного вокруг Ельца

еще до войны. Фактически мы не имели ни часа перебоев в пропуске поездов по обходному пути, когда станция и главные пути подвергались вражеским ударам.

Совершенно неожиданно появился в моей штаб-квартире генерал-полковник К. К. Рокоссовский. На его груди был еще не виденный мною орден Суворова I степени — высшая полководческая награда, как гласит статут. Прошло более пяти месяцев после его отъезда с Брянского на Донской фронт. Назначенный теперь командующим вновь созданным Центральным фронтом, он спешил в район Курска. Два часа нашей встречи пролетели как одна минута. К. К. Рокоссовскому предстояло проехать на машине в условиях зимнего бездорожья не менее 250 километров. 8 февраля 1943 года Курск был освобожден от немцев. В освобождении этого города участвовали и войска Брянского фронта.

В межбоевые периоды войска совершенствовали свою выучку, укрепляли оборонительные рубежи. Медицинские учреждения долечивали раненых. Приводились в порядок боевая техника, транспорт и т. д.

В такое время не лишне было подумать и о «ремонте» командного состава, в первую очередь низшего звена (рота, батальон). По директиве из центра фронтам рекомендовалось создать условия для их кратковременного отдыха.

На Брянском фронте мы решали эту задачу различными способами. На базе фронтовых и армейских госпиталей организовали двухнедельные дома отдыха. В тылу дивизий (на стыках между ними) открыли чайные с комнатами отдыха на 20–30 коек. Здесь офицер мог отдохнуть в течение трех — пяти дней и при необходимости быстро возвратиться в свое подразделение. На фронтовых и армейских военно-автомобильных дорогах открывались гостиницы, где проезжий военнослужащий получал по аттестату хорошее питание и отдых. Основная трудность состояла в том, что недоставало женских кадров для выполнения обязанностей поварих, официанток, уборщиц и т. п.

Недолго просуществовали все эти чайные и гостиницы. Но значительная часть офицеров получила возможность хоть на короткое время уйти от тяжелой окопной жизни. Многим была оказана медицинская помощь. Главное — человек мог спокойно отоспаться и отдохнуть от артиллерийской и пулеметной «музыки».

На Курской дуге

Необычно рано началась оттепель в районе Курска весной 1943 года. Дороги были в плохом состоянии. Размякли суглинки и чернозем. Наступила жесточайшая весенняя распутица. Лишь по шоссе Орел — Курск можно было добраться на машине до линии фронта, а вправо и влево от него с трудом пробиралась даже лошадь. Десятки тысяч людей, лошадей, множество орудий и минометов оказались отрезанными от баз снабжения. На фронте возникли осложнения с продовольственным обеспечением войск. Разумеется, о продолжении наступления и речи быть не могло.

Не помню точно, 10 или 11 марта я получил телеграмму от генерала А. В. Хрулева с приказанием прибыть самолетом в штаб Центрального фронта. Доложив об этом своему командующему, я приказал подготовить самолет У-2.

Предстояло лететь из Ефремова до деревни Свобода 1,5–2 часа. Вылетели затемно, чтобы не нарваться на немецких истребителей, и около восьми утра приземлились, шлепнувшись в лужу. С трудом преодолев больше километра непролазной грязи, я разыскал домик, в котором располагался К. К. Рокоссовский; в этот момент там находился и А. В. Хрулев. По всей вероятности,

мой далеко не парадный вид немало смутил Хрулева, предложившего мне сначала привести себя в порядок. Генерала И. Г. Советникова освободили от должности начальника тыла Центрального фронта. На его место намечался я, но на это назначение требовалось согласие Государственного Комитета Обороны.

Недалеко от домика командующего был домик члена ГКО Г. М. Маленкова. Меня представили ему. Он спросил:

— Сумеете ли вы выправить положение?

Я ответил, что приложу все силы.

— Такой ответ меня не удовлетворяет, я не знаю, сколько у вас сил, — сказал Маленков.

Я промолчал. Рокоссовский и Хрулев повторили, что они меня рекомендуют. После телефонного разговора Маленкова со Сталиным мне предложили вступить в должность начальника тыла Центрального фронта.

Я получил указания от К. К. Рокоссовского и А. В. Хрулева. Андрей Васильевич приказал в течение 48 часов ознакомиться с положением, после чего взять в свои руки управление тылом полностью. Недавно изданный им же самим приказ о том, что в подобных случаях сдающему и принимающему дела предоставляется 15 суток на оформление акта, в данном случае, как он сказал, не берется в расчет.

Через час я был в Курске, где располагались штаб тыла фронта и все его службы снабжения. Познакомившись с генералом И. Г. Советниковым, я почувствовал к нему симпатию. Мне показалось, что решение снять его с должности возникло в результате неблагоприятных обстоятельств, не зависящих от него. Он рассказал, что беда не в одной лишь распутице, парализовавшей подвоз; перемещаясь в район Курска, управление тыла, его штаб и ряд руководящих тыловых работников оказались разбросанными на пути от Дона до Курска. Начальник штаба тыла генерал И. М. Карманов находился в Ельце, откуда командовал всем грузопотоком в сторону Курска. Иными словами, войска фронта уже вели боевые действия, а сколоченного аппарата управления тылом не было. Возможно, «вина» Ивана Герасимовича Советникова заключалась в его чрезмерной уступчивости по отношению ко второму члену Военного совета фронта по тылу полковнику М. М. Стахурскому, имевшему тенденцию не всегда компетентно подменять начальника тыла.

Тут же я убедился, что личный состав управления тыла фактически не работает, потому что люди только успевают бегать в щели — фашисты бомбили Курск днем и ночью.

Штаб и службы несли немалые жертвы, но уйти из города не могли из-за полного бездорожья: для размещения служб тыла требовалось не меньше 10–15 деревень и надежные дороги.

А. В. Хрулев сказал, что могу взять с собой с Брянского фронта любого работника, если это нужно для дела. Чтобы воспользоваться столь широким разрешением, я должен был как можно скорее и лучше узнать офицеров тыла Центрального фронта. При тогдашней обстановке важнейшее место занимала продовольственная служба, и мне стало ясно, что ее надо усилить новым, более энергичным и знающим руководителем. Таким был генерал Н. К. Жижин, которого я хорошо знал по Брянскому фронту. Пришлось также укрепить руководство и некоторыми другими службами. В целом же коллектив работников тыла Центрального фронта произвел на меня хорошее впечатление, и со многими мне довелось потом пройти путь до самого конца войны. Самыми сильными были начальник штаба тыла генерал И. М. Карманов, начальник дорожного управления фронта полковник, впоследствии генерал Г. Т. Донец, начальник санитарного управления фронта генерал А. Я. Барабанов.

Прежде всего требовалось решить проблемы, как доставлять продовольствие на передний край. На фронтовых и некоторых армейских складах его было даже в избытке. Но как одолеть распутицу?

Говорят, что лучшее решение отличается сравнительной простотой. Я вспомнил, как перед войной подавались продукты на погранзаставу «Поп-Иван»; один носильщик доставлял 40–50 килограммов продуктов в рюкзаке на плечах. Почему бы не попробовать такой метод и в труднейшей обстановке Центрального фронта? Была, правда, разница в масштабах. Там речь шла о полусотне людей, а здесь — о десятках тысяч…

В первую очередь нужно было позаботиться о войсках 70-й армии. После всестороннего обмена мнениями решили применить метод эстафеты, то есть организовать вдоль линии фронта передачу по цепи из рук в руки мелко затаренных грузов. Для этого требовались десятки тысяч мешочков и мешков. Где их взять?

Обратились за помощью к курским женщинам. В кратчайший срок они изготовили нужное количество мягкой тары. В небольшие мешочки вкладывался трех- четырехдневный запас продуктов на одного или нескольких человек. Затем все это затаривалось в один общий мешок весом 15–20 килограммов и доставлялось на машинах по шоссе до тех пунктов, куда позволяла боевая обстановка и состояние дорог. А далее

начиналась эстафета конных и пеших солдат вдоль линии фронта на расстояние до 40 километров. При таком способе транспортирования особенно бережного обращения требовали табак, сахар, соль, иначе все могло перемешаться. Вот почему и понадобилось нам так много мелких мешочков.

Прошло несколько дней, и положение решительным образом изменилось. Если раньше в сводках, получаемых из дивизий, в графах «хлеб», «сахар», «табак» и других чаще всего стояли нули, то теперь в этих же графах стали появляться единицы, затем двойки, тройки. Обеспеченность войск продовольствием в суточном исчислении с каждым днем повышалась и была доведена до 5–7 суток.

На некоторых участках 70-й армии снаряды к артиллерийским позициям доставлялись также носильщиками. Конечно, не таким способом можно удовлетворить потребность объединения, но ведь не вечно длится и распутица.

Тем временем авиационные налеты на Курск продолжались. Основные удары приходились по железнодорожному узлу. Не успевали закончить восстановление путей, как противник снова и снова их разрушал. Движение поездов через Курск в сторону Льгова, Понырей и к нашему соседу слева в сторону Обояни временами вовсе прекращалось. Учитывая эффект, полученный от обходных путей, проложенных еще до войны вокруг Ельца, мы опять обратились за помощью к жителям Курска, чтобы построить временную обходную линию протяженностью свыше 7 километров вокруг железнодорожного узла. В небывало короткие сроки такой обход был готов, и дальнейшие бомбежки Курска уже не влияли на пропуск поездов на Льгов и Обоянь.

Надо отдать должное военным железнодорожникам, строившим эту дорогу в обход Курска и восстановившим разрушенные участки путей и мосты. Центральный фронт имел тогда лишь одну железнодорожную бригаду под командованием полковника П. И. Бакарева (впоследствии Герой Социалистического Труда, ныне генерал-майор в отставке) из состава Управления военно-восстановительных работ № 1 (начальник УВВР полковник Ф. Н. Доронин, ныне генерал-майор в отставке). В обеспечении победы на Курской дуге эта бригада (особенно 17-й железнодорожный восстановительный батальон под командованием П. И. Коршунова) сыграла большую роль. Воины-железнодорожники с помощью жителей Курска делали все возможное и невозможное, чтобы пропускать поезда на фронт, работая под сильными и частыми ударами авиации противника.

В конце апреля 1943 года штаб тыла фронта

передислоцировался в деревню Терепша, в 14 километрах от Свободы. Службы тыла разместились в соседних деревнях.

Стремительное наступление советских войск зимой не дало возможности фашистам сжечь Терепшу. Она сохранилась во всей своей красоте: чистые, сверкающие белизной дома с раскрашенными оконными наличниками, похожие на уютные украинские хаты; зацветающие сады и палисадники; вербы, раскинувшиеся по обоим берегам неширокой, но довольно глубокой речки Терепши.

Не раз приходилось удивляться искусству наших квартирьеров в подыскании мест для расположения штабов и управлений. Эти квартирьеры подходили, конечно, не с позиций художника к оценке той или иной местности. Главный принцип, которым они руководствовались, — это по возможности непримечательность, так сказать, будничность пейзажа, чтобы с воздуха данная местность ничем не выделялась, не бросалась в глаза. Поэтому окончательное решение на размещение в новом районе принималось лишь после того, как офицер штаба несколько раз просмотрит район с воздуха на различных высотах. Но в данном случае деловой выбор Терепши и других прилегающих деревень вполне совпал бы даже со вкусом художника-пейзажиста — так красив этот район курских пригородов.

Полковник М. С. Новиков, заместитель начальника штаба тыла, имел опытных квартирьеров, у которых был наметан глаз: они хорошо определяли потребное количество населенных пунктов и домов в них, возможный радиус рассредоточения учреждений с учетом дорог, транспорта, средств связи, количества столовых, а главное — средств зенитного прикрытия. Ведь дело касалось размещения почти 2 тысяч солдат, офицеров, генералов, гражданских служащих. Их надо было разместить так, чтобы ни на один час не терялось управление всей системой тыла фронта.

Не менее сложную задачу решали при передислокации штабов работники службы питания. Наши военторговцы научились трудиться так, что всюду, в любой момент их «точка» с необходимым набором продуктов оказывалась тут же, рядом со штабами фронта и армий, нередко — дивизий. Сколько раз этим людям приходилось попадать под бомбежку, а они все же продолжали свое дело, хотя формально, как вольнонаемные, могли и не подвергать себя таким испытаниям. И о расположении «точек» военторга на новом месте должны были подумать квартирьеры. Не забывали и о строительстве бань.

Вблизи деревни Терепша была проведена общефронтовая

хирургическая конференция, на которой присутствовало более 500 врачей, а также вся группа главных медицинских специалистов, прибывшая из Москвы во главе с начальником Главного военно-санитарного управления генералом Е. И. Смирновым.

С особым вниманием и интересом слушала конференция выступление Е. И. Смирнова. Он скрупулезно изучил постановку лечебно-эвакуационного дела на различных фронтах, во всех звеньях и главным образом в медсанбатах. Свои наблюдения и опыт он вынес на обсуждение собравшихся, и это обусловило деловой и творческий характер конференции.

Главное в медицинском обеспечении на фронте — организация. Эту мысль с предельной ясностью высказал еще Н. И. Пирогов. Ее повторил Е. И. Смирнов, приведя положительные и отрицательные примеры из практики нашего фронта. Конференция прошла под знаком подготовки к предстоящим решительным схваткам с врагом.

Выдержка и неослабная боевая готовность требовались от воинов на Курской дуге. Нарастающее с каждым днем напряжение в войсках в полной мере передавалось службам тыла. Надо было до деталей все проверить, еще и еще раз убедиться в том, что огромный тыловой механизм работает исправно.

Данные разведки и анализ обстановки не оставляли сомнений в том, что назревает гигантское сражение. В эти недели мне приходилось почти ежедневно бывать у командующего фронтом, у начальника штаба. Однажды (это было в середине мая) я поехал на командный пункт с докладом. Приближаясь к деревне, увидел, как немецкий самолет сделал на нее два захода. Когда же мы въехали в деревню, нам открылась страшная картина: домик Рокоссовского был полностью уничтожен, и на развалинах лежал раненый дежурный адъютант. Велика была наша радость, когда мы увидели Рокоссовского, идущего навстречу. Он ходил ужинать в столовую, в 100 метрах от своего домика, только поэтому остался жив. Константин Константинович захотел меня выслушать немедленно. Докладывая обстановку, я обратил внимание командующего на то, что противник совершенно безнаказанно производит налеты на железнодорожную линию Касторное — Курск и даже ночью уничтожает подвижной состав. За два месяца немцы сбросили на этот участок около 4 тысяч бомб. К слову сказать, было известно, что за каждый подбитый паровоз фашистский летчик получал награду.

Командующий поставил перед зенитчиками задачу — отбить у немецких летчиков охоту совершать ночные налеты на наши

поезда. Зенитчики успешно ее выполнили. Любопытна практика: паровоз ставили в середину поезда, составленного из платформ без всякого груза, на некоторых из них были зенитные орудия и пулеметы. Если обычно машинисты старались не допустить, чтобы искры из трубы демаскировали паровоз, то в данном случае, наоборот, привлекали к себе внимание противника. Несколько раз немецкие стервятники попадали в зону действительного огня наших зенитчиков. После того как десятка полтора самолетов рухнуло на землю, ночные налеты на поезда прекратились. Продолжались налеты днем на мосты линии Касторное — Курск, но железнодорожники, военные и гражданские, приспособились быстро ликвидировать последствия этих нападений. Вблизи каждого моста постоянно находилась дежурная команда с набором восстановительных материалов. После налета, если случались повреждения, мост тотчас же восстанавливали и перерывы в пропуске поездов не превышали трех-четырех часов.

Конечно, несмотря на все это, пропускная способность железной дороги Касторное — Курск была для нас недостаточна. В этих условиях большим подспорьем стала транспортная авиация Резерва Главного Командования под руководством генерала Н. С. Скрипко. По воздуху подавались боеприпасы наиболее дефицитных калибров, консервированная кровь, кровезамещающие жидкости и др. Наши медики весьма эффективно использовали обратные рейсы самолетов для эвакуации: за короткий срок вывезли более 21 тысячи раненых. Насколько мне известно, нигде на протяжении всей прошедшей войны санитарная эвакуация по воздуху не достигала подобных размеров.

С каждым днем становилось все более очевидным, что противник готовит два удара большой силы — с севера, со стороны Орла, и с юга, со стороны Белгорода; вражеские войска, действовавшие с двух направлений, должны были встретиться в Курске. В случае успеха противника в окружение попадали два наших фронта — Центральный и Воронежский. Так гитлеровцы замышляли взять реванш за Сталинград. К предстоящей операции под названием «Цитадель» они готовились со всей решительностью, перебрасывая сюда силы с других участков советско-германского фронта и с запада.

Против Центрального фронта находились 26 вражеских дивизий, в том числе 19 пехотных, 6 танковых и 1 моторизованная; против Воронежского фронта — 24 дивизии оперативной группы «Кемпф» (15 пехотных, 8 танковых и 1 моторизованная), 5 пехотных дивизий из группы армий

«Центр», 4-я танковая армия. Кроме того, противник имел ряд отдельных батальонов тяжелых танков и дивизионов штурмовых орудий. Всего же для проведения операции «Цитадель» гитлеровское командование сосредоточило группировку общей численностью свыше 900 тысяч солдат и офицеров, около 10 тысяч орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий и свыше 2 тысяч самолетов[9].

Замысел врага был своевременно понят нашей Ставкой. Центральный и Воронежский фронты получили значительное подкрепление живой силой, танками, артиллерией, авиацией, боеприпасами, горючим. К началу июля войска Центрального фронта с учетом ВВС и войск ПВО страны насчитывали свыше 710 тысяч человек, около 5300 орудий всех калибров, свыше 5600 минометов, 1783 танка и самоходно-артиллерийские установки, 1092 самолета. Войска Воронежского фронта также с учетом ВВС и войск ПВО страны насчитывали 626 тысяч человек, свыше 4000 орудий всех калибров, 4150 минометов, 1661 танк и самоходно-артиллерийскую установку, 1080 самолетов[10].

Мало того, восточнее этих двух фронтов расположились войска Степного военного округа, переименованного 10 июля в Степной фронт, которые могли нанести контрудар в направлении на Малоархангельск, Щигры, Курск, Обоянь, Белгород. В его составе с учетом ВВС насчитывалось 573 тысячи человек, 3397 орудий, 4004 миномета и 1551 танк и самоходно-артиллерийская установка[11].

Создавая мощную стратегическую группировку на курском направлении, Ставка Верховного Главнокомандования решила использовать выгодные условия обороны, измотать и обескровить противника, а затем без промедления перейти в наступление.

Преднамеренная оборона с переходом в контрнаступление ставит тыл в более сложные условия, нежели «чистая» оборона или «чистое» наступление. Стратегические цели операции определяли и принцип организации тыла.

Обычно командование фронтов обязывало начальников своих тылов организовать тыл по принципу, если так можно выразиться, классической обороны, то есть глубоко эшелонировать силы и средства, отнести подальше склады, госпитали, ремонтные базы и пр. В соответствии с теорией оперативного искусства эшелонирование допускалось на глубину 300–400 километров. Это гарантировало известную устойчивость тыла в случав глубокого вклинения противника. Но при такой организации труднее обеспечить быстрый переход войск фронта в контрнаступление, неизбежна длительная пауза для «подтягивания тылов».

Командование Центрального фронта исходило из предположения, что оборонительные бои будут непродолжительными и противник скоро исчерпает свои силы. В соответствии с таким пониманием обстановки решили организовать тыл не по оборонительному, а по наступательному варианту. Конечно, допускались некоторые отклонения: наиболее «тяжелые» элементы фронтового тыла — ремонтные заводы, нетранспортабельные эвакогоспитали, мукомольно-крупяные перерабатывающие предприятия и т. п. — относились подальше от линии фронта. Все же остальное, в первую очередь полевые подвижные госпитали, боеприпасы, горючее, продовольствие и другие материальные средства, сосредоточивалось возможно ближе к войскам и главным образом в районе Курска.

Военный совет фронта после внимательного изучения одобрил такой план.

Но что будет с нашими материальными запасами, если противник прорвет оборону и захватит Курск? Такой тревожный вопрос ставили многие товарищи. Однако командующий фронтом твердо держался такой точки зрения: не войска для тыла, а тыл для войск. Тыл должен обеспечить максимальную устойчивость обороны, а не думать о возможном отступлении.

Это решение повлекло за собой ряд крупных практических мероприятий. Если раньше мы выкладывали на огневые позиции артиллерии полтора-два боевых комплекта снарядов, то на Курской дуге по многим калибрам выложили на землю у орудий до пяти боевых комплектов. Это имело исключительно важное значение. Наша пехота была готова стоять насмерть, но пехота знает, что самоотверженность и отвага приводят к успеху в том случае, если артиллерия, «бог войны», безотказно ее поддерживает, то есть, когда кроме высокого духа войска имеют в достаточном количестве боеприпасы. Поэтому и выложили мы на огневые позиции столь значительное количество снарядов. Если бы половину этих снарядов оставили на фронтовых складах в расчете на подачу в войска автотранспортом в ходе оборонительного сражения, их не успевали бы подвозить в короткий срок, а голод на боеприпасы не мог не отразиться на устойчивости обороны.

Отрицательно сказался бы на оборонительном сражении, особенно в период нанесения контрудара и перехода в контрнаступление, недостаток горючего и продовольствия, если бы мы не разместили максимум того и другого в непосредственной близости к войскам.

Весь последующий ход событий подтвердил правильность решения командования Центрального фронта.

Остановимся еще на некоторых моментах подготовки к операции. Немалое значение для устойчивости обороны имела помощь со стороны местного населения. В строительстве оборонительных рубежей участвовали жители прифронтовых районов Курской, Орловской, Воронежской и Харьковской областей. На одном лишь Курском выступе работало в апреле 105 тысяч, а в июне — 300 тысяч человек.

К слову сказать, командование Воронежского фронта приняло необычное для того времени решение: построить соединительную железнодорожную линию между станцией Старый Оскол (Донбасской железной дороги) и станцией Ржава (Московской железной дороги). Ради такого замысла не грешно доставать рельсы и шпалы где угодно, лишь бы это были бездействующие или малоактивные железнодорожные участки. Военный совет Воронежского фронта поднял на строительство 25 тысяч местных жителей, которые вместе с военными железнодорожниками дни и ночи трудились на трассе: ведь линию прокладывали не по прежнему или до войны разведанному направлению, а по совершенно новому, которое нужно было изыскать, изучить, подготовить. За 32 дня построили новую железную дорогу протяженностью 95 километров. Это может показаться фантастичным, особенно если учесть недостаток в машинах и инструментах. Начальником строительства новой дороги был командир 19-й железнодорожной бригады полковник А. Н. Ткачев. Общее руководство строительством осуществлял начальник УВВР фронта генерал П. А. Кабанов. Значение построенной железной дороги в период наступательных действий Воронежского фронта было неоценимым.

В связи с этим строительством вспоминается забавный случай. В одном из разговоров с командующим фронтом мне был задан вопрос:

— Известно ли вам, что в нашем глубоком тылу, где-то в районе Ливны, разбирается железная дорога и куда-то увозятся рельсы и шпалы?

Я ничего не знал об этом и с тем же вопросом обратился к начальнику военных сообщений фронта А. Г. Чернякову. Он тогда также ничего не знал, но через сутки доложил, что действительно вся дорога от магистрали Касторное — Курск до Ливны протяженностью свыше 40 километров разобрана и увезена, главным образом, в ночное время. Удалось задержать лишь несколько машин, загруженных рельсами, причем у сопровождающих были на руках мандаты за подписью члена Военного совета Воронежского фронта Н. С. Хрущева. Пришлось признать, что наши восовцы здесь прозевали, ибо это имущество

было нужно нам самим. Замечу, что такое «соревнование» между тыловиками фронтов, армий, дивизий случалось довольно часто.

Активно шла подготовка войск в медицинском обеспечении.

Курские комсомольцы взяли шефство над многими госпиталями. В целом за 1943 год они собрали по области и передали госпиталям 3500 матрацев, 2233 подушки, 750 одеял, 1847 кроватей, 3447 полотенец, свыше 20 тысяч единиц посуды разной, большое количество литературы и писчебумажных принадлежностей. Было вручено раненым свыше 20 тысяч индивидуальных посылок и, кроме того, доставлено много молока, сметаны, яиц, меда, табака. В госпиталях Курска работало 1300 сандружинниц, посменно дежуривших у раненых. 650 массовиков или агитаторов ежедневно проводили в госпиталях читку газет, брошюр, листовок, помогали раненым писать письма родным или в печать. Силами комсомольцев области было дано для воинов 97 концертов, 5275 доноров из числа местных жителей дали кровь, необходимую для раненых. За время боев Курская станция переливания крови заготовила и отправила в госпитали несколько тысяч литров крови.

Промышленные предприятия города и прифронтовых районов, несмотря на частые бомбардировки, не прекращали работу. Они производили для нужд армии теплое обмундирование, сани артиллерийские и обозные, колеса, упряжь, подковы, спецукупорку для снарядов, фонари, лыжи и пр. Рабочие и инженеры ремонтного завода привели в исправное состояние моторы 300 танков и бронемашин и отправили их снова на фронт. Миллионы рублей были собраны по добровольной подписке на оборонное строительство.

Немало изобретательности и инициативы проявляли армейские и войсковые работники тыла на Курской дуге.

В трудных дорожных условиях была 65-я армия генерала П. И. Батова, и командование этой армии само нашло выход из создавшегося положения. Непосредственно в район ее войскового тыла входила железнодорожная ветка Льгов — Дмитриев-Льговский, перешитая немцами на западноевропейскую колею. Там было захвачено несколько десятков вагонов той же колеи, но паровоза не оказалось. Решили приспособить в качестве тягловой силы автомобиль ЗИС-5, но для этого вместо резины требовалось надеть специальные бандажи. Их изготовили силами самой армии. Так начал работать на участке Льгов — Дмитриев-Льговский своеобразный автопоезд. Одна машина ЗИС-5 буксировала 5–6 вагонов с грузом по 10–12 тонн в каждом. Основная трудность при этом заключалась в слабости тормозной системы: даже на небольших уклонах приходилось принимать

особые меры к тому, чтобы удержать поезд от крушения. За то время, пока армия находилась в обороне, таким автопоездом было перевезено в обе стороны более 20 тысяч тонн грузов. В этом немалая заслуга работников тыла армии, в первую очередь его начальника генерала Г. Г. Петрова и начальника ВОСО полковника Н. Д. Чупровича. Командарм 65-й со своей стороны помог им, поддержав их инициативу.

Инициативу и изобретательность проявили работники тыла 13-й армии под руководством его начальника генерала Г. А. Курносова, приспособив для своих нужд узкоколейную железную дорогу протяженностью свыше 25 километров. С помощью мотовоза по этой дороге в вагонетках доставлялись боеприпасы и продовольствие в войска.

Немало усилий потребовалось от тыла фронта, чтобы обеспечить всем необходимым пришедшую к нам 2-ю танковую армию под командованием генерала А. Г. Родина. Подробную информацию о нуждах танкистов я получил от начальника тыла этой армии генерала К. В. Суркова.

Незадолго до начала оборонительного сражения командующий фронтом выехал в войска, в первую очередь в 13-ю армию, расположенную на главном направлении. Я сопровождал его. Везде, где мы появлялись, генерал К. К. Рокоссовский неизменно задавал одни и те же вопросы: в достаточном ли количестве имеются боеприпасы, хорошо ли накормлены бойцы?

Объезжая боевые порядки войск, нам казалось, что нет свободного места, чтобы выложить еще какое-то количество снарядов: 18 соединений и отдельных частей входили тогда в состав 13-й армии, плотность сосредоточения войск и артиллерии была необычная. Но место, конечно, находилось, и подвоз продолжался. Все укладывалось в штабеля, по возможности укрывалось в землю или обваловывалось. Мне приятно было слышать заявление командарма генерала Н. П. Пухова, что у него нет никаких дополнительных требований к тылу.

После встреч и бесед с командирами соединений 13-й армии командующий фронтом отбыл в соседнюю 70-ю армию. Туда он ехал, чтобы определить, насколько соответствуют своему назначению руководящие работники. Мне, в частности, поручили поближе присмотреться к начальнику тыла и в случае необходимости заменить его.

Еще раньше у меня возникло сомнение в способностях этого генерала, но все же оставалась надежда, что он освоит новый для него масштаб работы. Эта надежда не оправдалась. Я уже говорил о том, что 70-я армия состояла из бывших пограничников; в связи с этим я подумывал, не перебросить ли сюда на должность

начальника тыла бывшего пограничника полковника М. К. Шляхтенко из 48-й армии. Многие пограничники его знали и относились к нему хорошо. Командующий фронтом одобрил мое предложение и поручил объявить об этом командующему 48-й армией генералу П. Л. Романенко.

В тот же вечер у меня состоялся разговор по ВЧ с П. Л. Романенко. Увы! Пришлось выслушать немало грубостей. Я начал с того, что напомнил, как он был недоволен работой М. К. Шляхтенко всего полгода назад, и предложил взамен его одного генерала, рассчитывая, что приход генерала поможет мне получить согласие на перевод полковника. Но Романенко почти дословно ответил следующее:

— Не нужен мне твой генерал! Я вполне удовлетворен работой полковника и ни за что не отпущу Шляхтенко. Это я его вырастил, и он мне нужен в моей армии. Что же касается звания, то я об этом уже позаботился, и ты на днях получишь материал с представлением его в генерал-майоры.

Я еще раз сказал, что мое сообщение есть решение командующего фронтом и не могу его обсуждать. Все же, прежде чем положить трубку, командарм выругался — в пространство, разумеется.

Не успел я на следующий день доложить командующему фронтом в общих чертах свой разговор с Романенко, как из Москвы раздался звонок по ВЧ: нам запретили забирать Шляхтенко из 48-й армии. Мне стало ясно тогда, что Романенко успел позвонить в Москву и добился своего. Я, конечно, был горд и рад за Шляхтенко и Романенко; бывало так, что хорошие люди не сразу нравились друг другу, однако в боевой обстановке вырабатывалась настоящая фронтовая дружба, и после этого они стояли друг за друга горой.

Мне пришлось искать другого начальника тыла для 70-й армии.

Не раз обращал на себя мое внимание заместитель начальника штаба полковник П. Ф. Стрельцов. Он выделялся своими волевыми качествами, умением глубоко анализировать обстановку и давать деловые предложения. Я не сомневался, что Стрельцов выправит положение в 70-й армии. Действительно, еще до начала оборонительного сражения он успел перестроить работу армейского тыла, и новый командарм И. В. Галанин был им доволен. П. Ф. Стрельцов впоследствии стал генерал-лейтенантом.

Вместе с командующим фронтом мы посетили 60-ю армию генерала И. Д. Черняховского. После напряженной работы он пригласил нас пообедать в бывшую усадьбу князей Барятинских.

Усадьба находилась в 30–40 километрах южнее Льгова.

Был конец июня 1943 года. Погода стояла чудесная. Уже давно я слышал о необыкновенной красоте дома, где после революции размещался санаторий. Но то, что увидел своими глазами, превзошло все ожидания. Свернув налево от главной дороги, мы въехали в липовую аллею, из которой виднелись в глубине очертания прекрасного здания. По обе стороны аллеи простирались фруктовые сады на добрый километр. Комнаты были превосходны по планировке, стены обиты шелковыми тканями. Правда, мебели не осталось, и наш обеденный стол состоял из наспех сколоченных досок. Территорию парка украшало множество гротов и островков на фоне серебристой глади большого пруда. Один из островков знаменит тем, что князь генерал-фельдмаршал А. И. Барятинский принимал здесь Шамиля как пленника, которого он доставлял русскому царю в августе 1859 года из Дагестана.

Как уцелело это великолепное здание при отступлении немцев? Служащий рассказал, что весь дом и прилегающие к нему строения были сплошь заминированы. До последнего момента здесь оставался немецкий офицер, которому поручили привести в исполнение план взрыва. Однако офицер, архитектор по образованию, не мог допустить такого варварства и ушел, перерезав провода. Благодаря ему сохранился архитектурный памятник. Уцелел ли сам офицер?

Возвращаясь в штаб фронта, я по дороге спросил К. К. Рокоссовского, когда же «начнется война»?

— Да вот, проклятые, не начинают… — ответил он. — А нам нельзя торопить события. Пусть начнут и испытают силу нашей обороны, а затем мы им дадим духу.

М. С. Малинин на такой же вопрос ответил мне то же.

Между тем с каждым днем обстановка становилась все более напряженной. Ставка предупреждала, что противник, возможно, начнет наступление между 3 и 6 июля. Захваченные в ночь на 5 июля пленные показали, что наступление назначено на утро 5 июля.

В плане нашей обороны предусматривалось проведение артиллерийской контрартподготовки по районам сосредоточения ударных группировок противника. Эти районы были хорошо известны. Весь вопрос заключался во времени. Любой просчет мог иметь опасные последствия.

В те критические часы на нашем фронте с целью координирования действий с другими фронтами находился заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. В момент, когда надо было решать

вопрос, начинать ли контрартподготовку, оба полководца пришли к единому мнению: немедленно открыть огонь.

Мощный артиллерийский удар обрушился на боевые порядки противника, на его командные и наблюдательные пункты, на огневые позиции артиллерии. То было начало исторической битвы под Курском — одной из грандиозных битв Великой Отечественной войны.

Враг понес большие потери, еще не начав наступления. Немецкая атака все же началась в 5 часов 30 минут 5 июля 1943 года. К исходу первого дня противнику удалось вклиниться в нашу оборону на 2–3 километра в сторону станции Поныри, причем на очень узком участке. Генерал М. С. Малинин сказал в ту же ночь, что это начало конца фашистского наступления на Курск.

На второй или третий день некоторым лицам из руководства фронта стало казаться, что противнику все же удастся прорвать нашу оборону и врезаться острием своего клина прямо в Курск. Были рекомендации: немедленно эвакуировать подальше в тыл все имущество, сосредоточенное на фронтовых складах, особенно продовольствие. Сомневаясь в правильности этих рекомендаций, я обратился лично к командующему.

Генерал К. К. Рокоссовский сказал:

— Немцам не удалось достичь решительного успеха в первые дни. Тем менее это возможно теперь. А если уж произойдет такое несчастье, то мы будем драться в окружении, и я как командующий останусь с окруженными войсками.

Услышав эти слова, я подумал: «Зачем же тыл фронта должен спешить уйти подальше от войск на восток, увозя туда боеприпасы, горючее, продовольствие? Ведь на другой же день встанет задача — подавать по воздуху окруженным частям материальные средства, вывезенные вчера из-под Курска!» И тут же доложил командующему свое решение: всеми возможными видами транспорта немедленно начать переброску материальных средств не на восток, а на запад, еще ближе к тем войскам, которые могут оказаться отрезанными от баз снабжения, примерно в район Фатежа и западнее его. Командующему понравилось такое решение. Оно было осуществлено ценой «тотальной мобилизации» всего транспорта и человеческой энергии.

Из этого факта можно сделать такой вывод: при реальной угрозе для войск быть отрезанными от баз снабжения лучше всего сосредоточивать запасы материальных средств в непосредственной близости к войскам.

Переброска материальных запасов в сторону Фатежа

производилась без соблюдения таких формальностей, как выписка накладных, получение расписок за сданное имущество, взвешивание и перевешивание. Не до того было! Все работники тыла понимали, что дорога каждая секунда, и никто не возражал против «нарушения правил». Через несколько дней, когда наши войска наносили контрудар, а затем перешли в контрнаступление, имущество, находившееся в районе Фатежа, оказалось нам очень кстати.

За семь суток ожесточенного сражения противнику удалось вклиниться в оборону Центрального фронта на глубину 10–12 километров. По ширине участок прорыва не превышал 10 километров. Дорого обошлось это немцам: 42 тысячи убитых солдат и офицеров и 500 уничтоженных танков! Попытка гитлеровского командования перейти 12 июля к обороне в районе Понырей успеха не имела. Войска нашего фронта 15 июля 1943 года перешли в контрнаступление.

Славно действовали советские воины, выполняя свой долг перед Родиной. Непоколебимая стойкость нашей обороны обеспечивалась в эти дни исключительным мужеством артиллеристов, расстреливавших в упор ползущие на них «тигры» и «фердинанды», а также героизмом летчиков.

Успешные действия артиллерии опирались на четкую работу тыла: не было перебоев в доставке снарядов к орудиям.

К незабываемым страницам истории тыла Центрального фронта на Курской дуге следует отнести действия автомобилистов и дорожников в период перехода войск фронта от обороны к контрнаступлению.

Когда выяснилось, что противник оттянул из района Льгова свои силы с целью сдержать натиск наших войск на Орел, создалась благоприятная обстановка для нанесения удара на льговском направлении. Командующий фронтом решил перебросить туда свой резерв — 17-й гвардейский стрелковый корпус генерала А. Л. Бондарева, насчитывавший 25 тысяч бойцов, с артиллерией и другой техникой. Он вызвал меня и поставил задачу: транспортом тыла фронта перебросить за 36 часов этот корпус на 100–120 километров к западу от района Малоархангельск, Никольское, Исаево (район расположения корпуса). При этом Рокоссовский добавил, что выигрыш каждого часа времени облегчит прорыв слабозащищенной обороны немцев и увеличит шансы на то, что корпусу удастся с минимальными потерями вырваться на оперативный простор.

Упомянутому корпусу командование фронта уделяло особое

внимание как своему важному резерву. Член Военного совета фронта генерал К. Ф. Телегин незадолго до начала Курской битвы посетил почти все части этого соединения, провел беседы с бойцами, выявил нужды корпуса. Мы приняли дополнительные меры к его доукомплектованию всем недостающим.

Транспорт под погрузку мы подали за час-два. Трудность заключалась в том, что кроме людей требовалось перевезти несколько сот артиллерийских лошадей, для чего пришлось дополнительно оборудовать автомашины; орудия же конной артиллерии прицепили к автомашинам, что ограничивало скорость движения. Благодаря четкости в работе штаба тыла и хорошему взаимодействию автомобильной и дорожной служб фронта задание командующего выполнили не за 36, а за 24 часа. Военный совет фронта наградил исполнителей столь сложной и ответственной транспортной операции.

Освободив в начале сентября 1943 года города Шостку и Бахмач и наступая дальше на запад, 17-й гвардейский стрелковый корпус вырвался на оперативный простор, совершил героический 400-километровый поход до Днепра.

Великая битва под Курском явилась для всех ее участников суровым испытанием сил и организаторских способностей. После Москвы и Сталинграда это было третье стратегическое контрнаступление; мы, работники тыла, опирались, таким образом, на уже накопленный опыт. Этот опыт служит серьезной базой для обоснования и современных взглядов в советской теории военного искусства по организации тыла во фронтовой наступательной операции.

Оценивая действия своего фронта на Курской дуге, Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский писал: «Нужно отдать должное тылу фронта… сумевшему в короткий срок организовать подвоз грузов, использовав для этого все средства: автомобильный, гужевой и даже водный транспорт»[12].

В развернувшейся затем битве за Днепр от нас, работников тыла, потребовались новые усилия в связи с неожиданным перебазированием.

В сентябре 1943 года войска Центрального фронта успешно развивали наступление на юго-запад в направлении Конотоп, Бахмач, Нежин. Открывалась перспектива освобождения Киева. Сосед слева — Воронежский фронт — несколько отставал, и передовые части нашего фронта, пренебрегая разграничительной линией, громили противника и овладевали населенными пунктами, входившими в полосу соседа.

К концу сентября войска фронта добились крупного успеха. Преследуя противника и освободив ряд крупных городов, в том

числе Нежин (15 сентября) и Чернигов (21 сентября), они вышли к Днепру и захватили несколько плацдармов, сыгравших в последующем большую роль в разгроме врага на Правобережной Украине.

Мы снова на Днепре! Был конец сентября, серый пасмурный день, моросил дождь, от выстрелов нашей артиллерии стоял грохот, усиливаемый разрывами немецких бомб. Но как радостно и тревожно было вновь после долгой разлуки увидеть родную реку!

На обратном пути от Днепра до штаба фронта мы видели поля с перестоявшим хлебом, неубранный картофель. Часть зерновых была скошена и лежала в валках, остальное так и осталось на корню. Убирать некому, населения осталось мало. Уборке мешало еще и то, что поля и дороги были заминированы немцами.

«Неужто так и погибнет под снегом все это добро?» — подумал я с печалью.

В начале октября 1943 года Центральный фронт, передав Воронежскому фронту наступавшие на левом крыле 60-ю и 13-ю армии, был перенацелен Ставкой Верховного Главнокомандования вправо, на гомельское направление (с 20 октября 1943 года наш фронт переименовали в Белорусский). Для тыла фронта этот маневр оказался чрезвычайно сложным.

В течение предшествовавших двух месяцев наступления в общем направлении на Киев мы успели сосредоточить свои базы, склады, ремонтные органы на железнодорожной магистрали Курск — Льгов — Конотоп — Бахмач; теперь предстояло в кратчайший срок все перевезти на другое железнодорожное направление: Брянск — Унеча — Гомель. До той поры мне ни разу не приходилось встречаться с такой задачей. А теперь она встала со всей остротой и неотложностью.

В октябре — ноябре еще удерживалась большая распутица. Рассчитывать на переброску фронтовых складов, госпиталей, ремонтных баз и прочего автомобильным транспортом было почти безнадежно: и дороги отсутствовали, и горючего не хватало. Главная тяжесть перебазирования ложилась на железнодорожный транспорт.

Начальник военных сообщений фронта полковник А. Г. Черняков, собрав заявки от всех родов войск и служб на потребное число вагонов, возбужденно доложил мне: нужно 7500 вагонов! Это почти 200 поездов! Где их взять? Притом пропускная способность рокадных железных дорог не превышала тогда 12 пар поездов в сутки. А ведь нам, кроме собственных перевозок, надо

было еще принимать непрерывно идущие из центра поезда с вооружением, боеприпасами, горючим.

Я хорошо понимал и вполне разделял волнение Чернякова. Ведь тылу фронта предстояло больше месяца пребывать «на колесах». Как же обеспечивать боевую деятельность войск? И все же с этой задачей, казавшейся неразрешимой, хорошо справились наши славные железнодорожники. Преодолевая многие технические трудности, они значительно ускорили перебазирование тыла фронта.

Надо сказать, что состояние Белорусской железной дороги в тот момент было крайне тяжелым. Противник, отступая, уничтожал все на своем пути, стремясь сдержать продвижение наших войск. Дорога лежала в руинах. Хорошо развитый и оснащенный до войны Гомельский узел был полностью уничтожен. Рельсы, стрелки, шпалы, оборудование — почти все немцы вывезли, а пристанционные здания, электростанции превратили в груду камня. Для разрушения верхнего строения пути фашисты использовали специальные механические путеразрушители, которые перепахивали балластную призму и земляное полотно, ломали шпалы посредине; почти каждый оставленный рельс рвали взрывчаткой на куски.

В общем немцы подорвали и разрушили около 1400 километров главных путей и 600 километров станционных путей, разобрали почти 400 километров дороги, а рельсы вывезли в Германию, подорвали 1700 комплектов стрелок. Враг взорвал 795 больших и малых мостов и 60 трубопроводов. Связь была всюду разрушена. Железнодорожники потеряли около 900 жилых домов.

Работники Белорусской железной дороги во главе с начальником генералом Н. И. Краснобаевым неотступно следовали за наступающими советскими войсками и немедленно брались за ремонт освобожденных участков. Уже к 15 ноября 1943 года было закончено формирование управления дороги, которое в марте 1944 года разместилось в Гомеле.

Нелегкая задача стояла перед начальником Белорусской железной дороги. Командование фронта помогало ему. Восстановительные работы велись совместными усилиями военных и гражданских железнодорожников, нередко под огнем противника.

Материалов было до крайности мало. Укладывались не только целые рельсы, но и куски длиною в 2–3 метра. Все мосты восстанавливались на деревянных опорах, семафоры тоже делали деревянные, порой без освещения. Столбы для линий постоянной связи составлялись из двух-трех кусков, связь вообще была очень

неустойчивой, но и такая очень помогала управлять движением поездов.

Чтобы восстановить водокачки, электроподстанции и жилые дома, требовался кирпич. О новом кирпиче и не мечтали. Его можно было извлекать только из развалин, и за это взялись женщины и дети. Жены машинистов Гомельского депо Раевская и Потапова организовали бригады домохозяек по 25 человек в каждой; в течение апреля 1944 года они вытащили из развалин сотни тысяч штук драгоценного в то время кирпича.

Позднее, когда в связи с подготовкой операции по освобождению Белоруссии начались интенсивные воинские перевозки, дорога была уже доведена до более или менее удовлетворительного технического состояния.

Главное, конечно, заключалось в том, что кадры не были растеряны за годы войны. Немедленно, как только освобождалась дорога, становились на свои посты диспетчеры, машинисты, мастера по ремонту пути, связи и подвижного состава. Разумеется, вливались в дело и новые люди, особенно много женщин и молодежи; под руководством опытных товарищей они на ходу осваивали профессии, одновременно занимались заготовкой подручных материалов для восстановительных работ. На всей дороге стали известны имена многих рационализаторов и умельцев: электросварщика Погоничева, каменщика Максимова, слесаря Кузькова, мастера Буяновского, токаря Коваленко, машинистов Гудимова, Евмененко, Стулькевича, Железнякова, Буйновского, мастеров Кулаковича, Секунова, Плюща, путевого обходчика Борисенко, старшего инженера вагонной службы Артюшевского. Эти и многие другие гражданские железнодорожники внесли свой вклад в подготовку Белорусской дороги к эксплуатации.

Все было важно. Но, пожалуй, важнейшим из всех мероприятий по подготовке железной дороги к летней операции 1944 года являлось сооружение гомельского обхода. Гитлеровцы полностью разрушили Гомельский узел, уничтожили мост через Сож. На перегоне Ново-Белица — Гомель пришлось построить большой обходной путь протяженностью в 26 километров, соединивший направления, подходившие к Ново-Белице со стороны Бахмача, Жлобина и Калинковичей. Пропускная способность этого важного участка в мае и июне 1944 года превысила 24 пары поездов в сутки.

Противник продолжал наносить массированные авиационные удары по узлам Гомель, Новозыбков, Калинковичи, Щорс, чтобы сорвать оперативные перевозки. Железнодорожники с помощью населения ликвидировали последствия этих налетов. Так, более

двух тысяч человек с кирками и лопатами явились на восстановление Гомельского узла.

Большой урон могли причинять работающим бомбы замедленного действия — их уничтожали подрывники-железнодорожники под руководством старшего лейтенанта Пономарева; сам он собственноручно уничтожил 19 бомб и погиб, обезвреживая двадцатую. Подрывник Гомельского участка МПВО Лукьянец обезвредил 54 бомбы замедленного действия. 9 бомб уничтожил Крылов, механик восстановительного поезда.

Начальник дороги Н. И. Краснобаев появлялся буквально повсюду, рационально организуя работы и следя за питанием, отдыхом, медицинским обеспечением работающих.

Депутат Верховного Совета СССР многих созывов Нил Иванович Краснобаев более 30 лет продолжал свою кипучую деятельность после войны. В числе многих наград, которых он удостоен, есть ордена, полученные им по представлению Военного совета 1-го Белорусского фронта.

В истории минувшей войны 1943 год характеризуется как год перелома в восстановлении экономики Советской страны и в самом ходе войны. Увеличились по сравнению с 1942 годом добыча угля, производство стали и проката. Развивалась нефтяная промышленность в Урало-Волжском районе, Казахстане и Узбекистане. Военная индустрия наращивала темпы производства самолетов, танков, орудий, минометов, боеприпасов. Но в сельском хозяйстве положение оставалось до крайности напряженным. Зерна было собрало менее трети довоенного. Животноводство пострадало от войны еще больше.

Существенную роль в обеспечении армии продовольствием сыграли освобожденные от оккупации районы Украины и Северного Кавказа. Немалую помощь войскам оказали области и районы, где заготовки проводились силами и средствами самих фронтовых тылов, иногда на значительном удалении от места боевых действий. Так, наш фронт, находясь у Днепра, заготовлял мясо в Поволжье.

В мае 1943 года Наркомат мясной и молочной промышленности РСФСР известил, что для нас запланирован отпуск живого скота в количестве 10 тысяч тонн в убойном весе из Саратовской и Пензенской областей. При этом было сказано, что по железной дороге отправить этот скот на фронт нет возможности, так как НКПС не предоставляет вагонов. Единственный выход — организовать перегон скота главным образом силами самого фронта.

Легко сказать! 10 тысяч тонн мяса — это значит 70–75 тысяч

голов крупного рогатого скота, включая молодняк. Это более 500 гуртов. Длина перегона более тысячи километров.

Нам не пришлось долго размышлять, брать или не брать на себя столь сложную задачу: фронт испытывал острую нужду в мясе, а в ближайших районах все, что можно было, уже заготовили. Военный совет дал согласие на организацию дальнего перегона.

Много тревожных мыслей бродило в голове у меня и моих ближайших помощников — интенданта фронта генерала Н. К. Жижина и непосредственного исполнителя задуманной операции подполковника А. П. Апексимова. Чего только не может произойти? Тут и опасность инфекции, и нехватка кормов, и возможность гибели при растелах в пути, и трудность двух-трехкратного доения коров и т. д. Надо обеспечить трассы перегона транспортом, специальным инвентарем и оборудованием для приема молока и переработки его. А главное, найти людей — найти там же, на месте — тех людей, которые выполнят обязанности гуртоправов и помощников.

Важная роль падала на ветеринарную службу фронта во главе с генералом Н. М. Шпайером; она обязана была предупреждать заболевания скота в пути.

В литературе можно найти описания примеров перегона скота в Австралии и в царской России, по Сибири. Но в том и другом случае речь шла о 5–6 тысячах голов, а нам предстояло перегнать более 70 тысяч.

Пришлось сразу же приступить к решению двух задач. Одна группа представителей фронта занималась приемом скота на местах и формированием гуртов. Другая группа во главе с крупным специалистом М. Я. Марьясиным изучала и определяла трассы перегона.

Определить трассу — не значит провести на карте линию «от и до», как думали некоторые, снисходительно поглядывающие на трудную работу интендантов. Надо точно знать, насколько благоприятна зона перегона в эпизоотическом отношении, достаточно ли подножных кормов, не будет ли связан перегон с потравами хлебов, как размещены водоемы, имеются ли мосты или переправы через многочисленные реки, достаточно ли ветеринарных пунктов на трассах, а если не хватает, то куда надо доставить группы ветеринарных работников фронта.

Наши товарищи определили две трассы. Изо дня в день через каждые 5–7 километров на обе трассы выходили гурты, образуя как бы живой конвейер по 120–150 голов в каждом гурте. Около 100 дней шли заготовки. В августе 1943 года в движении находилось уже более 400 гуртов; все двигались к фронту, а

фронт перемещался все дальше на запад.

Это была грандиозная хозяйственная операция, во главе которой стоял интендант фронта генерал Н. К. Жижин. Ему принадлежит большая заслуга в ее успешном завершении. Его ближайшим помощником в этой и других подобных операциях был майор И. Д. Исаенко, ныне генерал-лейтенант.

Как управляли этой сложной операцией? Во-первых, использовали постоянные линии Наркомата связи: из определенных пунктов давались телеграммы в Москву на имя наркома мясной и молочной промышленности, там сведения обобщали и передавали в Управление тыла Красной Армии, а уж оттуда информация самолетом или по проводам доставлялась к нам. Во-вторых, офицер Упродснаба фронта капитан Волошко, зоотехник по образованию, на самолете По-2 совершал облеты трасс, подсчитывал с воздуха число гуртов, засекал их местонахождение, а нередко и приземлялся вблизи них, оказывая помощь гуртоправам. Этим же самолетом доставлялись гуртовщикам газеты, сбрасываемые в свертках.

Всего в перегоне участвовало около трех тысяч человек. Среди них — офицеры и солдаты служб тыла, но большинство составляли жители, временно мобилизованные местными Советами специально для этой цели.

Наступил октябрь 1943 года. 530 гуртов благополучно дошли до назначенных пунктов. Скот проходил за сутки в среднем 15 километров. Потери в пути не превысили и половины процента, а привес за счет хорошего содержания составил 10 процентов. Как и предполагалось, во время перегона появилось много молодняка, его надо было сохранить и обеспечить перевозку вслед за гуртом. Надаивались каждый день тонны молока, которое сдавалось госпиталям и больницам; часть его перерабатывалась на масло. Мясо от вынужденного забоя скота поступало на ближайшие предприятия Наркомата мясной и молочной промышленности. Шкуры, рога, копыта сдавались местным перерабатывающим предприятиям.

В составе прикрепленной к фронту полевой конторы № 2 Наркомата мясной и молочной промышленности был походный завод, который изготовлял колбасы, сосиски и другие мясные изделия для столовых военторга и госпиталей. Во время перегона скота этот завод перерабатывал мясо и субпродукты. Начальник полевой конторы и его заместитель показали себя инициативными и знающими работниками.

Не будет преувеличением, если скажу, что участники и организаторы столь блестяще выполненного перегона огромной массы скота совершили настоящий трудовой подвиг.

Благодарности заслуживают работники Наркомата мясной и молочной промышленности, предложившие именно такое решение проблемы. Доставка скота обычным способом по железной дороге вряд ли могла быть более легкой и, уж бесспорно, обошлась бы дороже, ибо кормление, поение животных в пути и ветеринарная помощь связаны с еще большими трудностями. Почти наверняка можно сказать, что потери в весе и в поголовье скота также оказались бы большими. Нечего и говорить, как важно было освободить железные дороги, работавшие с крайним напряжением, от перевозки живого груза, могущего передвигаться своим ходом.

Опыт, приобретенный нами в этой необычной операции, весьма пригодился в самом конце войны.

Если принять во внимание, что суточная дача мяса для фронта составляла в среднем 150 тонн, то вышеописанная заготовительная операция с учетом достигнутого привеса в пути почти на 70 суток обеспечила нас мясом, притом свежим, а не консервами.

Таким образом, проблема была решена. Гораздо хуже обстояло дело с хлебом. В октябре и ноябре 1943 года, когда войска Центрального фронта после участия в битве за Днепр вышли на рубеж Жлобин, Калинковичи, Мозырь, во многих наших армиях и дивизиях хлеба и крупы оставалось всего на один-два дня. На фронтовых складах было пусто. Как тщательно ни планируй распределение хлебопродуктов, в таких условиях какой-нибудь полк или подразделение в любой день может остаться без хлеба. Об этих трудностях командующий не раз доносил в Ставку. Но ведь недоставало хлеба во всей стране!

Мы знали о многочисленных случаях, когда хлеб оставался в поле неубранным: так было в Курской, Орловской, Сумской, Черниговской, Гомельской областях. Мешали боевые действия, а часто и некому было убирать. В конце октября — начале ноября прошли настолько обильные снегопады, что хлеба не стало видно. Там же, где после длительных дождей внезапно наступили морозы, лед сковал валки. Казалось, силами фронта заготовить хлеб нельзя, и нет иной надежды, как на получение его из глубинных районов страны.

Пока мы раздумывали, что нам делать, я получил приказание немедленно вылететь в Орел для встречи с А. И. Микояном. Он туда прибыл, чтобы обсудить с руководящими работниками недавно освобожденных областей, как наладить нормальную хозяйственную жизнь.

Я вылетел на самолете, оснащенном лыжами, так как поля уже были покрыты снегом. По пути пришлось почти кубарем

спуститься на заснеженное поле и выжидать, пока скроются рыскавшие в небе немецкие истребители.

В Орловском обкоме партии я представился А. И. Микояну. Он немедленно стал расспрашивать о положении дел на фронте. Разговор был примерно такой:

— Ну, как дела на фронте?

— Плохи дела, хлеба нет, товарищ Микоян.

— А хотите иметь хлеб?

— Я за тем и прилетел к вам, чтобы попросить.

— А я за тем и вызвал вас, чтобы предложить хлеб.

— Где же этот хлеб?

— Весь хлеб у вас. Вы по хлебу ходите.

— Не понимаю вас, товарищ Микоян.

— Мы даем вашему фронту области Орловскую, Сумскую, Черниговскую, Гомельскую для заготовок хлеба. Сумейте взять этот хлеб.

— Но ведь хлеб ушел под снег… К тому же я не уверен, что с трудом заготовленный нами хлеб достанется нашему, Белорусскому фронту.

— Откуда такое сомнение?

— Вы меня хорошо проучили в прошлом году, когда забрали у Брянского фронта почти все заготовленное нами продовольствие. Уж очень обидно было…

— Значит, остановка за гарантиями. Дадим, товарищи, — сказал А. И. Микоян, обращаясь к секретарям обкомов, — слово генералу, что весь заготовленный хлеб достанется фронту?

— Дадим! — раздались голоса.

— Ну, спасибо, — отозвался я. — Будем стараться.

Сказать-то сказал… Но ведь я своими глазами видел тот хлеб, который нам предстояло заготавливать! Да и сам Анастас Иванович, видимо, не очень верил в успех этого дела, давая мне гарантии. Забегая вперед, скажу, что он впоследствии сдержал свое слово и ни одного килограмма не взял у нашего фронта. Правда, от излишнего хлеба мы потом сами отказались, но это уже другое дело.

На рассвете следующего дня я отбыл в штаб фронта. Утром доложил Военному совету. Оказалось, прошедшей ночью из Москвы уже поступило распоряжение о предоставлении нам четырех областей для заготовки хлеба. К. К. Рокоссовский и присутствовавшие при этом члены Военного совета фронта К. Ф. Телегин и М. М. Стахурский поручили мне подготовить приказ командующего и другие документы.

Без преувеличения можно сказать, что по своему размаху и значимости предстоящая операция была еще более трудной,

нежели эпопея борьбы за мясо.

К тому времени мы неплохо научились использовать местные ресурсы. Но обычно работы проходили в летне-осенние месяцы. Теперь же благоприятное время года осталось позади. Зона заготовок простиралась почти на тысячу километров в глубину и 400–500 километров по фронту. В своей полосе мы не имели ни одной шоссейной магистрали, железнодорожная сеть была весьма слабая. Снегопады и морозы чередовались с оттепелями, грунтовые дороги становились непроезжими даже для гужевого транспорта.

Местные органы власти, недавно восстановленные, не располагали данными, сколько хлеба осталось на поле, не знали они и того, сколько и какого инвентаря можно собрать. Мы вступили в борьбу за хлеб в совсем неизученной обстановке, потому что медлить было нельзя.

На заготовки зерна направили 27 000 солдат, 2500 офицеров, 2000 автомобилей. Правильно расставить все эти силы и средства было важным делом. В каждую область, в каждый район выделили представителя Военного совета фронта. Часть территории закрепили за армиями.

Через райисполкомы, сельсоветы, уполномоченных отдельных деревень собирали сельскохозяйственный инвентарь. В этих областях осталось мало населения, но каждый сколько-нибудь трудоспособный человек участвовал в уборке и обмолоте зерна. Хлеб, который находился в стогах, копнах или хотя бы в валках, требовалось свезти и обмолотить. Но было много совсем нескошенных полей, где полегший и слегка подмерзший хлеб ушел под снег. Значительная часть его осыпалась, но все же кое-что оставалось и для обмолота. А нам дорог был каждый килограмм! Понадобились грабли, серпы.

Да, именно грабли и серпы.

Полегший хлеб убирали так: один солдат граблями счищал снег, а другой срезал колосья серпом и складывал. Затем свозили колосья в пункты обмолота и развозили провеянное зерно для просушки или в хранилища. Немало хлеба просушивали на русских печах, на лежанках, а то и просто на полу в хорошо натопленных избах. А какие были в то время хранилища? Мы радовались уцелевшим стенам разрушенных предприятий, конюшен, складов. Сами сооружали примитивные крыши и навесы, лишь бы уберечь зерно от дождя и снега.

Тылу хорошо помогало политуправление фронта во главе с генералом С. Ф. Галаджевым. Издавались специальные листовки, посвященные уборке. Кинопередвижки и радиоустановки на машинах обслуживали заготовителей на местах. Самолеты

сбрасывали над пунктами обмолота газеты.

Приятно было видеть в ежедневных сводках обеспеченности войск фронта хлебом и хлебопродуктами возрастающие с каждым днем цифры: от одной-двух суточных дач до десяти, двадцати и более. К февралю 1944 года заготовили 13 607 тысяч пудов зерна. Полуторамиллионный фронт обеспечили хлебом на 160 дней.

Это была настоящая битва за хлеб, блестящая победа тыла во имя победы фронта.

Правда, она таила в себе немало всяких неожиданностей. Например, возникла угроза самовозгорания зерна, так как влажность его достигала кое-где 25 процентов (при норме 12–14). Я видел «хранилище» — бывшие конюшни — протяженностью в 100 метров и шириной 12–15 метров; зерно в них было насыпано в метр высотой. При таком способе хранения хлеб быстро согревался. Мы организовали массовое перелопачивание зерна, но пока работа шла в одном конце, оно загоралось вновь в противоположном. Это тяжелый, однообразный, но крайне нужный труд, единственно возможный в тех условиях. Хлеб спасли.

К концу января 1944 года войска Ленинградского и Волховского фронтов и моряки Краснознаменного Балтийского флота отбросили врага от Ленинграда. Известно, какой ценой ленинградцы выдержали 900 суток осады. Прежде всего они нуждались в хлебе. В освобожденный Ленинград со всех концов страны направлялись эшелоны с продовольствием. Не остались в стороне и воины нашего фронта, переименованного директивой Ставки от 17 февраля 1944 года в 1-й Белорусский фронт. От их имени и от имени трудящихся прифронтовых областей в Ленинград мы отправили из наших запасов 60 тысяч пудов зерна.

По окончании заготовок перед нами встала задача переработать зерно на муку и крупу. В распоряжении тыла фронта и некоторых армий имелись походные мельницы и крупорушки, но в дивизиях их оказалось мало. Как двигательной силой могли пользоваться мотором автомашины или трактора, но мельничное оборудование достать на месте представлялось невозможным. Пришлось обратиться за помощью к В. П. Зотову — заместителю члена Государственного Комитета Обороны по продовольственным вопросам. Не впервые мы обращались к нему непосредственно, и не было случая, когда бы он не помог. И в этот раз вскоре получили много комплектов оборудования для дивизионных походных мельниц. Почти каждая дивизия нашего фронта (а их насчитывалось в разное время от 40 до 60) имела теперь свою походную мукомольную установку, способную

перерабатывать 4–5 тонн зерна в сутки. Запасы муки даже превысили положенные нормы.

Заготавливали мы и табачный лист. Сначала отправляли его в глубь страны на переработку, однако практика показала, что возврат в виде махорки крайне задерживался, да и не полностью получал фронт обратно то, что посылал. Опять обратились за содействием к Зотову. Он ответил, что большая часть махорочных фабрик разрушена немцами и некому их восстанавливать.

— Не можешь ли ты, Николай Александрович, взять себе одну такую фабрику с тем, чтобы вся махорка, выпускаемая ею, пошла на обеспечение вашего фронта? — спросил Зотов.

Разумеется, я согласился. Начальником фабрики в Прилуках назначили офицера и в его распоряжение выделили силы и средства, необходимые для ее восстановления. Менее чем через два месяца она начала обеспечивать фронт махоркой. Продвигаясь вперед, мы лишь отозвали оттуда своего офицера, а транспорт и различное имущество, выделенное с наших складов, передали вместе с фабрикой Наркомату пищевой промышленности РСФСР.

Благодаря этому удалось наладить бесперебойное снабжение войск махоркой, и в первую очередь, конечно, бойцов переднего края и раненых в госпиталях. Хотя я некурящий, но понимал переживания человека, привыкшего к табаку. Сам не курю с 26 января 1926 года. В тот день ровно в 8 часов вечера выкурил последнюю папиросу и с тех пор — ни одной.

Органы тыла на фронте вообще пользовались любой возможностью, чтобы побольше производить и заготавливать всего на месте. К слову сказать, в 1943 году такой стиль хозяйствования был характерен для всей армии. За этот год силами войск действующей армии, внутренних округов и аппаратом Главупродснаба Красной Армии было заготовлено 4,7 миллиона тонн зерна, картофеля и овощей, а вместе с сеном и продукцией подсобных хозяйств — около 7 миллионов тони продовольствия и фуража. Только для подвоза сена, заготовленного фронтами, потребовалось бы свыше 254 тысяч железнодорожных вагонов[13].

Нетрудно понять, какое значение имела эта работа для сокращения дальних железнодорожных перевозок в стране.

Во фронтах и во многих армиях старались организовать побольше подсобных хозяйств. В 1941 году их насчитывалось около 400, а в 1943 году — 6220 с посевной площадью в 300 тысяч гектаров. До миллиона тонн разных сельскохозяйственных продуктов давали эти хозяйства. Они поставляли молоко и молочные продукты в госпитали. В подсобных хозяйствах 1-го

Белорусского фронта находилось более 40 тысяч коров.

От подсобных хозяйств мы отказались лишь в конце 1944 года. Последнее, самое сильное многоотраслевое хозяйство (неподалеку от Луцка) фронт передал в распоряжение местных властей.

Таким образом, органы тыла Красной Армии, поддерживая постоянную связь с народным хозяйством, практически осуществляли единство фронта и тыла в войне; они не только получали все необходимое для действующей армии от народного хозяйства, но и сами оказывали ему помощь своими силами и средствами.

В то время как войска фронта продвигались на запад, мне не раз приходилось выезжать в тыл для проверки состояния госпиталей, работы складов, осмотра восстанавливаемых нами железнодорожных и шоссейных мостов и т. п. Каких только дел не приходилось попутно решать в таких поездках!

Помню, приехал в одну деревню недалеко от Климовичей Могилевской области. Ко мне обратился председатель сельского Совета с вопросом, как ему поступить в одном трудном деле. В этой деревне до 1937 года жил пчеловод Климов. У него была пасека в 30–40 ульев. В 1937 году он переехал в Донбасс, где стал работать на шахте.

Избу Климова предоставили одной из жительниц деревни Е. И. Песенко — матери пятерых детей. Четыре ее сына ушли в Красную Армию и стали летчиками. Сын Климова также служил в армии, В годы войны он стал офицером-артиллеристом и находился в составе войск 1-го Белорусского фронта. Когда немцы оккупировали Донбасс, Климов-отец, чтобы не работать на противника, возвратился к себе в деревню и вновь поселился в собственной избе, состоявшей из двух комнат. Я видел эту довольно плохонькую избушку. Мать летчиков, жившая в ней, ушла оттуда, но своего жилья еще не имела и вместе с дочерью ютилась в доме, который занимал сельский Совет.

И вот председателю сельского Совета стало известно, что Климов получил письмо от сына-артиллериста. Одновременно получила письмо от сына-летчика и Е. И. Песенко. И тот, и другой собирались вскоре, пользуясь тем, что их воинские части стояли близко к Климовичам, навестить своих родных. Летчик даже запросил, можно ли сделать посадку вблизи деревни. Встал вопрос: «Что делать?» Выселять Климова, чтобы вселить в его избу мать летчика? Это было бы несправедливо к Климову и обидно для его сына-фронтовика. Но нельзя же оставлять и семью летчика в ее «временном», затянувшемся на долгие месяцы невыносимо скверном положении.

Я сказал, что выселять Климова из его дома, безусловно, нельзя. Оставлять в сельском Совете старушку с дочерью также недопустимо. Надо искать жилье.

Где искать? Деревня наполовину сожжена немцами.

На наше счастье, при этом разговоре присутствовал начальник дорожного управления фронта генерал Г. Т. Донец. Он отозвал меня в сторону и предложил построить для старушки силами военных дорожников новый рубленый дом из четырех комнат. Такому предложению, конечно, обрадовались все. Интенданту фронта предложили выделить Е. И. Песенко кровати с постельными принадлежностями. Через 10 суток дом построили и полностью обставили. В него вселилась счастливая мать с дочерью. Дорожники подправили также п избу Климова.

Спустя несколько месяцев, когда мы ушли далеко на запад, к нам пришла местная газета, в которой подробно описывался этот случай и помещено следующее письмо Е. И. Песенко к начальнику тыла:

«Я, ранее лишенная крова, теперь обеспечена прекрасным домом, построенным по вашему распоряжению. Дом сработан хорошо, состоит из двух двухкомнатных квартир, в которых много света и уюта. Как рады будут наши дети, узнав о вашем внимании к моей старости. Теперь мне будет где принять моих воинов по возвращении их после победы над немецкими извергами. А сейчас я благословляю моих четырех сыновей и дочь на ратные подвиги во имя защиты нашего Отечества, нашего советского народа…»

В ноябре 1943 года войска нашего фронта, продолжая наступать в северо-западном направлении, форсировали Березину и захватили плацдарм южнее Жлобина, в районе Шацилок. После этого движение приостановилось. Штаб фронта переместился в Гомель.

В полосе фронта оказались большие реки — Десна, Сож, Березина, Днепр, через которые все мосты, железнодорожные и автомобильные, были взорваны противником. Это значительно затрудняло работу по подготовке битвы за Белоруссию.

Однако, прежде чем перейти к белорусским делам, я хотел бы отметить участие органов тыла фронта в оказании помощи орловским и брянским партизанам, с которыми наш фронт тесно взаимодействовал на протяжении всего 1943 года (тогда в Орловскую область входила и нынешняя Брянская).

Во главе партизан стоял секретарь Орловского обкома партии А. П. Матвеев. Через него штаб фронта и осуществлял оперативные мероприятия.

А. П. Матвеев часто бывал у нас. Он обладал на редкость хорошей способностью заставить собеседника понять важность вопроса, которым сам озабочен. Он не был многоречив, говорил всегда спокойно, несколько приглушенным голосом, но очень убедительно, особенно после возвращения из тыла врага, куда периодически вылетал, чтобы лично встретиться с партизанами. Помощь ему требовалась во всем: в оружии, обмундировании, продовольственных концентратах, палатках, медикаментах. Все, что мы могли дать (а это было почти все, что партизанам требовалось), должным образом упаковывалось и отправлялось на специальный аэродром, откуда наши неутомимые «уточки» доставляли груз по назначению. Чтобы облегчить и ускорить прохождение всех дел, связанных с обеспечением партизан, на встречи с Матвеевым приглашались обычно начальники тыловых служб.

Как-то я спросил Матвеева:

— Где нам искать добавочные источники для снабжения войск, особенно госпиталей, мясом?

Врачи рекомендовали раненым куриное мясо или в крайнем случае кроличье. Не развести ли нам кроликов? Матвеев одобрил эту идею, но порекомендовал найти для фермы такое место, куда бы не доносились звуки канонады и самолетов. Заметив мое удивление, он рассказал случай из своей партийной работы.

В начале 30-х годов у нас разводили кроликов при заводах, фабриках, воинских частях, на приусадебных участках и т. д. Матвеев в те годы был секретарем партийного комитета на одном из московских заводов. Заслуженно или незаслуженно, но ему объявили выговор за невнимание к кролиководству. После этого дело круто изменилось: кроликов начали разводить вольным способом, то есть в поле, без клеток, и они стали быстро размножаться. Все шло хорошо, завод ставили в пример другим, в рабочей столовой частенько подавали кроличье мясо. Вдруг начался падеж. Иной день погибало два-три десятка. Сведения об этом дошли до вышестоящих инстанций, приехала комиссия, признала в случившемся немалую долю вины секретаря парткома, который «самоуспокоился и ослабил контроль». Через день-два Матвееву объявили еще один выговор, но, увы, кролики продолжали гибнуть. Пригласили комиссию из компетентных ветеринарных врачей, несколько тушек отправили для лабораторного исследования. Выяснилось, что у всех погибших кроликов одна и та же причина смерти: разрыв сердца. Недалеко от фермы была открыта взлетно-посадочная площадка для местных авиалюбителей. При заходе на посадку самолеты пролетали над кроликами на высоте нескольких десятков метров

и своим шумом приводили их в трепет. После каждого такого пролета сразу же погибало несколько кроликов.

Вот какие обстоятельства должны иногда предусматривать секретарь заводского парткома и директор!

А. П. Матвеев, посоветовав мне учесть этот опыт, добавил:

— А то на фронте и самолеты летают, и из пушек стреляют. Чего доброго, пострадаешь из-за этих кроликов…

Немало интересного рассказывал Матвеев и из своей практики на посту наркома внутренних дел Белоруссии в конце 30-х годов, когда он, подлинный коммунист, человек благородной души, в сложнейших условиях боролся за соблюдение ленинских норм партийной и государственной жизни. Скончался А. П. Матвеев безвременно и скоропостижно. Его дети и внуки с гордостью могут произносить имя своего отца и деда. Орловские партизаны и вся Орловская партийная организация не забудут доброе имя А. П. Матвеева.

Опыт работы тыла на Курской дуге имеет много своеобразного и поучительного. Главное, на мой взгляд, состоит в том, что в этой битве была продемонстрирована не только возросшая зрелость, но и большая смелость командования Центрального фронта в выборе правильной организации тыла в преднамеренной обороне с последующим переходом в контрнаступление.

На этом могут учиться новые поколения.

Освобождение и возрождение Белоруссии

В 1944 году Красная Армия одержала ряд выдающихся побед над немецко-фашистскими захватчиками. В частности, в январе — феврале войска нашего фронта освободили Мозырь, Калинковичи, Рогачев. В июне — августе 1-й Белорусский фронт вместе с войсками 2-го и 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов участвовал в проведении Белорусской наступательной операции, которая завершилась освобождением Белоруссии, части Литовском и Латвийской ССР и восточных районов Польши.

Ранней весной штаб 1-го Белорусского фронта все еще размещался в Гомеле. Там же находились и некоторые руководящие органы Белорусской Республики. Штаб тыла фронта со всеми управлениями расквартировался в Добруше, в 25 километрах восточнее Гомеля, в полуразрушенных помещениях бумажного комбината.

Примерно одна шестая часть республики была освобождена до начала летнего наступления. Когда наступило время пахать,

бороновать, сеять, встали вопросы: «Кому это делать? Чем? Где взять семена, тягловую силу, горючее?»

Я помнил, как в 1942 году примерно так же стоял вопрос о помощи со стороны войск Брянского фронта населению освобожденных районов Орловской области. Командующий Брянским фронтом К. К. Рокоссовский пошел тогда навстречу просьбе секретаря обкома партии Н. Г. Игнатова. Помощь оказали большую, несмотря на то, что мы сами были недостаточно обеспечены. И командование Брянского фронта поступило тогда, я убежден, совершенно правильно. Иначе поступить оно не могло.

К весне 1944 года 1-й Белорусский фронт располагал гораздо большими возможностями, чем в свое время Брянский. Узнав от секретаря ЦК Коммунистической партии Белоруссии П. К. Пономаренко, в чем республика испытывает наиболее острую нужду, Военный совет поручил мне подготовить проект решения.

Это задание не могло быть выполнено посредством «кабинетного творчества». Подготовка решения превратилась в проверку возможностей всех управлений фронта, в выяснение того, что могут сделать начальники родов войск и служб. Одновременно наши представители выехали в армии, чтобы заручиться поддержкой их командования.

В сущности, фронту во время войны нужно все, ничего лишнего у него нет. Но в войне уже наступил перелом: теперь армия могла постепенно возвращать Родине часть полученных ресурсов и помогать ей в залечивании ран.

Чем дальше уносит нас время от событий минувшей войны, тем с большим интересом воспринимаются многие явления и факты тех дней. К волнующим документам того времени можно отнести постановление Военного совета 1-го Белорусского фронта от 25 февраля 1944 года «О мерах помощи со стороны фронта в восстановлении народного хозяйства Белорусской Республики» (опубликовано в «Военно-историческом журнале» № 6 за 1964 год).

В то время речь еще не шла о восстановлении нормальной жизни в Белоруссии. Надо было безотлагательно создать хоть сколько-нибудь приемлемые бытовые условия, принять меры к пуску уцелевших предприятий, к проведению весеннего сева. Возможно, намеченные в постановлении Военного совета мероприятия кому-то покажутся немасштабными в сравнении с современными темпами развития народного хозяйства страны. Но надо учитывать, что это решение принималось более чем за год до победоносного завершения войны, что Красной Армии еще предстояло провести такие крупные операции, как Белорусская,

Ясско-Кишиневская, Висло-Одерская, Будапештская, Восточно-Прусская, Венская, Берлинская.

Постановлением Военного совета предусматривалось оказание помощи белорусскому народу по линиям всех служб. Вот лишь некоторые примеры. Санитарное управление фронта обязывалось выделить 5 эвакогоспиталей для организации 5 больниц, укомплектовать их имуществом и хирургическим инструментом, оборудовать ряд других медицинских учреждений, отпустить 20 тонн хозяйственного мыла, провести в течение февраля — марта 1944 года санобработку 150 000 человек.

По линии ветеринарной службы намечалось развернуть к 1 марта 15 амбулаторных ветпунктов при фронтовых ветлазаретах в местах их дислокации, организовать 10 противоэпизоотических отрядов по борьбе с заразными заболеваниями среди скота, до апреля обследовать 10 000 лошадей на сап, передать колхозам республики жеребят рождения 1944 года.

Наш фронт передал для народного хозяйства БССР 102 автомашины, автомобильное управление решило оказать помощь в ремонте имеющегося в республике автотранспорта, подготовить для МТС и колхозов 100 водителей из местного населения. Мы отремонтировали 10 тракторов, 20 плугов, 50 борон, выделили на весенний сев из своего резерва 35 тракторов и подготовили 40 трактористов. Кроме того, в течение месяца 80 специалистов из состава фронта ремонтировали сельхозинвентарь в колхозах. Отдел снабжения горючим фронта отпустил колхозам республики 350 тонн керосина, 200 тонн дизельного топлива, 100 тонн солидола. Дорожное управление фронта восстановило 300 погонных метров разрушенных мостов.

Я перечислил лишь небольшую часть мероприятий, намеченных в постановлении Военного совета 1-го Белорусского фронта. Мы оказали помощь республике и строительными материалами, и оборудованием, и техникой, и сбруей. Выделяли на разные работы людей. В частности, войска фронта пустили городскую электростанцию в Гомеле, помогли Добрушскому бумажному комбинату в восстановлении электрохозяйства и т. д.

В постановлении говорилось:

«Военный совет фронта обязывает все армии, дивизии, отдельно стоящие полки, тыловые части и учреждения без ущерба для боевой деятельности войск оказать всемерную помощь в подготовке и проведении весеннего сева.

Каждый трактор, каждая лошадь, если позволяет обстановка, должны быть использованы на пахоте, на севе.

Личный состав частей должен принимать активное участие в возделывании колхозных и индивидуальных огородов (в первую

очередь семьям красноармейцев, офицеров, жертв немецких оккупантов).

Военный совет обязывает генералов, офицеров и политорганы добиться, чтобы каждая крупная и мелкая часть, не находящаяся на передовой линии, включилась в эту большую работу (пахота, сев, ремонт с/х инвентаря, колхозных построек, отдельных домов, принадлежащих вдовам, сиротам, и т. д.)».

Многие из ныне здравствующих товарищей наверняка хорошо помнят, сколько инициативы, энергии, изобретательности вкладывали солдаты, сержанты, офицеры и генералы в это всенародное дело.

Я рассказываю о нашем фронте. Но то же происходило и на других фронтах, где личный состав также участвовал в возрождении разрушенных городов и сел, городского и сельского хозяйства.

Непобедима страна, воспитавшая такую армию!

Наряду с решением организационно-хозяйственных вопросов важное место занимал в то время прием советских граждан, освобождаемых из фашистских лагерей.

Казалось, угроза окончательного военного поражения должна была заставить фашистов подумать о том, чтобы смягчить справедливый гнев советского народа, но они не переставали глумиться над нашими гражданами. Готовясь отступать, гитлеровцы сосредоточили в концентрационных лагерях за передним краем тысячи советских женщин, детей и стариков, больных сыпным тифом. В связи с этим в полосе продвижения 1-го Белорусского фронта складывалась трудная эпидемиологическая обстановка. Положение осложнялось еще и тем, что все больницы освобожденных районов Белоруссии были разрушены, а число зарегистрированных сыпнотифозных очагов в тыловых районах нашего фронта составляло свыше 4 тысяч.

Кроме этих больных масса завшивевших, голодных, разутых и полураздетых людей — около 36 тысяч — хлынула навстречу нашим войскам, ожидая помощи в лечении, одежде, питании. Надо было их спасти и предупредить возникновение сыпняка в войсках. Вопросами ликвидации угрозы сыпнотифозной эпидемии занималась подполковник медицинской службы Евгения Евстафьевна Серкова.

В апреле 1944 года стояла холодная, сырая, неустойчивая погода. Дороги еще не полностью освободились от снежного и ледяного покрова; в оттепель образовалась непролазная грязь. Населенных пунктов в прифронтовой полосе, где можно было бы разместить бредущих по дорогам больных людей, осталось

ничтожно мало. Местные власти не могли решить эту задачу — она легла на органы и службы тыла.

Дорожники и медики установили на всех путях и перекрестках контрольно-пропускные пункты для первого опроса и осмотра граждан, идущих из лагерей. Одних тут же отправляли на лечение, других посылали на обмывочные пункты, где выдавалось чистое белье и все необходимое. Автомобилисты перевозили этих людей на фронтовом транспорте глубже в тыл. Военные железнодорожники предоставили санитарные или другие вагоны. Службы вещевого и продовольственного снабжения заботились о том, чтобы одеть и накормить вчерашних узников. Политотдел тыла фронта, партийные и советские органы областей и районов проводили разъяснительную работу. Лишь благодаря единству и многосторонности системы тыла, активного участия партийных и советских органов удалось выполнить большую и спешную работу. Опасность распространения эпидемии устранили.

В апреле 1944 года произошли большие изменения. Ставка приказала принять в состав нашего фронта часть войск 2-го Белорусского фронта, которыми командовал генерал П. А. Курочкин и которые действовали на ковельском направлении. Для приема этих войск из Гомеля специальным поездом выехала большая группа руководящих работников во главе с генералом К. К. Рокоссовским через Овруч, Коростень на Сарны и далее до железнодорожной станции Маневичи. Больше всего доставалось тогда железнодорожным узлам Коростень и Сарны: над ними почти непрерывно висела авиация противника. По дороге наш поезд дважды подвергался авиационному нападению.

Процедура принятия 70-й, 47-й и 69-й армий, 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов продолжалась около суток. Во время войны расширение или сужение границ фронта случалось часто, и это достигалось либо присоединением соседних армий, либо передачей соседу своих фланговых. В данном же случае 1-й Белорусский фронт увеличивался вдвое.

Принятие войск 2-го Белорусского фронта выдвигало перед нами немалые задачи. Число раненых на этом направлении в несколько раз превосходило емкость госпиталей, и без того переполненных, а санитарная эвакуация вовсе прекратилась — железные дороги противник разрушил, других эвакосредств не хватало. Обеспеченность вновь принятых войск продовольствием равнялась нулю; особенно плохо обстояло с хлебом. Но как раз это не могло нас беспокоить. Интендант фронта из ранее заготовленного нами хлеба отпустил вновь принятым войскам

запас на 30 суток.

Плохо было у прибывших армий с горючим и боеприпасами. Хотя на складах 1-го Белорусского фронта имелось и то, и другое, но склады эти дислоцировались в 700–800 километрах от Ковеля. Пришлось осуществить спешный и значительный по масштабу маневр материальными средствами с правого крыла фронта на левое.

В тот день, когда мы оформляли прием войск 2-го Белорусского фронта, генерал К. К. Рокоссовский поручил мне выяснить возможность перевода к нам присутствовавшего здесь главного хирурга 2-го Белорусского фронта профессора Н. Н. Еланского.

— Хотя бы на том основании, — сказал командующий, — что мы приняли от них столь большое число раненых.

От медицинских работников я много слышал о Еланском. О нем говорили как о крупном ученом, блестящем и опытном хирурге, участнике первой мировой и гражданской войн, боев на Халхин-Голе в 1939 году и советско-финляндского конфликта.

Меня предупредили, что он очень привязан к коллективу работников санитарного управления 2-го Белорусского фронта.

— Зря будете терять время на разговоры с Еланским. Не согласится он перейти в наш фронт, — говорили мне сослуживцы-медики.

Солнце ярко освещало здание, где размещался штаб фронта. Мощенный булыжником двор был уже убран, пешеходные дорожки хорошо подсохли. Чтобы нам никто не мешал, я пригласил Еланского пройтись по двору и завел разговор, как говорят, издалека. Беседа наша продолжалась более часа. Когда мы совершали тур по дорожкам, куда выходили окна из штаба, я заметил, что Рокоссовский и стоявшие рядом с ним товарищи смеются. Над чем они смеялись? Николай Николаевич был очень высок ростом. Беседуя с ним, я запрокидывал голову, чтобы видеть лицо собеседника, а чтобы солнце при этом не слепило мои глаза, я часто прикладывал руку ко лбу — как смотрят вдаль, когда желают получше вглядеться. Еланский же вынужден был сгибаться в поясе, чтобы смотреть мне в лицо. Именно это развеселило наблюдавших за нами. Но я тут же забыл о насмешниках. Мне было не до них. Еланский упорно отказывался переходить в наше фронтовое управление.

Так и не случилось мне поработать с ним. Об этом мы с Николаем Николаевичем не раз сожалели впоследствии, когда поселились под одной крышей на подмосковной даче и прожили там ровно 15 лет. Занимая после войны посты главного хирурга Вооруженных Сил и директора хирургической клиники 1-го

Московского медицинского института, Николай Николаевич не изменил главному своему призванию: он делал самые трудные, самые сложные операции и не переставал обучать молодых людей, передавая им свой богатейший опыт.

Еще одно неоценимое качество узнал я в этом человеке: он был прост и доступен. Не было случая, чтобы Еланский отказал кому-либо в помощи у себя дома или на даче. Но горе тому, кто начинал свою речь к нему не словами о болезни, а заверениями, что «отблагодарит» за помощь, за консультацию. С трудом стерпев оскорбление и оказав помощь, он после этого с досадой выпроваживал такого пациента.

Беседуя с Еланским об уроках войны, мне не раз приходилось слышать от него слова опасения: а не ослабнет ли внимание к подготовке военных врачей в послевоенные годы? Всякая война требует военных врачей высокой квалификации — именно военных, то есть таких, которые еще в мирное время прошли школу воинского воспитания и дисциплины. В подтверждение этой мысли Николай Николаевич ссылался на свою собственную жизнь, свою долгую службу в армии (почти 50 лет). В самые трудные годы Великой Отечественной войны он вступил в ряды Коммунистической партии и остался верным ее членом до конца жизни.

Таким был Николай Николаевич Еланский.

Советское правительство удостоило его высокого звания Героя Социалистического Труда. После кончины Н. Н. Еланского одна из улиц Москвы названа его именем.

После приема войск 2-го Белорусского фронта создалась необычная конфигурация нашего переднего края: беря начало в районе Быхова, линия проходила на юг по Днепру, восточнее Жлобина, затем шла на юго-запад, пересекая Березину, снова поворачивала на юг, пересекая Припять, а затем по южному берегу Припяти уходила далеко на запад к Ковелю и, обогнув его с востока, снова шла на юг.

Генерал К. К. Рокоссовский обратил наше внимание на выгодное положение левого крыла фронта по отношению к группировке противника, находившейся в Белоруссии и Прибалтике. Высказывались предположения, что с наступлением устойчивой погоды и после усиления этого крыла войсками и техникой Ставка наверняка примет решение ударить именно с этого направления во фланг и тыл белорусской группировке немецких войск. Исходя из такого предположения, я и обдумывал план возможной организации оперативного тыла.

В первой мировой войне Припять служила

разграничительной линией между двумя фронтами, которые вели бои с немцами и австрийцами. Но наша Ставка решила вопрос по-другому: она отдала весь бассейн Припяти с ее многочисленными притоками, лесами и болотами одному фронту. Фактически же вся полоса 1-го Белорусского фронта делилась на два самостоятельных операционных направления: одно — на Бобруйск, Барановичи, Брест, Варшаву; другое — на Ковель, Хелм, Люблин, Варшаву. Это требовало резко выраженной группировки войск на каждом направлении, а следовательно, такой же организации тыла. По сути дела здесь было два фронта, объединенных одним командованием.

В течение короткого времени в район Ковеля одна за другой прибыли 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова, 2-я танковая армия генерала С. И. Богданова, 1-я Польская армия генерала З. Берлинга, 6-я воздушная армия генерала Ф. П. Полынина.

Было ясно, что здесь создается мощная ударная группировка. Для ее обеспечения мы открыли фронтовые склады в районах Сарны и Киверце; сюда же подтянули транспортные средства и создали мощную госпитальную базу фронта на 50 000 коек. Оборудовались складские и госпитальные базы фронта в районах Овруча и Коростеня. Мы представили заявки в центр на десятки тысяч тонн боеприпасов и горючего для южного крыла. Короче говоря, все наши действия направлялись сюда, на ковельское направление. Да и штаб фронта переместился из района Гомеля в Овруч, откуда было бы удобнее руководить наступлением войск левого крыла фронта.

Однако в конце мая 1944 года положение резко изменилось. Ставка приняла решение нанести удар четырьмя фронтами на белорусском направлении, в связи с чем правое крыло 1-го Белорусского фронта приобретало первостепенное, ведущее значение. Это крыло усилили 28-й армией, одним кавалерийским и одним танковым корпусами, а также не менее чем 20 артиллерийскими полками. В соответствии с директивой Генерального штаба в течение 15–20 дней сюда поступило дополнительно 300–350 оперативных эшелонов. Вместе с текущим поступлением приток железнодорожных поездов достигал 50–60 в сутки, тогда как пропускная способность направления Бахмач — Ново-Белица не превышала 36 пар. Восстановление крупного железнодорожного моста через Сож у Гомеля закончили как раз в мае, но через него с большим трудом можно было пропустить в сутки 12 пар поездов.

Ввиду столь сложной тыловой обстановки Военный совет возложил на начальника тыла фронта персональную

ответственность за пропуск поездов в заданном темпе и за быстрейшую разгрузку их в назначенных районах.

Как же обеспечить прием 50 поездов в сутки? Решение этой задачи вылилось в своего рода самостоятельную операцию тыла.

В начале июня 1944 года в Гомель прибыл заместитель наркома путей сообщения СССР Виктор Антонович Гарнык. Я впервые тогда познакомился с ним. Это был типичный представитель старой гвардии железнодорожных машинистов. Незаурядные организаторские способности, большой опыт работы машинистом и руководителем паровозной службы обусловили выдвижение его на столь высокий пост.

В Гомеле у нас образовался импровизированный штаб начальника тыла фронта, усиленный представителями служб, не входящих в систему тыла, — отдела комплектования, командующего артиллерией, командующего бронетанковыми и механизированными войсками и др. Все они хорошо знали «начинку» каждого поезда. И артиллерист, и танкист, и инженер — каждый из них хотел продвинуть свои грузы возможно ближе к войсковому тылу, а это означало, что поезда надо пропускать по новобелицкому мосту. Но ведь всех поездов не пропустишь! Надо выбирать те, которые имели наименее транспортабельную технику, то есть наиболее тяжелые машины, артиллерию крупных калибров и т. п. А то, что могло двигаться своим ходом или на автомашинах, подлежало выгрузке еще за 20, 30, 50 километров до Ново-Белицы. Иначе говоря, фронт разгрузки растягивался на 50 километров к востоку от Гомеля и на 50—100 километров западнее его. Общий фронт разгрузки достигал 150 километров. Только так можно было обеспечить прием и выгрузку 50 поездов в сутки.

Но чем дальше от районов сосредоточения выгружаются войска, тем больше требуется бензина и дизельного топлива на их дальнейшее передвижение. А войска, как правило, прибывали с ничтожными запасами горючего. В обязанность начальника службы ГСМ фронта входило выдвижение подвижных складов горючего и смазочных масел со средствами заправки ко всем пунктам выгрузки, а их было не менее двадцати.

Большая задача в этой обстановке ложилась и на дорожную службу: обеспечить войска дорогами от пунктов выгрузки до выхода на основные магистрали.

Некоторые эшелоны находились в пути по две-три недели, люди нуждались в санитарной обработке и уже давно не получали горячей пищи. Пришлось выдвинуть к пунктам разгрузки душевые установки, врачебно-контрольные группы и автомобильные кухни с горячей пищей. На обязанности

вещевиков лежало обеспечение вновь прибывших нательным бельем и исправным летним обмундированием.

Автомобильная служба организовала тут же технический осмотр машин и текущий ремонт их. Представители ветеринарной службы фронта проводили осмотр и лечение лошадей.

Особенно большая ответственность легла на службу военных сообщений, на военных железнодорожников. От их находчивости, энергии и порой готовности принять на себя риск за пропуск поездов на наиболее трудных перегонах в немалой степени зависел успех всего сосредоточения войск.

Из сказанного видно, что, на первый взгляд, чисто железнодорожное задание вылилось в большой комплекс мероприятий тыла в целом. Этот пример еще раз доказывает, как правильно решил Государственный Комитет Обороны, создав в августе 1941 года новую структуру тылового обеспечения Красной Армии. Только благодаря единству и многогранности системы тыла можно было выполнить в срок требование Ставки о принятии в состав фронта столь значительной массы войск и техники, предназначенной для проведения Белорусской операции. Этим решением ГКО начальник тыла был поставлен в такие условия, при которых он никому не должен кланяться и кого-либо просить о материальной помощи — все необходимые службы ему подчинялись, и все зависело от его собственной инициативы, организованности, изобретательности. Это прекрасно понимал командующий 1-м Белорусским фронтом, возлагая на своего заместителя по тылу всю ответственность за перевозки в соответствии с директивой Ставки.

Большая заслуга в организации этих перевозок принадлежала органам ВОСО фронта и, в частности, заместителю начальника ВОСО полковнику Г. Е. Неловко. Своим неутомимым трудом, находчивостью, отличным знанием обстановки, умением согласовывать свою работу с высоким начальством из НКПС (я имею в виду заместителя наркома В. А. Гарныка) он добивался того, что поезда нигде не застаивались, быстро разгружались, а порожняк своевременно возвращался.

Не каждый понимает, что значит своевременный возврат порожняка. Нарушив этот процесс, мы создаем «пробки» на дорогах и резко снижаем их пропускную способность. Сколько принял вагонов, столько же и сдай за сутки — такой непреложный закон железнодорожного движения. Не зря же пропускная способность железных дорог исчисляется не числом поездов, а числом пар поездов, иными словами: сколько поездов

может пропустить данный участок или все направление (с учетом наиболее узких мест) туда и обратно в течение суток. Но в данной операции нам пришлось нарушить этот принцип. Ввиду чрезвычайно острой обстановки решили в течение нескольких дней допустить одностороннее движение поездов — только в сторону фронта. Оперативные эшелоны шли один за другим, а порожняк приходилось отгонять на свободные тупики и на малозначимые железнодорожные станции.

Необходимо ли это было? Да, необходимо.

Хорошо ли это было? Хорошо, но не со всех точек зрения.

Мы тут же почувствовали и отрицательные последствия такой меры: тысячи вагонов, заполнившие прифронтовые участки железной дороги, представляли очень соблазнительную цель для авиации противника. А сколько «шуму» было со стороны начальства! Надо было ждать, и мы ждали, выговора либо в приказе по всей Красной Армии для всеобщего назидания, либо в «персональной телеграмме». Однако на сей раз все обошлось благополучно. Часть порожних вагонов мы отправили в тыл сдвоенными поездами, а большую часть, с разрешения центра, переправили через Калинковичи, Овруч, Коростень, Киев соседу слева — 1-му Украинскому фронту.

Немалую помощь оказал нам В. А. Гарнык, который видел на месте всю сложность положения.

Противник следил за движением на дорогах. Его авиация патрулировала и фотографировала, а наши зенитки грохотали днем и ночью, отгоняя немецких наблюдателей. Разумеется, врага привлекал не только порожняк, скопившийся на малых станциях. Он выслеживал и более ценные составы, и ему удалось нанести несколько сильных авиационных ударов по станциям Ново-Белица и Гомель. После одного такого налета движение поездов временно прекратилось.

Однажды на рассвете нас разбудили разрывы бомб и грохотание зениток в непосредственной близости к той окраине Гомеля, где размещалась наша оперативная группа и где был оборудован мощный узел связи. Выйдя на улицу вместе с Гарныком, мы увидели группы фашистских бомбардировщиков, волнами налетавших на железнодорожный мост и узел Ново-Белица. Казалось, мост будет разрушен. Но наши зенитчики работали настолько дружно, что противник не сделал ни одного точного попадания. Движение поездов приостановилось лишь из-за того, что недалеко от моста сошел с рельсов паровоз воинского эшелона.

Мы с Гарныком помчались на «виллисе» к месту происшествия. Приходилось дорожить каждой минутой, тем

более что над остановленным эшелоном авиация противника могла появиться вновь. Мы увидели паровоз, врезавшийся тремя парами передних колес в шпалы и насыпь. Он сошел с рельсов под действием воздушной волны от близкого разрыва мощной авиабомбы.

Что делать? Никаких подъемных механизмов поблизости не было. И тут помогла смекалка старого паровозника Гарныка. Повернувшись ко мне, он сказал:

— Если бы можно было собрать побольше людей с бревнами, я бы попробовал решить задачу без механизмов.

Мне быстро удалось собрать сотню солдат и офицеров, укрывшихся в блиндажах и щелях. Виктор Антонович руководил устройством нескольких рычагов из подручного материала, подведением их под колеса, сошедшие с рельсов. Он поставил в три цепочки людей с бревнами вокруг паровоза: одна линия упора бревен проходила у самого низа паровоза, другая — чуть повыше, а третья — еще выше. Сам Гарнык подставил свои могучие плечи под передний крюк. Мне он поручил подавать команды: «Раз-два, взяли!» И произошло чудо: громадная металлическая масса была приподнята и установлена на рельсы. Казалось, что сам Гарнык заменил собой не меньше пяти «лошадиных сил»! Через несколько минут паровоз отогнали с главного пути…

Хорош был заместитель наркома!

Задание по сосредоточению войск выполнили 20 июня 1944 года — в последний день отведенного на перевозку времени.

Каждый из нас понимал, что готовится грандиозная битва. Об этом свидетельствовал также и тот факт, что недалеко от Гомеля на вспомогательном КП фронта находился заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г. К. Жуков, который, как известно, зря не приезжал, а появлялся только в чрезвычайных случаях, когда надо было координировать боевые действия фронтов на том или ином стратегическом направлении. Он присутствовал при последнем инструктаже, проведенном генералом К. К. Рокоссовским с командирами правого крыла фронта перед началом Белорусской операции.

Ежедневно я докладывал командующему фронтом о ходе оперативных перевозок в целом; каждый представитель рода войск из моей группы докладывал по своей линии о прибывших личном составе, боевой технике.

В то время совершался грандиозный маневр силами и средствами тыла фронта с левого крыла на правое. Ведь совсем недавно мы сосредоточивали усилия на левом крыле, а теперь все надо было перебазировать направо и по возможности скрытно от

противника.

Около 4 тысяч транспортных машин 18-й автомобильной бригады под командованием полковника Б. Н. Кугутова, загруженных боеприпасами, горючим, инженерным и другим имуществом, совершили переход из района Сарны в район Гомеля — километров 300–400. Сюда же переместились многие госпитали фронта, находившиеся до этого на левом крыле. Поезда с боеприпасами и горючим, шедшие из центра в направлении на Ковель, заблаговременно повернули через Бахмач на Ново-Белицу и далее они следовали на армейские базы снабжения.

На соседних фронтах этого направления проходила такая же подготовительная работа и накапливались материальные средства. В итоге наступательная операция в материально-техническом отношении была обеспечена на уровне требований Ставки и командования фронтов.

В каком же количестве создали запасы для обеспечения Белорусской наступательной операции?

К ее началу обеспеченность фронтов характеризовалась следующими данными[14]:

Виды материальных средств	1-й Прибалтийский фронт	3-й Белорусский фронт	2-й Белорусский фронт	1-й Белорусский фронт
Боеприпасы (боекомплекты)	4,2	2,1	3,0	4,0
ГСМ (заправки)				
авиационное горючее	9,2	6,2	10,4	4,0
автобензин	4,1	3,4	2,5	4,1
дизельное топливо	7,6	6,3	6,4	7,1
Продовольствие (суточные дачи)	16	20	21	22

Из таблицы видно, что обеспеченность фронтов была более или менее достаточной, хотя и не вполне равномерной, особенно по горючему. Нелишне сказать, что в то время пробег машины на одной заправке составлял всего лишь 150 километров, поэтому на четырех заправках больше 600 километров не проехать. А если принять во внимание довольно частые случаи работы моторов на месте, а также всевозможные объезды и заезды, то четырех заправок хватит не более чем на 400 километров (или 200 километров в один конец). Как известно, фактическая глубина операции составляла для большинства фронтов свыше 600 километров; в связи с этим трудность обеспечения войск горючим в ходе боев была неимоверно велика.

Думаю, небезынтересно знать, во что обошлась Белорусская операция нашему государству в смысле расхода материальных

средств. Боеприпасов израсходовали свыше 400 тысяч тонн, горючего — около 300 тысяч тонн, продовольствия и фуража — свыше 500 тысяч тонн. Если считать, что в зимне-весенний период в боях за освобождение одной шестой части БССР было израсходовано не менее 300 тысяч тонн боеприпасов, горючего и продовольствия, то в целом операция, в результате которой Белоруссию освободили полностью, потребовала не менее 1,5 миллиона тонн основных видов материально-технических средств, не считая сотен тысяч тонн всевозможных материалов, израсходованных на восстановление железнодорожных и шоссейных мостов.

Как обеспечивались наступающие войска в ходе операции? Насколько правильно планировался расход боеприпасов, горючего, продовольствия? Совпал ли фактический расход с запланированным? Справился ли тыл с подвозом? Постараемся на все эти вопросы коротко ответить. Причем речь пойдет лишь о работе тыла 1-го Белорусского фронта.

В продовольственном снабжении планирование простое: одна суточная дача в день — ни больше, ни меньше. Отклонения если и были, то не в сторону уменьшения, а повышения нормы питания для солдат. Накануне наступления начальник продовольственного управления фронта распорядился выдать каждому бойцу сверх нормы сухой паек, в состав которого входили 300–400 граммов отварного мяса, кусок сала, сахар, бутерброд с маслом и др. Таких индивидуальных пайков выдали 300 тысяч.

В ходе операции войска неизбежно несут потери. Подсчет их всегда отстает, вернее, отчетность приходит со значительным опозданием. Людей стало меньше, иногда даже вдвое, втрое, а вышестоящая инстанция продолжает выписывать продукты на первоначальную численность личного состава. Солдат в ходе наступления получал поэтому неограниченное количество пищи. Правда, не всегда можно было подавать горячую пищу в передовые части, но в целом с продовольственным обеспечением войск во время Белорусской операции затруднений, можно сказать, не встречалось.

В обеспечении войск боеприпасами перебои начались уже на седьмой день наступления. И не только потому, что не хватало автомобильного транспорта (его не хватало на протяжении всей войны), а потому, что здесь были особые условия подвоза. Откуда вывозить? По каким дорогам? Одно дело — брать с фронтовых складов, расположенных у хороших дорог и обеспеченных хотя и примитивными, но все же механическими средствами погрузки (рольганги и т. п.). Другое дело — собирать боеприпасы в лесу, в

труднодоступных местах, где прежде находились огневые позиции артиллерии, и везти по бездорожью. Искать боеприпасы в белорусских лесах — нелегкая задача.

Считалось общепринятым выложить на огневые позиции от двух до двух с половиной боевых комплектов, около одного боекомплекта содержать на дивизионных и армейских складах и около четверти — на фронтовых складах. Продолжительность артподготовки планировалась не менее двух часов, в течение которых предполагалось израсходовать боеприпасы, выложенные на огневых позициях в исходном положении.

Однако фактически продолжительность артподготовки в Белорусской операции почти везде сокращалась в два и более раза. Большое количество боеприпасов оказалось неизрасходованным и было оставлено артиллеристами на исходных позициях. Для ясности приведу данные о запланированном и фактическом расходе боеприпасов войсками 65-й армии 1-го Белорусского фронта, находившейся на направлении главного удара (в боекомплектах)[15]:

Калибр	Расход в первый день операции		Расход за девять дней	
	план	фактически	план	фактически
76-мм дивизионные	1 86	0,63	4,33	1,12
122-мм гаубичные	1,62	1,20	3,60	1,63
152-мм »	1,90	0,34	3,60	0,49

Сама по себе такая солидная экономия — факт отрадный. Но образовалась она не на складах, а в районе огневых позиций, оставленных войсками через несколько часов после начала наступления. В условиях Белоруссии огневые позиции артиллерии располагались чаще всего вдали от дорог, в лесах, на песчано-болотистом грунте. Сюда завозили боеприпасы в течение многих дней, нередко с помощью артиллерийских частей, их тягачей и личного состава. Когда же войска уходили вперед, этой помощи уже не оказалось, а боеприпасы остались в местах, куда подойти машинам очень трудно; таких «островков» в полосе правого крыла 1-го Белорусского фронта насчитывалось около ста. Создавалось странное положение, когда боеприпасы быстрее и удобнее было подавать со складов Главного артиллерийского управления за 1500–2000 километров, нежели собирать их в исходных районах по необъятным лесам Белоруссии. Но просить у Главного артиллерийского управления боеприпасы не было формального основания, поскольку за фронтом их значилось в наличии более двух боевых комплектов, и центр справедливо требовал, чтобы мы приложили все усилия для сбора и вывоза сэкономленных, но оставшихся на старом рубеже. А как их вывезти?

10 июля, если не ошибаюсь, состоялось совещание первых членов военных советов армий, начальников тыла армий и начальников артснабжения армий левого крыла фронта в деревне Мельнице, в 20 километрах восточнее Ковеля, под председательством члена Военного совета фронта Н. А. Булганина. Я выступил с докладом на тему «Некоторые уроки из опыта материального обеспечения войск правого крыла в Бобруйской операции и задачи тыла армий левого крыла фронта». Вопрос о правильном эшелонировании боеприпасов и о недопустимости образования мелких кучек их вдоль линии фронта был центральным. Сами артснабженцы признали целесообразным не выкладывать в данных условиях на огневые позиции сразу полтора-два боекомплекта, а сократить наполовину эту норму, остальные же боеприпасы складывать у узлов дорог, сколько можно, держать в готовности загруженными

на автотранспорт.

Перейдя 18 июля 1944 года в наступление из района Ковеля на Люблин левое крыло нашего фронта в составе 47, 69, 8-й гвардейской, 2-й гвардейской танковой армий не оставило на исходных позициях ни одного снаряда. А на правом крыле поиски боеприпасов продолжались не только до конца Белорусской операции, но и до конца войны. Даже после войны еще находили штабеля снарядов, оставленных нашими войсками в белорусских лесах.

Планируя свою работу, тыл фронта всегда исходил из директив Ставки относительно глубины задач и длительности операции. Так, директивой Ставки 1-му Белорусскому фронту ставилась задача «…разгромить бобруйскую группировку гитлеровцев нанесением ударов: одного — из района Рогачева в направлении Бобруйск, Осиповичи и другого — из района нижнего течения реки Березина, Озаричи на Старые Дороги, Слуцк. Одновременно войскам фронта предстояло правым крылом содействовать 2-му Белорусскому фронту в разгроме могилевской группировки противника и в дальнейшем наступать с целью выхода в район Пуховичи, Слуцк, Осиповичи»[16].

Для тыла фронта обеспечение войск в операции на глубину 130 километров не составляло каких-либо трудностей. Вместе с тем такое малое по глубине ориентирование объективно вело к ослаблению усилий служб тыла, ограничивало перспективы, снижало готовность к маневру. При более глубоком планировании наступательной операции по-иному строились бы планы тылового обеспечения и меньше было бы просчетов.

Отрицательно влияла на планирование тылового обеспечения неполная и несвоевременная осведомленность руководящих лиц фронтового и армейского тылов относительно замысла данной операции. Начальника тыла не всегда приглашали на оперативные совещания, где уточнялись задачи и отрабатывалось взаимодействие. В связи с этим создалось совершенно неудовлетворительное положение, особенно с горючим: его хватило лишь на 8—10 дней, то есть приблизительно на запланированную глубину наступления. С формальной стороны все обстояло благополучно, и начальник тыла фронта не имел основания требовать от центра более высокой обеспеченности; но поскольку операция на этом не завершилась, а продолжалась, фронт стал испытывать истинный голод в горючем.

Поэтому мы развернули жесточайшую борьбу за экономию горючего. Для этого значительную часть автомашин поставили «на прикол», «на консервацию». Категорически запретили

использование грузовых машин вместо легковых. Немалое значение имели регулировка моторов, недопущение «холостых» пробегов, обучение водителей лучшему управлению машиной. Но самым эффективным способом экономии горючего было… быстрейшее восстановление железных дорог. Опытным путем мы установили, что каждые 100 километров восстановленных железных дорог в сторону линии фронта сокращают расход горючего на тысячу тонн. Поэтому командование не скупилось на оказание всесторонней помощи железнодорожным войскам.

Доставке горючего на фронт мешал несвоевременный возврат в глубь страны наливного подвижного состава. Мы это прекрасно знали, но порою вынуждены были задерживать цистерны, превращая их как бы в «передвижные склады на колесах». За это я получил однажды выговор от начальника тыла Красной Армии А. В. Хрулева.

— Я вас отлично понимаю, Николай Александрович, у вас другого выхода не было, но я не могу не реагировать, на меня жмут, — пояснил мне по телефону Андрей Васильевич.

А задержка на сутки или двое происходила оттого, что мы ожидали открытия движения поездов на головном железнодорожном участке. Пропуская наливные поезда на 100–150 километров ближе к войскам, мы экономили не менее 1000–1500 тонн бензина. Вот и думаешь каждый раз: сливать ли бензин за 300 километров от войск, чтобы быстрее возвратить цистерны, или подождать день-два, пока восстановят железную дорогу. Обычно избираешь второй путь, хотя за этим неизбежно следует «вздрючка».

В ходе Белорусской операции снабжение горючим являлось порой настолько плохим, что приходилось выдавать армиям микродозами — по 30–40 тонн в сутки при потребности в 300–400 тонн.

Не число автомашин, а количество горючего было причиной перебоев в подаче войскам боеприпасов и другого боевого имущества. По той же причине в ряде случаев снижалась боевая активность танковых и артиллерийских частей. Например, 27 июля 1944 года значительная часть артиллерии 28-й армии отстала, потому что не было горючего. 3-й танковый корпус 2-й танковой армии не мог вести активных боевых действий под Варшавой, так как не имел дизельного топлива, и вся танковая армия фактически перешла к обороне на подступах к Варшаве. 29 июля 6-я воздушная армия, имевшая в своем составе 1400 самолетов и превосходившая противника в два-три раза, произвела всего лишь 95 самолетовылетов, а 30 июля — 232 самолетовылета.

Со стороны центра принимались энергичные меры к тому, чтобы пополнить запасы горючего на фронтовых складах. С разрешения начальника тыла Красной Армии начальник отдела снабжения горючим 1-го Белорусского фронта полковник Н. И. Ложкин сформировал 20 фронтовых железнодорожных «вертушек» на 1000 тонн каждая. Смысл этого мероприятия состоял в том, что поезд цистерн закреплялся за нашим фронтом, во главе его стоял офицер службы ГСМ фронта, который сопровождал состав до Баку или Грозного, там принимал меры к быстрейшему наполнению его горючим, а затем в пути всеми правдами и неправдами «проталкивал» вверенный ему поезд. Доставив его до фронтового склада ГСМ, офицер быстро сливал горючее и снова отправлялся в Баку или Грозный. Надо сказать, что такой чрезвычайный способ самоснабжения, хотя и не очень прогрессивный, в то время играл положительную роль. Позднее мы сами отказались от «вертушек», так как, узнав о них, коменданты станций, подчиненные Центральному управлению военных сообщений (ЦУП ВОСО), по пути от Баку до фронта стали переадресовывать эти цистерны, и наши «чрезвычайные» сопровождающие офицеры были бессильны что-либо против этого сделать. Впрочем, и положение с горючим к концу 1944 года в стране настолько улучшилось, что отпала необходимость в необычных формах самоснабжения.

Прямым результатом недостаточной глубины планирования операции была неудовлетворительная готовность железнодорожных войск к началу наступления, а также нереальность установленных темпов восстановления железных дорог.

В составе 1-го Белорусского фронта к 24 июня 1944 года, то есть к началу наступления войск правого крыла, фактически действовала всего одна железнодорожная бригада, другая находилась в стадии формирования, а третья работала в глубоком тылу, вне границ фронта, по заданию НКПС. Между тем другие фронты, участвовавшие в данной операции, имели по две и три бригады. Правда, фронт получил уведомление об отправке ему с юга трех железнодорожных бригад во главе с Управлением военно-восстановительных работ № 20, но они прибыли лишь к концу третьей недели наступления и не приняли участия в восстановлении наиболее разрушенных участков железной дороги. Причина такого запоздалого маневра железнодорожными войсками состояла, по моему мнению, в том, что эти войска на протяжении всей войны находились в подчинении Наркомата путей сообщения, который не всегда был в курсе оперативно-

стратегических замыслов Ставки. Если бы железнодорожные войска наравне с дорожными и автомобильными находились в системе начальника тыла Красной Армии, то в плане тылового обеспечения стратегической операции вопросы железнодорожного восстановления стояли бы на первом месте; да и Генеральный штаб принимал бы более действенное участие в укомплектовании и своевременном нацеливании этих войск. Нельзя, однако, отрицать, что подчинение железнодорожных войск НКПС в первый год войны себя оправдало.

Что касается запланированных темпов восстановления железных дорог, то здесь явно не учли действительного размера и характера разрушения. Так, 1-й Белорусский фронт намечал вести восстановление железнодорожного участка Шацилки — Жлобин — Бобруйск темпом 5 километров в сутки. А что же оказалось в действительности? Железнодорожный участок Шацилки — Жлобин протяжением около 40 километров лежал в непосредственной близости к линии фронта, а от Жлобина до Бобруйска железная дорога проходила в тактической зоне обороны противника; именно в этой зоне степень разрушения намного превысила все расчеты. Оказалось разрушенным не только верхнее строение, но и насыпь: противник изрыл ее сплошными нишами и укрытиями для техники и людей. В таком состоянии железные дороги находились на многих участках и в других операциях, особенно там, где шли параллельно линии фронта.

Участок Шацилки — Жлобин — Бобруйск восстанавливался единственной железнодорожной бригадой со скоростью 1–2 километра в сутки. Первый поезд подошел к Бобруйску лишь 15 июля 1944 года, то есть на 21-й день наступательной операции, когда войска ушли вперед на 350–400 километров. С приходом еще трех железнодорожных бригад во главе с генералом Н. В. Борисовым темпы восстановления резко повысились, в удачный день проходили 50–60 километров. Но это было уже после 15 июля, в оперативной глубине обороны отброшенного противника.

Здесь мне кажется уместной оговорка, относящаяся к «средним» показателям. В одном из трудов, изданных ЦУП ВОСО, мы читаем, что средние темпы восстановления железных дорог в полосе 1-го Белорусского фронта в данной операции достигли 32 километров в сутки; но ведь общеизвестно, что средние темпы наступления войск составили в этой операции 16 километров в сутки. Как же это железнодорожники наступали впереди танков и пехоты? И чем же тогда объяснить тот неопровержимый факт, что железная дорога отстала от наступающих войск на 400 километров?

В оперативной глубине своей обороны противник редко успевал, за исключением подрыва крупных мостов, сколько-нибудь серьезно разрушить железную дорогу. Восстановление в этой полосе сводилось в основном к перешивке путей на нашу колею. А если еще учесть при этом, что генерал Борисов получил от тыла фронта около 200 автомобилей для развозки людей и стройматериалов вдоль железной дороги, благодаря чему работы велись сразу на широком фронте и во встречных направлениях, то не удивительно, что средние темпы на данном конкретном участке оказались довольно высокие. Но таким методом «средних» темпов пользоваться довольно рискованно. При этом необходимо дифференцировать оценку состояния железных дорог в тактической зоне обороны противника и в оперативной глубине ее. Мы извлекли этот урок из Белорусской операции и воспользовались им в дальнейшем ходе войны.

Немаловажен правильный выбор направления железных дорог, подлежащих восстановлению. Опыт данной операции показал, что выгодней не самое короткое, а наименее разрушенное направление. Если есть возможность обойти сильно разрушенные участки и даже направления, то в интересах наступающих войск это надо делать со всей решительностью.

В полосе правого крыла 1-го Белорусского фронта кратчайшим и к тому же двухпутным был участок дороги Калинковичи — Лунинец — Жабинка (458 километров), но он пересекался множеством притоков Припяти с заболоченными поймами; кроме того, огромное число искусственных сооружений подверглось здесь разрушению. На другом, более длинном участке Калинковичи — Жлобин — Бобруйск — Осиповичи — Барановичи (650 километров) железная дорога была значительно меньше разрушена; к тому же рядом с ней проходила шоссейная дорога, облегчавшая боковой подвоз строительных материалов на широком фронте. Военный совет утвердил для восстановления именно это, более благоприятное, хотя и более длинное направление. Поэтому дорогу восстановили сравнительно быстро и с относительно небольшими затратами, а кратчайшее направление удалось восстановить лишь через два месяца по окончании операции.

В ходе Белорусской операции большую помощь тылу фронта оказали наши летчики, уничтожив злейшего врага — шпалоразрушитель, которым противник успел вывести из строя 25 километров пути между Жлобином и Бобруйском. Еще больше помогли танкисты, которые вышли в глубокий тыл противника в районе Осиповичей и помешали ему разрушить железные дороги; мало того, благодаря действиям танкистов немцы бросили в

Осиповичах крупные продовольственные склады.

Строительство железнодорожных мостов было ключом к решению всех остальных задач тыла. Поэтому, например, на восстановлении моста через Днепр у Речицы использовалась разнообразная техника и работало около 2 тысяч человек. Работы велись одновременно с трех точек: с центра и от обоих берегов.

Особое значение имел в то время железнодорожный мост через Березину у Шацилок. Здесь восстановление велось на виду у противника, и железнодорожники несли большие потери от методического огня артиллерии и от налетов вражеской авиации, но не прерывали своей работы. Да и строители других мостов не уступали им в мужестве. Подъехав к одному из восстанавливаемых железнодорожных мостов через Припять, я увидел шестерку приближавшихся немецких стервятников. Не менее 500 человек находилось в это время на фермах моста: они клепали, варили, укладывали шпалы, рельсы, тянули провода. Служба ВНОС предупреждала о приближении самолетов противника минут за 10–15; можно было успеть спуститься с моста и уйти в укрытие. Но ни один человек не ушел, работа продолжалась. На мой вопрос «Почему не идете в укрытие?» один солдат за всех ответил:

— Надоело. Если по каждой тревоге бегать в щели, работать будет некогда.

23 апреля 1944 года газета «Красная звезда» писала: «Беззаветный труд, дерзновенная отвага и блистательное мастерство советских военных железнодорожников сыграли немалую роль в нашей борьбе с врагом. Проблема коммуникаций была всегда одной из важнейших, решающих проблем войны. Тем более возросло значение коммуникаций, когда потребности войск неизмеримо увеличились, когда успешная боевая работа возможна лишь при бесперебойном питании фронта резервами, техникой, боеприпасами, продовольствием в самых грандиозных размерах. И тот факт, что наши военные железнодорожники наперекор всем преградам, в труднейших условиях обеспечивают решение этой важнейшей задачи, делает их гордостью всей Красной Армии, всего советского народа».

Хочется сказать о наших больших боевых друзьях и помощниках — рабочих, техническом персонале и служащих железных дорог, энергично помогавших войскам на всех этапах Белорусской операции. Среди начальников дорог хорошо помню А. М. Васильева (Калининская железная дорога), В. П. Егорова (Западная железная дорога), Н. И. Краснобаева (Гомельская железная дорога), Н. И. Петрова (Ковельская железная дорога). Под их руководством многочисленная армия гражданских

железнодорожников самоотверженно проводила поезда непосредственно в расположение сражающихся войск, зачастую подвергаясь ожесточенным воздушным бомбардировкам и артиллерийскому обстрелу.

Советские воины и народ никогда не забудут патриотического подвига гражданских железнодорожников.

Если при подготовке операции главная тяжесть перевозок лежала на железной дороге, то в ходе ее, с первых дней наступления, решающую роль в подвозе играл автомобильный транспорт. Работать ему приходилось в условиях крайне ограниченной сети автомобильных дорог. В 1944 году в центральной части Белоруссии густота ее составляла 20 километров на каждые 100 квадратных километров площади, из них 3 километра шоссейных и 10–15 километров улучшенных грунтовых. В полосе 1-го Белорусского фронта густота дорог была в два раза меньше — около 6 километров улучшенных грунтовых и 2 километра шоссейных на 100 квадратных километров площади. На большей части дорог было множество искусственных сооружений, и требовалось немало сил и средств для поддержания их в исправном состоянии.

Дорожная сеть в полосе нашего фронта составляла около 1500 километров в исходном положении. На каждом крыле проходило по одной фронтовой дороге. Каждая армия имела одну или две армейские дороги, доведенные до войск.

Дорожные войска 1-го Белорусского фронта, насчитывавшие около 25 тысяч человек, уже накопили большой опыт дорожного и мостового строительства и показывали высокое мастерство. И это при условии, что механовооруженность в исчислении на одного дорожника не превышала двух лошадиных сил, тогда как вскоре после окончания войны она превысила 20–25 лошадиных сил.

Особой заботой и вниманием были окружены мостостроительные части. От них требовалась высокая производительность труда: два-три мостостроительных батальона возводили низководные мосты через такие реки, как Припять, Березина, Днепр, за три дня. В помощь мостовикам придавались в случае необходимости дорожники, в короткий срок приобретавшие нужные навыки.

Во главе дорожных войск фронта стоял хороший организатор генерал Г. Т. Донец.

Очень важная задача — строительство дорог с твердым покрытием. Мы не имели тогда ни необходимых материалов, ни бетоноукладчиков, ни асфальтоукладчиков. Дорожили каждым бульдозером и грейдером. На некоторых участках протяженностью в 30–50 километров нельзя было пропускать

мощные потоки автотранспорта без предварительного покрытия их хотя бы кирпичной щебенкой. А где ее взять? Использовали груды битого кирпича от разрушенных строений.

Дорожники фронта работали в контакте с инженерными войсками. Начальник этих войск генерал А. И. Прошляков всегда помогал им всевозможными механизмами и материалами. В свою очередь дорожные войска немало оказывали услуг инженерным частям, когда возводились искусственные сооружения.

На обязанности военно-дорожной службы лежала забота и о строительстве дорог, и о правильной их эксплуатации, и о соблюдении порядка на дорогах. На основных трассах были открыты питательные пункты для проходящих команд и одиночек-военнослужащих, пункты технической помощи для автомашин, заправочные пункты ГСМ, пункты сосредоточения тары для отправки ее в тыл обратным порожняком, медицинские пункты. Оборудовали витрины с сообщениями Совинформбюро. Для офицерского и генеральского состава через каждые 250–300 километров открыли придорожные гостиницы.

В составе фронта в 1944 году насчитывалось около 70 тысяч автомобилей разного назначения. Из них около 8 тысяч, то есть 11 процентов, специальных транспортных машин войскового, армейского и фронтового подчинения. Остальные находились в частях. Подготовка к большой операции для автомобилистов — это прежде всего приведение всего автомобильного парка в хорошее техническое состояние. Техническая готовность машин к началу Белорусской операции достигла 95 процентов. Каждый автомобиль мог пройти не менее 5 тысяч километров.

Объем работы, осуществляемой автомобильным транспортом, определяется в основном количеством грузов, предназначенных к перевозке, состоянием дорог, их протяженностью. Войскам правого крыла фронта мы должны были подвозить ежедневно 3–4 тысячи тонн различных грузов, для чего требовалось 1,5–2 тысячи автомашин (в двухтонном исчислении, при одном обороте в сутки). В летних условиях суточный пробег автомобиля определяется в 200 километров. При планировании перевозок в масштабе фронта транспорт дивизий и частей в расчет не брался: его не следовало отвлекать на далекие рейсы. Грузоподъемность фронтового и армейского автотранспорта достигала 9600 тонн.

Учитывая, что средний темп наступления составлял 15–16 километров, при высоком напряжении сил водительского состава бесперебойный подвоз материальных средств автомобильным транспортом мог осуществляться в течение первых 12–14 суток. После этого, если не начинала работать железная дорога, неизбежно наступал кризис в подвозе материальных средств. А

железнодорожная магистраль Калинковичи — Жлобин — Бобруйск вступила в строй не на 12-й, а на 21-й день операции. Это не могло не отразиться на темпе ее развития.

Фактическая растяжка грунтовых коммуникаций была следующей (имеется в виду расстояние от головной железнодорожной станции до войск): к 1 июля, то есть на 5—6-й день операции, — 170 километров, к 5 июля — 300 километров, к 16–17 июля — 400–500 километров. Отсюда ясно, что автомобильный транспорт был не в состоянии обеспечить подвоз всего необходимого войскам, особенно при постоянной нехватке бензина и разбросанности боеприпасов по обширной лесисто-болотистой местности Белоруссии.

И все же наш автомобильный транспорт сумел обеспечить выход войск на глубину 600–650 километров. Но и водителям, и обслуживающему персоналу это досталось дорогой ценой. Были дни, когда автомобилисты доводили суточный пробег своих машин до 500–600 километров. Водители, механики, дорожники, работники служб ГСМ — все трудились с колоссальным напряжением.

11 июля для 65-й армии сложилась благоприятная обстановка: она могла бы с ходу, с минимальными потерями, форсировать реку Щара. Но войска имели настолько мало боеприпасов, что и в случае успешного форсирования удерживать плацдарм было бы нечем. Поэтому командующий фронтом генерал К. К. Рокоссовский, находившийся в расположении армии, прежде чем разрешить форсирование реки, вызвал к проводу начальника тыла фронта и спросил, могут ли быть поданы к установленному сроку 500 тонн боеприпасов. Командующий подчеркнул исключительную важность решения этого вопроса. Не желая получить немедленный, а потому, быть может, и опрометчивый ответ, генерал Рокоссовский дал два часа на подсчеты и добавил:

— Если нет такой возможности, так прямо и скажите. Я задержу дальнейшее продвижение войск.

Через командиров частей и подразделений вопрос, поставленный командующим, довели до шоферов. Водители автомашин обещали отдать все свои силы ради успеха наступления. Я сообщил об этом Рокоссовскому. Водители 57-го автомобильного полка 18-й бригады в эти дни почти утроили плановый пробег машин. Взвод лейтенанта Летуня из 56-го автомобильного полка совершил за сутки пробег машин с боеприпасами на 400 километров. Вся рота старшего лейтенанта Жума ежесуточно проходила в среднем 430 километров. 92 автомобиля 57-го полка за 47 часов прошли 920

километров, причем водители сами грузили и разгружали перевозимый груз. Работая самоотверженно, они досрочно выполнили приказ командующего, за что удостоились правительственных наград.

Из этого примера видно, с одной стороны, как считался командующий фронтом с возможностями тыла, а с другой — как гибко может реагировать на требования командующего тыл, если личный состав его хорошо понимает важность задания, а начальник тыла — оперативную обстановку.

Успешному труду водителей способствовали хорошая организация и взаимодействие дорожной и автотранспортной служб. Немалая заслуга в этом принадлежит командиру 18-й автомобильной бригады полковнику Б. Н. Кугутову, всему командному и политическому составу ее частей. Эксплуатировавшаяся бригадой трасса Бобруйск — Барановичи протяженностью 300 километров была разделена на три участка. Во главе каждого стоял офицерский контрольный пост; кроме того, действовали подвижные офицерские посты. Через каждые 100–120 километров подготовили пункты для больших привалов, где можно было получить питание, заправку, медицинскую и техническую помощь. Здесь имелись палатки для отдыха водительского состава, походные бани, парикмахерские, агитпункты с газетами и витринами с сообщениями Совинформбюро, а также столы с писчей бумагой и конвертами. Водитель получал горячую пищу и кипяток в любое время, при себе он всегда имел три суточные дачи сухого пайка. Такая организация дела и такая забота о воинах обеспечила большей части автомобилей 18-й бригады пробег до 350 километров в сутки.

Это не был предел наших возможностей. Не будь частых и длительных простоев под погрузкой и выгрузкой, результаты могли оказаться еще выше. Но механизмов для погрузочно-разгрузочных работ мы не имели, всюду основная тяжесть ложилась на плечи солдат. Да и в первые годы после войны, когда мне приходилось наблюдать работу складов в полевых условиях, пятипудовые мешки с мукой, крупой, сахаром перетаскивали люди на спине с машины в штабель или обратно. За время Белорусской операции простои автомобилей составили 3254 машинодня.

Нельзя умолчать и о том, что многие командиры частей и соединений, в чей адрес доставлялись грузы, не торопились с разгрузкой машин, а старались оставить их при себе возможно дольше и продвигать грузы на этих машинах вслед за своими наступавшими войсками. Это тоже резко снижало

оборачиваемость автотранспорта.

Несколько слов о ремонте автомобилей в ходе Белорусской операции. Кажется мало вероятным, а между тем это факт: к концу операции техническое состояние автомашин осталось таким же, каким было к ее началу. И тут решающую роль сыграл новый подход к организации и технологии ремонта.

Сошлюсь на авторитет:

«Ко времени проведения Белорусской операции на 1-м Белорусском фронте почти все автомобили отечественного производства (ГАЗ и ЗИС) работали на поршнях, поршневых кольцах и пальцах собственного фронтового производства. Подавляющая часть их двигателей была загильзована гильзами собственного литья и собственной обработки. На фронте изготовлялись все шкворни, втулки шкворней и рессор, рессорные пальцы, значительная часть газопроводов ГАЗ-АА, текстропные ремни вентиляторов и др.

К началу этой операции авторемонтная служба фронта располагала не только большим количеством запасных частей собственного производства, но и специализированными мастерскими по производству капитальных ремонтов двигателей. Так, ремонтный поезд № 3 выпускал в месяц 600 капитально отремонтированных двигателей (в четырехцилиндровом исчислении). В ходе наступления агрегатная обменная база следовала по маршруту Жлобин — Бобруйск — Барановичи, снабжая отдельные ремонтно-восстановительные батальоны правофланговых армий отремонтированными моторами в обмен на ремфонд».

Это написал мне полковник запаса Б. Л. Соломянский — один из видных специалистов автомобильной службы фронта.

К этому можно добавить, что не только для отечественных, но и для машин иностранных марок изготовлялись на фронте всевозможные запасные части, что в известной мере освобождало от закупки их у иностранных фирм.

Война многому научила. Фронтовые ремонтные органы имели свою передвижную вагранку, машины для центробежного литья, шлифовальные станки высокой точности, лабораторную аппаратуру для проверки качества стали, чугуна, ферросплавов и т. д. Вагранка, построенная фронтовыми специалистами, давала 2–2,5 тонны жидкого металла в час.

Небезынтересно знать, что летом 1944 года в Слобудке (возле Пружан), в помещениях разрушенных конюшен кавалерийского полка, оборудовали полевой авторемонтный завод, где с помощью академика И. П. Бардина, при личном участии профессоров Ф. М. Гальперина, М. Г. Лозинского, В. И. Гречина

наладили высокочастотную закалку коленчатых валов. В те годы это явилось новинкой в машиностроении. Завод так и оставался в Пружанах до конца войны. Потом Военный совет фронта передал его на полном ходу правительству Белоруссии.

За большой вклад в техническое оснащение авторемонтных органов Военный совет 1-го Белорусского фронта наряду с военными наградил профессоров Гальперина, Лозинского и Гречина.

Среди инициаторов и организаторов внедрения новейших способов обработки металла, массового изготовления запчастей к автомашинам на 1-м Белорусском фронте ведущее место по праву принадлежит Б. Л. Соломянскому, работающему ныне в промышленности Грузии.

Известный интерес представляет вопрос о принципе управления автомобильным транспортом на фронте. В журналах и газетах военного времени можно было прочесть высказывания в пользу как централизованного, так и децентрализованного метода.

Сторонники временного прикомандирования транспортных средств фронта к потребителям (артснабжению, инженерным войскам, к госпиталям для их перевозки, к отдельным армиям и т. п.) считали, что таким способом — способом «раздачи» — надежнее решаются конкретные задачи подвоза и меньше претензий к фронтовому управлению тыла. На первый взгляд это как будто и так. Артснабженцы особенно бывали рады, если им удавалось «оторвать» у начальника тыла два-три автотранспортных батальона, чтобы самостоятельно подвозить боеприпасы в ходе операции. Некоторое время и начальник тыла фронта чувствовал себя так спокойное — ему меньше трепали нервы, а если иной раз он и слышал от того или иного командующего, что с подвозом боеприпасов плохо, тут же мог отпарировать:

— Вы просили два автобатальона, я их дал — значит, жаловаться вам не на кого.

Да, так спокойнее. Но только на первый взгляд. Ведь боевая обстановка неумолимо диктует свое: подавай боеприпасы, управляй транспортом как хочешь, но боеприпасы давай! И в первую голову сами артснабженцы начинают убеждаться в своем легкомыслии, пожелав иметь «собственный» автотранспорт: кроме того, что надо следить за обеспеченностью войск боеприпасами, заботиться о получении их с центральных складов или изыскивать внутри фронта, приходится еще самим управлять двумя-тремя транспортными батальонами, знать дорожную обстановку и прочее. А нередко возникают еще и такие ситуации,

когда этих «своих» перевозочных средств оказывается недостаточно, их надо удвоить, то есть снова обращаться к начальнику тыла, а тот и рад бы помочь, да нечем, так как все роздано по потребителям, сам же он остался с ничтожным резервом. В конечном счете страдает дело, возникает угроза, что наступление задержится, как это случилось бы в районе Щары, если бы начальник тыла фронта не оставил под рукой достаточного резервного транспорта.

Опыт подсказывал мне другое. Ни в коем случае не разбазаривать транспорт! Крепко держать его в своих руках! И чем его меньше, тем неукоснительнее должен быть проведен принцип централизованного управления.

Если у начальника тыла нет постоянного резерва транспортных машин, он уже не начальник тыла, а беспомощный созерцатель нарастающих на фронте трудностей. Они только еще начинаются, а он уже расписался в своем бессилии. И больше всего придется выслушивать ему нареканий от тех «потребителей», которым сам в начале операции любезно предоставил автомобили «в полное их распоряжение». Попробуйте в ходе операции изъять прикомандированный автотранспорт! Это почти безнадежно. Зная, что его могут отобрать, временный владелец устраивает так, чтобы этот транспорт все время находился в пути, чтобы его нельзя было «поймать». На трассе в 300–400 километров, где снуют тысячи машин, разве можно выловить в короткий срок розданный автотранспорт?

Таков печальный результат, к которому приводит метод децентрализованного управления фронтовым автотранспортом.

Нет сомнения, держать в своих руках столь значительную массу машин — дело довольно сложное, оно требует от начальника тыла фронта много внимания и хлопот, неизмеримо повышает его ответственность за своевременную подачу всего необходимого. Это бесспорно так. Но ведь для того ты и начальник, чтобы отвечать за порученное дело!

В ходе Белорусской операции мне ежедневно клали на стол сводку об использовании автомобильных частей фронта. В ней была самая важная графа: «Состоит в резерве на 18 часов…» Это те машины, на которые может рассчитывать командующий фронтом в любой момент. Такой момент может не наступить, либо он наступит совершенно неожиданно — это часто бывает на войне. Как важно иметь возможность быстро откликнуться на изменение обстановки на фронте!

Острые ситуации чаще всего складывались на завершающем этапе операции, когда наш натиск уже ослабевал, а

сопротивление противника росло, и он норовил устроить нам ту или иную каверзу. Командующий фронтом в этом случае быстро принимал оперативное решение на тот или иной маневр войсками и техникой, а от начальника тыла требовалось немедленно обеспечить этот маневр боеприпасами, горючим, выдвижением госпиталей, дорожных сил и средств. И тут нужен мощный резерв автотранспорта.

Очень важно до конца «выдерживать характер», не поддаваться нажиму с разных сторон, когда тебе каждый доказывает, что уже наступил самый кризисный момент операции, и требует от тебя последнюю сотню машин — «иначе все погибнет». А на следующий день обстановка еще более ухудшилась, и опять на тебя жмут, опять требуют. И так каждый день.

В этих «крайних» случаях начальнику тыла лучше всего советоваться с начальником штаба, с командующим и членом Военного совета фронта. Но таким образом нельзя снять с себя ответственность. Это заблуждение. Начальник тыла всегда за все в ответе. Его сила — в умении сохранить резервы до самого конца операции. Такой же точки зрения строго придерживался и начальник автомобильного управления фронта полковник (позднее генерал) П. С. Вайзман. Он и подчиненный ему аппарат показали исключительную гибкость в управлении сложным и большим автомобильным хозяйством. За штабом тыла сохранялись лишь общее руководство и контроль над автомобильными перевозками. Вся же организационная работа я управление перевозками осуществлялись автомобильным управлением фронта, и свою задачу автомобилисты решили хорошо.

Однако опыт Белорусской операции учит, что в некоторых случаях, в соответствии с обстановкой, надо решительно отказываться от метода централизованного управления. В наступательной операции войск правого крыла важную роль возложили на конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева. Она предназначалась для ввода в сражение в оперативной глубине обороны противника. При этом возможны были отрыв группы от баз снабжения и даже временное окружение ее немецкими войсками. Требовалось подумать о ее материальной обеспеченности, не допуская чрезмерной перегрузки тылами. Военный совет фронта утвердил специальный план, в соответствии с которым группе придавались два автомобильных батальона из резерва фронта, полностью укомплектованных наиболее исправными машинами и хорошо подобранным водительским составом. Эти два батальона

находились при группе Плиева до завершения операции. Более того, их личный состав, среди которого было много коммунистов и комсомольцев, принимал непосредственное участие в вооруженных столкновениях с фашистами и показал себя с наилучшей стороны.

Генерал Плиев объявил всем бойцам и командирам обоих автомобильных батальонов благодарность.

В середине июля создалась такая невероятная растяжка коммуникаций, что никакие виды наземного транспорта не могли обслужить далеко ушедшие вперед войска.

В этот момент мне позвонил генерал К. К. Рокоссовский:

— Хочу сообщить вам приятную новость. Товарищ Сталин обещает помочь транспортной авиацией. Будьте готовы принять и использовать ее. Обо всем договоритесь с командующим шестнадцатой воздушной армией генералом Руденко.

Вызываю начальника штаба тыла генерала Шляхтенко:

— Радость-то какая, Михаил Кондратьевич! Нам обещана помощь воздушным транспортом. Не знаю, сколько дней пройдет, пока появятся самолеты, но вы примите немедленно меры, чтобы использовать их прежде всего под горючее и наиболее дефицитные боеприпасы.

Надо сказать, что до лета 1944 года мы не пользовались авиацией для внутрифронтовых перевозок. На Курской дуге транспортная авиация Резерва Главного Командования под командованием генерала Н. С. Скрипко ощутимо помогла Центральному фронту подачей боеприпасов и эвакуацией раненых. Но там вся организационная работа выполнялась центральными органами тыла, со стороны же тыла фронта требовалось лишь принимать грузы и подвозить на аэродром раненых из близлежащих госпиталей. Другого опыта в использовании транспортной авиации мы не имели.

Пока начальник штаба тыла договаривался со службами артиллерийского снабжения и горюче-смазочных материалов, раздался звонок с командного пункта 16-й воздушной армии:

— Сорок транспортных самолетов сели на наши аэродромы и ждут дальнейших указаний. Где ваши грузы? Простои недопустимы.

Радость наша сменилась тревогой. Я-то рассчитывал, что авиация прибудет через два-три дня, а она появилась через несколько часов. И тут выяснилась полная неподготовленность тыла фронта к столь мобильному ее использованию. Вблизи аэродромов не оказалось наших складов с горючим и боеприпасами. Мягкая тара для подачи горючего по воздуху уже

два года не проверялась, и начальник тыла 16-й воздушной армии генерал С. А. Кириллов рассматривал хранение этой тары на своих складах как обузу и как одолжение со своей стороны интенданту фронта, который, по его мнению, должен был бы хранить ее на своих складах. В тот момент не время было разбираться, кто из них прав. Пришлось тыловикам 16-й воздушной армии безотлагательно заняться подготовкой тары. Пока проверяли ее, пока подвозили к аэродромам и готовили к погрузке необходимые виды горючего и боеприпасов, авиация простаивала.

Откровенно говоря, я уже не радовался этой помощи и готов был даже доложить командующему об отказе от нее.

К исходу суток организовали взаимодействие транспортной авиации с фронтовыми складами и армейским командованием, в чей адрес авиация должна была доставить грузы. Но тут выявилась и другая трудность. Для того чтобы самолеты могли совершать рейсы без дополнительной заправки в оба конца (общая длина пути 1000 километров), им приходилось брать для собственных нужд столько горючего, что оставалось мало места для полезных грузов. Но и это нас не остановило: слишком велико было значение каждой сотни килограммов своевременно полученного передовыми частями груза. И все же войскам фронта в этой операции подали по воздуху около 600 тонн грузов, главным образом горючего.

Самую ценную услугу наземным войскам оказали самолеты По-2, доставлявшие боеприпасы подвижной группе генерала Плиева, действовавшей в тылу у гитлеровцев. Вспоминая роль этих самолетов в войне и особенно в операциях, которые велись в тылу врага, я задумываюсь: почему бы не воздвигнуть пьедестал с настоящим самолетом По-2 или скульптурный памятник этому неутомимому труженику войны?

Успешное быстрое продвижение войск фронта в Белорусской операции выявило существенные недочеты в организации медицинского обеспечения. Значительная часть фронтовых госпиталей к началу наступления оставалась далеко в тылу: не считалось нужным приближать их к войскам, поскольку задача фронта вначале была неглубокая, а железную дорогу к тому же забили оперативными перевозками. Однако в ходе развития операции потребовались особые усилия, чтобы важнейшие требования по медицинскому обеспечению несмотря ни на что выполнить.

Следует особо сказать, что в годы войны медицинские работники стремились постоянно совершенствовать свои знания, обобщая опыт предыдущих операций. Конференции хирургов

проводились в каждой дивизии, в армиях и в масштабе фронта. Например, общефронтовая конференция хирургов проводилась в Овруче незадолго до Белорусской операции с участием свыше 500 врачей, а также крупнейших специалистов из Москвы. Нашим постоянным куратором от Главного военно-санитарного управления являлся профессор В. С. Левит, общепризнанный авторитет среди медиков. Все знали о его научной деятельности и высоком мастерстве как хирурга и педагога на посту главного врача 5-й Московской городской хирургической клиники. Свою врачебную деятельность он начал еще как земский врач. Не раз В. С. Левит рассказывал молодежи, в каких условиях приходилось тогда работать на селе: и оперировать, и роды принимать, и лечить от простуды, от психических расстройств, быть «специалистом» по детским и инфекционным болезням, безотказно отправляться к любому больному по бездорожью, в метель, в знойную жару на повозке, на санях, а то и пешком за десяток километров.

Обычно перед фронтовыми конференциями Владимир Семенович Левит бывал во многих дивизиях, наблюдал работу молодых хирургов, сам становился за операционный стол. Его выступления на конференциях носили строго деловой характер. Так было и в этот раз.

На той же конференции выступил главный хирург фронтового эвакопункта профессор И. С. Жоров. Он постоянно заботился, чтобы полевые врачи прониклись сознанием того, как важна организация медицинской помощи именно на самых ранних ее этапах. И. С. Жоров привел примеры инфекций после ранения, в то время довольно частых: виной этому были случаи неудовлетворительной организации выноса раненых с поля боя и слабая работа низового звена медицинской службы.

После конференции началась подготовка медицинского обеспечения в Белорусской операции. Прежде всего требовалось освободить госпитали: в армейских госпиталях не должно было остаться ни одного раненого, срок лечения которого превышал бы 20 суток; их эвакуировали в учреждения фронта. Но и там их задерживать запретили, чтобы освободить резервные койки на случай большого притока новых раненых. Выход был в усилении санитарной эвакуации в глубь страны, конечно, поездами.

На протяжении всей войны наблюдалось такое явление: армейское командование не желало отдавать свои контингенты раненых фронтовым госпиталям. Это кажется странным на первый взгляд. Но для этого было немало оснований. Значительная часть выздоровевших стремилась возвратиться именно в свою армию, в свою дивизию, в свой полк, и с таким

желанием нельзя было не считаться. К тому же армейское и дивизионное командование, как говорится, на вес золота ценило обстрелянных бойцов — прочную основу высокой боеспособности всей части. Вот почему к 23 июня, то есть к началу наступления правого крыла 1-го Белорусского фронта, загрузка передовых госпиталей ранеными оставалась сравнительно высокой — от 2 до 3 тысяч человек в каждой армии, подлежавших выписке в свою часть в ближайшие дни.

Особое внимание уделили подготовке низового звена медицинской службы — санитаров, санитаров-носильщиков. Обычно это звено комплектовалось за счет выздоравливающих в госпиталях бойцов. Более 750 человек прошли подготовку санитаров-носильщиков, их обучили элементарным способам доврачебной помощи (остановка кровотечения наложением жгута, наложение шины и т. д.). Эта работа имеет, можно сказать, решающее значение для возможно быстрого излечения раненого. Опыт показал, что чем раньше оказана первичная доврачебная, а затем и врачебная помощь, тем больше шансов на выздоровление, особенно когда речь идет о раненых в грудь, брюшную полость, череп. Установлено, что из 100 раненых в живот, получивших квалифицированную медицинскую помощь в первые два — четыре часа после ранения, выздоравливало свыше 90 процентов; если же помощь оказывалась через 15–20 часов, то смертельные исходы достигали 90—100 процентов.

Вот почему проблема своевременного выноса раненых всегда была краеугольным камнем всей практики военно-медицинской службы. Именно поэтому Советское правительство высоко ценило труд санитаров-носильщиков на фронте, награждая их орденами за быстрейший вынос раненых с поля боя; многим присвоили высокое звание Героя Советского Союза. К числу лучших представителей низового звена медицинской службы на нашем фронте относятся В. С. Кащеева, М. С. Нечипорукова-Ноздрачева, Н. Н. Федоров.

Собственно, своевременный вынос раненых — задача не чисто медицинская. В не меньшей мере ее решение прямо входит в компетенцию командира подразделения или части (прежде всего забота о розыске раненых в обвалившемся окопе или землянке, в обломках здания, в густой траве и т. д.). От умения и отваги санитара-носильщика и санитарного инструктора зависела жизнь раненого, а равно и их собственная. Она тоже подвергалась большой опасности. Так, на участке наступления 109-го стрелкового полка 37-й стрелковой дивизии 65-й армии за один день вышли из строя 11 санитаров, санитарный инструктор и командир взвода санитаров-носильщиков. Восполнять такие

потери трудно, и командир должен всегда иметь подготовленную замену.

Большого внимания требовало снабжение передовых и фронтовых учреждений медицинским имуществом, особенно перевязочными материалами, противостолбнячной сывороткой, гипсом, наркотическими и сульфаниламидными препаратами, глюкозой, консервированной кровью, кровозамещающими жидкостями и т. п.

Перед началом наступления все медико-санитарные батальоны дивизий первых эшелонов и большая часть армейских госпиталей были полностью развернуты и подготовлены к приему и обработке раненых. Для приема раненых в полосе войск правого крыла фронта мы сосредоточили 70 тысяч госпитальных коек на удалении от 10–12 до 100 километров от переднего края. Резерв свернутых госпиталей располагался в 35 километрах. Не забывали также, и о левом крыле фронта, которое вот-вот должно было перейти в наступление: там находилось 50 тысяч госпитальных коек.

Мы созвали специальное совещание начальников всех служб тыла, перед которыми выступил с докладом начальник санитарного управления фронта генерал А. Я. Барабанов. Он говорил о лечебно-эвакуационном плане в предстоящей операции.

Медицинская служба широко опиралась на поддержку остальных служб тыла — военных сообщений, автомобильной, дорожной, интендантской и других. И это благотворно сказалось на судьбе раненых. В целом санитарная служба к началу Белорусской операции была всесторонне подготовленной и в медицинском, и в организационном отношениях.

Благодаря возросшему мастерству командиров в управлении боем санитарные потери в отдельных армиях во время наступления с 24 июня по 15 августа 1944 года значительно сократились против прежних. Отрадным было и то, что 82–83 процента всех раненых доставлялись на полковые медицинские пункты не позже, чем через четыре часа с момента ранения. Однако все-таки 15–20 процентов раненых выносили с поля боя несвоевременно, и это свидетельствует о серьезных недочетах в низовых звеньях медицинского обеспечения.

Заслуживают внимания данные, характеризующие способ доставки раненых с поля боя на батальонные и полковые медицинские пункты (в процентах)[17]:

Способ доставки	На батальонные медпункты			На полковые медпункты		
	48-я армия	70-я армия	65-я армия	48-я армия	70-я армия	65-я армия
На носилках	33,4	33,0	20,3	5,3	нет сведений	6,7
На плащ-палатках, волокушах	11,8	14,0	21,4	0,6	»	3,1
На руках	10,6	21,9	16,5	0,01	»	2,8
Пешком с сопровождающим	17,6	нет сведений	15,6	10,0	»	14,5
На повозках	0,1	»	9,0	54,0	62,2	40,9

Остальные шли с поля боя без сопровождающих, большей частью группами, помогая друг другу.

Характерно, что основными способами доставки раненых на батальонные медицинские пункты были носилки, плащ-палатки, волокуши, а также пешее передвижение. Никакой механизации процесса эвакуации в низовом звене не применялось. Уже в то время медики неоднократно ставили вопрос о конструировании какого-нибудь низкосидящего бронетранспортера, способного брать раненого с земли прямо внутрь специальными лапами, чтобы оградить от повторного ранения, но в минувшую войну эта техническая проблема так и осталась нерешенной. В звене батальон — полк основным средством санитарной эвакуации оставалась повозка.

Весь комплекс организационных и профилактических мер дал сравнительно высокий процент возврата излеченных раненых в строй. Так, если в Сталинградской битве было возвращено в строй 32,3 процента, в битве под Курском — 45 процентов, то в Белорусской операции — 50 процентов.

Эта статистика охватывает только войсковые, армейские и фронтовые лечебные учреждения, без центральных. Более 20–25 процентов раненых излечивались и возвращались в строй вне границ фронта.

Весьма сложной и громоздкой задачей для тыла было ветеринарное обеспечение наступательной операции.

С учетом трех кавалерийских корпусов во фронте насчитывалось 145 тысяч лошадей. К началу наступления весь конский состав имел хорошую упитанность, был полностью перекован; инфекционные заболевания сведены к минимуму. Улучшению состояния конского поголовья во многом способствовал «смотр боевого коня», проведенный в мае —

июне 1944 года; в этой большой кампании активно участвовали политические органы, партийные и комсомольские организации, солдаты, сержанты и офицеры. Смотр дал хорошие результаты.

В ветеринарном деле, как и во всяком, важнейшее значение имела организация. Она была блестяще осуществлена под руководством крупного специалиста, начальника ветеринарной службы фронта профессора генерала Н. М. Шпайера. Всю сеть фронтовых и армейских ветеринарных учреждений максимально приблизили к местам наибольшего скопления конского состава. Потери лошадей в ходе наступления были в общем незначительные. Только для конно-механизированной группы Плиева они оказались весьма чувствительными: группа попала под ожесточенный обстрел с воздуха и потеряла убитыми и ранеными 7300 лошадей.

На левом крыле фронта под неослабным наблюдением ветеринарных работников находились два кавалерийских корпуса.

Больших усилий от ветеринарной службы потребовали профилактический осмотр и сортировка 11 тысяч лошадей, отбитых у противника в районе Бобруйска. Обширные противоэпизоотические мероприятия в народном хозяйстве Белоруссии одновременно способствовали и благополучию конского состава фронта.

Наконец ветеринарные работники фронта и армий несли ответственность за качество мяса, поступавшего на довольствие: по-прежнему за каждой армией следовали гурты скота, насчитывавшие в общей сложности десятки тысяч голов.

Общая картина разнообразной деятельности тыла была бы неполной, если не сказать о трофейных органах. В начале войны они занимались сбором и эвакуацией подбитой на полях сражений боевой техники, стреляных гильз и специальной укупорки. По мере того как расширялся масштаб вооруженной борьбы, особенно после Сталинградской битвы, роль трофейных органов многократно возросла. За один 1943 год было отгружено с фронтов в глубокий тыл 112 685 вагонов металлолома и 21 114 вагонов вооружения[18]. Но серьезным недостатком трофейной службы в то время была неосведомленность об оперативных планах командования, вследствие чего представители этой службы нередко с большим опозданием появлялись у трофейных объектов, то есть тогда, когда значительная часть имущества бывала уже растащенной и, в лучшем случае, использована для войск безучетно. Техническая оснащенность трофейных органов в этот период войны оставалась крайне низкой. Особенно не

хватало эвакуационных средств.

На огромном пространстве между меридианом Орел — Курск и Днепром трофейные органы продолжали сбор и отправку в тыл подбитой боевой техники и различного металлолома. Увлекшись односторонне этой важной государственной работой, наши «трофейщики» не подготовились как следует к началу Белорусской операции, и мне, как начальнику тыла, пришлось получить за это внушение со стороны Военного совета фронта. И было за что!

По прежнему опыту мы знали, что противник при отступлении ничего «приличного» нам не оставляет; приведенные в негодность, облитые бензином и подожженные автомашины, артиллерия и танки никого не привлекали, кроме представителей трофейной службы. Иное положение сложилось, однако, во время Белорусской операции. Видимо, противник не ожидал того, что советские войска так стремительно выйдут ему в тыл и захватят крупные склады с продовольствием и разным другим имуществом. А случилось именно так: в районе Осиповичей наши передовые части захватили в полной пригодности тысячи тонн муки, крупы, сахара, миллионы банок сгущенного молока, консервов. Поскольку трофейная служба охраны у складов не выставила, а все двери были открыты, то любая воинская часть, проходя мимо, считала нужным пополнить свои запасы. С большим опозданием удалось навести порядок и учесть оставшееся имущество.

Когда переходили в наступление войска левого крыла, наши трофейные органы подошли к делу совсем иначе: не только учли разведывательные данные о наличии в тылу противника военных складов, но и ознакомились, хотя бы в самых общих чертах, с экономикой районов, куда должны были войти советские войска, в частности, таких центров, как Хелм, Люблин, Бяла-Подляска, Седлец, Мендзыжец и др. Руководящие работники трофейной службы фронта заблаговременно сформировали несколько «оперативных групп», куда вошли инженеры различных специальностей и энергичные офицеры во главе вооруженных команд, обеспеченных машинами и достаточным количеством горючего. Эти группы с мандатами от начальника тыла фронта выдвинулись накануне перехода в наступление (17 июля) в расположение дивизий первого эшелона, чтобы следовать вместе с ними к заданным объектам.

Такая практика себя целиком оправдала. Буквально через несколько часов после взятия того или иного крупного населенного пункта офицеры трофейной службы уже были у мест хранения военного имущества противника, а также на всех

крупных предприятиях; всюду выставлялись посты, а помещения закрывались, на двери накладывались пломбы. Через день-два приступали к подробному учету всего захваченного. Правда, и тут не обходилось без эксцессов. Были случаи, когда выставленные трофейными органами часовые снимались проходящими воинскими частями, чтобы «подзаправиться» крайне соблазнительными продуктами, которые, по их мнению, не случайно ведь взяты под охрану; только убедившись в безосновательности своих надежд, они сами же восстанавливали порядок.

Вспоминается такой случай: среди трофеев были кавалерийские лошади, отбитые у немцев. Гитлеровцы имели «свои» — захваченные в 1939 году в Польше — конные заводы, о которых прослышали кавалеристы корпуса генерала В. В. Крюкова. В рядах наших конников как-то стихийно возник призыв: «Лошадки корпуса должны подрасти!» Это означало, что взамен низкорослых киргизского типа должны появиться более рослые, красивые лошади. Призыв прокатился широкой волной, и отклик на него стал перерастать рамки допустимого. Пришлось командиру корпуса наводить порядок в своем «хозяйстве». Вскоре все отбитые у немцев конные заводы передали полякам.

Немалый вклад в обеспечение Белорусской операции внесли работники системы военной торговли на фронте — военторга. Они занимались реализацией товаров, получаемых с баз центра, и заботились о налаживании местного производства.

Еще в 1943 году в военторговской сети стало развиваться свое кустарное производство. Выпускались товары широкого потребления — гребешки, расчески, зажигалки, столовые приборы и пр. В 1944 году предприятия военторга фронтов поставили 60 тысяч пар офицерских погон, около 1,5 миллиона звезд-эмблем, около 2 миллионов пуговиц, 0,5 миллиона банок гуталина, 600 тысяч коробок зубного порошка. На этих предприятиях широко использовался труд инвалидов войны, которых вербовали на работу прямо в госпиталях для выздоравливающих. Предлагали свои услуги и многие местные жители.

При штабах соединений, иногда и частей были ларьки военторга (правда, не всегда регулярно функционировавшие); во многих батальонах, дивизионах, ротах, батареях действовали лотошники — солдаты и сержанты, которые ходили по землянкам и траншеям, торгуя ширпотребом.

Наиболее интересной формой торговли на фронте была система индивидуальных и коллективных «посылок».

«Посылка» — это набор ходовых товаров, уложенных в пакеты с перечислением содержимого и обозначенной ценой.

Чтобы ускорить и упростить расчеты в боевых условиях, формировались коллективные «посылки» на отделение, взвод, роту. Лотошник получал за них деньги с одного-двух человек, которые потом сами рассчитывались с остальными.

Военторг 1-го Белорусского фронта продал в 1944 году 809 тысяч «посылок», а на всех фронтах их было продано в том же году более 5 миллионов. Благодаря этому боец и на фронте был заинтересован в своевременном и полном получении причитающегося ему, хотя и очень небольшого, денежного содержания, зная наперед, что сможет целесообразно его израсходовать. Этим, между прочим, и на фронте поддерживалась реальная стоимость советского рубля.

Система военторга постепенно взяла на себя содержание всех офицерских столовых в управлениях фронта, в штабах армий и кое-где в штабах дивизий. Причитающийся офицеру паек передавался в военторг, а последний имел возможность усиливать его за счет продуктов, заготавливаемых самостоятельно. Личный состав этих столовых порой поражал своей необыкновенной оперативностью при перемещении штабов. Не успеешь, бывало, прибыть на новое место — а во время наступления штабы часто сменяли свое расположение, — как докладывают, что столовая военторга уже развернулась и отпускает горячие обеды. Квартирьеры, выезжая на рекогносцировку, чтобы выбрать подходящий район для нового расквартирования, брали с собой и представителя военторга, который тут же приступал к оборудованию площадок под столовую.

С чувством большой благодарности следует отметить работу тружеников военторга в годы минувшей войны.

Во главе военторга фронта стоял очень энергичный и инициативный офицер Н. В. Каширин.

Управление тылом 1-го Белорусского фронта строилось с учетом необычайно трудных географических условий театра военных действий и специфической оперативной обстановкой. Как уже отмечалось, наш фронт имел два самостоятельных операционных направления с резко выраженными двумя группировками войск, разделенными широкой и труднопреодолимой поймой реки Припять. Вследствие этого глубина тылового района в исходном положении была разная: на правом крыле она составляла 300 километров, а на левом достигала 500 километров.

В управлении тылом фронта решающее значение имеет фактор предвидения. Ведь тыл фронта это, если можно так выразиться, маленькое «государство в государстве». Его территория нередко достигала 300–400 тысяч квадратных километров, что равно современной Франции или Федеративной Республике Германии. К тому же фактор времени всегда остается необратимым. А чтобы предвидеть, надо знать. Знать замысел операции, знать особенности театра военных действий, причем не только на своей, но и на зарубежной территории: ведь мы подходили к Польше и нам нужно было знать ее топографические особенности, экономику, политическую обстановку, возможности и способы использования местных ресурсов. Директивные партийные органы четко сформулировали общие принципы отношения советских воинов к польскому населению: доброжелательность, великодушие, доверие. Этими принципами обязаны были руководствоваться, прежде всего, работники военного тыла — фронтового, армейского и войскового звена. Именно им предстояло входить в непосредственные контакты с местным населением, с местными властями. По их действиям нередко оценивалась политика Советской власти. Надо было обдумывать каждый свой шаг.

Высшей властью в прифронтовой полосе был Военный совет фронта. В состав его, кроме военных, входили ответственные партийные работники. Так, в данной операции членом Военного совета 1-го Белорусского фронта был первый секретарь ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко.

Наши добрые деловые отношения с П. К. Пономаренко установились еще весной 1943 года на Центральном фронте, где он был членом Военного совета и одновременно руководил действиями партизан. Как сейчас помню напутствие Пантелеймона Кондратьевича, после того как меня утвердили в должности начальника тыла Центрального фронта, смелее браться за дело, быть инициативным, самостоятельным и всегда рассчитывать на поддержку Военного совета.

Наведение твердого порядка в тылу своих войск представляло задачу первостепенной важности. Правда, крупных десантов в наш тыл противник уже не выбрасывал. Но он засылал в ближайшие тыловые районы советских юношей, почти подростков, насильно увезенных в Германию, запуганных, а затем обученных в специальных школах диверсантов. Таких 15—16-летних мальчиков забрасывали в наши тылы и в предыдущий период войны. Они имели взрывчатку, яды для отравления колодцев, средства для повреждения автомашин (в частности, маленькие металлические ежи для разбрасывания их по дорогам,

чтобы прокалывались скаты). На ковельском направлении противник использовал также украинских националистов (бандеровцев, бульбовцев). Они разрушали линии связи, разбрасывали по дорогам мины, совершали вооруженные налеты на местных жителей, убивали в пути одиночно следующих офицеров, особенно свирепо расправлялись с военными заготовителями.

Для борьбы с бандами и диверсантами привлекались в первую очередь войска НКВД, одна дивизия которых была придана нашему фронту.

Впервые за всю войну состоялось решение Военного совета фронта о возложении ответственности на начальника тыла за наведение твердого порядка во фронтовом тыловом районе. Это решение явилось вполне естественным, поскольку система тыла уже основательно сложилась и такая функция была ей под силу.

Начальнику тыла фронта и начальникам тыла армий в ходе Белорусской операции предоставлялось право в районах, где располагались соединения, части и подразделения, организовать их силами и средствами нештатные городские и сельские военные комендатуры. Вся полоса от переднего края до границы тыла фронта была покрыта сетью таких комендатур.

Из местного советского и партийно-комсомольского актива на добровольных началах составили группы содействия по 10–15 человек, во всех населенных пунктах учредили систему «десятидворок» во главе с уполномоченными. В обязанность всех этих комендатур, групп и «десятидворок» входило строгое соблюдение правил и режима, установленного в прифронтовой полосе.

Меры, принимавшиеся органами НКВД и дорожно-комендантской службой фронта, дали свои результаты: попытки диверсий и террористических актов со стороны противника успеха не имели. Что касается мальчишек-диверсантов, забрасываемых противником в наш тыл, то, хотя эти советские дети в течение двух-трех лет и подвергались обработке в специальных школах, все они добровольно явились с повинной в наши комендатуры и сельсоветы.

Штаб тыла фронта в течение всей операции находился в селе Народичи, в 20 километрах от Овруча, где располагался штаб фронта. Оперативно-тыловая группа во главе с генералом М. К. Шляхтенко дислоцировалась на правом крыле, поближе к войскам. Я лично неоднократно выезжал на правое крыло для докладов командующему фронтом К. К. Рокоссовскому и члену Военного совета фронта Н. А. Булганину. Важным условием обеспечения безопасности была правильная дислокация

учреждений тыла. Заблаговременно предусматривалась такая группировка их, которая обеспечивала бы круговую оборону, патрулирование, создание опорных пунктов и т. д.

Службе связи в этих условиях принадлежало порой решающее значение. Крайне важно было не допустить, чтобы хотя бы одно учреждение, подразделение или база снабжения оказалась неуправляемой. А их насчитывалось более 500. Тут годились все виды связи: радио, телефон, телеграф, самолет, автомобиль и даже голубь. Особое значение имело ВЧ. Я не раз восторгался искусством связистов. Все они, от рядового до высшего начальника, творили чудеса, доводя связь до самых, казалось бы, недосягаемых точек. Мне всегда было приятно оказать помощь этим людям, которые несли службу в невероятно трудных условиях под воздействием непогоды, частых налетов авиации и обстрелов артиллерией противника. Наша помощь девушкам-связисткам нередко выражалась в выдаче им улучшенного обмундирования, обуви, дополнительных продуктов питания и пр.

Пользуюсь случаем, чтобы принести глубокую благодарность нашим доблестным связистам.

Белорусская стратегическая наступательная операция успешно закончилась 29 августа 1944 года выходом на рубеж Елгава, Добеле, Августув и рек Нарев и Висла. Бывая в те дни в штабе фронта, я был свидетелем составления многочисленных реляций на награждение отличившихся воинов.

Действительно, для войск операция закончилась, а для фронтового и армейского тыла дел еще, как говорится, было невпроворот: мы далеко отстали с восстановлением железных дорог, взорванные мосты через многочисленные притоки Припяти не успели восстановить, автотранспорт работал на «плече» 400–500 километров в один конец, горючего не хватало, многие жизненно важные элементы тыла остались далеко позади, их предстояло немедленно выдвинуть вперед… Требования к тылу в связи с этим резко возросли, хотя операция считалась законченной. На фронте ежедневно шли ожесточенные бои за удержание и расширение захваченных на реках плацдармов.

Возникает вопрос: «Что считать концом операции?» Это не праздный вопрос. Правильное понимание его позволит планировать материально-техническое обеспечение наступательной операции на всю ее глубину.

Работая в Академии Генерального штаба, я обратился к трем одинаково авторитетным товарищам с вопросом: «Что такое завершающий этап операции?» Получил три разных ответа, из

которых каждый был правильным, но неполным. Один сказал, что завершение операции означает выход войск на заданный рубеж; другой — что это не только выход на заданный рубеж, но и прочное удержание его; третий ответ был более полным: концом операции надо считать не только выход войск на заданный рубеж и его удержание, но и создание благоприятных условий для подготовки последующей наступательной операции. Вдумаемся в эти формулировки. Каждая из них налагает на тыл различные обязанности.

Опыт большей части наступательных операций Красной Армии показывает, что в расходовании материальных средств, а также в людских потерях есть некая закономерность: более высокий уровень потерь — при прорыве обороны противника, резкое их снижение — в процессе преследования, а в конце операции — снова возрастание. При этом надо заметить, что чем выше темпы наступления, тем меньше расход материальных средств и тем меньше людских потерь. Что касается конца операции, то планировать этот период труднее всего — здесь мы имеем дело со многими неизвестными, и расход материальных средств стоит в прямой зависимости от вновь создавшейся обстановки, а также от тех задач, какие ставит командующий фронтом перед войсками на завершающем этапе операции. Если считать наиболее точным определением понятия «завершающий этап операции» выход на заданный рубеж и создание благоприятных условий для последующей наступательной операции, то от тыла фронта требуется так рассчитать свои силы и средства, чтобы их хватило в самый трудный, самый ответственный момент. В противном случае мы можем оказаться перед риском потерять достигнутое и понести неоправданно высокие человеческие жертвы.

К проблеме планирования и управления относится и вопрос об ответственности начальников.

Меня иногда упрекали в том, что я не во всех случаях считался с мнением начальников. Придерживаясь принципа единоначалия, я был уверен, что обязан брать на себя всю полноту ответственности за порученное дело и иногда идти на риск в том или ином крупном мероприятии, вполне сознавая всю тяжесть последствий, если этот риск не оправдается. Но раз берешь на себя ответственность, то и права не должны быть урезаны. Полнота ответственности и полнота прав — неотделимы.

Однако трудно работать, если нет твердой поддержки со стороны начальника. Главное же, нельзя допустить распоряжения

материальными ценностями одновременно несколькими начальниками. Ими должно распоряжаться одно, материально ответственное лицо.

Война не терпит «кисельного» и «кисейного» руководства подчиненными. Острота, динамичность обстановки требуют от руководителя твердости, решительности, быстроты реагирования, не допускают, чтобы тратилось время на согласования и дискуссии. Иногда казалось, что мне не хватает простора для инициативы, что слишком много времени уходит на дублированные доклады. Возможно, некоторая неугомонность характера и стремительность в действиях создавали мнение обо мне, как о человеке недостаточно покладистом.

Но я никогда не был груб с подчиненными и не терпел грубого обращения с собой. Не нужно опускать руки при серьезном замечании со стороны начальника, если такое замечание сделано и не в должной форме, ибо начальство состоит из такой же материи и нервов, как и ты, — иногда и у него могут быть срывы. Но и оставлять без внимания такие срывы также не следует; иногда бывает полезно обратить внимание вышестоящего товарища на их недопустимость. Если он человек умный, то не обидится.

Основываясь на этих принципах, я строил свои отношения с людьми и всегда был готов взять на себя всю полноту ответственности по руководству порученным делом.

Главное — доверие! Без доверия ты не работник, а чиновник. Доверие вдохновляет на инициативу, творчество, на дерзание и риск. Во время войны мы ощущали, как благотворно влияют доверие, полнота прав и полнота ответственности за порученное дело.

Опираясь на поддержку командующего и Военного совета, я с удвоенной энергией осуществлял руководство тылом фронта в Белорусской операции. Многотысячный коллектив работников тыла 1-го Белорусского фронта проявил беспримерное мужество и самоотверженность в обеспечении величайшей битвы за освобождение Белорусской республики от фашистских варваров. За это наградили более 11 тысяч солдат, сержантов, офицеров и генералов управлений и служб тыла.

Нашему тылу приходилось заниматься материальным обеспечением и белорусских партизан в полосе наступления фронта.

Начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко часто бывал в штабе Белорусского фронта. Разумеется, обсуждение проблем координации действий

всегда сопровождалось решением очередных вопросов материально-технической и медицинской помощи партизанам. Повседневным согласованием действий занималась оперативная группа партизанского штаба во главе с генералом И. М. Диканом; с ним-то и взаимодействовали начальники служб тыла нашего фронта.

Снабжение партизан с Большой земли и эвакуация людей из вражеского тыла могли осуществляться лишь по воздуху. Поэтому создавались базы на специальных аэродромах, где открывались отделения складов с вооружением, боеприпасами, горючим, медицинским имуществом. Там же находились отделения госпиталей для приема раненых и больных.

Первая база, откуда стали перебрасывать грузы к партизанам, была организована 20 октября 1943 года в районе деревни Ивановской, в 4 километрах западнее города Клинцы. Затем, по мере продвижения войск фронта на запад, открывались новые и новые аэродромы, а рядом с ними создавались базы снабжения.

Немало забот требовало затаривание грузов, подлежащих транспортировке по воздуху (с посадкой на землю или путем сбрасывания).

За время подготовки и проведения Белорусской операции авиация фронта доставила в расположение партизанских соединений 166 тонн грузов и 37 человек руководящего состава и радистов. Обратными рейсами эвакуировали сотни больных и раненых. Кроме того, вывозились дети партизан, которым угрожала месть гитлеровцев.

В отчетных документах по партизанскому движению отмечаются имена летчиков 16-й воздушной армии 1-го Белорусского фронта, показавших образцы героизма при выполнении заданий по обеспечению народных мстителей. Немало летчиков не вернулось на свои аэродромы. В тех же документах отмечается, что Военный совет 1-го Белорусского фронта во главе с К. К. Рокоссовским хорошо понимал и высоко ценил значение партизанского движения, оказывая ему помощь вооружением, боеприпасами, диверсионной техникой, автотранспортом для переброски грузов на аэродромы. Командование проявляло чуткое и партийное отношение к нуждам партизан. Заявки по обеспечению их удовлетворялись безотказно, в чем заслуга тыла фронта. Всемерную помощь партизанам оказывали также генералы М. К. Шляхтенко, В. И. Шабанин, Н. К. Жижин, полковники В. Н. Дутов, П. С. Вайзман, Н. П. Ваховский и другие.

Несмотря на жестокий террор немецко-фашистских захватчиков, на временно оккупированной территории

Белоруссии под руководством ЦК КП(б)Б действовало 10 подпольных обкомов партии, 17 межрайкомов и межрайпартцентров, 8 горкомов, 2 горкома-райкома, 166 райкомов КП(б)Б, около 1400 подпольных партийных организаций. Были созданы также подпольные комитеты комсомола, объединявшие 2500 первичных комсомольских организаций в партизанских формированиях, почти 3000 подпольных комсомольских и 335 молодежных антифашистских организаций. Коммунисты и комсомольцы самоотверженно сражались с врагом, вносили в ряды партизан и подпольщиков дисциплину и высокий боевой дух, поднимали на борьбу народные массы.

Партизанскими формированиями и подпольем руководили партийные комитеты, во главе которых стояли опытные работники: секретари ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, Н. Е. Авхимович, И. П. Ганенко, П. З. Калинин, В. Н. Малин, Г. Б. Эйдинов, секретари обкомов и райкомов партии С. И. Козлов, И. П. Кожар, Ф. М. Языкович, И. Д. Ветров, А. Е. Клещев, И. Ф. Климов, В. Е. Чернышев, В. Е. Лобанок, Т. П. Бумажков и другие. Они непосредственно занимались вопросами организации борьбы в тылу врага, участвовали в ней, показывали образцы мужества и отваги.

По примеру коммунистов, вместе с ними бесстрашно сражалась с немецко-фашистскими захватчиками многотысячная армия комсомольцев Белоруссии. Многие из них находились на командно-политической работе в партизанских отрядах и соединениях. Секретарь ЦК ЛКСМБ М. В. Зимянин неоднократно выезжал в тыл противника, а секретари К. Т. Мазуров и Ф. А. Сурганов постоянно находились на оккупированной территории. Они оказывали помощь комсомольским организациям в их работе, выясняли на местах нужды партизан, разъясняли политику партии и правительства.

В Белоруссии в партизанских бригадах и отдельных отрядах насчитывалось 374 тысячи человек. Кроме того, вели борьбу с оккупантами 70 тысяч подпольщиков. Белорусский штаб партизанского движения систематически отправлял им оружие, боеприпасы, взрывчатку и другое военное имущество. Однако эта помощь могла лишь частично удовлетворить нужды партизан и подпольщиков. Значительным источником обеспечения были для них трофеи. В каждой удавшейся операции захватывалось вооружение, горючее, медикаменты, продовольствие и прочее имущество. Но мы знали, что и это не могло полностью обеспечить народных мстителей, и сознавали, что люди Большой земли находятся в долгу перед партизанами.

Обладая большим опытом борьбы с врагом, применяя все доступные им средства и способы этой борьбы, партизанские формирования наносили гитлеровским оккупантам огромный ущерб. Во вражеском тылу, можно сказать, находился целый фронт воинов (только в Белоруссии около 450 тысяч человек). Но это лишь чисто количественный и в данном смысле условный фактор. В действительности же но своим маневренным возможностям, по характеру борьбы, рассчитанной на нанесение неожиданных ударов, на проведение сокрушительных диверсий, столь большие масштабы партизанской войны в тылу противника на всей оккупированной территории нашей страны равнозначны были действиям даже не одного фронта. В этом именно огромная сила партизан.

Вспоминаю, как в сентябре 1942 года возвращались из Москвы в партизанские края руководители партизанских формирований С. А. Ковпак, В. И. Козлов, М. И. Дука, А. Н. Сабуров, П. М. Ромашин и другие и как Военный совет Брянского фронта принимал их в районе города Ефремова. На этом приеме обсуждались главным образом вопросы взаимодействия и связи и меньше всего касались проблемы материального и медицинского обеспечения. Лишь позднее, в 1943 году, стали более конкретно заниматься тыловым обеспечением партизан. Правда, и возможности у нас к тому времени стали иными.

О героических делах наших славных партизан написано много мемуарных и художественных произведений, созданы фильмы. Немало исследовательской и художественной литературы посвящено партизанскому движению в странах социалистического содружества — Югославии, Болгарии, Польше и др. В моей книге я хочу на примере белорусского опыта подчеркнуть, как велико было политическое и стратегическое значение партизанской борьбы в Великой Отечественной войне и как важно найти пути четкого оперативного взаимодействия органов тыла фронтов с партизанами.

По расчетам П. К. Пономаренко, гитлеровским захватчикам пришлось отвлечь на борьбу с партизанами 30 регулярных дивизий. Если добавить к ним 55 охранных полков и 206 батальонов, 34 полицейских полка, 115 полицейских батальонов, кавалерийскую жандармскую бригаду, полк полевой жандармерии и 38 отдельных моторизованных, оснащенных танками жандармских взводов, то окажется, что всего было брошено на борьбу с партизанами около 50 немецких дивизий[19].

Диверсионные удары по коммуникациям всегда составляли важную задачу партизанской борьбы. ЦК КП(б) Белоруссии 8 июня 1944 года дал указания подпольным партийным органам,

партизанским соединениям и отрядам нанести всеми силами мощные удары но железнодорожным коммуникациям противника и парализовать его перевозки. Только за одну ночь на 20 июня партизаны перебили около 41 тысячи рельсов, а с 20 по 29 июня — еще более 20 тысяч рельсов[20]. В результате противник лишился возможности сколько-нибудь успешно маневрировать людскими и материальными ресурсами. Начальник военных сообщений гитлеровской группы армий «Центр» генерал Г. Теске писал: «За 24 часа до начала русского наступления партизаны провели в ночь на 20 июня огромнейшую акцию. Было насчитано 10,5 тысячи нарушений пути… Следствием было почти полное нарушение движения больше чем на 24 часа…»[21].

Высокую оценку действиям партизан Белоруссии дал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков: «За несколько дней до начала действий Красной Армии по освобождению Белоруссии партизанские отряды под руководством партийных органов республики и областей провели ряд крупных операций по разрушению железнодорожных и шоссейных магистралей и уничтожению мостов. Это парализовало вражеский тыл в самый ответственный момент»[22].

В партизанских отрядах Белоруссии плечом к плечу сражались люди более 70 национальностей и народностей Советской страны. Здесь же воевали патриоты из Чехословакии, Польши, Югославии, Франции и других европейских государств, а также немцы-интернационалисты. Наше партизанское движение явилось частью общей борьбы всех народов Европы против нацизма, оно стало великим примером и знаменем для народов оккупированных фашистами стран.

Большим политическим событием явилась шестая сессия Верховного Совета БССР, состоявшаяся в Гомеле 21–24 марта 1944 года. Мне довелось присутствовать на ее первом заседании в качестве гостя. Открыла сессию Председатель Верховного Совета Белоруссии Надежда Григорьевна Грекова. Наряду с другими в повестку дня были включены вопросы:

1. Освобождение белорусских земель, дальнейшие задачи борьбы белорусского народа против немецких захватчиков и ближайшие задачи восстановления народного хозяйства Белорусской ССР.

2. Утверждение Государственного бюджета БССР на 1944 год и утверждение отчета о выполнении Государственного бюджета за 1940 и 1941 годы.

Это была первая сессия за период войны. О ней знала вся Белоруссия по эту и по ту сторону фронта. Радио, сотни тысяч

листовок и газет оповестили о столь важном событии все население, в том числе и оккупированных областей. Для партизан, подпольщиков, всего населения сам факт созыва этой сессии Верховного Совета республики был призывом удвоить силы для быстрейшего изгнания врага.

От солдат, сержантов, офицеров и генералов 1-го Белорусского фронта сессию приветствовал Герой Советского Союза капитан Козич, прибывший с переднего края. В каждый из четырех дней работы высшего органа государственной власти республики не переставали поступать приветствия и доклады о положении на местах от подпольных обкомов партии, от командиров и комиссаров партизанских соединений и отрядов.

Осенью 1944 года республиканские и местные власти Белоруссии уточнили ущерб, причиненный фашистскими варварами многострадальной республике за три года оккупации. Он оказался намного большим, чем это представлялось по материалам 6-й сессии Верховного Совета БССР. С трудом поддается воображению вандализм гитлеровских извергов! Белоруссия потеряла каждого четвертого жителя: свыше 2200 тысяч человек фашисты убили, почти 380 тысяч человек угнали на принудительные работы в Германию[23].

Выжженная земля, руины и пепелища представились нашим глазам, когда мы шли по Белоруссии. 209 городов, рабочих поселков и районных центров, 9200 деревень враг полностью или частично уничтожил. Более 10 тысяч промышленных предприятий были разрушены и разграблены. Гитлеровцы уничтожили 96 процентов энергетических мощностей, разорили 10 тысяч колхозов, 92 совхоза, 316 машинно-тракторных станций. В результате вражеской оккупации валовая продукция промышленности республики к концу 1944 года составляла всего 5 процентов уровня довоенного 1940 года[24]. Казалось, потребуется столетие для восстановления. Ведь не только довоенный, даже дореволюционный уровень экономики республики неизмеримо превышал то, что осталось после фашистского нашествия.

До революции Белоруссия считалась краем болот, лесов, краем, обделенным самой природой, где жили неграмотные и полунищие люди, которые питались «бульбой» и вырабатывали некоторые деревянные изделия, да еще пели заунывные песни. Начальные школы были тогда только в наиболее крупных уездных пунктах, гимназии — в Гродно и Минске; высших учебных заведений не было ни одного. Подавляющее большинство населения жило в деревнях, доведенных до полного разорения.

Такой Белоруссия вошла в состав Союза Советских

Социалистических Республик в 1922 году. 17 октября 1922 года газета «Известия» писала: «Промышленность Белоруссии не имеет большого государственного значения; она обслуживает местный рынок. Крупного производства в Белоруссии вовсе нет, если не считать лесозаготовительных и деревообрабатывающих предприятий».

С помощью всех братских республик, в первую очередь РСФСР, в республике к началу Великой Отечественной войны вступило в строй 1700 промышленных предприятий, выросли национальные кадры специалистов и достигнуты немалые успехи в сельском хозяйстве, культуре, здравоохранении.

И все это было предано гитлеровцами огню и мечу.

Еще не закончилась война, а на помощь Белоруссии из всех республик пошли поезда с хлебом, строительными материалами, медикаментами, заводским оборудованием и т. д. После завершения Белорусской операции мы не теряли ни малейшего случая, чтобы послать республике-партизанке отбитые у фашистов транспортные средства, станочное оборудование, горючее, строительные материалы и пр.

Связь командования фронта и армий с ЦК КП(б)Б и правительством Белоруссии сохранялась и в последующие месяцы войны и даже после войны, когда мы получили новую возможность отдать республике многое, уже ненужное войскам. Конечно, в основе и этой помощи лежало плановое начало: излишествующее армейское имущество распределялось по стране по разнарядкам центра. Но ведь, как во всем советском планировании, и здесь были «встречные планы»: войскам фронта не стоило большого труда в мирных условиях отремонтировать лишнюю сотню тракторов, автомобилей, другой техники, чтобы передать все это своей «подшефной» республике. К нам приезжали на встречи с воинами-победителями секретарь ЦК КП(б)Б П. К. Пономаренко, члены бюро Центрального Комитета В. Н. Малин, Г. Б. Эйдинов, П. З. Калинин, заместитель начальника БШПД И. П. Ганенко, заместитель Председателя Совнаркома БССР А. Р. Шавров, нарком пищевой промышленности Н. Г. Грекова, нарком мясной и молочной промышленности М. Д. Шаройко, нарком просвещения Е. И. Уралова, нарком социального обеспечения Е. Т. Гуценкова, ответственный работник Совнаркома БССР П. А. Абрасимов. Наши гости, разумеется, живо интересовались тем, что мы намерены еще сделать для их республики.

То, что теперь видим в Белоруссии, иначе, как чудом, не назовешь. Пусть небольшая, но все же и наша доля — доля войск 1-го Белорусского фронта — в этом есть.

Мне все время хотелось увидеть современную Белоруссию, увидеть возрожденными те места, где совсем недавно все лежало в развалинах. Такую возможность я получил впервые летом 1974 года, когда в числе участников боев за освобождение республики был приглашен на празднование 30-летия этого великого события и в честь присвоения Минску почетного звания «Город-герой».

Я готов был к тому, чтобы увидеть грандиозный праздник, но то, чему стал свидетелем, превзошло все ожидания.

В столицу были приглашены десятки тысяч граждан из всех областей и районов Белоруссии, бывшие подпольщики, партизаны, ветераны войны, а также гости из всех республик Советского Союза и из-за рубежа. Выдалась чудесная погода. Торжественное шествие двинулось к монументу Победы по Ленинскому проспекту. Во главе демонстрантов шли руководители Коммунистической партии и правительства Белоруссии, почетные гости. Обе стороны улицы были заполнены жителями с цветами, флажками, транспарантами. Бесконечные взрывы рукоплесканий, восклицания взаимных приветствий при встрече с давно невидевшимися друзьями, знакомыми военными, партизанами, земляками…

Море живых цветов! К монументу Победы возлагались сотки венков. Тысячи граждан стремились положить хоть один цветок к его подножию.

Затем — Хатынь. Подобного мемориального комплекса до того я не видел.

Хатынь… Теперь это название стало собирательным именем. Это — «кладбище деревень». Сюда приходят и будут приходить миллионы, десятки миллионов людей со всех концов земного шара.

В процессии к мемориалу в день 30-летия освобождения Белоруссии участвовало 50 тысяч человек. У «Стены памяти» воцарилась тишина. К собравшимся обратился с речью кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПБ Петр Миронович Машеров. Негромким голосом он говорил о трагедии Хатыни. Свою речь закончил призывом почтить память погибших коленопреклонением. На колени опустилась вся многотысячная масса. В этот момент раздался траурный перезвон двадцати шести колоколов.

Здесь на отдельных квадратах земли растут три березки, на месте четвертой — Вечный огонь. Символ: каждый четвертый житель Белоруссии погиб. Да, пока существует земля и живут на ней люди, этого забыть нельзя!

Авторы мемориального комплекса «Хатынь» архитекторы

Юрий Градов, Валентин Занкович, Леонид Левин, скульптор Сергей Селиханов заслуженно стали лауреатами Ленинской премии.

Что может сильнее пробудить в сердцах гнев против фашизма, империализма, чем этот мемориал!

На 21-м километре от Минска по московскому шоссе воздвигнут Курган Славы в память о тех днях, когда четыре советских фронта двинулись летом 1944 года на врага, чтобы полностью изгнать его с белорусской земли.

Скульпторы А. Бембель и А. Арцимович, архитекторы О. Стахович и Л. Мицкевич, инженер В. Лапцевич создали оригинальный монумент: четыре штыка, венчающие курган, символизируют боевое содружество четырех фронтов, победивших в этом грандиозном сражении.

Стоя на Кургане Славы, я вспомнил многое из того, что пришлось пережить 30 лет назад.

Во Дворце спорта в Минске состоялось торжественное заседание, посвященное 30-летию освобождения Белоруссии. В своем докладе П. М. Машеров подчеркнул, что на белорусской земле героем был каждый, кто мог и кто не мог стоять в военном строю: и боец партизанского отряда, и парнишка, ставший связным, и деревенский дед, указывавший партизанам тропы через непроходимые болота, и женщина, скрывавшая раненого в своем доме. Героями были все, в ком жила любовь к Родине и ненависть к фашизму.

Слушая этот доклад, я чувствовал, что говорит человек, испытавший всю тяжесть борьбы с оккупантами. И это на самом деле так. К зиме 1941 года П. М. Машеров создал в Россонском районе широко разветвленное комсомольское подполье. В апреле 1942 года он организовал один из первых в районе партизанских отрядов. В марте 1943 года Петра Мироновича утвердили комиссаром бригады имени К. К. Рокоссовского, которая действовала в Россонском и Освейском районах Витебской области. Позже бригада передислоцировалась в Вилейскую область. Там П. М. Машерова назначили секретарем Вилейского подпольного обкома комсомола.

За боевые подвиги Петр Миронович был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Мать П. М. Машерова — Дарья Петровна жила в той местности, где действовал партизанский отряд ее сына. Тяжело раненный, он некоторое время скрывался у нее. Когда фашисты прознали об этом, они казнили мать Машерова.

Возвращаясь из Минска, я находился во власти впечатлений от небывалого всенародного праздника. Уверен, что каждый

ветеран войны переживал столь же глубокие чувства.

Я видел опустошенную Белоруссию в огне военных пожарищ и увидел ее процветающую и преуспевающую спустя 30 лет. Именно за такое будущее воевали советские люди.

Таковы были мои впечатления от первой встречи с послевоенной Белоруссией. Они еще более укрепили мое желание вновь побывать в республике. И такая возможность представилась.

В апреле 1977 года я вновь прибыл в Белоруссию, но не как гость, а как посланник Всесоюзного общества «Знание», по заданию которого мне предстояло сделать доклады на заводах, в воинских частях, в Государственном музее истории Великой Отечественной войны, в колхозах. В частности, я выступил на Минском тракторном и Минском автомобильном заводах, на Белорусском автозаводе в Жодино, на Минском радиозаводе имени 50-летия Компартии Белоруссии, на заводе электронно-вычислительных машин имени Г. К. Орджоникидзе, на заводе холодильников.

За несколько часов до выступления на том или ином заводе я стремился познакомиться в общих чертах с производством, побывать в цехах, поговорить с отдельными рабочими. Весь день проводил на предприятиях, а вечером подводил итоги виденному и слышанному и записывал свои впечатления.

А впечатления были изумительные. Что ни завод, то целый район. Цехи выглядят как широкие городские улицы, по которым в несколько рядов движутся конвейеры, несущие на себе детали, — одни идут горизонтально к главному конвейеру, другие детали подаются сверху, третьи — снизу.

На всех предприятиях люди одеты в ладную спецодежду, многие носят белоснежные наглаженные халаты. Нет суетливости, простоев, нет задымленных табаком коридоров. Каждый рабочий или работница сосредоточенно управляет своим станком, ни на минуту не забывая о главном: «Ритм — четкий, темпы — высокие, качество — отличное». Эти слова стали девизом всей белорусской промышленности, они начертаны всюду — на заводских площадках, в скверах, в клубах и цехах, иногда и у рабочего места. Каждый цех, каждая бригада соревнуется именно под таким девизом. При этом показатели соревнования у всех на виду.

Не только внутри цехов, но и на всей прилегающей территории — безупречная чистота. Везде — газоны, клумбы. Озеленение здесь в почете, как, впрочем, и во всем Минске. Труженики города-героя берегут каждое дерево и куст.

Виденные мною заводы имеют благоустроенные дворцы

культуры, спортивные залы, бассейны, детские учреждения, поликлиники, столовые. Все учатся: кто в техникумах, кто на вечерних факультетах вузов, кто на краткосрочных курсах, в семинарах, путем самообразования. Новая техника требует не просто диплома, а подлинного знания конкретной области работы и повышения общей культуры.

Таково общее впечатление от того, что я увидел на минских предприятиях. Допускаю, что кое-кто, прочитав эти строки, скажет: «А не перехватил ли автор? Не так уж все у нас гладко». Сразу отвечу: сам понимаю, что есть и трудности, и неполадки. Но увиденное мною, уже достигнутое, стоит на уровне, о котором недавно только мечтали. И можно только радоваться тому, что реально завоевано, что является свидетельством гигантского пути, пройденного белорусским народом.

Многие улицы Минска названы именами героев минувшей войны. Проспект Рокоссовского решил посмотреть не торопясь. Часто останавливал машину у отдельных зданий и проездов. В противоположном конце проспекта находится улица Малинина. Бесконечно дороги для меня эти имена. Маршал К. К. Рокоссовский — командующий нашим фронтом, генерал армии М. С. Малинин — начальник штаба фронта. Мне как заместителю командующего фронтом по тылу приходилось постоянно встречаться с ними, пройти вместе тяжелые годы войны. Я всегда находил у них поддержку и добрый товарищеский совет. Именно от Рокоссовского я получил приказание подготовить развернутое решение Военного совета фронта о мерах помощи белорусскому народу. С первых дней войны, в битвах за Москву и Сталинград, на Курской дуге, в Белорусской операции Константин Константинович Рокоссовский и Михаил Сергеевич Малинин были всегда вместе.

Проспект Рокоссовского состоит из новых зданий повышенной этажности, озеленен. Не менее красива улица Малинина: одна сторона ее окаймлена высокими зданиями, другая примыкает к большому голубому озеру.

Мне очень приятно сознавать, что в городе-герое Минске увековечена память моих близких боевых друзей маршала Рокоссовского и генерала Малинина.

Далеко шагнуло за эти годы и сельское хозяйство республики, особенно животноводство, овощеводство, льноводство. Небывалый скачок совершен в производстве зерна.

Весьма примечательным является широкое наступление на заболоченные земли, которые составляют значительную часть

территории республики. Мелиоративные работы проводятся на больших площадях; в недалеком будущем заболоченные земли превратятся в плодородные пашни, луга и пастбища. По мнению специалистов, земли белорусского Полесья, если их правильно осушать и использовать, не уступят богатым землям Кубани. Уже сейчас многие колхозы и совхозы на осушенных торфяниках собирают по 30–35 центнеров зерна с гектара, по 280–300 центнеров картофеля.

Я посмотрел документальный фильм «Добрая земля» о коренных изменениях в сельском хозяйстве Полесья. Тысячелетиями природа формировала там сложные и труднодоступные земли. Первые попытки освоить их, предпринятые в послевоенный период, принесли не такой высокий эффект, как ожидалось. Но труженики полей в содружестве с наукой и с помощью государства настойчиво добивались лучших результатов. Через десять лет урожайность увеличилась в полтора раза, в 1969 году — почти в четыре раза, а в 1976 году — более чем в шесть раз. Это достигнуто благодаря комплексному ведению земледелия. Просто осушая землю, можно и погубить ее. Здесь требуется глубоко продуманный подход. Кинофильм «Добрая земля» наглядно показывает технологию решения этой проблемы.

Тысячу раз правы белорусские товарищи, заложившие плановое архитектурное начало в переустройство жизни в деревне в масштабе всей республики. Это дает свои результаты. Каждый житель, предпринимающий индивидуальное строительство (с помощью государства или за свой счет), каждый председатель сельского Совета и колхоза, директор совхоза имеет правильный ориентир при решении на первый взгляд мелких вопросов по жилью, по благоустройству.

Конкретным тому примером может служить колхоз «Новый быт» Минского района, где мне удалось побывать. Борис Николаевич Фунтиков много лет возглавляет это хозяйство. Земли здесь 7,5 тысячи гектаров. Можно было бы сказать, что это типичное хозяйство, но особенность его та, что в колхоз входят 25 населенных пунктов — от 5 до 116 дворов в каждом.

Всего жителей — более 3 тысяч. Общее собрание колхоза решило развивать четыре населенных пункта, а остальные постепенно ликвидировать. Кто хочет строиться сам, может получить земельный участок до 15 соток с обязательством строго соблюдать требования генерального плана. Основной курс, однако, — строительство за счет артели; живущий в новом доме колхозник вносит квартплату на общих основаниях.

Центральная усадьба запроектирована с учетом роста населения на 3900 жителей. Уже вырисовались ее улицы. Построены дома различных типов — многоквартирные и коттеджи, одно-, двух- и трехэтажные. Есть квартиры на две, три и четыре комнаты со всеми удобствами. Я посмотрел четырехкомнатную квартиру, построенную в двух уровнях: внизу столовая, кухня, кладовая, санузел; вверху спальня родителей, две детские спальни и санузел. Колхозник, живущий в ней, доволен своей квартирой.

По словам Бориса Николаевича, колхозники охотно вселяются в эти дома. Остановка за строительством, программа которого рассчитана на 8 лет. Хотя артель получает в год до двух миллионов рублей чистой прибыли, денег всегда в обрез: одновременно строятся многие производственные объекты.

У меня осталось очень приятное воспоминание от посещения первого в этом колхозе нового детского сада — круглосуточного. В нем до ста детей от двух до шести лет. Каждая возрастная группа имеет свою спальню, игральную комнату. Территория сада достаточна для того, чтобы дети могли заниматься своими трудовыми делами: одни ухаживают за кустами и деревцами, другие сажают цветы и декоративную зелень, третьи красят скамейки. Заведующая детсадом Мария Степановна Шавкун заявила:

— Мы ни в чем не имеем отказа.

Как раз при мне председатель колхоза сам напросился сделать пристройку для зимнего сада.

В первый же день прибытия в Минск я представился командующему и члену Военного совета Краснознаменного Белорусского военного округа. Генерал-полковник танковых войск Михаил Митрофанович Зайцев тут же пригласил меня к себе. Вскоре зашли к нему в кабинет член Военного совета генерал Александр Васильевич Дебалюк и первый заместитель командующего генерал Алексей Иванович Семиренко. Состоялась беседа о боевых и трудовых традициях Белоруссии, о воспитании на них молодежи.

— Одному из соединений округа, — сказал командующий, — присвоено почетное имя Верховного Совета БССР. В годы войны оно стало трижды орденоносным и получило наименование Рогачевского. Люди нашего округа гордятся историческим прошлым и новыми добрыми традициями. Я очень рекомендую вам, Николай Александрович, побывать в этом «хозяйстве», ведь оно входило в состав вашего фронта, Первого Белорусского.

И вот мы в гостях у воинов Рогачевского соединения имени

Верховного Совета БССР. С командиром, начальником политотдела, заместителем командира по тылу мы встретились как давнишние знакомые, чему, видимо, послужило первое издание моей книги «На главном направлении». Они коротко познакомили нас с историей соединения, показали на схеме его боевой путь.

Командир полка, сопровождавший нас по военному городку, показал размещение нескольких подразделений, столовую, клуб, библиотеку, учебные и другие помещения. Он помог нам увидеть солдатский быт, как говорят, снизу, таким, каков он есть повседневно, ежечасно. Всюду — безукоризненный порядок, чистота, много света. Личное «хозяйство» солдата содержится в образцовом состоянии.

На кухне нас встретили в белоснежных спецовках солдаты-повара. Оборудование поразило высоким уровнем механизации, отлично действующими электрическими приборами. Каждый воин получает положенный паек плюс некоторую добавку от подсобного хозяйства. Неподалеку располагается теплица, откуда поступает ранняя зелень, в другом месте содержится на откорме поголовье свиней.

На протяжении многолетней службы в армии я хорошо знал и ценил значение подсобного хозяйства; тогда по нему определяли и работу командира части. В более поздние времена эти хозяйства ликвидировали, как якобы мешающие боевой подготовке войск. Теперь все восстановлено, но боевая готовность неизмеримо возросла. Заместитель командира соединения по тылу сообщил, что свыше 30 дней в году все соединение потребляет мясо собственных подсобных хозяйств. Кроме того, каждый командир части имеет за счет подсобного хозяйства фонд для выдачи воинам добавочных продуктов в праздничные дни.

Здесь уместно сказать, какое большое внимание уделяется в настоящее время развитию подсобных хозяйств и крупных совхозов в Вооруженных Силах нашей страны.

Уже после гражданской войны стали развиваться прикухонные хозяйства. В некоторых военных округах на востоке страны даже были сформированы совхозы с общей площадью до 400 тысяч гектаров.

И в годы Великой Отечественной войны эта задача не выпадала из поля зрения фронтового и армейского командования. К концу 1943 года в Красной Армии существовало свыше 5 тысяч крупных и мелких военных хозяйств, которые поставили войскам около 518 тысяч тонн картофеля и овощей, более 2 тысяч тонн мяса, около 6 тысяч тонн рыбы, значительное

количество молока, яиц, грибов и зелени[25].

Но особенно заметный сдвиг в развитии военных совхозов наблюдается в последние годы. Молочно-мясные, овоще-молочные, рыбные хозяйства, овцеводческие комплексы, птицефабрики имеют значительный удельный вес в системе тыла Министерства обороны, особенно для обеспечения войск Севера и засушливо-пустынных районов. При этом в первую очередь используются земли, отведенные военному ведомству для учебных и иных целей. В каждой воинской части создано прикухонное (прикамбузное) подсобное хозяйство. Многие части и подразделения отдаленных районов почти на сто процентов обеспечиваются основными видами продовольствия за счет военных сельскохозяйственных предприятий. Все больше строится зимних и весенних теплиц, в которых выращиваются зеленый лук и другие овощи.

Ежегодные капиталовложения в военные сельхозпредприятия обеспечиваются собственными прибылями. Многие военные хозяйства перешли на вполне современную промышленную основу: строят птицефабрики с полной автоматизацией процессов раздачи кормов, гигиенической уборки, сбора и транспортировки яиц и т. д.; в коровниках монтируются электрические доильные установки, механизируется раздача кормов и поение животных, уборка навоза; создаются крупные овцеводческие комплексы на 20–30 тысяч овец и др.

В 1977 году, например, мне случилось побывать в одном военном совхозе. Основное направление его — животноводство и производство яиц. В клетках содержится около 100 тысяч кур-несушек, дающих 60–65 тысяч яиц в сутки. Сбор и доставка яиц обеспечиваются многочисленными ленточными транспортерами, трое — пятеро птичниц справляются с уборкой и упаковкой их по каждому блоку.

— Совхоз непрерывно набирает силы, совершенствуется, развивается по генеральному плану, — пояснял ответственный работник одного из Центральных управлений Министерства обороны Алексей Феофанович Стрижков.

Мы проехали улицу Гагарина в заново отстроенном поселке. На ней больше 100 современных домов. Преобладают двухэтажные квартиры, расположенные, так сказать, в четырех уровнях. В самом низу — большая кладовая, облицованная внутри белой глазурованной плиткой, здесь же умывальник, стол и два радиатора центрального отопления, отдельный выход во внутренний двор. В ней хранятся и разделываются продукты, чтобы затем, уже в очищенном виде, поступить на кухню, куда ведет небольшая лестница. В десятиметровой кухне газовая

плита, умывальник, горячая вода, встроенная мебель и кухонные принадлежности. Рядом — столовая, небольшая комната и туалет. Несколькими ступенями выше — гостиная с радиоприемником, телевизором, диваном и другой мебелью. Еще выше — две спальные комнаты с балконом.

Так живут рабочие этого совхоза.

В центре поселка — трехэтажное здание школы. Она обеспечена новейшими наглядными пособиями. Один из классов приспособлен для изучения иностранных языков с помощью электронных устройств.

Несколько в стороне от школы — детский сад, где ребята находятся с 8 часов утра до 8 часов вечера.

Хорошее впечатление оставили столовая для рабочих и магазины военторга.

Возможно, самое интересное в этом хозяйстве — биологическая очистка отходов. Мы посмотрели аэробно-очистительное сооружение, куда стекаются по трубам все отходы. Протяженность коммуникаций, подведенных к этому сооружению, 5 километров. За биостанцией размещается водосборник очищенной, совершенно прозрачной воды. О безукоризненном качестве очищенной воды свидетельствует тот факт, что в ней живет и размножается рыба. От водосборника вода уходит в реку.

— Создавая такое хозяйство на месте бывших болот, — говорит А. Ф. Стрижков, — мы стремились сразу же выйти на порог двухтысячного года. Уж слишком дорого обходится так называемый переходный период. Не только здесь, но и во всех других военных хозяйствах первостепенное внимание уделяется жилью для рабочих, школам-интернатам, объектам культурно-бытового назначения. Всюду используются наиболее современные типовые проекты, предусматривающие весь комплекс удобств и эстетики.

— Я мог бы продолжить перечень таких передовых хозяйств, — заметил начальник Центрального продовольственного управления Министерства обороны генерал Иван Данилович Исаенко. — Особенно велико значение военных хозяйств в смысле сокращения дальних перевозок и бесперебойного обеспечения сельхозпродукцией личного состава армии и флота в труднодоступных районах.

Говоря о современных солдатских общежитиях, мне не хочется называть их казармами. Этот термин имеет многовековую давность и с ним всегда ассоциируется нечто унылое, серое, давящее на психику. Теперь же совсем не то. В общежитиях воинов все до тонкостей учтено и предназначено для лучшего

самочувствия солдата. Простор, много света, чистый воздух. У каждой кровати коврик. Считается обязательным ежедневное обтирание тела и мытье ног на ночь холодной водой. Обувь снимается при входе, где стоит шкаф с индивидуальными тапочками без задников (солдаты в шутку называют их «ни шагу назад»). Пока личный состав находится в общежитии, сапоги проветриваются на специальных стойках в отдельном помещении. Правда, пограничники, с которыми я недавно встречался, высказываются против такого «отрыва сапог от солдата»: в случае тревоги начнется неизбежная толчея. Но такова уж особенность пограничной службы…

В учебных классах смонтированы узлы механизмов, многие даны в разрезе. С помощью электроники командир наглядно демонстрирует взаимодействие частей и механизмов.

Нам очень понравились ленинские комнаты, они уютны, красиво оборудованы, доходчиво отражают важнейшие события в стране и жизнь подразделения. К чести начальника политотдела Рогачевского соединения могу засвидетельствовать, что там вся наглядная агитация отличается разнообразием форм, доходчивостью и злободневностью. При этом надо отметить широкое участие умельцев-воинов, творческий подход их к художественному оформлению.

Осмотрели мы и автодром соединения. Он поражает высоким техническим оснащением. Даже самый неискушенный человек за короткий срок приобретает на таком автодроме необходимые устойчивые навыки.

Сопровождавший нас начальник отдела туризма округа подполковник Николай Антонович Снегирев с увлечением рассказывал о большом внимании командования округа к физической закалке личного состава. Сам Н. А. Снегирев за 20 лет службы в армии прошел солидную школу. Около 14 лет он участвовал в боевой подготовке войск Туркестанского и Среднеазиатского военных округов как альпинист; более 300 восхождений совершил за эти годы, получил звание мастера спорта СССР, неоднократно был чемпионом и призером первенств СССР и Вооруженных Сил. На его счету значатся восхождения на пик Ленина (дважды), пик Коммунизма, пик Евгении Корженевской, пик Победы, пик Патхор, пик Курумды, пик Свободная Корея и др. Он подготовил несколько мастеров спорта и много разрядников. Даже не верится, что такой на вид не пышущий здоровьем офицер имеет столь яркую спортивную биографию.

Именно Николай Антонович настоял на том, чтобы я посетил еще несколько гарнизонов. По дороге мы не раз возвращались к

теме физической подготовки наших воинов, к проблеме бережного обращения с реликвиями войны, с боевыми и историческими традициями.

— Как лучший пример в этом плане, — сказал подполковник Снегирев, — выглядит именно то «хозяйство», куда мы едем.

Командир и политработник, радушно встретившие нас, показали в общем такие же объекты, какие мы видели в подразделениях соединения имени Верховного Совета БССР. Кое-что здесь, на наш взгляд, сделано лучше. В частности, огромное впечатление производит «Мемориал Славы», где установлены бюсты однополчан — Героев Советского Союза. Примечательно то, что все бюсты созданы руками талантливых воинов части.

На большой бетонированной площадке перед бюстами Героев Советского Союза совершаются торжественные церемонии: принятие присяги, встречи с родителями, всевозможные митинги и др.

Между прочим, командование придает большое значение сравнительно частым встречам воинов со своими родителями. Здесь это не формальный акт. Гостям разрешается посетить казармы, столовую, клуб.

Еще одна любопытная деталь. В ротах заведены общественные библиотеки. При увольнении в запас воин может оставить в дар ту или иную книгу, сделав на ней соответствующую запись. Я просмотрел много таких книг, и меня взволновали искренние, чистосердечные записи, добрые пожелания. Питомцы армии благодарят за учебу, за воспитание, отмечая свои симпатии к командирам. В ротах заведен специальный учет этого подарочного фонда; для чтения книги выдает воинам общественный библиотекарь.

Затем нам предложили послушать выступление солдатского инструментально-вокального ансамбля. Каждый из десяти его участников уверенно владеет своим инструментом, и часто даже не одним, а солисты обладают хорошими вокальными данными. Выявить эти таланты, не дать им застояться, помочь молодым дарованиям совершенствоваться — этим занимаются командиры и политработники.

Да, армия — это подлинная школа жизни. Казалось бы, и срок небольшой — всего лишь два года, — а как велики перемены в молодом человеке! Он мужает, взрослеет. За это время у него происходит заметный качественный сдвиг в выдержке, в поведении, в оценке окружающей действительности, в подходе к решению жизненных задач.

Советские Вооруженные Силы, кроме своей основной священной обязанности — бдительно стоять на страже великих

завоеваний Октября, — выполняют одновременно другую, я бы сказал, высокогуманную миссию: они возвращают стране, по существу, нового человека, с более сформировавшимися взглядами, с новым сознанием личной ответственности перед товарищами и перед Родиной. «Юноши приходят в солдатскую семью, не имея жизненной школы. Но возвращаются они из армии уже людьми, прошедшими школу выдержки и дисциплины, получившими технические, профессиональные знания и политическую подготовку», — говорил товарищ Л. И. Брежнев в докладе на XXV съезде КПСС.

После войны прошли десятилетия. Выросли новые поколения людей, для которых события Великой Отечественной войны ушли в глубь истории. Но они никогда не забудут героических дел своих предшественников, участников кровопролитных сражений с озверелым врагом человечества — фашизмом.

Советским воинам, совсем молодым и давно ушедшим на заслуженный отдых, всегда доставляет радость видеть собственными глазами плоды одержанной военной победы, величественные маяки на пройденном пути, зовущие вперед, к коммунизму.

От Вислы до Одера

С выходом советских войск на территорию сопредельных государств начался новый этап в действиях фронтов, в том числе и в работе тыла 1-го Белорусского фронта.

Польша более пяти лет находилась под оккупацией гитлеровцев. Они не признавали никаких, даже самых жестоких военных законов в поставках сельскохозяйственных продуктов, они просто грабили, убивали за малейшее сопротивление. В то же время фашистская пропаганда внушала польскому населению, что с востока надвигается армия «большевистских грабителей». Попадая на почву, подготовленную за 20 лет антисоветской пропаганды в Польше Пилсудского и Рыдз-Смиглы, эта клевета не оставалась безрезультатной. В такой обстановке от каждого советского воина требовалось глубокое сознание своей ответственности, понимание освободительной миссии Красной Армии.

Особенно большие требования предъявлялись к солдатам и офицерам тыла. Все прекрасно понимали, что нам, работникам тыла, больше всего придется вступать в деловые отношения с польским населением, в первую очередь с крестьянами, для

заготовки продовольствия и фуража. Сколько тыловых частей и учреждений, сколько госпиталей придется разместить в польских городах и селах — и всюду при этом надо заботиться о том, чтобы избежать нарушения обычаев и уклада жизни населения. Проще всего отнести все невзгоды за счет войны, но при хороших взаимоотношениях их можно ослабить. Надо сказать, что советские воины по-братски относились к польскому народу.

Помню, в июле 1944 года мы разместились в большой приграничной польской деревне. Комендант отвел для штаб-квартиры начальника тыла фронта дом крестьянина, у которого были жена и больная дочь 20 лет. Наша первая беседа с хозяином дома носила несколько нервный, напряженный характер. На мои вопросы он отвечал сдержанно, уклонялся от разговора о положении дел в его хозяйстве. Оживился хозяин лишь тогда, когда зашла речь о болезни дочери, уже много лет страдавшей каким-то недугом; он израсходовал уйму денег на лечение, но безрезультатно. Как раз в это время к нам зашли начальник санитарного управления фронта генерал А. Я. Барабанов и главный хирург фронта профессор В. И. Попов. Решили в порядке исключения поместить девушку в одном из женских отделений фронтового госпиталя, предупредив отца, что излечить ее мы не можем, так как заболевание хроническое, но обследование проведем самое тщательное, поставим точный диагноз и облегчим ее страдания, насколько возможно.

Девушку госпитализировали. Это произвело ошеломляющее впечатление на жителей села, и добрая весть о нас стала достоянием всей округи. Однако на следующее утро адъютант доложил мне, что пришел хозяин с жалобой на солдат, несущих охрану штаба. У меня екнуло сердце: неужели кто-нибудь нарушил наказы? Прошу хозяина немедленно зайти ко мне. Оказалось, что он принес солдатам огромный кувшин молока, чтобы угостить их, а те наотрез отказались, слишком буквально выполняя наши наставления. Хозяин обиделся. Я разъяснил солдатам, что принимать такие подарки не возбраняется.

На третий день вечером хозяин пришел ко мне и попросил позволения поговорить откровенно. Оказывается, под влиянием фашистской агитации он спрятал своих свиней где-то в поле, в глубокой яме. Теперь же решил привезти их обратно и спрашивал, не случится ли с ним чего. Хозяин сказал, что таких, как он, в селе немало, все боятся возвратить скотину из разных тайников.

Утром следующего дня во двор въехала телега с четырьмя свиньями. И все остальные крестьяне села поступили так же…

Первейшая задача тыла фронта состояла в том, чтобы найти

правильное решение продовольственной проблемы. Наши запасы зерна, крупы, картофеля, овощей остались далеко позади и вывезти их оттуда было нелегко, ибо мы еще не восстановили железнодорожные мосты через Буг.

Снабжать наши войска, а также и рабочих промышленных центров приходилось в стране, где не только экономическая, но и вся гражданская жизнь была катастрофически дезорганизована, а население, встречая нас как освободителей, все-таки еще не избавилось от недоверия, привитого антисоветской пропагандой.

Польские левые политические партии, находившиеся при Гитлере в подполье, лишь начинали свою легальную деятельность. Большое влияние на крестьян в то время имели популярные в стране деятели закупочно-сбытовой сельской кооперации. Именно на них и пришлось нам опереться. Правительство Польши в лице председателя Крайовой Рады Народовой Болеслава Берута и председателя Польского комитета национального освобождения (ПКНО) Эдварда-Болеслава Осубки-Моравского в августе 1944 года приняло ряд важных законов об обязательных военных поставках для государства. Среди них «Декрет Польского комитета национального освобождения об обязательных военных поставках зерновых культур и картофеля для государства» и «Декрет Польского комитета национального освобождения об обязательных военных поставках мяса, молока и сена для государства».

Это были документы большого экономического и политического значения. Поскольку они относились к обеспечению продовольствием как польских, так и советских войск, органы тыла и политуправление 1-го Белорусского фронта разъясняли крестьянам принятые польским правительством законы и оказывали помощь местным заготовителям транспортом, тарой и т. д.

По указанию Военного совета я объехал все воеводства и значительную часть уездов правобережной Польши и всюду имел официальные встречи с представителями ПКНО, с местными властями, которые зачастую состояли из членов довоенной так называемой Крестьянской партии или разного оттенка либералов и социалистов, с представителями кооперативной польской общественности. Эти встречи почти всегда завершались полной договоренностью об условиях, количестве и сроках поставок нам продовольствия и фуража.

Мне особенно запомнилась встреча в городе Бяла-Подляска, где присутствовало свыше 150 представителей польской общественности. Выступавшие призывали неуклонно и досрочно выполнить правительственное задание по поставкам для

польской и советской армий.

Хлеб и другие продукты стали поступать на приемные пункты. Декреты обязывали крестьян доставлять все собственным транспортом, но мы не отказывали в автотранспорте, если поступала просьба об этом. Однако такое бывало не часто; крестьяне группировали обозные колонны, называя их красными обозами, и под развевающимися красными флагами торжественно следовали на пункты сдачи. Нередко обозы возглавляли руководители местных комитетов национального освобождения.

15 декабря 1944 года в приказе войскам 1-го Белорусского фронта командующий Маршал Советского Союза Г. К. Жуков объявил благодарность большой группе генералов и офицеров за полное завершение заготовок продовольствия, которого должно было хватить до нового урожая. В приказе по этому поводу говорилось, что успешное выполнение установленного плана заготовок обеспечено большими организационными мероприятиями фронта, широкой массово-политической работой в гминах и громадах, проведенной политорганами, постоянным тесным контактом представителей советского командования с представителями Польского комитета национального освобождения в центре и на местах, большой организационной и материальной помощью, оказанной фронтом и армиями местным властям и польской кооперации.

Все службы тыла приступили на этом этапе победоносной войны к обобщению опыта, полученного в летней наступательной операции. Работа вылилась в крупное научно-исследовательское мероприятие. Нам было что обобщать: за 40 суток наступления, в течение которых войска фронта продвинулись на запад до 600 километров, тыл выполнил небывалую работу. Нам предстояли еще более серьезные испытания, и мы знали: чем полнее и глубже осмыслим предшествующий опыт, тем лучше обеспечим новую операцию. Сначала в дивизиях, затем в армиях и, наконец, во фронте провели сборы, совещания, конференции почти по всем службам тыла. По медицинской, ветеринарной, автомобильной и дорожной службам продемонстрировали десятки всевозможных изобретений и рационализаторских предложений, большей частью реализованных в ходе наступления.

Опыт летних наступательных операций 1944 года был проанализирован и обобщен в подробных отчетах, составленных специально подобранными работниками служб тыла. Эти отчеты и поныне составляют неоценимый фонд в Центральном архиве Министерства обороны.

С сентября по декабрь велась, таким образом, всесторонняя

теоретическая и практическая подготовка кадров тыла к предстоящим грандиозным сражениям.

Важную роль в обобщении и распространении опыта играл «Информационный бюллетень», издававшийся управлением тыла фронта. Хотя фронт находился на территории Польши, мы по-прежнему пользовались услугами типографии ЦК Компартии Белоруссии, которая печатала наш «Бюллетень» до конца войны.

Сложная задача выпала в то время на долю финансовой службы. Мы впервые вступили на зарубежную территорию, где экономический уклад и финансовая система коренным образом отличались от наших. Еще не были найдены пути и формы к определению курса польского злотого в новых условиях, требовалось установить порядок расчетов за поставки для Красной Армии, найти наилучший порядок выдачи денежного содержания военнослужащим при одновременно действующих системах денежных знаков — советских и польских. Еще ряд других вопросов вставал перед нами в этой области в первые месяцы вступления в Польшу, и все они носили острый политический характер. Решением их занимались, конечно, Советское правительство и правительство демократической Польши. Нашим фронтовым финансистам поручили оказывать всемерную помощь польским коллегам. По указанию члена Военного совета фронта Н. А. Булганина этим занялись я и начальник финансового отдела фронта полковник В. Н. Дутов, и нам пришлось немало потрудиться, чтобы внести предложения по всем перечисленным вопросам. Огромный опыт и широкая эрудиция В. Н. Дутова, хорошо знавшего основы государственной финансовой политики СССР и формы международных финансовых связей, принесли немалую пользу в первоначальном налаживании польских финансов.

С небывалой остротой встала перед советским военным командованием задача оказания помощи населению, пострадавшему от фашистского террора. В итоге войны и фашистской оккупации Польша потеряла более 6 миллионов человек. Кроме того, немецко-фашистские захватчики угнали на принудительные работы около 2,5 миллиона человек[26]. Однако ненависть оккупантов к борющемуся за независимость польскому народу проявлялась не только в физическом уничтожении населения, но и в массовом разрушении промышленных и культурных очагов страны. За годы оккупации в Польше было уничтожено 19,6 тысячи (почти 60 процентов) промышленных предприятий, 66 процентов школ и научных учреждений, 55 процентов материальных ценностей в области здравоохранения и

43 процента в области культуры и искусства, до 30 процентов жилого фонда[27]. Многие города Польши представляли собой груды развалин и пепелища.

В такую разрушенную и истерзанную страну вступили наши войска в 1944 году. С самого начала освобождения Польши Советское правительство и Красная Армия помогали ей всем, чем могли. Тыл нашего фронта оказал значительную помощь молодой Польской республике автотранспортом, горючим, отдельными видами продуктов. Надо было обеспечить одеждой и питанием тысячи сирот, родители которых погибли от рук фашистов. По просьбе Берута и Осубки-Моравского для этих детей фронт выделил муку, крупу, сахар, сгущенное молоко, постельные принадлежности из расчета на годовую потребность.

По личному указанию И. В. Сталина 1-й Белорусский фронт передал из своего парка 500 грузовых машин и несколько сот тонн горючего в распоряжение польского правительства. Это сделать было нам тогда нелегко.

По просьбе Польского комитета национального освобождения Советское правительство полностью обеспечило почти трехсоттысячное Войско Польское вооружением, боевой техникой, обмундированием, военными специалистами и пр.

В то время закладывались прочные основы братских связей с польским народом, укрепившиеся в последующие годы.

По выходе наших войск на Вислу в августе 1944 года началась подготовка тыла к новой наступательной операции.

В официальной литературе и всевозможных учебниках часто употребляется термин «подготовительный период операции». Продолжительность его определяется обычно для фронта 25–30 дней, для армии — 10–15 дней. Так, началом подготовительного периода Белорусской наступательной операции считается для войск 1-го Белорусского фронта 31 мая 1944 года (наступление началось 24 июня). Началом подготовительного периода Висло-Одерской операции считается обычно 28 ноября 1944 года (наступление началось 14 января 1945 года). И в том, и в другом случае имеется в виду дата получения оперативной директивы Ставки о подготовке наступательной операции.

Если даже исключить из рассмотрения наступательные операции первого периода войны, поскольку они отличались от операций, проводимых в дальнейшем, и поскольку в них отсутствовали многие факторы, характерные для длительной войны, то при этом условии для фронтового тыла указанные сроки имеют в известной степени приблизительное значение.

Самым характерным для операций Великой Отечественной

войны было массовое разрушение наземных коммуникаций. Трудность восстановления их зависела от числа и протяженности в полосе наступления искусственных сооружений, разрушаемых отходившим противником.

Трудно было фронтовому тылу в ходе наступления, но еще труднее — когда оно завершено. Войска вышли на Вислу, а позади остались разрушенными все мосты и путепроводы. В то время, когда фронт продвигался к Висле, дорожные войска во главе с неутомимым и инициативным генералом Г. Т. Донцом строили мосты через Днепр, Припять, Сож, Березину, Западный Буг и множество малых рек и притоков.

Одной из важнейших задач дорожной службы при подготовке Висло-Одерской операции было строительство мостов через реку Вислу.

Белорусская операция завершилась захватом нашими войсками плацдармов на левом берегу Вислы — магнушевского и пулавского. Первый имел протяженность по переднему краю 45 километров и глубину 18 километров, второй — соответственно 30 и 10 километров. Концентрация личного состава на обоих плацдармах оказалась настолько значительной, что нужно было иметь большое число переправ, чтобы обеспечить пропуск тяжеловесной техники, автомашин, а также маневр войск.

Инженерные и дорожно-мостовые части фронта до начала операции построили через Вислу 13 мостов, в том числе 60-тонных — 6, 30-тонных — 5 и 16-тонных — 2 моста. Длина каждого составляла в среднем тысячу погонных метров, не считая подходов. Некоторые мосты, а также дороги, проложенные к ним, имели важное значение как средство оперативной маскировки. Так, в отчетном докладе начальника тыла 8-й гвардейской армии генерала П. Н. Пахазникова отмечалось, что армия располагала тремя дорогами на плацдарм, две из них проходили лесом, непосредственно примыкавшим к Висле и хорошо маскировавшим эти дороги, третья дорога была открыта. Выход войск на плацдарм, а также подвоз материальных средств осуществлялся по первым двум дорогам, а обратный порожняк шел по третьей дороге, что создавало видимость оттягивания войск с фронта в тыл.

Дорожные войска обслуживали также гражданское население и проходившие отдельные воинские команды; дорожники обязаны были сажать их на попутный порожний транспорт. Всего за три месяца до начала операции перевезли по дорогам нашего фронта до 2 миллионов человек. На дорогах, как это делалось и прежде, были организованы питательные, заправочные и медицинские пункты, созданы витрины, призывавшие всех содействовать

окончательной победе над фашизмом.

Наряду с эксплуатацией действовавшей дорожной сети дорожные войска фронта готовились к строительству дополнительных мостов через Вислу в районах Варшавы, Демблина, где еще у нас не было плацдармов и противник занимал противоположный берег. К этим объектам заблаговременно подвозились фермы, балки, рамные опоры и прочие элементы мостовых конструкций.

Командующий фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков находил время, чтобы побывать на строительство вислинских мостов и лично убедиться в их состоянии.

Кроме Вислы в полосе предстоявшего наступления протекали такие большие реки, как Бзура (с притоком Равка), Варта, Одер с широкими поймами, достигавшими местами 5–6 километров.

Висла имеет очень сложный водный режим: весной подъем воды достигает 5–6 метров, река разливается до 6 километров. Дно реки песчаное, подвижное, неблагоприятное для строительства мостов. Ледоход начинается в этом районе рано. Такие условия создают большие трудности для сохранения мостов в любое время года, кроме лета.

В дорожных частях фронта насчитывалось 24 тысячи человек, 344 автомобиля, 287 тракторов, 6100 лошадей, 2930 повозок, 36 дизель-молотов, 15 лесопильных рам. Уровень их технической оснащенности был для того времени сравнительно высокий, но он далеко не отвечал размаху предстоявших работ, и лишь благодаря хорошей организованности, самоотверженному труду и отваге личного состава, а также большому опыту начальников наши славные дорожники с честью выполнили задачи, поставленные командованием.

Еще более трудные задачи встали перед военными железнодорожниками. Если строители автодорог могли в качестве временной меры строить низководные сборно-разборные мосты и обеспечивать пропуск войск и боевой техники, то к железнодорожным мостам предъявлялись во время войны почти такие же требования, как и в мирное время. Правда, восстановленные или вновь построенные на обходах железнодорожные мосты обычно назывались временными, но их «временность» была рассчитана на 10–15 лет. Иначе говоря, чтобы пропускать по 18–20 пар железнодорожных поездов в сутки, требовались надежные мосты.

Степень разрушения железнодорожных мостов обычно была настолько велика, что в редких случаях удавалось хотя бы отчасти воспользоваться старыми фермами и опорами, чаще же

всего приходилось строить их заново, на обходе, параллельно. Это ускоряло ввод в эксплуатацию целых направлений, но требовало дополнительных усилий от строителей-железнодорожников.

Как только мы вступили на территорию Польши, перед командованием фронта встал вопрос, перешивать ли польские железные дороги на принятую в Советском Союзе колею (1520 миллиметров) или оставить их на западноевропейской колее (1435 миллиметров).

Разумеется, было бы неправильно все дороги Польши перешивать на союзную колею, ибо тогда пришлось бы отказаться от использования западноевропейских вагонов, платформ и цистерн и целиком перейти на советский подвижной состав, в то время когда растущие потребности нашего народного хозяйства и без того создавали трудности для железнодорожного транспорта. А ведь чем дальше уходили советские войска на запад, тем длиннее становились обслуживающие их магистрали, и если бы мы стали перешивать их на союзную колею, это отрывало бы от наших народнохозяйственных нужд все большее число вагонов и паровозов.

К такому выводу пришло командование 1-го Белорусского фронта после того, как мы подсчитали подвижной состав, оставленный противником в правобережной Польше. Всего насчитывалось 2966 исправных вагонов и столько же неисправных, 20 исправных и 148 неисправных паровозов западноевропейской колеи. Этот подвижной состав был, насколько возможно, использован на внутренних коммуникациях право-бережной Польши. Мы попытались даже на двухпутном направлении от Хелма до Демблина (около 180 километров) эксплуатировать один путь на союзной колее, другой — на западноевропейской и на этом участке оборудовали перевалочные пункты для переброски грузов с одной колеи на другую. На станции Хелм организовали слив горючего самотеком, пользуясь разностью уровней эстакад; одновременно сливали горючее из 6 советских цистерн в такое же число трофейных или польских. Эта операция требовала не менее 12 часов, а фронт должен был получать с направления Ковель — Хелм — Демблин ежедневно 20–25 снабженческих поездов или свыше 1000 вагонов. Чтобы перевалить груз из такого числа вагонов с одной колеи на другую, требовалось большое количество подъемных механизмов и перекачивающих средств, которых фронт не имел.

Опыт эксплуатации железной дороги Хелм — Демблин убедил нас, что организация перевалочной базы, которая обеспечила бы нужды фронта, является задачей государственного

масштаба и решение ее одному какому-либо фронту не по плечу. Следовательно, отказываться от перешивки на союзную колею хотя бы одного, наиболее мощного железнодорожного направления было невозможно.

В полосе наступления фронта имелось два основных железнодорожных направления. Первое (северное) — Брест, Варшава и далее Познань, Франкфурт-на-Одере; второе (южное) — Ковель, Люблин, Демблин и далее Лодзь, Калиш. До Вислы оба направления перешили на союзную колею, и в целесообразности этого никто не сомневался. Но как быть с железными дорогами, идущими на запад от Вислы? Исходя из чисто экономических соображений, учитывая возможность захвата большого количества трофейного подвижного состава, их следовало бы оставить на западноевропейской колее. Но в этом случае требовались мощные перевалочные базы, способные ежесуточно перерабатывать по 2000 вагонов (по 1000 вагонов на каждом направлении). Такой возможности мы, к сожалению, не имели.

Позволительно поставить вопрос: можно ли было в то время организовать базы с перевалочной способностью 1000 вагонов в сутки на каждом направлении? Да, пожалуй, можно. Но об этом следовало подумать по крайней мере на полгода раньше, когда наши войска не перешли еще государственной границы. Тогда заблаговременно подтягивали бы к границе (по мере освобождения нашей территории) необходимые средства механизации. При этом, конечно, строить перевалочные базы такой мощности целесообразнее вблизи нашей государственной границы, а не по линии Вислы, левый берег которой находился у противника.

Не знаю, может быть, такой вопрос и сейчас кого-нибудь заинтересует, но в то время, во всяком случае у меня как начальника тыла, он даже не возникал. Мы исходили из того, что обеспечить боевую деятельность фронта может важнейшая двухпутная магистраль Варшава — Познань — Франкфурт-на-Одере, если ее перешить на союзную колею. Командование фронта не считало возможным ставить успех предстоящего наступления в зависимость от трофейного подвижного состава, который еще не захвачен, и от работы перевалочной базы, которая еще не организована. Поэтому Военный совет фронта внес на рассмотрение Государственного Комитета Обороны свое предложение: северное (главное) железнодорожное направление восстанавливать на союзную колею, а южное — на западноевропейскую.

В то время к нам поступало в сутки около 50 поездов с

различным военным имуществом, из которых до 15 предполагалось переваливать на западноевропейскую колею, а остальные пропускать без задержки по союзной колее. Важным мотивом в обосновании нашего предложения был характер операции — ее стратегическое значение и высокие темпы наступления. Надеяться на автомобильный транспорт при таком большом объеме перевозок, да еще на растянутых коммуникациях, явно неразумно.

Однако Государственный Комитет Обороны решением от 7 октября 1944 года отклонил наше предложение и обязал готовиться к эксплуатации железных дорог западнее Вислы на западноевропейской колее. Уверенный в своей правоте, Военный совет фронта вновь поставил этот вопрос перед ГКО, добиваясь, чтобы разрешили перешить главное направление на союзную колею. И вновь поступило в ответ решение от 21 ноября, обязывавшее вести восстановление железнодорожного пути и строительство мостов только на западноевропейскую колею. Нам ничего не оставалось, как принять к исполнению это указание.

Как позже мне объяснил тогдашний начальник Центрального управления военных сообщений Красной Армии генерал И. В. Ковалев, Государственный Комитет Обороны имел определенные основания отклонить предложение Военного совета 1-го Белорусского фронта. ГКО считал, что удлинение на запад железнодорожных путей союзной колеи еще более усилит напряженность перевозок внутри страны, особенно в связи с развернувшимися работами по восстановлению народного хозяйства. И без того на нашем железнодорожном транспорте задачей номер один являлось достижение максимальной оборачиваемости подвижного состава. Но мы-то исходили из потребности фронта.

Итак, фронтовое управление военно-восстановительных работ № 20, во главе которого стоял Герой Социалистического Труда генерал Н. В. Борисов, получило от Военного совета фронта задачу: всемерно развивать пропускную способность железных дорог, подходивших к Висле с востока, и одновременно готовиться к восстановлению железнодорожных мостов и путей от Вислы и далее на запад на ширину западноевропейской колеи.

В составе железнодорожных войск фронта насчитывалось тогда 26 255 солдат, сержантов и офицеров, сведенных в четыре бригады. Во главе бригад стояли такие крупные специалисты и организаторы, как генерал-майор технических войск В. П. Тиссон (1-я гвардейская железнодорожная бригада), генерал-майор технических войск Т. К. Яцыно (5-я Краснознаменная железнодорожная бригада), генерал-майор технических войск В.

И. Рогатко (29-я железнодорожная бригада), полковник Д. Г. Васильев (3-я железнодорожная бригада). Кроме того, было два мостопоезда (№ 13 — командир инженер-полковник И. Л. Москалев и № 7 — командир инженер-майор Н. П. Артеменко).

По тому времени и железнодорожные войска, и спецформирования НКПС были хорошо технически оснащены и материально обеспечены; они имели богатейший опыт нового строительства и восстановления. Достаточно сказать, что именно эти войска восстановили в 1943 году низководный железнодорожный мост через Днепр у Киева в рекордно короткий срок — всего за 8 суток. С сентября по декабрь 1944 года они восстановили 2803 километра пути, 10 770 километров линий связи, построили 24 больших и малых моста.

Но не только этим занимались тогда железнодорожные войска. Большим бедствием для фронтовых железных дорог было отсутствие топлива для паровозов. Его приходилось заготовлять самим. И вот железнодорожные и дорожные войска за короткий срок заготовили для Ковельской и Брест-Литовской железных дорог 542 тысячи кубометров дров. Дровяное отопление — не уголь, но мы и ему радовались: все же поезда двигались, не стояли на месте.

В восстановлении железных дорог и мостов значительную помощь оказало нам польское население. В иные дни выходило на работу до 10 тысяч польских граждан со своими инструментами и тягловой силой, соблюдая высокую организованность и дисциплину.

Военный совет и управление тыла фронта оказывали самую широкую помощь военным железнодорожникам, не считаясь иногда с некоторыми формальными ограничениями, связанными с их положением «прикомандированных». Им отпускалось дополнительно обмундирование, продовольствие, автотранспорт, горючее и др. Кроме того, в помощь железнодорожным войскам выделили за счет инженерных войск фронта 3500 человек, 2 буксирных катера, 40 понтонов грузоподъемностью 10–15 тонн каждый и другие средства.

Военный совет фронта утвердил план восстановления на западноевропейскую колею северного (главного) направления — Варшава, Лович, Кутно, Познань протяжением свыше 300 километров и южного — Демблин, Радом, Скаржиско-Каменка, Томашув, Лодзь, Зданьска Воля, Калиш протяжением свыше 400 километров. Темп восстановления железных дорог планировался 10 километров в сутки, а при незначительных разрушениях — 25 километров в сутки. Тогда же решили построить две перевалочные базы: одну в районе Варшавы, другую в районе

Демблина с пропускной способностью по 400–500 вагонов в сутки каждая. Начало строительства баз определялось моментом освобождения от противника противоположного берега Вислы. На восстановление главного направления намечалось выделить две трети сил, а южного — одну треть.

Почему железнодорожное направление Варшава — Познань признавалось главным, а Демблин — Лодзь второстепенным? Варшавское железнодорожное направление — двухпутное, а демблинское — однопутное. Пропускная способность их несравнима. Притом варшавское направление — кратчайшее между Вислой и Одером. Оно совпадало с осью наступления главных сил фронта. Совпадения этого не было лишь непосредственно у Вислы, откуда начиналось наступление, но через каких-нибудь 80—100 километров за Вислой все силы фронта, наступавшие с магнушевского плацдарма, «седлали» это двухпутное направление.

Выбор того или иного железнодорожного направления для восстановления всегда составлял прерогативу Военного совета фронта. Разумеется, начальник тыла фронта вместе с начальником ВОСО и начальником железнодорожных войск предварительно сами тщательно изучали дорожную сеть на всю глубину предстоящей операции, не раз советовались с начальником штаба фронта и лишь затем докладывали Военному совету достаточно разработанный и обоснованный план восстановительных работ с соответствующей расстановкой сил. Именно так было и при планировании Висло-Одерской операции.

Пока мы освобождали свою территорию, фронтовыми железными дорогами управляли органы военных сообщений через советскую гражданскую администрацию. На территории Польши управление железными дорогами с 12 октября 1944 года взял в свое ведение Отдел путей, сообщения и связи Польского комитета национального освобождения, а обслуживание возложил на польских железнодорожников. Сеть железных дорог восточнее Вислы делилась на дирекции, а последние — на эксплуатационные отделения. При отделе путей сообщения ПКНО состоял уполномоченный ЦУП ВОСО НКПС СССР генерал П. И. Румянцев; уполномоченные ЦУП ВОСО находились и при каждой дирекции. В 50-километровой прифронтовой полосе проводили поезда и обслуживали железные дороги военные эксплуатационные полки.

Такая система управления вполне себя оправдала.

На фронтовых железных дорогах имелось в то время 322 колонных паровоза. Паровозные машинисты и поездные бригады,

работавшие в составе колонн, движимые высоким патриотическим долгом, проводили поезда буквально на глазах у противника, находившегося на противоположном берегу Вислы. Было зарегистрировано 72 случая артиллерийского обстрела гитлеровцами поездов, проходивших на участке Демблин — Варшава; при этом гражданские и военные железнодорожники, сопровождавшие поезда, потеряли убитыми 42 человека и ранеными 57 человек. Повреждено было 308 рельсов, 268 пролетов проводной связи, 18 стрелочных переводов, 2 паровоза, 20 вагонов.

Несмотря на жертвы, железнодорожники никогда не бросали своих постов. Они научились применять в опасных зонах некоторую военную хитрость: впереди пропускались без особого соблюдения маскировочной дисциплины отдельно идущие паровозы, а за ними вслед шли целые поезда при строгом соблюдении маскировки. В этом случае, правда, большой опасности подвергался одиночный паровоз, отвлекавший на себя внимание противника, но он все же представлял собой трудно поражаемую цель.

По мере того как наращивались железнодорожные и автомобильные коммуникации, в течение августа — октября 1944 года тыловые части и учреждения перемещались в зону между Бугом и Вислой. Всего у нас в то время на 1-м Белорусском фронте насчитывалось около 500 тыловых частей и учреждений фронтового подчинения, в том числе частей охраны и обслуживания — 16, артиллерийских учреждений — 19, медицинских — 226, ветеринарных — 22, интендантских — 29, служб снабжения горючим — 12, военных сообщений — 58, по ремонту бронетанковой техники — 17, военно-химического снабжения — 6, автотранспортных частей и учреждений — 21, дорожных — 34, учреждений военно-инженерного снабжения — 5, связи — 2, по обслуживанию военнопленных — 10, прочих — около 20. Кроме того, в каждой армии было до сотни своих частей и учреждений тыла. А всего в составе фронта (без дивизий) их насчитывалось свыше 1500.

Подтягивание оставшихся далеко позади тылов происходило до ноября 1944 года. Тогда еще не было конкретного плана предстоявшего наступления; существовали лишь некоторые общие наметки, с которыми никого, кроме самого узкого круга лиц, еще не знакомили.

Планирование Висло-Одерской операции (такое название она получила позже) началось с ноября 1944 года под руководством нового командующего фронтом Маршала Советского Союза Г. К.

Жукова.

Более двух лет командовал нашим фронтом К. К. Рокоссовский. Менялось его название (Донской, Центральный, Белорусский, 1-й Белорусский), но руководство, основные кадры и даже некоторые армии оставались прежними. Начальником штаба фронта был М. С. Малинин, командующим артиллерией — В. И. Казаков, командующим бронетанковыми войсками — Г. Н. Орел, командующим воздушной армией — С. И. Руденко, начальником инженерных войск — А. И. Прошляков, начальником политуправления — С. Ф. Галаджев, начальником тыла — я. Весь этот коллектив возглавлялся командующим фронтом К. К. Рокоссовским, членами Военного совета К. Ф. Телегиным и с мая по ноябрь 1944 года — Н. А. Булганиным. Люди сработались, научились понимать друг друга с полуслова. К. К. Рокоссовского любили и его непосредственные подчиненные, и офицеры частей, и солдаты.

Не раз приходилось слышать вопрос:

— В чем причина такого авторитета Рокоссовского?

Я не претендую на роль беспристрастного биографа и открыто признаюсь в том, что сам признателен этому человеку, с которым меня связывала почти трехлетняя совместная работа на фронте и который своим личным обаянием, всегда ровным и вежливым обращением, постоянной готовностью помочь в трудную минуту способен был вызвать у каждого подчиненного желание лучше выполнить его приказ и ни в чем не подвести своего командующего.

К. К. Рокоссовский, как и большинство крупных военачальников, свою работу строил на принципе доверия к своим помощникам. Доверие это не было слепым: оно становилось полным лишь тогда, когда Константин Константинович лично и не раз убеждался в том, что ему говорят правду и что сделано все возможное, чтобы решить поставленную задачу; убедившись в этом, он видел в вас доброго боевого товарища, своего друга. Поэтому руководство фронта было сплочено и спаяно: каждый из нас искренне дорожил доверием своего командующего. Рокоссовского не боялись, его любили. И именно поэтому его указание воспринималось как приказание, которое нельзя не выполнить.

Организуя выполнение приказов Рокоссовского, я меньше всего прибегал в отношениях с подчиненными к формуле «командующий приказал». В этом не имелось нужды. Достаточно было сказать, что командующий надеется на инициативу и высокую организованность тыловиков. Таков был стиль работы и самого командующего, и его ближайших

помощников.

Проводы Рокоссовского на 2-й Белорусский фронт, командующим которого его назначили, совпали с Днем артиллерии — 19 ноября 4944 года мы впервые отмечали этот праздник. В городе Бяла-Подляска собрался весь руководящий состав штаба и управлений фронта.

В тот же день пронесся слух, что вместе с Рокоссовским переводятся на тот же фронт и все его заместители. Но приехавший к нам Г. К. Жуков объявил, что И. В. Сталин запретил какие бы то ни было переводы и все должны оставаться на своих местах.

Не скрою, многие из нас опечалились. Меня беспокоило, будет ли новый командующий так же внимателен к работе тыла, будет ли он учитывать особые трудности в работе тыла. Ведь тыл — это такое поприще, на котором ты всегда можешь «погореть», если не будешь иметь поддержки у командующего. О Жукове притом же говорили как о человеке с жестким характером и крутым нравом…

Хорошо сохранился в памяти прощальный диалог между двумя маршалами, поднявшимися на импровизированную трибуну в День артиллерии. Они вспомнили свои молодые годы, когда оба воевали на фронтах гражданской войны, свои встречи на учениях, соревнованиях (ведь оба были лихими кавалеристами) и т. д.

Все присутствовавшие генералы и офицеры с восхищением смотрели на своих маршалов. «Именинники», то есть наши славные артиллеристы, в честь которых был устроен праздник, уезжали в свои армии и корпуса с хорошим настроением и благодарили организаторов торжества.

На следующий день я впервые докладывал новому командующему о положении дел. Должен сказать, что я испытал немалое облегчение, когда увидел, насколько глубоко и всесторонне вникает маршал Жуков в вопросы тыла. В первую очередь он поинтересовался питанием солдат на переднем крае и тут же порекомендовал выяснить все претензии, относящиеся к продовольственному и вещевому снабжению. Особое же внимание уделил коммуникациям фронта, поскольку, как он сказал, «нам предстоят большие оперативные перевозки». В задачи массовой проверки и обследования госпиталей вошло и выяснение самочувствия и морального состояния раненых бойцов. В заключение разговора предложил мне подготовиться к поездке в Москву, куда маршал выезжал с докладом Верховному Главнокомандующему.

27 ноября 1944 года специальным поездом мы прибыли в

Москву. По дороге. командующий вел беседы с сопровождавшими его лицами на всевозможные темы. Не раз затрагивались вопросы тыла, и мне приятно было слышать, как настойчиво Жуков подчеркивал значение тыла в предстоявшей операции.

В Москве ежедневно, а то и два раза в сутки маршал знакомил меня с новыми деталями плана, ставил задачи и выслушивал мои доклады. В частности, он сообщил мне о предстоявшем прибытии в состав 1-го Белорусского фронта четырех общевойсковых армий, о предполагаемой перегруппировке наших войск и о том, что подготовку к наступлению надо завершить не позднее 10 января 1945 года.

Нетрудно понять, как важно начальнику тыла за полтора месяца до наступления представлять себе в основных чертах будущую операцию. Но и сам командующий мог благодаря этому с большей уверенностью и заблаговременно ставить конкретные задачи тылу.

В дни, проведенные в Москве, я успел дважды доложить начальнику тыла Красной Армии генералу А. В. Хрулеву о нуждах фронта в связи с намечаемой операцией, детально выяснить у начальника Главного артиллерийского управления маршала артиллерии Н. Д. Яковлева план и график подачи фронту боеприпасов; с начальником ЦУП ВОСО Красной Армии генералом И. В. Ковалевым мы уточнили график поступления на фронт оперативных и снабженческих поездов. К слову сказать, график оказался чрезвычайно напряженным: ведь за каких-нибудь 30–40 суток должны были прибыть 4 общевойсковые армии — свыше 500 эшелонов, более 100 эшелонов с боевой техникой и около 800 снабженческих поездов. Кроме того, внутрифронтовые железнодорожные перевозки составляли не менее 15–20 поездов в сутки.

Обо всех этих переговорах я доложил маршалу Жукову перед отъездом из Москвы. Предстояла огромная организационная работа, чтобы принять и обслужить такую массу поездов. На первый взгляд может показаться, что это чисто железнодорожная задача. Но это не так.

Возвратимся еще раз к опыту Белорусской операции. Оперативных эшелонов прибывало тогда в границы фронта по 50–60 в сутки. Чтобы их принять, быстро разгрузить и немедленно возвратить порожняк, требовалось обеспечить широкий фронт выгрузки — не менее 15–20 железнодорожных станций. Однако мы не могли разгружать прибывавшие армии, где нам вздумается. Штаб фронта обязал разгружать армии подальше от того района, где они будут использованы в действительности, то есть соблюсти элементарные требования оперативной маскировки.

Для этого дорожным войскам фронта ставилась задача обеспечить подходы к станциям выгрузки и выход на основные магистрали. Такой маневр увеличивал расход горючего. Следовательно, службе снабжения горючим необходимо было выдвинуть свои склады (отделения) к районам выгрузки. От медицинской и продовольственной служб также требовалось выдвинуть свои пункты на каждую станцию выгрузки. Короче говоря, если принятие мощного потока поездов составляло в Белорусской операции для тыла фронта огромную комплексную задачу, то теперь ее предстояло выполнить в еще большем масштабе.

Задача оказалась выполнимой, поскольку я заблаговременно знал, что и куда подавать. Тем не менее возникало известное противоречие между требуемым соблюдением оперативной маскировки и возможностями тыла. Не составляло особого труда выгрузить армию в 100–150 километрах от района сосредоточения, если иметь в виду людей и подвижную технику; в нужный момент эти люди и техника за короткий срок выдвинутся в новый район. Но как быть с десятками тысяч тонн боеприпасов, продовольствия, фуража, горючего, идущего в адрес той же армии? Неужели и это имущество ради маскировки следует сначала выгружать в одном районе, а затем через 10–15 суток снова грузить в вагоны и подавать ближе к фронту? Встал вопрос о двух районах базирования каждой вновь прибывающей армии: один временный (10–20 суток), другой — постоянный. В связи с этим 5 декабря я доложил командованию фронта «План базирования армий 1-го Белорусского фронта». Конечно, это было секретное мероприятие, так как, зная наш план, противник мог разгадать намеченную для наступления группировку войск.

После утверждения этого плана органам тыла фронта пришлось немало поломать голову над тем, чтобы все тяжеловесные грузы из центра без перегрузки шли в районы постоянного базирования армий, а сами войска разгружались в районах временного базирования. Тем самым устранялись излишние перегрузочные операции.

Чтобы обеспечить оперативные перевозки, решили построить обходные железнодорожные пути вокруг Праги (право-бережной части Варшавы), Люблина, Демблина и Малкина-Гурна. Обходные пути — это великое дело! Узлы Прага и Демблин находились под непрерывным артиллерийским огнем противника, и надо было обеспечить пропуск поездов мимо них — ведь речь шла о маневре с одного фланга на другой.

Для той же цели войска фронта построили новую железнодорожную соединительную ветку между станциями Минск-Мазовецкий и Пилява протяженностью 35 километров,

благодаря которой переброска поездов с варшавского на люблинское направление и обратно стала удобнее. Помню, с какой радостью принял маршал Жуков эту новость: он тут же дал ряд указаний начальнику штаба фронта о проведении дополнительных мероприятий по оперативной маскировке и маневру.

Важное значение для организации тыла фронта в Висло-Одерской операции имела оперативная игра, проведенная на картах командующим за месяц до начала наступления. В ней участвовали все командармы, командующие артиллерией армий, начальники родов войск фронта. Участвовал также и я. Как потом стало ясно, проигрывался, по существу, истинный вариант предстоявшей операции. Хотя тыл фронта к этому времени уже имел более или менее законченную организацию применительно к плану операции, игра дала возможность выяснить слабые стороны этой организации и тут же внести необходимые уточнения.

Этот факт служит лишним доказательством, что маршал Жуков придавал большое значение заблаговременному и возможно полному ориентированию начальника тыла не только в замысле операции, но и в конкретном ее планировании.

Как же был организован тыл фронта в Висло-Одерской операции? Какие принципы заложены в основу его организации?

Мы не считали возможным придерживаться какого-либо шаблона и исходили из конкретно сложившейся обстановки. Вместе с тем до деталей учли опыт всех предшествующих операций и особенно летнего наступления 1944 года.

Отличительная особенность планирования предстоявшей операции — это глубина ее. Согласно неоднократным указаниям командующего фронтом и в соответствии с проведенной оперативной игрой на картах, наступление предусматривало выход войск западнее Познани, то есть на глубину 350 километров. Это уже далеко не та глубина, что была в Бобруйской операции. После выхода на рубеж Познани отчетливо вырисовывалась перспектива дальнейшего безостановочного продвижения наших войск на Одер, то есть на общую глубину до 500 километров.

Принималась во внимание общая благоприятная оперативно-стратегическая обстановка, в силу которой противник уже не мог вести крупных наступательных операций. Такая серьезная водная преграда, как Висла, проходившая вдоль фронта, исключала возможность каких-либо значительных и неожиданных вылазок гитлеровцев с целью сорвать готовившееся наступление.

Учитывалось наше абсолютное превосходство над силами противника и наше полное господство в воздухе; мощные группировки справа и слева обеспечивали безопасность флангов фронта. Всюду царила глубокая уверенность в успехе подготовляемой операции, уверенность, исходившая из учета всех приведенных факторов и из неукротимого желания личного состава ускорить победоносное окончание войны.

Опыт операции по разгрому фашистских войск в Белоруссии показал, что если тыл в исходном положении для наступления не находится в состоянии сжатой пружины, приближенной к войскам, то материально-техническое и медицинское обеспечение в быстро развивающемся наступлении становится весьма затруднительным, и во всей работе тыла вскоре возникают кризисные моменты. И, наоборот, решительное приближение жизненно важных элементов тыла к войскам к моменту перехода их в наступление является гарантией безотказной работы даже в условиях растянутых и невосстановленных коммуникаций.

Руководствуясь характером сложившейся оперативно-стратегической обстановки, мы предложили на утверждение Военного совета фронта «План организации тыла и материального обеспечения наступательной операции», предусматривавший: во-первых, решительное приближение всех наиболее важных учреждений тыла и материальных запасов к войскам. Более 70 процентов их размещалось в зоне от 10 до 60 километров от линии фронта. Наибольшее приближение было намечено для фронтовых госпитальных баз: в районе Гарволина — на 35 тысяч коек, в районе Пулавы — на 20 тысяч коек (оба пункта в 15–30 километрах от линии фронта), а также для фронтовых складов горючего: один — в районе Рембертува, другой — в местечке Ставы (оба в 10–15 километрах от линии фронта); во-вторых, почти полное освобождение армейских тылов от своих функций в исходном положении и взятие на себя этих Функций фронтовым звеном. Армейские тылы благодаря этому могли без всякой паузы двигаться вслед за наступающими войсками, обеспечивая их на первых этапах операции. Даже медсанбаты некоторых дивизий оставались свернутыми и вступали в работу лишь в первый день сражения; в-третьих, завоз в границы фронта такого количества материальных средств, какое потребуется на всю операцию. Рассчитывать на подвоз недостающего количества боеприпасов и горючего из центра в ходе стремительного наступления было бы ошибкой. К началу наступления фронт имел боеприпасов в среднем пять боевых комплектов, автобензина — 4,3 заправки, дизельного топлива — 3,4 заправки, авиабензина — 14,1 заправки, продовольствия на 30

суток[28]. Такая обеспеченность считалась для того времени хорошей, однако автомобильного и дизельного топлива все же не хватало, так как глубина операции оказалась еще большей, чем планировалось, к тому же войскам пришлось в ходе наступления совершить непредвиденную большую перегруппировку в северном направлении; в-четвертых, восстановление обоих железнодорожных направлений на западноевропейскую колею и одновременное строительство перевалочных баз в районах Варшавы и Демблина. При этом восстановление железнодорожного моста у Варшавы предусматривалось за 18 суток и у Демблина — за 20 суток; в-пятых, переход всех автомобильных дорог перед началом наступления на обслуживание фронтовыми дорожными частями. Армейские же дорожные части высвобождались для следования за наступающими войсками.

Кроме того, план содержал в себе детальную разработку различных других мероприятий (дислокацию частей тыла, порядок перемещения их в ходе наступления, организацию приема военнопленных, охрану и оборону тыла).

Военный совет фронта одобрил этот план, но приказ по тылу командующий подписал значительно позже.

Нельзя не сказать о трудностях организации войскового тыла на магнушовском и пулавском плацдармах. При их незначительных размерах для прорыва вражеской обороны на узких участках было сосредоточено огромное количество войск и боевой техники. Так, здесь находилось 13 792 орудия и миномета, 768 танков и самоходно-артиллерийских установок[29]. Казалось бы, нет места для боеприпасов, горючего, кухонь, медицинских пунктов; объезжая плацдармы, я всюду видел бесконечные ряды замаскированной техники и густую сеть траншей с живой силой. И все же нашли место и для боеприпасов, и для тылов.

К 10 января войска на магнушевском плацдарме имели около 2,5 миллиона снарядов и мин, что составляло 2132 вагона, а на пулавском — более 1,3 миллиона снарядов и мин, или 1157 вагонов. Дивизионные и полковые тыловые части и подразделения располагались на удалении 3–6 километров от линии фронта. Боеприпасы, выложенные на огневых позициях артиллерии, были укрыты в котлованы и обвалованы; медицинские учреждения находились в каменных зданиях и за обратными скатами высот. Даже части армейских тыловых учреждений нашли себе место на западном берегу Вислы вблизи переправ.

Высокая маскировочная дисциплина, установленная штабом фронта для всех войск, в полной мере соблюдалась и тыловыми

частями и учреждениями.

Разумеется, никаких складских помещений тогда не было. Все хранилось под открытым небом в штабелях, в мешках, в емкостях, преимущественно в земляных выемках, котлованах и траншеях, по возможности замаскированных сверху. Кое-где удавалось хранить запасы в закрытых помещениях, но это исключение. Лишь самая незначительная часть материальных средств содержалась на автотранспорте. Даже полк в обороне держал свои запасы на грунте (в щелях, оврагах и т. д.).

Командование фронта придерживалось того взгляда, что чем ближе к началу наступления, тем решительнее надо стремиться к максимальному сосредоточению в непосредственной близости к войскам транспортных средств, материальных запасов, медицинских учреждений, ремонтных органов, восстановительных материалов. «Сжатая пружина» — это и есть образное выражение для такого принципа сосредоточения с последующим быстрым развертыванием, — принципа, вытекающего из основ теории оперативного искусства. Лишь благодаря такой организации тыла в исходном положении мы были в состоянии без промедления выдвигать вслед за быстро наступающими войсками отделения складов с боеприпасами и горючим, группы госпиталей, ремонтные средства. «Пружина» непрерывно разжималась вслед за уходящими войсками.

После проведения массового обследования бытовых условий личного состава Военный совет фронта решил провести общефронтовую конференцию представителей рот переднего края. В обследовании участвовало более 100 проверочных комиссий, было опрошено 9800 бойцов. Поводом к проведению этих мероприятий послужило, в частности, то, что ввиду недостатка мяса Военный совет фронта временно ввел вместо одного два вегетарианских дня в неделю, разрешив выдачу дополнительно к пайку в эти дни хлеба 100 граммов, картофеля 200 граммов, круп 100 граммов, сахара 10 граммов, жиров 20 граммов. Хотя калорийность пайка поддерживалась на уровне 3800–3900 калорий (при норме 3547), могли быть неполадки — однообразие питания или неудовлетворительное качество приготовления пищи. Естественно, лучше всего послушать самих бойцов.

С общим докладом по итогам обследования выступил интендант фронта генерал Н. К. Жижин. Он достаточно самокритично рассказал об обнаруженных недочетах.

Председательствовавший на конференции член Военного совета генерал К. Ф. Телегин призывал всех откровенно

рассказать о нуждах личного состава. Выступило не менее 20 старшин рот, а также некоторые представители служб продовольственного и вещевого снабжения. В целом картина выявилась все же довольно отрадная.

Вспоминается такой эпизод на этой конференции.

Выступал старшина роты Карпенко. Он 10 минут с большим подъемом расхваливал жизнь на переднем крае: моются солдаты регулярно через каждые 10 дней со сменой белья; горячую пищу получают два, а то и три раза в день; с табаком все благополучно; письма и газеты поступают регулярно; лоток военторга часто появляется на переднем крае и т. д. Закончив речь, старшина пошел на свое место. Генерал Телегин остановил его и спросил:

— А что говорят бойцы про добавочный вегетарианский день?

Старшина, спохватившись, возвратился на трибуну и стал извиняться, что не сказал «самого главного».

— Бойцы очень полюбили второй вегетарианский день, — подтвердил он. — Все, как один, заявляют, что если бы в этот день выдавали еще и по куску мяса, то лучшего и желать нечего…

Можете себе представить хохот, когда безудержно смеются 500 человек.

За ноябрь и декабрь 1944 года на фронт поступило около 8 тысяч вагонов с боеприпасами, из которых около 3,5 тысячи выложили на огневые позиции на плацдармах.

За это же время горючего поступило 6000 железнодорожных цистерн (в 10-тонном исчислении). Это много, но автомобильного бензина все же было недостаточно. Однако фронт не мог принять больше, если бы ему и давали из центра, — не хватало емкостей. Максимально мы могли принять на свои склады около 40 тысяч тонн (не считая баков машин). Потребность же горючего исчислялась, исходя из наличия самолетов, танков, самоходных артиллерийских установок, автомобилей и тракторов. Для них требовалось емкостей не менее чем на 100 тысяч тонн.

Как и прежде, соблюдался строжайший режим экономии в расходовании горючего, чтобы как можно больше накопить его к началу наступления.

Из общего количества имевшегося горючего в войсках находилось около 50, на армейских складах — 16 и на фронтовых складах — 34 процента (из последнего количества больше половины предназначалось для авиации). Учтя неудачный опыт использования транспортных самолетов в Белорусской операции, мы на этот раз сосредоточили вблизи аэродромов и залили горючим 4200 железных бочек и парашютно-десантных бензобаков на случай переброски по воздуху.

Продовольствия и фуража фронт потреблял ежесуточно около 5000 тонн, в том числе хлеба — 1150 тонн, круп — 220 тонн, мяса — 220 тонн, жиров — 62 тонны, сахара — 44 тонны, овощей и картофеля — около 1500 тонн, зерна и сена — около 1600 тонн.

Продолжал действовать временно введенный второй вегетарианский день. Один такой день позволял сохранить около тысячи голов крупного рогатого скота, а за два месяца было сэкономлено таким образом почти 8 тысяч голов.

Медицинская служба также, конечно, готовилась к предстоящему наступлению. Из 128 тысяч госпитальных коек, имевшихся на фронте и в армиях, было занято ранеными и больными только 38 тысяч. Все остальные максимально приблизили к войскам, причем неразвернутых медицинских учреждений, готовых следовать за наступающими, оставили на 44 тысячи коек.

Соответственно принятому варианту возможных санитарных потерь медицинская служба фронта и армий уделяла большое внимание заготовке крови и кровезамещающих жидкостей. Как показал опыт, примерно 15 процентов всех раненых нуждались в переливании крови. Средняя доза одного переливания — 330 кубических сантиметров. Дополнительно этим же раненым потребуется влить по 500 кубических сантиметров кровезамещающей жидкости, а также одну дозу (10 кубических сантиметров) противошоковой жидкости. Исходя из этих норм, за первые дни наступательных боев мы должны были израсходовать около 2500 литров крови и свыше 6000 литров кровезамещающих жидкостей.

Для получения необходимого количества крови на фронте и в армиях развернули донорские пункты и создали станции переливания крови. К началу наступления у нас числилось 32,5 тысячи доноров, из них свыше 4 тысяч доноров-поляков. Изо дня в день количество заготовленной крови на фронте увеличивалось и достигло 130 тысяч доз. Отмечу повсеместное желание польского населения отдать свою кровь советским воинам. Такого не было в период фашистской оккупации — тогда поляков под конвоем доставляли на донорские пункты. Наши медики заготовили также противостолбнячной сыворотки 35 тысяч доз.

Поскольку операция проводилась в зимнее время, медицинская служба позаботилась о ватных одеялах, спальных мешках и прочих теплых вещах для раненых.

Во всех звеньях медицинского персонала велась большак учебная работа. Учились 8277 санитаров и санитаров-носильщиков. На основании обобщенного опыта медицинского

обеспечения Белорусской операции в течение августа — ноября 1944 года были изданы 82 научные работы.

Перед началом операции провели общефронтовую и армейские конференции хирургов, в работе которых участвовало свыше тысячи врачей.

Среди множества поднятых на этих конференциях вопросов значительное внимание обращалось на лечение легкораненых, которые не эвакуировались за пределы фронта и быстро возвращались в строй. Как показывает статистика, больше половины раненых — это легкораненые; возврат их в строй в короткие сроки зависел от общей постановки лечебного дела в госпиталях легкораненых. Случалось, когда по недосмотру врачей человек с легким ранением становился не пригодным к строю из-за контрактур, то есть неподвижности или ограничения движения конечностей. Этот вопрос рассматривался в изданной нами книге Л. А. Куничева «Лечебная физкультура при легкой огнестрельной травме» под редакцией профессора И. С. Жорова с предисловием начальника Главного военно-санитарного управления Е. И. Смирнова. На фронтовой конференции тщательно проанализировали причины контрактур. Позднее вышла брошюра «Механизм возникновения и предупреждения травматических контрактур во фронтовом районе».

Военные хирурги весьма одобрительно отзывались о противошоковой жидкости, изготовленной по рецепту главного хирурга нашего фронта генерал-майора В. И. Попова. Эта жидкость, в частности, принесла большую пользу в борьбе с травматическим шоком.

Санитарно-эпидемиологическое состояние войск 1-го Белорусского фронта накануне Висло-Одерской операции считалось вполне благополучным. Особое внимание уделялось войскам, расположенным на плацдармах: там чаще менялось нательное белье, дезинфицировалась верхняя одежда, усилился контроль за регулярной доставкой в окопы горячей пищи и чая.

Фронт имел сравнительно мощные средства медицинской эвакуации — 449 санитарных машин, 963 санитарные повозки, 15 железнодорожных санитарных летучек, 20 военно-санитарных поездов, 52 санитарных самолета. В 8-й гвардейской и 69-й армиях было также по одной роте собачьих упряжек (400 собак в роте; 4–5 пар собак тянули повозку с двумя ранеными).

В общем медицинская служба под руководством генерала А. Я. Барабанов была хорошо подготовлена к предстоявшему наступлению.

Не менее успешно подготовилась и ветеринарная служба под

руководством генерала Н. М. Шпайера. Конский состав (его насчитывалось 145 тысяч голов) находился в хорошем теле. К этому времени выяснилось, что мы можем передать в народное хозяйство страны 1200 голов улучшенной породы лошадей, племенных производителей и маток. Этих лошадей приняла Белоруссия.

Противовоздушное прикрытие объектов тыла находилось на достаточно высоком уровне. Тыл прикрывали 540 зенитных орудий среднего калибра, 811 орудий малого калибра, 895 зенитных пулеметов, 209 зенитных прожекторов, а также 326 самолетов-истребителей. В период напряженных оперативных перевозок над железными дорогами фронта непрерывно с рассвета до темноты барражировали истребители. Хотя это очень трудно, но некоторые поезда с горючим сопровождались истребителями вплоть до прибытия их на место.

Благодаря хорошему прикрытию с воздуха и умелому маневрированию наливными поездами 1-й Белорусский фронт потерял от авиации противника при транспортировке за последние два года войны лишь половину одной железнодорожной цистерны горючего.

Охране и обороне тыла придавалось большое значение, поскольку политическая обстановка в нашем фронтовом тылу была довольно сложная. Реакционные националистические элементы в Польше, подогреваемые эмигрантами из Лондона, старались обострить взаимоотношения между Красной Армией и польским населением. С этим приходилось считаться. Мы также предвидели возможность появления у нас в тылу бродячих групп противника — остатков разгромленных немецких войск, способных совершать нападения на людей и склады.

Для отражения возможных диверсий во всех тыловых частях создавались постоянные дежурные подразделения. Приказом начальника тыла фронта в крупных населенных пунктах назначались военные коменданты. Была установлена персональная ответственность сельских и волостных старшин за соблюдение порядка, определенного военным командованием. Несмотря на эти меры, противнику все же удавалось временами наносить нам ущерб в людях и технике.

Глубина тылового района фронта в исходном положении достигала около 500 километров от переднего края. Технических средств связи для управления сложным тыловым хозяйством было достаточно. Дабы не привлекать внимания разведки противника, командующий фронтом запретил генералам часто

появляться на плацдармах. Однако примерно за 10–12 дней до начала наступления последовало указание руководящим работникам лично проверить состояние тылов армий и соединений на плацдармах.

Вместе с начальником тыла 33-й армии гвардии полковником А. В. Плетневым и начальником тыла 69-й армии полковником П. М. Лихачевым мы осмотрели расположение и состояние тыловых частей и учреждений на пулавском плацдарме. Этот плацдарм был настолько незначителен, что тылы на нем оказались зажатыми до предела.

На магнушевском плацдарме совместно с начальником тыла 5-й ударной армии генералом Н. В. Серденко и 8-й гвардейской армии генералом П. Н. Пахазниковым мы осмотрели их тылы. По итогам осмотра встретились с командующим 8-й гвардейской армией генералом В. И. Чуйковым и командующим 5-й ударной армией генералом Н. Э. Берзариным. Оба выразили полное удовлетворение уровнем материального обеспечения.

На магнушевском плацдарме важная боевая задача выпала на 6-й артиллерийский корпус прорыва РГК (Резерва Главного Командования). Начальник тыла этого корпуса гвардии полковник В. А. Гурко доложил мне о многих нерешенных вопросах. Корпус — крупное артиллерийское соединение, оснащенное новейшей техникой, возглавляли первоклассные специалисты. Один такой корпус обеспечивал прорыв двух общевойсковых армий — 5-й ударной и 8-й гвардейской. Ему пришлось помочь многим. Подробно разобрали мы вопросы обеспечения также с начальником тыла 2-го гвардейского кавалерийского корпуса полковником К. П. Бугровым и начальником тыла 4-го артиллерийского корпуса прорыва гвардии полковником А. К. Тульчинским.

Маршал Жуков в последний раз перед наступлением выслушал мой доклад об обеспеченности войск и сказал:

— Итак, завтра начинаем.

Я подумал: «Завтра с рассветом начнется битва. Предстоит выбросить на противника 53 тысячи тонн боеприпасов, которые мы с таким трудом завезли на плацдармы… Так неужели начальник тыла фронта не может быть там, где в этот час решается успех прорыва и судьба всей наступательной операции?»

Я обратился с просьбой к Г, К. Жукову разрешить мне присутствовать на его наблюдательном пункте в день прорыва. Получил ответ:

— Я командую фронтом, а вы тылом, и каждый из нас должен быть на своем месте в этот ответственный момент.

Я промолчал, а про себя подумал, что в моем желании нет ничего предосудительного: ведь мне непростительно не увидеть всей панорамы прорыва, который, если так можно выразиться, есть результат длительной работы также и тыла. Позвонил еще раз командующему и на этот раз получил разрешение.

Поручил своему адъютанту майору М. Г. Свиридову войти в контакт с его дружком — адъютантом маршала и точно узнать час отъезда на НП, чтобы пристроиться вслед. Дело в том, что НП находился за рекой в полосе 5-й ударной армии на магнушевском плацдарме в 500 метрах от противника. Чтобы туда попасть, предстояло проехать сквозь сложный лабиринт боевых порядков, и без проводника, знающего дорогу, доехать туда было невозможно.

Ровно в 2 часа ночи в густой мгле мы с адъютантом Свиридовым и шофером Грунем подъехали на «виллисе» к домику командующего, где уже стояла его машина, а также машина офицера-проводника. Ехать в темноте по незнакомой дороге при потушенных фарах, не отставая от машины командующего, было трудно. Проезжая по мосту через Вислу, мы видели непрерывные разрывы зенитных снарядов, препятствовавших авиации противника безнаказанно совершать полеты.

Казалось, путь длился целую вечность. Однако прошло всего часа полтора, и мы прибыли на место. Я пошел в блиндаж командующего армией генерала Н. Э. Берзарина; блиндаж командующего фронтом находился рядом, в 100–150 метрах. К наблюдательной вышке вели ходы сообщения от обоих блиндажей.

Сидя в блиндаже генерала Берзарина, я имел возможность следить за процессом управления войсками в эти самые напряженные минуты перед началом наступления. Берзарин пользовался отличными средствами связи: он мог разговаривать со всеми командирами корпусов одновременно или с каждым порознь. Несколько раз он посматривал на свои часы и сверял их с часами командующего фронтом. Командиры корпусов в свою очередь сверяли свои часы с часами командарма. Наконец, Николай Эрастович в последний раз переговорил с командирами корпусов и пригласил меня на вышку.

Ровно в 8 часов утра 14 января 1945 года открыла ураганный огонь артиллерия. Дальнобойные пушки стреляли через головы своих войск, и вспышки их выстрелов не освещали нашу вышку. Но когда открыли огонь «катюши», стоявшие рядом с нами, стало светло, как днем. Маршал Жуков, увидев меня, спросил:

— А вы зачем на вышку поднялись?

Я ответил:

— Вы еще не подписали приказ по тылу на операцию, которую уже начали. Правда, тыл давно работает по нему и вами он одобрен. Но все же нужна ваша подпись, хотя бы для истории.

Я остался на вышке.

По плану артиллерийской подготовки интенсивный огонь предстояло вести еще изрядное время. Но прошло не более 25 минут, как командующий фронтом приказал прекратить артподготовку и двинуть войска в наступление. Впоследствии выяснилось, что это был своевременный приказ, ибо дальнейшая стрельба пришлась бы по пустому месту: гитлеровские войска не выдержали огня и начали повсеместно отходить. Таким образом, из запланированных 53 тысяч тонн боеприпасов израсходовали не более половины. Образовалась экономия около 30 тысяч тонн, что имело исключительное значение для борьбы с противником на завершающем этапе операции.

Возвратившись в блиндаж, маршал Жуков подписал приказ по тылу и две ведомости: по службе ГСМ и продовольственной.

Службы тыла готовились к наступательной операции в строгом соответствии с намеченным планом, выраженным главным образом графически, а не в виде какого-то большого сводного документа. Для сохранения военной тайны категорически запрещалось составлять сводные документы, в какой-либо мере раскрывающие замысел операции. Организация тыла фронта отображалась графически на картах масштаба 1:200 000 и 1:500 000. Лишь за пять дней до наступления, 9 января 1945 года, мы подготовили проект приказа по тылу с перечислением важнейших организационных мероприятий (базирования, разграничительные линии, пути сообщения и т. п.) и специальных задач основных служб, что явилось как бы сжатым планом работы тыла. За два дня до начала наступления штаб тыла разработал план перемещения тыловых частей и учреждений в ходе операции.

Уже после войны в стенах Академии Генерального штаба мне пришлось не раз слышать мнение командиров, которым не довелось быть на фронте, что, поскольку в архивах не обнаружен «План организации тыла и материального обеспечения Висло-Одерской операции», значит тыл работал без плана. Такое мнение можно отнести лишь за счет незнания условий, в которых велась война. В мирное время, вырабатывая единую методику, мы придаем большое значение всевозможной документации на играх и учениях. И это вполне правильно: жизнь внесет поправки в те или иные частности, а основы обучения должны способствовать выработке определенного образа мышления.

Известно, что мощное наступление войск 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов на центральном направлении в январе 1945 года составило Висло-Одерскую стратегическую операцию. 1-й Белорусский фронт провел Варшавско-Познан-скую фронтовую операцию, разработанную штабом фронта во главе с генералом М. С. Малининым и утвержденную Ставкой Верховного Главнокомандования (ВГК). Войскам фронта предстояло, начав наступление 14 января, не позднее 23–24 января выполнить ближайшую задачу: разгромить варшавско-радомскую группировку противника и овладеть рубежом Петрувек, Жихлин, Лодзь на глубине 150–180 километров. В дальнейшем фронту надлежало развивать наступление в общем направлении на Познань.

При выполнении ближайшей задачи темп наступления для общевойсковых армий планировался 10–15, а для танковых — до 40 километров в сутки. Однако уже в течение первых четырех суток войска фронта продвинулись на 100–130 километров, а на шестой день наступления вышли на рубеж, достижение которого планировалось лишь на 11—12-е сутки. Таким образом, темпы наступления были в два раза выше намеченных.

17 января Ставка ВГК уточнила фронту дальнейшую задачу: не позднее 2–4 февраля овладеть рубежом Быдгощ, Познань на глубине 180–200 километров. Выполнение ее требовало увеличения темпов наступления, и основную роль здесь уже играли танковые армии и механизированные корпуса. Используя свою подвижность и обходя встречавшиеся узлы сопротивления противника, они при поддержке авиации смело устремились вперед. Вслед за ними, отставая на 45— 100 километров, продвигались общевойсковые армии с темпом до 30 километров в сутки.

25 января, на неделю раньше срока, войска фронта выполнили свою дальнейшую задачу — овладели рубежом Быдгощ, Познань и завершили Варшавско-Познанскую операцию. Продолжая успешное наступление, они 30–31 января вышли на Одер и захватили плацдарм на его западном берегу.

3 февраля завершилась Висло-Одерская стратегическая операция двух фронтов. Всего 21 день потребовался войскам 1-го Белорусского фронта, чтобы, прорвав оборону противника на Висле, продвинуться в глубину до 500 километров и выйти на Одер. Средний темп наступления составлял 25 километров в сутки, а в отдельные дни — 45 километров. Танковые и механизированные войска продвигались по 70 километров в сутки.

Все это превосходно! Высокие темпы наступления прежде

всего сохраняли тысячи жизней наших воинов. Одерживать победу ценой малой крови — это первейшая заповедь для каждого военачальника. Кроме того, высокие темпы наступления обычно дают огромную экономию материальных средств, что легко доказать, если подсчитать, какой ценой доставался нам каждый километр завоеванной территории. Поспешно отходящий противник не успевает разрушать дороги, мосты, другие важные объекты, и это облегчает задачу восстановления, не снимает ее, конечно, а только облегчает, ибо почти все мосты стратегического значения противник успевал и в этом случае подорвать. Наконец высокие темпы наступления дают много трофеев, пусть даже частично приведенных в негодность.

А что может быть «плохого» в высоких темпах? На это отвечу с некоторой дозой условности: тылу становится все труднее обеспечивать далеко оторвавшиеся войска. Расход горючего неизмеримо возрастает, а подавать его можно только автотранспортом, так как первое время железные дороги бездействуют. А где взять столько наливных машин? И кроме того, дороги… Ведь зима, гололед, метели.

Наш фронт сэкономил около 30 тысяч тонн боеприпасов на вислинских плацдармах. Какое это имело значение? Допустим на минуту, что все эти боеприпасы были бы расстреляны, как это предусматривалось планом артиллерийской подготовки. Задачей тыла оставался бы тогда только вывоз с исходных позиций стреляных гильз. Не спорю, задача важная, но прямого отношения к успеху наступления в данный момент она не имела бы. Теперь речь шла о рациональном использовании сэкономленных боеприпасов, оставленных на плацдармах.

Конечно, это не сотни кучек снарядов, разбросанных летом 1944 года по белорусским лесам, пескам и болотам. Но на плацдармах грунт тоже песчаный, бездорожье было полное. Собрать и вывезти такую массу боеприпасов — дело нелегкое. Все же хорошо, что они были сэкономлены, хорошо, что они есть в наличии, и мы меньше будем требовать от нашей страны!

В конечном итоге высокие темпы наступления создают для оперативного тыла более благоприятные условия работы, хотя и требуют в кульминационные моменты исключительного напряжения.

Посмотрев на карту Польши и Восточной Германии, можно подумать, что наступательная операция от Вислы до Одера не встретит сколько-нибудь серьезных затруднений в смысле передвижения частей: сеть дорог здесь довольно густая, большая часть из них имеет твердое покрытие. Действительно, в полосе

наступления проходили две сквозные фронтовые военно-автомобильные дороги, кроме того, каждая армия имела свою одну, реже две военно-автомобильные дороги (АВАД).

Как известно, зима в этих местах мягкая и больше похожа на русскую осень. Но в январе 1945 года разыгрались сильные метели, часто сменявшиеся моросящими дождями. Гололед покрыл все дороги, и проезд автомобильного транспорта становился крайне затруднительным. Бывали моменты, когда все замирало на дорогах.

Генерал Г. Т. Донец и его дорожники не растерялись. Они приготовились к капризам здешней зимы: заготовили большое количество песка и разбрасывали его по дорогам, польское население по призыву советского командования добровольно прислало людей и тысячи повозок с песком. Сотни километров придорожных щитов устанавливались буквально вслед за наступающими войсками, чтобы обеспечить автомобильному транспорту беспрепятственный проезд с боеприпасами и горючим. Не раз мне приходилось слышать от солдат и офицеров дорожной службы об их начальнике Донце слова искреннего восхищения. Это действительно прекрасный человек — простой, веселый, добрый, решительный, талантливый организатор, пользовавшийся всеобщим уважением. Как бы ни трудна была обстановка, Георгий Тихонович никогда не впадал в уныние, вероятно, еще и потому, что всегда верил в своих людей. По образованию он не был специалистом-дорожником, но полюбил и блестяще освоил эту работу, на которой оставался около 20 лет.

Заместителем его был крупный специалист в дорожно-мостовом строительстве присланный из Москвы инженер Г. А. Голодов. Его отличительная черта — непреклонная воля в выполнении порученного ему задания. Придя в армию, он меньше всего заботился о соблюдении субординации, считающейся одной из важных особенностей армейской службы. Голодову всегда не терпелось быстрее, оперативнее решить волнующий его вопрос по работе, и он шел, как говорят, напролом, к любому начальнику, от которого это зависело, что иногда навлекало на него упреки. Но тогда с напускной наивностью объяснял, что, мол, он человек гражданский и еще не освоился с армейским этикетом, обезоруживая таким способом даже самых закоренелых служак. Это Голодову удавалось потому, что правильность действий, на которых он настаивал, не вызывала сомнений.

Восстановление железных дорог и строительство мостов через Вислу началось тотчас же после изгнания противника с левого берега реки. Работы велись широким фронтом, днем и ночью, с применением довольно разнообразных средств

механизации, благодаря чему темпы восстановления оказались весьма высокими. Облегчало работы и то, что дороги оставались на западноевропейской колее.

Одновременно строились и перевалочные базы на станции Варшава-Западная и в районе Демблина. Было затрачено много материалов, рабочей силы и транспорта, чтобы построить на станции Варшава-Западная более 30 километров параллельных путей и около километра высоких платформ и навесов для временного хранения грузов, подлежащих перевалке.

Мы стремились наилучшим образом выполнить решение Государственного Комитета Обороны об использовании западноевропейского подвижного состава.

29 января 1945 года одновременно закончили восстановление 300-километрового пути от Варшавы до Познани и строительство варшавского железнодорожного моста. Казалось, можно приступать к перевалке грузов и доставке их до Познани, благо поездов союзной колеи накопилось на подступах к Варшаве сотни.

Наступавшие войска к этому времени приближались к Одеру. Расстояние между ними и фронтовыми прирельсовыми базами достигло около 600 километров. Перевалить даже три — пять поездов в сутки и подать грузы возможно ближе к войскам — тогда это имело неоценимое значение. Речь шла не только о подаче боеприпасов и горючего. От наступавших оторвались тяжелые танки, артиллерия больших калибров, металлические взлетно-посадочные полосы, тяжелая инженерная техника. Разве подашь их на автомобилях? Только по железной дороге можно перебросить все это.

Я не умаляю роли автотранспорта в Висло-Одерской операции. Но спасти положение в те дни могла только железная дорога.

И вот наступил долгожданный день, когда мы после опробования варшавского моста и всего пути до Познани объявили, что с 29 января начинает действовать главное железнодорожное направление.

Но в начале февраля поступило указание ГКО немедленно приступить к перешивке всего этого направления на союзную колею…

Шутка сказать — перешить заново 300 километров двухпутной железной дороги! Перешить только что восстановленный варшавский железнодорожный мост! Снова перешивать огромный узел Варшава-Западная и поставить крест на тех усилиях, какие были затрачены на строительство и оборудование здесь перевалочной базы!

Но ничего не поделаешь — пришлось возвращать железнодорожные войска и потребовать от них новых, прямо-таки нечеловеческих усилий. Прежде всего требовалось разъяснить людям причины подобной ситуации, чтобы они не формально, а с душой брались за дело. Ведь наш солдат привык сознательно относиться к полученному заданию. Он знал цену уже проделанной работе. А тут вдруг все переделывай! Не объяснив, почему это необходимо, вряд ли можно было рассчитывать на успех.

«Темпы и темпы!» — только об этом и твердили тогда каждую минуту; сама по себе спешка в перешивке не сулила добра. Но тут возникли еще новые препятствия. Западноевропейские железные дороги имеют чаще всего не костыльное, как в СССР, а шурупное крепление рельсов к шпалам. В связи с тем, что уширение пути производилось в большой спешке и при нехватке инструментов, на некоторых участках шурупы не завинчивали, а забивали, как костыли, что резко снижало прочность крепления. К тому же на ряде перегонов оказались не деревянные, а металлические шпалы с приваренными к ним креплениями, что еще больше осложняло работу. К перешивке таких участков наши войска оказались не вполне подготовленными, и здесь также были допущены большие отклонения от технических условий. Все это, вместе взятое, привело к тому, что кое-где поезда сходили с рельсов, образовывались «пробки».

Буря негодования грянула на мою голову, а также на головы начальника ВОСО фронта и особенно начальника военно-восстановительных работ генерала Н. В. Борисова. К местам происшествий прибыли работники следственных органов, хотя и расследовать-то было нечего: в течение двух суток неполадки устранили, и движение поездов шло по установленному графику. Кое-кто из руководящих работников вместо награды удостоился выговора. Но не в этом дело. Главное — пошли поезда!

Это было уже в середине февраля, когда наши войска более 10 суток вели напряженные бои на Одере. В начале февраля стала вырисовываться угроза со стороны померанской группировки противника, нависавшей над правым флангом войск фронта. Обстановка осложнялась тем, что в ходе наступления изо дня в день увеличивался разрыв между правым флангом нашего фронта и левым флангом 2-го Белорусского фронта, повернутого Ставкой в северо-западном направлении. К концу операции этот разрыв достиг более 100 километров. В этом «пустом» пространстве безнаказанно бродили группы разрозненных частей противника. Командованию приходилось принимать срочные меры для обеспечения правого фланга и тыла фронта.

Тем временем нужда в боеприпасах и горючем ощущалась все острее и острее. Требовались десятки тысяч тонн различных материальных средств. Надеяться на подвоз их автомобильным транспортом, даже путем мобилизации всех машин в армиях и дивизиях, не было оснований. Ведь расстояние от фронтовых баз снабжения до войск составляло в один конец 550–650 километров, и машины находились в пути, учитывая метели и гололедицу, 10–12 суток в оба конца. Только железная дорога могла нас выручить: перебросить 25–30 тысяч тонн боеприпасов, оставшихся на плацдармах.

И тут пригодилось южное, демблинское направление. Здесь успехи восстановителей превзошли все наши ожидания: демблинский мост вместо запланированных 18 суток был восстановлен за 8. 23 января 1945 года по нему открылось движение поездов.

Увы, на войне редко случается, чтобы радость ничем не омрачалась: железнодорожная разведка донесла, что путь от Демблина до Лодзи разрушен незначительно, зато противник успел почти полностью вырезать линии проводной связи и разрушить станционные узлы связи.

Однако и неблагоприятные обстоятельства на войне часто чем-нибудь компенсируются: нам стало известно, что если путь в сторону Калиша изобилует множеством искусственных сооружений, которые почти повсеместно разрушены противником, то путь на Быдгощ, Шнейдемюль, Ландсберг, Кюстрин сохранился лучше, и хотя он вдвое длиннее первого, движение здесь можно было открыть раньше. Выяснилось также, что наши войска захватили в исправном состоянии 15 тысяч вагонов и 380 паровозов. Не использовать столь благоприятную обстановку и сидеть сложа руки в ожидании открытия движения по главному направлению было бы большой ошибкой, которая могла привести к серьезным осложнениям и гибели многих людей.

Решили 5-ю железнодорожную бригаду без промедления повернуть на Кутно, Влацлавек, Торунь, Быдгощ, Кюстрин. Это направление выходило на правое крыло фронта, где обстановка с каждым днем обострялась.

По мере того как вырисовывалась благоприятная обстановка на южном железнодорожном направлении, у нас зрела идея использовать это уцелевшее направление для переброски сэкономленных боеприпасов по западноевропейской колее. Но для этого пришлось принять совершенно необычное решение: с плацдармов везти боеприпасы не в сторону войск, а в обратном направлении — через Вислу, на ее правый берег к линии

железной дороги Демблин — Варшава, по которой продолжали прибывать поезда союзной колеи. Одновременно надо было перешить эту линию на западноевропейскую колею, с тем чтобы боеприпасы, вывозимые с плацдармов, перегружать с машин прямо в трофейные вагоны.

— Как же так? — спрашивали нас сомневавшиеся в целесообразности такого маневра. — Не лучше ли те двести автомашин, которые заняты вывозом боеприпасов с плацдармов, направить в войска, чтобы хоть понемногу оказывать им помощь? Еще неизвестно, — говорили нам, — когда придут трофейные вагоны на фронт. А с помощью машин мы сможем заткнуть дыру.

Да, это было бы действительно штопаньем дыр, а не кардинальным решением вопроса. Достигая сегодня малых успехов, мы утратили бы перспективу и возможность завтра найти коренное решение задачи.

Я опять оказался перед лицом неоднократно возникавшей в ходе войны ситуации: куда лучше направить ничтожно малые резервы горючего, автомашин и прочего? Дать ли их одной армии, даже корпусу, или помочь этими резервами железнодорожным войскам, чтобы на несколько суток раньше открыть движение поездов?

Многие дилеммы бывают сопряжены с риском, особенно на войне, где исход дела зависит не только от тебя, ко и от противника. Так было и в данном случае. Сторонников намеченного маневра оказалось не так много. Однако мы избрали именно этот, железнодорожный вариант подачи боеприпасов от Вислы к Одеру по западноевропейской колее, не отказываясь полностью и от подвоза части грузов автотранспортом.

Стали грузить и отправлять по демблинскому мосту по 8—10 поездов в сутки с боеприпасами и горючим. Одновременно подбирали по пути и грузили на платформы отставшую тяжелую технику. Каждый день по 10 поездов уходило на запад от Вислы, по 30–40 вагонов в каждом составе. Нас не раз запрашивали по радио, в чей адрес отправлять поезда, до какой станции. Наш ответ был неизменный: отправляйте на запад, в сторону Ландсберга и Кюстрина. Ведь обстановка менялась каждый день и трудно было сказать, как она сложится к тому времени, когда подойдет тот или иной поезд. Напоминаю, тогда все больше нависала угроза удара по нашему правому флангу со стороны померанской группировки противника. Поэтому мы не могли предвидеть, на какой станции придется разгружать то, что отправляли; важно было, чтобы грузы не лежали, а безостановочно двигались на запад, к Одеру.

Но как пропускать поезда, если не работает проводная связь?

Надо же сообщить соседней станции о выходе поезда, чтобы не допустить столкновения со встречным. К тому же не хватало железнодорожных служащих, на многих станциях не было даже стрелочников. Гитлеровцы знали, насколько враждебны им польские железнодорожники, и они многих из них убили, заключили в концлагеря; остальные ушли в антифашистское подполье или просто разошлись по деревням.

Таким образом, органы военных сообщений оказались в совершенно невероятных условиях, при которых надо было найти способ управления грузопотоком по западноевропейской колее в самый острый период операции.

Следует отдать должное начальнику ВОСО фронта генералу А. Г. Чернякову. Он сумел мобилизовать усилия подчиненных, пробудить в них творческую инициативу. Как раз в эти дни прибыла к нам на стажировку большая группа слушателей Военно-транспортной академии. Все они вместе с офицерами ВОСО фронта встали на вахту: одни начальниками станций, дежурными по станции, телеграфистами, стрелочниками и прочими специалистами службы движения; другие составили поездные бригады, превратились в паровозных машинистов, кочегаров и т. д.

Для организации связи в распоряжение начальника ВОСО были выделены легковые автомобили, самолеты По-2, а также большое число радиостанций. Офицер ВОСО следовал на автомобиле по параллельно идущей шоссейной дороге, опережая поезд, чтобы не допустить встречного движения. И так от станции к станции. Другие офицеры на самолетах облетали в это время отведенные им участки железной дороги и наносили на планшет положение поездов. Правда, наблюдению с самолета часто мешали густые туманы и моросящие дожди, ограничивавшие видимость и даже самую возможность вылета.

С радиостанций, установленных на узловых пунктах, начальник военных сообщений получал два раза в сутки информацию о поездном положении. В управлении ВОСО фронта учредили специальный отдел перевозок по западноевропейской колее во главе с квалифицированным железнодорожником полковником Т. К. Драгомошенко. И мы каждые сутки знали, какое число поездов прошло через демблинский мост на запад и сколько их находится на том или ином участке пути.

3—5 февраля на этой колее находилось свыше 100 поездов с боеприпасами, горючим, тяжелой боевой техникой, но ни один еще не подошел к месту разгрузки. Всем казалось, что эти поезда движутся крайне медленно. И они действительно двигались медленно, встречая на своем пути бесконечные трудности. Ведь

не хватало топлива и воды для паровозов, на ряде участков допускалась лишь очень ограниченная скорость движения.

Наиболее сложным вопросом в железнодорожных перевозках была доставка горючего в войска. До восточного берега Вислы оно поступало в поездах союзной колеи, и его было немало; но как подать дальше? И тут сами армии проявили похвальную инициативу. Им объявили, что они могут получить на Висле горючего столько, сколько сумеют сформировать наливных поездов за счет трофейных цистерн. Их было много, но почти все с мазутом. Однако наших «горючников» это не смутило. Они быстро промывали такие цистерны и включали их в состав своих поездов-вертушек.

Я уже рассказывал об опыте организации железнодорожных вертушек тылом фронта. Теперь право формировать свои наливные вертушки дали армиям. Дело в том, что фронт не мог бы так быстро, как армия, выявить цистерны на второстепенных ветках и в тупиках, армии же вели широкую разведку вновь занятых территорий и, обнаружив вагоны и паровозы, сразу формировали небольшие поезда. Управление военных сообщений фронта присваивало им общефронтовой номер и включало в график движения. Армии сами заботились о том, чтобы в составе вертушки находились два-три вагона с топливом и цистерна с водой для паровоза, вагон с сопровождающей командой. Обеспечение топливом и водой планировалось в оба конца, примерно на 1000–1200 километров. К концу января 1945 года в армиях насчитывалось 18 таких вертушек общей емкостью 3150 тонн.

Особенно большую инициативу и изобретательность проявил начальник тыла 1-й гвардейской танковой армии генерал В. Ф. Коньков. Он имел не одну, а несколько наливных вертушек, и вскоре выяснилось, что он увез с Вислы так много горючего, что мы вынуждены были немного «подрегулировать» этот запас в пользу других армий. Правда, командарм генерал М. Е. Катуков и его начальник тыла В. Ф. Коньков роптали на нарушение начальником тыла фронта принципа материальной заинтересованности, но у нас не было иного выхода. Ведь танкисты, как и кавалеристы, благодаря своей высокой подвижности первые пожинали «трофейный урожай», и пехоте иногда доставались лишь остатки. Потому-то приходилось регулировать распределение трофейных вагонов и паровозов между армиями.

Но возвратимся к тем поездам, которые ушли от Вислы с боеприпасами. Их ждали на переднем крае с величайшим нетерпением.

— Где же ваши поезда с боеприпасами? — этим вопросом всегда встречали меня в штабе фронта.

Командующий артиллерией генерал В. И. Казаков даже заявил маршалу Жукову, что нависла угроза срыва работы артиллерии из-за отсутствия боеприпасов, и прозрачно намекнул на то, что виноват в этом будет начальник тыла фронта: он-де погрузил все боеприпасы в вагоны, а где эти вагоны? И вот в самый критический момент (5–6 февраля), когда обстановка в штабе фронта накалилась до предела, в войска начали поступать один за другим долгожданные поезда с боеприпасами, тяжелая материальная часть и пр. Не тысячу тонн, а более 20 тысяч тонн боеприпасов за несколько дней получило правое крыло фронта как раз тогда, когда наши войска отражали, а затем и громили померанскую группировку противника.

С 23 января по 10 февраля, когда еще бездействовала перешиваемая северная дорога, войска 1-го Белорусского фронта получили по южному пути около 170 поездов с важнейшими грузами, что составило минимум 50 тысяч тонн. Разве можно было решить такую задачу автомобильным транспортом?

Теперь, может быть, рассказанное выглядит как малозначительный эпизод, а тогда все внимание командования фронта было приковано к этому.

Если неустроенная, с плохими средствами связи и примитивными методами управления железная дорога южного направления сыграла большую роль в обеспечении войск материальными средствами, то как велика была бы помощь фронту, если бы своевременно перешили на союзную колею варшавско-познанское направление. По нему поезда подошли бы к районам наступавших войск не 12–15, а 1–3 февраля, что позволило бы своевременно и в полном объеме подать материальные средства войскам, вышедшим на Одер.

Обеспеченность войск боеприпасами и горючим ко времени выхода на Одер составляла 0,3–0,5 боекомплекта и 0,5 заправки. Этого хватило лишь для ведения боев за захват и удержание плацдармов на Одере. В то же время усилились контратаки противника на кюстринском плацдарме, отбивая которые мы несли большие потери. В такой ситуации наступать безостановочно на Берлин было невозможно. Было бы наивно надеяться на легкую победу над логовом фашизма. В своем приказе об обороне Берлина Гитлер требовал превратить город в крепость. В этом документе выражалась надежда на фанатизм многих немцев, еще веривших фюреру. О том же свидетельствуют ожесточение и упорство, с которыми сражались гитлеровцы не

только в Берлине, но и на других участках советско-германского фронта, особенно там, где они попадали в окружение (Познань, Шнейдемюль, Бреслау и др.). Продолжали также свирепствовать карательные органы фашистов, понуждавшие немцев не складывать оружия.

От преждевременного наступления войск 1-го Белорусского фронта на Берлин нас удержали дальновидность и предусмотрительность Ставки Верховного Главнокомандования, с одной стороны, и реальное понимание обстановки командованием фронта, с другой.

Говоря о причинах, по которым невозможно было продолжать безостановочное наступление от Одера до Берлина, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал:

«Главными препятствиями на этом пути были, с одной стороны, значительное отставание тылов и вызванные этим серьезные перебои и трудности в боевом снабжении войск и — с другой — нависшая над растянутым и открытым правым флангом 1-го Белорусского фронта угроза контрнаступления немецко-фашистской группы армий „Висла“…»[30]

Это высказывание Г. К. Жукова свидетельствует о том, что командующим всегда полезно поглядывать на состояние своих тылов при большом отрыве войск от баз снабжения.

Было бы неправильным полагать, будто в ходе Висло-Одерской операции на долю нашего автомобильного транспорта выпала сравнительно небольшая нагрузка. Наоборот, напряженность автомобильных перевозок в ходе наступления достигла высшего предела. Если за первые 15 суток января, когда готовилась операция, фронтовым и армейским автомобильным транспортом было перевезено 165 900 тонн, то за вторую половину января — 320 101 тонна различных грузов.

Обнаружилась существенная разница между запланированными и фактическими нормами использования автомобильного транспорта. Вместо плановых 200 километров суточный пробег был всего лишь 140 километров, то есть на 30 процентов меньше; протяженность грунтовых коммуникаций предусматривалась 300 километров, а оказалась около 600 километров. В отдельные дни пробег автомашин не превышал 100 километров из-за тяжелых дорожных условий. Продолжительность рейса одного автомобиля в период наибольшего отрыва войск от баз снабжения достигала 10–12 суток. При таком положении фронтовой и армейский автомобильный транспорт мог вывозить из районов Вислы не более тысячи тонн боеприпасов, и то не каждые сутки. Поэтому

Военный совет фронта принял решение привлечь для перевозок боеприпасов 500 автомобилей-тягачей из артиллерийских соединений и частей фронта. Иными словами, какое-то количество орудий оставили в поле. Это решение продиктовала чрезвычайная обстановка.

Понадобилось также немедленно выдвинуть вперед, в районы Радома и Лодзи, значительные группы фронтовых госпиталей. Для этого выделили 750 автомобилей. Быстрые темпы наступления потребовали частого перемещения полевого управления фронта, и каждый раз для этой цели требовалось не менее 400 автомобилей. Свыше 300 автомобилей было занято на вывозке трофейного продовольствия. Наконец, в систематической помощи автомобильным транспортом нуждались железнодорожные восстановительные части.

Особенно затруднялась подача горючего. Общая грузоподъемность парка наливных машин фронта составляла 5574 тонны. Это немало, но беда в том, что каждый автомобиль, посланный за горючим в район Вислы, расходовал до восьми заправок, то есть почти четверть перевозимого бензина.

Немногим меньше миллиона тонн грузов перевезли автомобильным транспортом с 14 января до конца февраля 1945 года. Каждая машина перевезла 2 тонны грузов в среднем за сутки, и это не так уж плохо по тому времени. Придавая первостепенное значение подвозу боеприпасов, Военный совет принял решение премировать водительский состав за каждый тонно-километр боеприпасов, перевезенных сверх нормы. Некоторые водители получали в месяц премиальных до 500 рублей. Как и в Белорусской операции, особо отличилась 18-я автомобильная бригада под командованием полковника Б. Н. Кугутова.

Опытный специалист, начальник автомобильного управления фронта полковник П. С. Вайзман вместе с начальником дорожных войск фронта генералом Г. Т. Донцом хорошо организовали автомобильные перевозки, преодолев множество всяких трудностей.

В данной операции автомобильный транспорт фронта и армий использовался, как правило, централизованно — автомобильные части и подразделения никому не придавались. Но управлять ими на растянутых коммуникациях оказалось делом весьма сложным, несмотря на широкое применение радио, телефонов, связных мотоциклов, автомобилей и самолетов.

Опыт показал, что в такой обстановке не надо создавать громоздких колонн, иначе не избежать долгих простоев под погрузкой и выгрузкой, а также пробок в пути следования, если

вынужденно остановится хотя бы один автомобиль. Лучше всего посылать в рейс одновременно три — пять машин; скорость пробега увеличивается тогда на 75 процентов. Взводные и тем более ротные колонны давали меньший эффект. Перегрузки с фронтовых машин на армейские и с армейских на дивизионные в ходе наступления не практиковались; дорожа каждой минутой, мы доставляли грузы фронтовыми машинами непосредственно до расположения войск. Некоторые считают самой стройной, можно сказать, идеальной схемой двух- трехкратную перегрузку в звеньях фронт — армия — дивизия. Но на практике она не применялась. Да и кому перегружать? Водитель зачастую выполнял роль грузчика, он переутомлялся, недосыпал, и мы не раз удивлялись сравнительно небольшому числу аварий в пути по вине водителей.

Мы хорошо научились использовать обратный порожняк. Служба артиллерийского снабжения, дорожные и трофейные войска требовали быстрейшей вывозки в тыл тары, гильз, трофейного имущества. Следуя по дороге, водители всюду видели указатели, где и какой груз подготовлен для обратных рейсов и расстояние до этого пункта. Всем им был хорошо известен короткий, но убедительный призыв: «Взамен каждой гильзы, отправленной в тыл, один снаряд— на фронт!»

Очень остро стоял вопрос с отправкой в советский тыл спецукупорки. Ведь на каждый фронт поступала уйма ящиков с боеприпасами. На изготовление их страна расходовала миллионы кубометров леса. Возврат ящиков в тыл становился проблемой государственного значения. Шоферы, забиравшие их обратным рейсом, получали премии.

Небывало велик стал объем работы трофейной службы. За время участия фронта в Висло-Одерской операции было захвачено 1119 танков и штурмовых орудий, 4265 орудий разных калибров, 2401 миномет, 18 327 пулеметов, 757 самолетов, 17 494 автомобиля[31].

В основном это были уже не машины, а металлолом; для использования его требовалось демонтировать, а затем без задержки отправлять на металлургические заводы. Чтобы ускорить эту работу, командующий фронтом предложил выделить в каждой дивизии по одной роте с транспортными средствами и тягачами. Но тут возникла новая проблема — отсутствие квалифицированных кадров для демонтажа. К этим работам военные трофейщики не были подготовлены, гражданские же ведомства медленно включались в дело. И главная тяжесть легла на органы тыла фронта и армий, так это оставалось почти до конца войны.

Какие потери в людях мы понесли во время Висло-Одерской операции? По предыдущему опыту мы ожидали, что потеряем ранеными около 12 процентов от численности личного состава, а фактически с 14 января по 5 февраля их оказалось 6 процентов. Высокие темпы наступления значительно сократили наши потери. Что касается динамики потерь, то здесь повторилась картина, характерная для всех других наших наступательных операций Великой Отечественной войны: наибольшее число потерь наступающая сторона несет при прорыве подготовленной обороны противника, а также на завершающем этапе операции, когда войска достигли заданного рубежа, а противник усилил сопротивление.

Как и следовало ожидать, наибольшие потери понесли армии ударных группировок фронта (5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я гвардейские танковые). Наименьшие потери имели 3-я ударная армия (3 процента) и 1-я Польская армия (2,6 процента). Если в начале войны среднесуточные санитарные потери для армий, наступавших на главном направлении, составляли 1–2 процента, то в данной операции они составляли в среднем 0,4 процента.

Искусно организованный маневр медицинскими учреждениями в ходе наступления позволил резко сократить пути санитарной эвакуации и обеспечить лечение большинства раненых на месте вплоть до полного их выздоровления. Свыше 50 процентов раненых возвращены в строй после излечения в границах фронта.

Висло-Одерская операция существенно отличалась от других и по способам выноса раненых с поля боя. Быстро отходивший противник не мог оказывать повторного воздействия огнем на раненого, не мог выводить из строя санитаров-носильщиков. Благодаря опыту и самоотверженности низового звена медицинской службы свыше 80 процентов всех раненых доставлены на полковые медицинские пункты в течение первых трех часов после ранения, а это уже само по себе в огромной степени облегчает возврат человека в строй. Своевременно найти раненого на поле боя, лежавшего в овраге или засыпанного снегом, тут же оказать ему первую доврачебную помощь, бережно доставить на медпункт — в этом благородство опасного труда санитаров, нередко жертвовавших своей жизнью ради спасения товарища.

Висло-Одерская операция показала возросшее мастерство организаторов медицинского обеспечения в дивизиях, армиях, на фронте. Имена начсанармов и руководителей фронтового звена медицинской службы — генералов А. Я. Барабанова, В. И. Попова,

Б. И. Ибрагимова, профессоров И. С. Жорова, М. Ф. Рябова, Э. М. Каплуна, Г. А. Знаменского и других — навсегда вошли в историю великой освободительной борьбы советского народа против фашизма.

Висло-Одерская операция завершилась невиданным по масштабу оперативным маневром войск в северном направлении. Разрыв между левым флангом 2-го Белорусского фронта и правым флангом нашего фронта превысил к концу января свыше 100 километров. Еще с 22 января противник начал усиливать свою группировку в Померании. К концу первой декады февраля во вновь созданной группе армий «Висла» под командованием Гиммлера, сосредоточенной в междуречье Вислы и Одера, находилось «16 пехотных, 4 танковые и 2 моторизованные дивизии, 5 бригад, 8 отдельных групп и 5 гарнизонов крепостей. Кроме того, в резерве группы армий „Висла“ имелось 4 пехотные и 2 моторизованные дивизии»[32]. Предвидя возможность нанесения противником контрудара по открытому правому флангу 1-го Белорусского фронта, командующий развернул фронтом на север четыре общевойсковые, две танковые армии и кавалерийский корпус.

Если бы с первых дней январского наступления не была восстановлена железная дорога со стороны Демблина с продолжением на север и далее на запад, трудно представить, как можно было бы обеспечить вновь возникший фронт на померанском направлении.

Помогло нам и еще одно немаловажное обстоятельство: если бы Г. К. Жуков не сократил артиллерийскую подготовку на Висле и не сэкономил этим около 30 тысяч тонн боеприпасов, то даже при хорошо работающих коммуникациях нам нечего было бы подвозить. Войска как нашего, так и 2-го Белорусского фронта, отражавшие контрудар противника со стороны Померании, а затем и разгромившие здесь вражескую группировку, израсходовали на эту операцию значительную часть боеприпасов и горючего.

От тыла потребовались новые усилия, чтобы в кратчайший срок пополнить запасы материальных средств и принять другие меры для обеспечения войск в новой операции. Вся сеть военно-автомобильных дорог в направлении Арнсвальде и Пиритца обслуживалась дорожными частями фронта. Более 2 тысяч автомобилей, выделенных из фронтового резерва, доставили на правое крыло за первые пять суток 7 тысяч тонн боеприпасов, а всего до конца операции — 20 тысяч тонн. Часть железнодорожных составов с боеприпасами и горючим, вышедших из Варшавы и Демблина, была переадресована в армии

правого крыла. Чтобы ускорить восстановление железной дороги в полосах 47-й и 61-й армий, мы перебросили туда дополнительно железнодорожные восстановительные части, снятые с южных участков фронта. В районах Вонгровеца и Ландсберга в короткий срок развернули фронтовые госпитали на 15 тысяч коек. По масштабу и срокам описанный маневр тыловыми частями и материальными средствами является одним из интересных и поучительных примеров работы фронтового тыла в минувшую войну.

В ходе войны выявилась необходимость учредить подчиненную начальнику тыла инспекцию в составе 10–12 человек. В основном ее задача сводилась к тому, чтобы проверять исполнение важнейших решений Военного совета и начальника тыла фронта по вопросам материально-технического обеспечения войск. В отдельных случаях приходилось поручать инспекторам проверку сведений о крупных недочетах в работе служб тыла фронта или материальных недостачах.

Возглавляли инспекцию опытные юристы. Первым начальником ее на нашем фронте стал полковник Александр Александрович Свиридов, бывший заместитель прокурора фронта.

Его особенно уважали за осторожность, за вдумчивый подход к каждому вопросу и каждому человеку; он никогда не делал опрометчивых выводов, особенно в тех случаях, когда решалась судьба людей. Однако А. А. Свиридов недолго находился на этом посту.

В районе Сохачева случилось так, что 9-й танковый корпус генерала Н. Д. Веденина, преследуя в быстром темпе отходившего противника, оказался далеко впереди войск своей 2-й гвардейской танковой армии. Генерал Веденин радиограммой донес командованию, что дальнейшее движение и маневрирование в тылу противника затруднено якобы из-за ограниченных ресурсов дизельного топлива и просил ускорить его подачу. Командующий фронтом сделал мне по этому поводу замечание и приказал проверить обеспеченность горючим на месте и ускорить доставку его в район расположения корпуса. Отдав распоряжение о направлении в 9-й корпус двух батальонов автоцистерн, я поручил полковнику Свиридову лично возглавить комиссию по проверке, замерить горючее в баках танков.

В то время разрозненные части противника бродили по лесам и дорогам и нередко нападали на наши одиночные автомобили. Свиридов со своей группой на двух машинах благополучно добрался до корпуса и выполнил задачу. Выяснилось, что ни

одного танка с пустым баком не оказалось.

На обратном пути по лесной дороге машина Свиридова несколько отстала от впереди идущей, потеряв ее из виду. На развилке дорог стоял знак с надписью «заминировано» и со стрелкой, указывавшей объезд. Двинувшись в объезд, машина через несколько минут попала в засаду к фашистам, которые расстреляли всех, находившихся в ней, и скрылись, даже не отобрав у убитых документы.

Новый начальник инспекции тыла фронта подполковник Б. А. Мариупольский, также юрист по образованию, обладал теми же ценными качествами, что и его предшественник. Инспекция всегда занималась рассмотрением важных вопросов, и я не допускал того, чтобы ее превратили в придаток следственных органов. Жизнь выдвигала множество проблем, и именно для этой цели важно было иметь инспекцию, укомплектованную квалифицированными кадрами разных специальностей. Благодаря помощи инспекторов мы избегали ошибок в оценке отдельных работников.

В ходе Висло-Одерской операции войска 1-го Белорусского фронта несколько раз удостаивались высокой чести — благодарственных приказов Верховного Главнокомандующего и салютов в Москве по поводу освобождения крупных городов. Обычно такой приказ адресовался командующему и начальнику штаба фронта. В нем перечислялись фамилии особо отличившихся командующих войсками и начальников штабов армий, начальников родов войск фронта и армий, командиров соединений и частей. Но совершенной неожиданностью для меня явилось то, что в приказах № 243 от 22 января и № 246 от 23 января 1945 года по случаю взятия городов Гнезен (Гнезно) и Бромберг (Быдгощ) говорилось, что они освобождены и войсками генерала Антипенко. Читаю и думаю: «Не во сне ли это?» Звоню начальнику штаба фронта Малинину:

— Не ошибка ли в газете?

Нет, говорит, не ошибка, пусть знают, что и тыл воевал. Конечно, не только я радовался этим приказам: огромный коллектив работников тыла фронта по праву принял похвалу на свой счет. К сожалению, таких фактов за время войны было только два.

Войска могут обороняться или вести успешное наступление лишь в том случае, если тыл обеспечивает их бесперебойно. История знает немало случаев, когда имущества на фронтовых и армейских складах было вдоволь, а войска испытывали в нем острый недостаток, и это отражалось на их

боевой деятельности. Почему? Да потому, что какое-то звено в тыловом механизме не сработало в нужном направлении и ритме, что организация доставки оказалась недостаточно четкой. Боеспособность органов военного тыла достигается предельно четкой слаженностью его механизма, способностью мгновенно улавливать биение пульса на передовой и быстро реагировать на нужды войск. Там, где действуют войска, должен действовать и тыл. Хорошо организованный тыл не боится распутицы, холода, солнцепека и т. д. Наши органы тыла в годы Великой Отечественной войны не раз показывали образцы героизма.

Вот почему упоминание в приказе Верховного Главнокомандующего фамилии начальника тыла фронта было воспринято как признание заслуг многочисленного коллектива работников тыла, не раз жертвовавших своей жизнью во имя победы над врагом.

Завершилась одна из выдающихся стратегических наступательных операций Великой Отечественной войны. С полным основанием историки относят ее к числу классических. Она действительно содержит в себе наиболее характерные черты советского военного искусства.

После войны я около девяти лет преподавал в Академии Генерального штаба, и каждый раз на лекциях по военному искусству передо мной открывалась картина именно Висло-Одерской операции: методика планирования, выработка решения, формы оперативного маневра и т. д. Разумеется, в учебные программы вносятся поправки с учетом новых средств борьбы, но сохранилось главное: стремительность, высокий динамизм, решительность и смелость в достижении поставленной цели. Полководческие качества, проявленные тогда командующими фронтами и армиями, лежат в основе воспитания военной молодежи в наши дни.

У каждого командующего, естественно, был свой стиль работы, свой метод, одному ему присущий образ мышления и оценки явлений. Командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков отличался немногоречивостью: лишнего слова, не имеющего отношения к рассматриваемому вопросу, не произносил. Краткость и сжатость формулировок, чисто военная отточенность языка, предельно четкая и ясная постановка задач, способность верно оценить возможности и готовность подчиненного выполнить поставленную задачу — это те особенности, какие я уловил в характере Жукова за время работы с ним. Внешне он был суховат,

но когда обстановка позволяла несколько ослабить постоянное напряжение ума и воли, он становился простым и открытым, любил поговорить и о «невоенном», пошутить.

Глубокая внутренняя и внешняя собранность, подтянутость, высокая требовательность, прямолинейность и принципиальность во взглядах и во взаимоотношениях с людьми, железная воля и неспособность подлаживаться под чьи бы то ни было настроения и мнения — это те черты его личности, которые вызывали глубокое уважение к Жукову. Не говорю уже о его выдающемся полководческом таланте.

Мне как заместителю командующего фронтом по тылу особенно дорого было то, что Жуков реально представлял себе сражение в целом, отдельные его этапы, умел рассчитать действия каждой из частей огромной и сложной военной машины. Думаю, меня не обвинят в «ведомственном подходе», если к лучшим качествам Жукова-полководца я отнесу его внимание к безотказной работе фронтового тыла, без которой не сможет выполнить свои задачи ни один из родов войск.

Но я не могу ограничиться этим.

Не претендуя на раскрытие образа Жукова, я все же чувствую себя обязанным написать несколько строк о замечательном человеке, под непосредственным руководством которого мне посчастливилось участвовать в войне и встречаться с которым часто довелось в послевоенные годы. У меня сложились с Георгием Константиновичем самые добрые, товарищеские отношения, не прекращавшиеся до последнего дня его жизни. После войны многие часы проводили мы в беседах о минувших сражениях. Иногда эти беседы носили острый, дискуссионный характер. Мы не раз вместе выступали с докладами перед военными и гражданскими аудиториями, вместе отдыхали в санаториях, встречались с моими земляками, рыбачили, посещали театры, лечились в госпитале. Подружили и наши семьи.

В доме Г. К. Жукова мне чаще всего приходилось видеть его старших дочерей Эру и Эллу, их мужей, детей, его двоюродного брата М. М. Пилихина с семьей. Бывал также и И. Х. Баграмян.

18 июня 1975 года под моим председательством в Москве, в Доме Советской Армии, был проведен памятный вечер в честь Г. К. Жукова. На нем с воспоминаниями о прославленном полководце выступили друзья, соратники и видные общественные деятели. На вечере велась стенографическая запись и фотографирование. Командная Академия ПВО страны имени Маршала Советского Союза Г. К. Жукова выпустила альбом об этом вечере.

После кончины маршала Жукова наша связь с его семьей не прекращается. Со всеми тремя дочерьми — Эрой, Эллой и Машей — сохранились самые добрые отношения.

Младшая дочь Г. К. Жукова — Маша, — оставшись в 17 лет без родителей, окончила Институт международных отношений. Она вышла замуж, имеет сына Георгия. Старшие дочери Эра и Элла уже имеют внуков.

Зная в подробностях деятельность Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, изо дня в день следя за ходом его мысли, я думал тогда, думаю и теперь об особенностях этого человека и полководца.

Имя Жукова неразрывно связано со всем ходом Великой Отечественной войны, почти с каждой крупной стратегической операцией.

Из истории мы знаем, что когда великая страна попадает в беду, она выдвигает новых полководцев. В июне 1941 года мы еще не знали, кто они, эти полководцы, но что они будут, в этом не было сомнения. И вскоре всему народу стали известны имена Г. К. Жукова, А. М. Василевского, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, И. Х. Баграмяна, Н. Ф. Ватутина, Л. А. Говорова, Р. Я. Малиновского, К. А. Мерецкова, А. И. Еременко, Ф. И. Толбухина, И. Д. Черняховского, К. С. Москаленко, В. И. Чуйкова и других.

Полководческий талант Г. К. Жукова стал раскрываться с памятных боев 1939 года на Халхин-Голе. Это было началом становления выдающегося полководца. А какие страницы были вписаны им в военную историю в тяжелые дни сражения за Ленинград в сентябре 1941 года!

Сентябрь — всего один месяц, срок небольшой. Но для Ленинграда он мог иметь роковые, непоправимые последствия. Фашисты уже предвкушали падение города и оповестили о предстоящем уничтожении этой колыбели революции. Население Ленинграда обрекалось на физическое истребление. А после этого гитлеровские генералы намеревались бросить высвободившиеся силы на Москву. Так могло случиться, если бы Государственный Комитет Обороны, ставший на время войны центром, организующим защиту Родины, не нашел верных спасительных средств.

Прежде всего Ставка решила усилить фронтовое и армейское командование на Ленинградском фронте. Туда направили Г. К. Жукова, ибо там решалось многое. С генералом М. С. Хозиным и другими командирами он благополучно перелетел линию фронта и прибыл в Ленинград.

Г. К. Жуков вместе с Военным советом фронта принимал решительные меры, чтобы предотвратить прорыв врага в город

Ленина. Каждый час имел решающее значение. Жуков не допускал никаких промедлений, никаких послаблений.

Словно набат прозвучал приказ: «Все на защиту города! Стоять насмерть!» Он помог выкристаллизоваться, организоваться всем волевым усилиям и войск, и жителей города. Ленинградское ополчение, созданное под руководством партийной организации, во главе которой стояли А. А. Жданов, А. А. Кузнецов, пополнило оборонявшие город войска. Все предприятия, какие только могли быть для этого приспособлены, работали на нужды фронта.

Противник утратил свой наступательный порыв и был остановлен. Город выстоял, враг сам перешел к обороне.

В начале октября 1941 года на огромном фронте развернулось наступление немцев на Москву. Этот месяц для Москвы оказался еще более грозным, нежели сентябрь для Ленинграда; здесь не было значительных водных преград, в которые упирались бы фланги, не было Кронштадта и корабельной артиллерии. Да и сил противник имел побольше. И снова во главе обороны Москвы наша партия поставила Г. К. Жукова.

Он оправдал оказанное доверие. Как и оправдывал его в дальнейшем.

В Берлинской операции

Подготовка Берлинской наступательной операции проходила в совершенно необычных условиях.

Битва под Курском, Белорусская, Висло-Одерская операции начинались после длительных пауз, в течение которых тыл успевал закончить восстановление коммуникаций, переместить ближе к войскам свои части и учреждения, эвакуировать раненых и требующую ремонта боевую технику, накопить материальные средства. Мы даже успевали теоретически обобщить опыт предшествующей операции, провести многочисленные конференции и сборы специалистов.

Не так получилось с подготовкой Берлинской операции. Еще не закончилась Восточно-Померанская операция (она продолжалась до 4 апреля), а тыл 1-го Белорусского фронта начал готовиться к обеспечению Берлинской операции: в соответствии с планом, разработанным штабом фронта. 25 марта командующий фронтом подписал приказ по тылу, определивший в основном организацию тыла и порядок работы его органов.

Подготовка такой крупной и сложной операции, как Берлинская, в крайне сжатые сроки (до 15 апреля), в течение

которых войска фронта совершали перегруппировку, требовала от тыла чрезвычайно быстрого и гибкого маневрирования материальными средствами и транспортом. Правда, к весне 1945 года у нас накопился изрядный опыт в решении трудных задач. И тем не менее лишь благодаря исключительно энергичной и своевременной помощи со стороны центральных органов тыла нам удалось сравнительно неплохо обеспечить войска всем необходимым в такой короткий срок.

Прежде чем говорить об объеме мероприятий, обеспечивших Берлинскую операцию, я хочу рассказать об обстановке, сложившейся в марте 1945 года. К тому времени уже полностью наладилось движение поездов по союзной колее от Москвы до Франкфурта-на-Одере. Казалось бы, надо только радоваться: маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (начальник Главного артиллерийского управления) ускорил отгрузку боеприпасов в адрес нашего фронта; Наркомат путей сообщения открыл, как говорят, зеленую улицу поездам, шедшим на наш фронт; начальник Управления горюче-смазочными материалами Наркомата обороны генерал М. И. Кормилицын столь же энергично поезд за поездом отправлял нам авиационное горючее, автомобильный бензин, дизельное топливо. Начальник тыла Красной Армии генерал А. В. Хрулев и его заместители генералы В. И. Виноградов и В. Е. Белокосков ежедневно, а то и несколько раз в день справлялись по телефону о положении дел в тылу 1-го Белорусского фронта.

Но вдруг возникла серьезная тревога: началось бурное таяние снегов. Вскрылась в своих верховьях Висла, и надвинулась угроза разрушения железнодорожных мостов у Демблина и Варшавы.

Тревожное это было время! Железнодорожные и автомобильные мосты в полосе соседнего 1-го Украинского фронта уже полностью или частично снес ледоход; вся армада обломков, скованных льдом, продвигалась вниз по течению, угрожая мостам в полосе нашего фронта. Мосты эти, восстановленные на временных опорах, конечно, не могли противостоять такому натиску льда. Надо было их спасать, иначе весь фронт оказался бы отрезанным на 10–15 дней от центральных баз снабжения. Военный совет учел всю серьезность создавшегося положения и поручил мне выехать вместе с начальником военных сообщений фронта и начальником железнодорожных войск в район Варшавы для принятия самых решительных мер по спасению мостов.

Перед тем как выехать на Вислу, я попросил генерала А. В. Хрулева выслать самолетом в Варшаву ученых специалистов-мостовиков. Там я встретился с ними. Состоялась короткая

консультация ученых и практиков непосредственно у варшавского моста.

Широкая и, казалось, спокойная река таила в себе огромную разрушительную силу. Считанные дни оставались до полного вскрытия льдов в этом районе. Важно было спасти в первую очередь демблинский железнодорожный мост, находившийся выше по течению; в этом случае меньшая опасность угрожала бы и варшавскому мосту.

Спасение мостов вылилось в грандиозную операцию.

Невиданный героизм проявили железнодорожные войска и специальные формирования НКПС. В районе демблинского моста находился в то время мостопоезд № 13. Его возглавлял инженер-полковник И. Л. Москалев, обнаруживший редкую находчивость: он предложил создать ледовые коридоры для пропуска раздробленных льдин сквозь пролетные строения мостов, иными словами, бороться со льдом с помощью льда. Эта остроумная находка оказалась очень полезной. Для дробления надвигавшихся «айсбергов» мы призвали на помощь авиацию и саперов. Авиация вела непрерывную бомбежку громадных льдин еще на дальних подступах. Тяжелые мостовые фермы, сорванные со своих мест в полосе 1-го Украинского фронта и угрожавшие нашим мостам, под воздействием авиабомб и саперных фугасов дробились на мелкие куски и беспрепятственно проходили в проемы между опорами. Стоя на мосту, можно было видеть, как по длинному ледовому коридору протяженностью в несколько километров и шириной от 50 метров в начале и до 20–30 метров непосредственно у моста живой лентой устремлялась масса раздробленного льда.

Весьма оригинальным методом спасли варшавский железнодорожный мост. С разных точек его привязали к обоим берегам тросами, по 4–5 «ниток» в каждую сторону. На мосту поставили около 100 платформ, груженных булыжником, чтобы повысить устойчивость опор, а также уменьшить вероятность разрыва мостового настила.

В наиболее критический момент лед так надвинулся на этот мост, что образовался прогиб в центре его — нечто вроде полудуги, вогнутой в направлении течения. Поезд, стоявший с камнями на мосту, растянулся и, казалось, вот-вот разорвется. Это положение, близкое к аварии, не вызвало нервозности, не повлекло за собой необдуманных действий или отчаяния — авиация и саперы планомерно продолжали свое дело. Более трех суток длилась эта борьба со стихией. Мосты были спасены.

Особо отличились солдаты и офицеры 20-го мостового

батальона под командованием майора В. И. Желтикова из 1-й гвардейской железнодорожной бригады. Эти бесстрашные люди карабкались по льдинам у самого моста, проталкивая их шестами в межпролетные проходы. Иногда глыбы льда, громоздясь, достигали высоты мостового настила, и не каждый мог удержаться на этой движущейся и грохочущей ледяной массе — некоторые из мостовиков срывались в воду и их приходилось спасать.

Хуже сложились дела у соседа справа — в полосе 2-го Белорусского фронта. Единственный железнодорожный мост через Вислу, у Торуни, не выдержал натиска льда и его снесло. Почти полмесяца нам пришлось пропускать через варшавский мост поезда в адрес 2-го Белорусского фронта, пока торуньский мост не был восстановлен.

Военный совет фронта высоко оценил заслуги железнодорожников в спасении мостов. Член Военного совета фронта генерал К. Ф. Телегин вручил майору В. И. Желтикову орден Красного Знамени и сердечно поблагодарил личный состав батальона, который весь удостоился наград. Орденом Красного Знамени наградили и инженер-полковника И. Л. Москалева.

Пока шла героическая работа по спасению вислинских мостов, между Варшавой и Брестом накопилось много эшелонов — ведь каждый день прибывало по одному направлению 25–30 поездов, и все они выстроились в ряд, благо авиация противника, хотя она еще активно действовала на переднем крае, уже не появлялась в глубоком тылу. Скопившиеся поезда мы пропускали один за другим по варшавскому мосту с возможной быстротой, а часть их шла в район Демблина под перегрузку на западноевропейскую колею; таким образом, и южное направление было использовано до предела.

Нетрудно понять большое значение спасенных мостов для подготовки Берлинской операции.

К наступлению на Берлин большую подготовку провели военные дорожники. Только на Одере, в непосредственной близости от врага, они построили 34 моста общей длиной 17 тысяч погонных метров. Некоторые мосты, разрушенные авиацией и артиллерийским огнем противника, восстанавливались по 10–12 раз[33].

Я уже неоднократно отмечал героизм славных дорожников и мостовиков. Нельзя здесь не вспомнить о таком подвиге, как строительство деревянного средневодного моста длиной в 1600 погонных метров с пятиметровой проезжей частью через Одер в районе города Целина.

3 февраля войска 5-й ударной армии генерала Н. Э. Берзарина форсировали Одер и захватили небольшой плацдарм северо-западнее Кюстрина. К этому времени 8-я армия генерала В. И. Чуйкова занимала плацдарм южнее города. Значение этих плацдармов было велико для закрепления достигнутого успеха и для подготовки последующего наступления на Берлин. Поэтому противник непрерывно атаковал части на плацдармах, стремясь сбросить их в реку. Для удержания позиций туда надо было немедленно перебросить танки и самоходные артиллерийские установки.

Командование фронта приказало начальнику дорожных войск генералу Г. Т. Донцу организовать строительство автомобильного моста через Одер к кюстрнским плацдармам. Выполнение этого задания поручили военно-дорожному управлению № 3 (ВДУ-3) с приданным ему инженерным полком и 95-м мостостроительным батальоном из резерва фронта. Общее руководство строительством возложили на инженер-подполковника Д. А. Руденко.

Поскольку этот район находился под сильным воздействием артиллерийского и минометного огня противника, а также частых налетов авиации, строить приходилось ночью из элементов мостовых конструкций, заготовленных днем в окрестных лесах. Несмотря на такую предосторожность, подразделения несли большие потери. В дневное время мост не раз повреждался авиацией противника в том или ином пролете, копры с дизель-молотами, установленными на понтонах, нередко тонули от взрывов мин. И все-таки мост построили за семь суток.

За эту неделю мостостроители потеряли убитыми 163 человека, утонувшими — 38 человек, ранеными — 186 человек. Тяжелой ценой достался этот мост, но он позволил перебросить на плацдармы боевую технику, удержать, а затем и расширить их.

Авиация противника всячески противодействовала восстановлению кюстринских мостов через Одер. В ночь на 18 апреля, когда была закончена работа на железнодорожных мостах через Одер и Варту, противник нанес по ним сильный удар с воздуха и разрушил их. Части 29-й железнодорожной бригады и мостопоезд И. Л. Москалева самоотверженно, под непрерывной бомбежкой, неся потери, снова приступили к восстановлению обоих мостов, выполнив это задание всего за одну неделю. И когда наши войска ворвались в Берлин, вместе с ними прибыл и первый поезд на станцию Берлин-Лихтенберг с тяжелой артиллерией. Что и говорить, событие немаловажное. С большой радостью мы рапортовали Военному совету фронта. Текст телеграммы привожу дословно: «Небо — Военному совету.

Докладываю: сегодня 25 апреля в 18.00 по участку Кюстрин — Берлин открыто движение поездов до станции Берлин-Лихтенберг. Антипенко, Черняков, Борисов».

На этом рапорте наложена резолюция: «Молодцы. Жуков. Телегин. 26.4».

Дальнейшее восстановление сложного Берлинского железнодорожного узла и большого числа мостов через Шпрее и Эльбу составляет также одну из славных страниц героической истории железнодорожных войск. Они выполнили свой долг перед Родиной.

Организация тыла 1-го Белорусского фронта в Берлинской операции имела много особенностей, явившихся результатом предыдущих Висло-Одерской и Восточно-Померанской операций.

Железнодорожное базирование войск фронта было в общем благоприятным. Фронт имел два магистральных железнодорожных направления: Варшава — Познань — Франкфурт-на-Одере с пропускной способностью 24–30 пар поездов в сутки и Демблин — Скаржиско-Каменна — Лодзь — Влоцлавек — Быдгощ — Шнейдемюль — Кюстрин с пропускной способностью до 24 пар поездов.

От Варшавы до Франкфурта-на-Одере железнодорожная колея была уже полностью перешита на союзную и по ней могли идти наши поезда до фронтовых складов без всяких перевалок.

Линия от Демблина на Кюстрин оставалась на западноевропейской колее; к этому времени в районе Демблина сложилась довольно мощная перевалочная база, способная «переваливать» 20 поездов в сутки. Однако основная нагрузка легла на союзную колею — того требовала обстановка; она диктовала необходимость не тратить ни минуты на перевалку, а доставлять поезда без задержки поближе к войскам.

Густая сеть автомобильных дорог позволяла иметь в полосе каждой армии одну-две дороги с твердым покрытием. Фронтовых военно-автомобильных магистралей было четыре: Иноврoцлав — Вонгровец — Кройц — Ландсберг — Кюстрин; Познань — Кюстрин; Познань — Швибус — Франкфурт-на-Одере; Лодзь — Килиш — Шрим — Швибус. Наиболее напряженное движение автотранспорта осуществлялось по двум центральным направлениям.

Фронтовые тыловые части и учреждения, постепенно перемещавшиеся на запад в ходе предшествовавших боевых действий и по мере восстановления железных дорог, теперь располагались в три эшелона. Значительная часть складов оставалась в районе Вислы и входила в состав перевалочной базы,

находившейся в распоряжении тыла фронта до конца войны. Другая часть тыловых учреждений располагалась на рубеже Вонгровец — Познань. Наконец основная их группировка находилась в районе Ландсберга, Шверина, Топпера и Швибуса, в 60—100 километрах от войск. Как и в предыдущей операции, здесь был выдержан принцип максимального приближения к войскам основной массы фронтовых и армейских тыловых учреждений. Этого не требовала глубина предстоявшей операции (100–200 километров), но военно-политический характер обстановки позволял и в некоторой мере обязывал придерживаться указанного выше принципа эшелонирования тыловых учреждений.

Тот факт, что управление тыла 1-го Белорусского фронта продолжало командовать всей системой тыловых органов на огромной территории от Вислы до Одера, имел немало и положительных, и отрицательных сторон. Нелегко управлять «хозяйством» на территории около 300 тысяч квадратных километров. Пришлось создать солидную группу во главе с заместителем начальника тыла фронта в районе Варшавы со своим узлом связи и довольно значительным транспортом, рабочими батальонами и пр. Базы на Висле были органически связаны со всей системой тыла фронта. Перевалка грузов, подсортировка поездов, идущих на разные направления огромной полосы фронта, принятие эвакогрузов и возврат порожняка — все это непосредственным образом влияло на полноту и качество тылового обеспечения войск.

Мощные узлы связи были развернуты также в районах Познани, Лодзи и др. В то время мы располагали довольно сильными техническими средствами связи. Более 100 радиостанций работало на тыл. В моем распоряжении находилась эскадрилья самолетов связи. Группы офицеров связи на специальных автомашинах осуществляли контроль за продвижением поездов, за работой баз, складов и т. д.

В составе фронта насчитывалось свыше 1500 тыловых учреждений фронтового и армейского подчинения, в том числе 60 фронтовых складов. К концу войны техническая оснащенность всей системы тыла, и особенно складов, заметно повысилась, но такой высокой мобильности тыла, как этого требовала обстановка, еще не было. Не хватало транспорта, тары, погрузочно-разгрузочных механизмов и др.

В целом оперативный тыл был организован в полном соответствии с характером операции по принципу максимального приближения к войскам.

Наибольшая нагрузка выпала на долю артиллерийских

складов. Потребность в боеприпасах возросла до небывалых размеров.

К началу операции фронт имел 14 628 орудий и минометов калибра 76 миллиметров и выше. Плотность артиллерии на участках прорыва достигала 295 стволов на километр фронта. Один стрелковый полк первого эшелона в период прорыва одерского оборонительного рубежа поддерживался четырьмя-пятью артиллерийскими полками. Море огня предстояло обрушить на голову врага. Так оно и было.

Некоторые военные историки считают, что к началу наступления на Берлин 1-й Белорусский фронт имел достаточно материальных средств, по это верно лишь в отношении горючего и продовольствия. Боеприпасов же было всего от 1,9 до 3,9 боекомплекта в зависимости от калибра. Мне припоминается разговор с начальником штаба фронта генералом М. С. Малининым, который сказал, что здесь мы имеем тот случай в истории Великой Отечественной войны, когда сложившаяся военно-политическая обстановка вынуждает нас начинать наступление с неполными запасами, надеясь на подвоз боеприпасов в ходе операции.

Необходимо отметить одну важную деталь, которую часто забывают. Продолжительность артиллерийской подготовки в первый день наступления планировалась в пределах 30 минут. Сила артиллерийского огня была столь велика, что противник не сделал ни одного ответного выстрела, и командующий фронтом сократил время артподготовки до 20 минут.

Правда, овладеть Зееловскими высотами в первый день наступления не удалось, но это нельзя отнести за счет неполной артподготовки. Полученная благодаря конкретному учету обстановки экономия боеприпасов имела большое значение для последующих дней операции. Подход поездов хотя и продолжался, но доставляемые боеприпасы не могли бы обеспечить потребности войск, так как противник сопротивлялся на каждом рубеже, и каждый новый день наступления наших армий начинался с артподготовки при расходе от 0,5 до 0,8 боекомплекта. Однако в самом конце операции боеприпасов накопилось довольно много, и не случайно наши войска отмечали победу над фашизмом артиллерийскими залпами почти без всякого учета выпускаемых снарядов.

Итак, 16 апреля началась мощная артиллерийская подготовка. Вся линия фронта озарилась яркими вспышками, залпы орудий и минометов сливались в несмолкаемый гул. Трудно передать словами величественную картину

развернувшегося сражения. Если за весь первый день операции артиллерия фронта израсходовала 1236 тысяч снарядов, что составляло почти 2,5 тысячи железнодорожных вагонов, то за время артподготовки — 500 тысяч снарядов и мин, или тысячу вагонов[34].

Желая усилить психологическое воздействие на противника и ослепить его, а также для облегчения ориентировки нашей пехоты в ночных передвижениях, командующий привлек 143 мощных прожектора. Они располагались по фронту в 150–200 метрах один от другого и в 300–800 метрах от переднего края. Прожекторы включили с окончанием артиллерийской подготовки. Однако образовавшиеся в результате разрывов многих тысяч снарядов и мин пыль и дым ослабили эффективность прожекторов, которые могли бы дать слепящие лучи на гораздо большую глубину. Но даже и в этих условиях они, как показали пленные, ошеломили гитлеровцев.

С рассветом над полем боя появилась бомбардировочная авиация, сбросившая 1500 тонн авиабомб.

Враг был подавлен и в первые два-три часа не оказывал серьезного сопротивления нашей пехоте и танкам. Но затем, оправившись от потрясения, гитлеровцы стали драться с небывалым ожесточением.

Наряду с мероприятиями по обеспечению Восточно-Померанской и по подготовке Берлинской операций перед органами тыла фронта стояла задача хозяйственного освоения территории восточнее Одера.

Прежде всего пришлось спасать скот, оставшийся без надзора. Всюду разносился рев голодных и недоенных коров. А кто мог кормить, поить и доить их? Немецкие помещики и кулаки, работники военных хозяйств удрали, из большинства населенных пунктов эсэсовцы насильно угнали на запад всех крестьян и батраков. Наши польские друзья еще не были готовы к заселению и освоению возвращенных им земель. Мы обратились к советским женщинам, вызволенным из фашистской неволи. Их надо было собрать, объяснить положение, убедить задержаться с отъездом на Родину, ибо каждый упущенный день грозил гибелью тысяч голов скота. Но невозможно было надолго задерживать на чужбине советских людей, истосковавшихся но Родине.

Вначале мы не представляли себе, как велика вставшая перед нами непредвиденная задача. Думали, обойдемся своими штатными подразделениями. Но более точный подсчет показал, что брошенного скота очень много и требуются более обширные мероприятия. Надо было собрать бродячий по полям скот в гурты,

чтобы легче за ним присматривать, кормить, доить. Требовалась немедленная ветеринарная помощь, так как появилось много больного скота со всякого рода воспалениями из-за нерегулярного доения; ветеринарный состав фронта и армий едва успевал выезжать на вызовы начальников гуртов. Отовсюду поступали тревожные сигналы о нехватке кормов. Огромное количество объемистого фуража, сочных кормов и концентратов требовалось для всей этой массы скота. Корма надо было изыскать и подвезти в определенные районы. Значит, опять нужен транспорт — железнодорожный, автомобильный, гужевой. Нужны люди, горючее; требовалась высокая организация.

Встал вопрос о выборе наиболее благоприятных зон для сосредоточения и длительного содержания скота с учетом кормовых и водных ресурсов, удобств хозяйственного обслуживания, благополучия в эпизоотическом отношении и т. д. Отдельным гуртам в связи с этим предстоял переход на большое расстояние, чтобы можно было с наибольшей выгодой использовать прекрасные поймы рек Одера и Варты.

О перевозке скота в эти места по железной дороге не могло быть и речи: железнодорожного транспорта не хватало для воинских перевозок. Реальным представлялся только один способ — перегон. Но легко сказать перегон! Хотя мы имели за плечами опыт перегона скота от Волги до Днепра, но то был русский скот, привыкший ходить каждый день по 15–20 километров, а здесь — дело другое. Как известно, на Западе крупный рогатый скот находится на стойловом содержании. Круглый год он стоит в загоне и лишь понемногу совершает «променад» — 100–200 метров в сутки на небольшом пятачке. У этого скота не приспособлены для длительных переходов ни копыта, ни мускулатура.

Посоветовались со специалистами. Работники ветеринарной службы признали возможным перегон скота в районы, богатые кормами, но при условии проведения заблаговременной физической тренировки его и тщательного обследования маршрутов перегона. Пришлось разработать специальную тренировочную программу, которой предусматривался курс всевозможных растираний, массаж, зачистка и обрезка копыт, а затем покрытие их слоем смолы. Что же касается маршрутов перегона, то изучение их оказалось сложнее, чем мы думали: надо было определить пункты водопоев, кормления, лечения, наличие тех или иных инфекций и т. д. Одну корову переводить из района в район на 40–50 километров — и то дело трудное. А тут сотни гуртов!

Польские власти оказали большую помощь в выборе районов,

выделив пастбища в поймах рек, а наши военно-продовольственные органы завезли туда из своих скромных ресурсов более 3000 тонн концентрированных кормов.

С исключительной заботой и бережливостью отнеслись советские люди (репатрианты) к этому бесхозному скоту. Они принимали телят от коров, растелившихся в пути, выпаивали их, везли на повозках и не допускали падежа.

Ценой величайших усилий со стороны военно-тыловых органов и населения всю эту массу скота спасли от неминуемой гибели. Он меньше всего нужен был армии, ибо советские войска получали все необходимое для питания за счет государственных заготовок. Спасая скот, мы думали о людях, освобожденных из концентрационных лагерей, об обездоленном населении прилегающих районов.

А как важно было не опоздать с проведением весеннего сева на землях восточнее Одера! Ведь гитлеровские войска ушли оттуда в марте — апреле, угнав местное население. Весна же в тех краях наступает рано. Нельзя оставить десятки тысяч гектаров незасеянными.

Наспех стали создавать свои импровизированные «совхозы», оснащать их транспортом, горючим, выделять для них семенной материал, удобрения и пр. Мы понимали, что, вероятно, не нам придется собирать этот урожай, но важно было, чтобы земля уродила.

В такой обстановке пришлось расширить функции отдела заготовок упродснаба фронта, превратив его из органа снабжения в производственный. Несколько позже создали целое сельскохозяйственное управление фронта во главе с полковником В. В. Бегутовым, а пока что всеми этими делами руководил начальник отдела заготовок подполковник А. П. Апексимов, который приобрел к тому времени большой опыт по заготовкам и переработке сельскохозяйственной продукции. Непосредственное руководство работой сельхозуправления осуществляли генерал Н. К. Жижин и полковник В. Ф. Ткачев. Благодаря участию в этом важном деле всех армейских органов тыла, а также командиров соединений и частей еще до начала Берлинской операции и во время ее проведения мы засеяли всевозможными яровыми культурами 300 тысяч гектаров земли, что должно было дать урожай не менее 40 миллионов пудов зерна.

После окончания Берлинской операции мы организовали сенокошение в поймах Одера и Варты. Чтобы не упустить драгоценное время, позаботились об инвентаре, сенопрессовальных машинах, проволоке и пр. Тыловые работники армий, корпусов, дивизий успешно выполнили это задание.

Особенно хорошо потрудились начальники тыла кавалерийских корпусов: 7-го — генерал В. Н. Казанский, 2-го — подполковник С. П. Иванов; их корпуса были главными потребителями заготовленного сена. Всего заготовили и спрессовали свыше 100 тысяч тонн.

На этой же территории осталось много бездействующих промышленных предприятий. Среди них нас интересовали в первую очередь мельницы, хлебозаводы, макаронные фабрики и др., но одновременно мы пользовались каждой возможностью, чтобы наладить работу текстильных и кожевенных предприятий — ведь фронт нуждался в обмундировании, обуви, снаряжении. Хозяева этих предприятий почти все сбежали, но рабочие-немцы, где они остались, готовы были приступить к работе. Где не хватало местных рабочих, решили привлечь подлежащих репатриации советских граждан. Требовалась электроэнергия. Кое-где в городах и на некоторых предприятиях имелись свои энергоисточники. Их сразу же использовали.

Особенно широкую инициативу проявили начальник тыла 5-й ударной армии генерал Н. В. Серденко, интендант 3-й ударной армии полковник С. П. Кудрявцев, начальник тыла 61-й армии генерал А. А. Вавилов, начальник тыла 2-й гвардейской танковой армии П. С. Антонов, начальник тыла 16-й воздушной армии генерал С. А. Кириллов и интендант этой армии М. П. Литвинов. Они начали пускать в ход небольшие предприятия. Отовсюду поступали донесения о том, что начато изготовление солдатского белья, летнего обмундирования, кавалерийского снаряжения, котелков, ложек, кружек и т. п.

Усилился спрос на сырье: в одном месте его не было, а в других накопилось в излишке. Создали специальный отдел для руководства промышленным производством. Его возглавил талантливый инженер и организатор Вишневый со своими ближайшими помощниками Суконновым и Светлицким. Они попытались даже внести плановое начало в работу промышленных предприятий, организуя смежников и обеспечивая поставку сырья.

Так в системе тыла фронта ведущее положение заняли новые отделы — сельскохозяйственный и промышленный. И хотя они быстро развернули свою деятельность, в те дни мне не раз приходила в голову мысль, что к решению таких крупных задач следовало подготовиться, находясь еще на своей территории, что еще там надо было готовить кадры для такой работы.

Близился конец войны и надо было думать, как говорится, о завтрашнем дне.

В конце апреля я доложил Военному совету фронта о своем намерении созвать в ближайшие дни в Нойенхагене общефронтовое совещание начальников тыла армий, начальников служб тыла фронта, руководящих партийно-политических работников тыла фронта для обсуждения задач, связанных с предстоящим переходом войск на мирное положение. Командование одобрило наше предложение, а генерал Телегин дал указание, чтобы на это совещание были приглашены и вторые члены военных советов армий.

Пользуюсь сохранившимися записями, чтобы воспроизвести некоторые места из моего доклада, а также из выступлений отдельных участников совещания, ибо эти материалы в известной степени характеризуют сложившуюся тогда обстановку.

Сама повестка дня совещания, проходившего 30 апреля, свидетельствовала о том, что конец войны не сулит работникам тыла перспективы почить на лаврах. На обсуждение выносились следующие вопросы: об организации фронтового и армейского тыла после окончания войны, о сборе трофейного имущества, о поддержании порядка в Берлине, о репатриации советских граждан, о приеме военнопленных после капитуляции Германии.

На этом совещании еще не поднимался вопрос об увольнении из армии старших возрастов — просто неудобно было ставить его, поскольку война не кончилась, хотя Военный совет фронта предвидел всю сложность выполнения этой задачи и требовал от тыла подготовительной работы. Но пока что надо было обсудить те вопросы, которые прямо вытекали из обстановки.

— Товарищи! Близится конец войны. Наше совещание сегодня, видимо, последнее в военное время.

Так я начал доклад. Не скрою, мне самому не совсем верилось, что так оно и будет. Ведь четыре года каждый день и час все помыслы были только о войне, только о делах на фронте, только о боевой технике, о людях, о дорогах, о транспорте. А теперь надо было внушить боевым друзьям и соратникам, что от нас, тыловиков, во многом зависит обеспечение спокойного отдыха воинов-победителей, создание для них таких условий, чтобы они почувствовали прелесть мирной жизни. Вдуматься только: четыре года прожить в окопах, блиндажах, спать на сырой земле, не раздеваясь, умываться кое-как, жить в постоянном физическом и нервном напряжении, испытывать воздействие ружейно-пулеметного, артиллерийского огня и бомбежек с воздуха, слышать стоны, видеть убитых или искалеченных товарищей, гнать от себя мысль, что и тебя, возможно, ждет такая же участь, — и вдруг это все теперь позади; ты можешь спокойно раздеться, разуться, лечь в чистую постель и помечтать о

завтрашнем дне…

Об этом «блаженстве завтрашнего дня» заботились старшие командиры, особенно руководители тыла. Найти и предоставить советским воинам казарменные помещения, кровати или хотя бы чистые нары с постельной принадлежностью, дать возможность всем хорошо помыться, сменить белье, надеть чистое обмундирование, пришить белый подворотничок, начистить сапоги и ботинки, побриться и посмотреть на себя в зеркало — таковы были первые задачи.

На основе уже принятого Военным советом фронта решения нам предстояло привести в порядок тылы, собрать растянувшиеся на сотки километров свои части и учреждения, материальные средства и запасы, освободить армии от ненужного имущества, организовать ремонт обмундирования и техники, наладить изготовление одежды и обуви, а также всего остального имущества на предприятиях Германии.

Нашей задачей теперь стало максимально сократить расходы государства на содержание армии за границей. Маршал Жуков дал указание планировать работу тыла с перспективой не менее чем на год при определенном количестве войск фронта. Нам предстояло для этого хорошо изучить местные условия, наличные ресурсы, организовать весенний сев, затем и уборку урожая с тех земель, которые засеяны войсками фронта (а их вместе с озимым клином насчитывалось уже 350 тысяч гектаров), с тем чтобы хлеба хватило минимум на год; очень важно было не упустить время для посадки картофеля, капусты, огурцов, помидоров, чтобы обеспечить наших бойцов на целый год и овощами.

Мясную проблему решить мы могли, как нам казалось, лишь развивая свиноводство. В нашем фронтовом хозяйстве насчитывалось 66 тысяч свиней; надо было сберечь маточное поголовье и позаботиться о приросте стада, организовать для этого крупные свиноводческие фермы, пользуясь услугами местного населения. Думалось, если будем хорошо хозяйничать и у нас окажутся излишки, вывезем их в Советский Союз.

Эти и многие другие вопросы я вынес на обсуждение собравшихся. На совещании выступило более 20 генералов и офицеров, и каждый из них вносил крупицу своего опыта.

После капитуляции Германии мы встретились на немецкой территории с тяжелыми последствиями войны. Исключительную угрозу для войск и для населения представляла возможность вспышки эпидемий в самом Берлине. Стояла жаркая погода, а всюду — в каждом доме, подвале, на чердаках — валялись трупы. Маршал Жуков потребовал от меня и начальника санитарного управления фронта генерала А. Я. Барабанова принятия

решительных мер по очистке города от трупов, приведению в санитарное состояние водоемов, системы водоснабжения, а также продуктов питания на складах, в магазинах, предупреждению массовых заболеваний людей, идущих из концлагерей. Естественно, первейшей задачей являлось излечение раненых советских воинов. А жертв было много. Гитлеровцы вели огонь отовсюду: с крыш домов, с балконов, из подвалов, из-за каждого угла. 5-я ударная и 8-я гвардейская армии потеряли до четверти своего состава; в остальных армиях насчитывалось по 2–3 тысячи раненых. К тому времени мы полностью прекратили санитарную эвакуацию на Родину, добиваясь того, чтобы все раненые были окончательно излечены во фронтовых и армейских госпиталях и в Советский Союз уезжали здоровыми людьми.

В ходе Берлинской операции, по далеко не полным данным, только в полосах 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было захвачено 4510 самолетов, 1550 танков и штурмовых орудий, 565 бронемашин и бронетранспортеров, 8613 орудий, 2304 миномета, 19 393 пулемета, около 180 тысяч винтовок и автоматов, 876 тракторов и тягачей, 9340 мотоциклов и другие трофеи[35]. Большая часть всей этой техники и оружия представляла собой груду металла, но и металлолом в то время был очень нужен. Сбор, сортировка и отправка его на металлургические заводы легли на тыловые органы фронта (впоследствии Группы советских войск в Германии). Привести огромное количество металлолома в транспортабельное состояние, доставить к линиям железной дороги — все это составляло большую хозяйственную операцию, не менее сложную, чем, скажем, перегон скота или уборка хлеба зимой. И все же для нас эта работа не была главной. На основе решений Крымской, а впоследствии Потсдамской конференций требовалось уничтожить военно-промышленный потенциал Германии, что также легло на трофейную службу. Большой объем работ потребовал учреждения новой должности — заместителя начальника тыла фронта по трофейной службе. На эту должность назначили интенданта фронта генерала Н. К. Жижина, уже не раз показавшего свои способности при решении весьма крупных хозяйственных задач.

Много хлопот доставило нам содержание военнопленных, которых только с 16 апреля по 9 мая 1945 года было взято войсками 1-го Белорусского фронта более 250 тысяч человек.

На фронте существовал специальный отдел, имевший в своем составе 10 сборных пунктов военнопленных (СПВ). Он подчинялся Военному совету фронта и Наркомату внутренних дел СССР. Как и на протяжении всей войны, обращение с военнопленными с нашей стороны всегда оставалось гуманным. Пленные немцы

оказались в более выгодном положении, нежели находившиеся на свободе их соотечественники, жители Берлина и других крупных городов Германии, которые еще до крушения гитлеровского режима влачили полуголодное существование. Советское командование строго следило за тем, чтобы пленные находились в тепле, чистоте и получали положенную норму продовольствия. Больше того, мы, насколько возможно, считались с желанием немцев работать во время их нахождения в плену по той или иной специальности.

По мере того как наши войска продвигались к Эльбе, все новые и новые тысячи советских граждан и граждан других стран мира толпами шли на восток, уходя из лагерей и от хозяев. Репатриантов принимали на специальные сборные пункты, там они проходили медико-санитарный осмотр и обработку, некоторых тут же госпитализировали, других заново одевали и обували, а главное — надо было всех накормить и обеспечить ночлегом.

С каждым днем возрастали требования к органам тыла. Дело в том, что в течение мая и июня 1945 года среднесуточный приток репатриированных в нашу зону составлял, по данным начальника управления репатриацией, 36 тысяч человек. К концу июня их скопилось до миллиона, не считая призванных в ряды Красной Армии непосредственно армейским командованием[36].

Миллион человек!

Надо было всех разместить, накормить, подлечить, одеть, обуть. Среди репатриантов велась большая политическая работа. И над всеми этими задачами стояла одна, самая трудная и неотложная — скорее отправить людей на родину.

Стали подсчитывать, рассчитывать, но хорошего выхода найти не могли. Если сажать в поезд по 1500 человек, то потребовалось бы 700 поездов. Но ведь у каждого репатрианта были личные вещи, и мы не могли допустить, чтобы люди лишались своих скромных пожитков. Практически в поезд можно было посадить не более тысячи человек с вещами. Следовательно, понадобилась бы тысяча поездов.

В те дни мы отправляли на восток два-три поезда с репатриантами в сутки… Почти полтора года пришлось бы некоторым ждать своей очереди. Невеселая перспектива! К тому же, по имевшимся тогда сведениям, число репатриированных могло возрасти.

После неоднократных переговоров члена Военного совета фронта с Москвой решили большую часть репатриантов отправить в СССР пешим порядком. Люди понимали, что иного

выхода нет, но каждый стремился попасть в группу, подлежащую перевозке по железной дороге. Поскольку детей до 14-летнего возраста решили пешком не посылать, то нередко встречались случаи фиктивного усыновления (удочерения) детей женщинами, не желавшими идти пешком.

Оказалось, что многие женщины, раздобывшие себе обувь после освобождения, обуты в туфли на высоких каблуках, а на них далеко не уйдешь. Встал еще один вопрос — о выделении десятков тысяч пар женской обуви на низких каблуках для идущих пешком.

В общем по принятому тогда варианту походным порядком отправлялось в Советский Союз 650 тысяч человек.

Наметили пять трасс общей протяженностью (включая территорию Польши) в тысячу километров каждая. Трассы разбили на этапные пункты, где построили напольные печи для выпечки ежедневно 8—10 тонн хлеба, установили очаги для приготовления горячей пищи, которая выдавалась через каждые трое суток. На этих этапных пунктах выдавался и сухой паек на три дня. Тут же находились походные душевые и пункты медицинской помощи.

Людей свели в колонны по 5 тысяч человек в каждой. Колонны выходили на трассы одна за другой через сутки. Перед выходом устраивались торжественные проводы.

Немало было драматических сцен. Гитлеровцы часто угоняли в Германию целые семьи — мужа, жену, детей. Кроме того, среди этих «восточных рабочих» возникали на чужбине новые семьи, появлялись дети. Жены провожали в далекий путь своих мужей, а сами оставались с малыми ребятами, чтобы следовать в СССР поездом; многие из них готовы были идти вместе с мужьями пешком, но мы не могли допустить этого. Опять слезы, опять заботы… Убеждали матерей и детей, что это временная разлука, что иного выхода нет.

За выбор трасс, за порядок на них отвечали военные дорожники. Автомобильная служба фронта выделила 2 тысячи автомашин для подвоза продовольствия по маршрутам и для сопровождения каждой колонны репатриантов. Служба ГСМ выдвинула всюду свои заправочные пункты. Личные вещи отправлялись на машинах в сопровождении офицеров и самих репатриантов до советско-польской границы; там эти вещи укладывались на перроне в строго установленном порядке для дальнейшего следования поездами.

Продовольственная служба фронта отправила на этапные пункты 20 тысяч тонн муки, 6 тысяч тонн крупы, 2500 тонн мясных консервов, 1500 тонн жиров, 1600 тонн соли, 1300 тонн

сахара, 50 тысяч тонн картофеля и др. Ввиду того, что в пути большое значение имел сухой паек, фронт выделил 12 миллионов банок консервов — пришлось со всех складов фронта и армий изъять все консервы до последней банки.

Маршал Жуков лично рассмотрел план перехода репатриированных и дал строжайший наказ о соблюдении твердого порядка на трассах. Особое внимание он обратил на недопустимость каких-либо осложнений во взаимоотношениях с польским населением — ведь стояло лето, по пути много садов, огородов, прудов; категорически запрещалось самовольно заходить куда-либо.

В числе освобожденных из немецкой неволи были и граждане других стран, в том числе американцы, англичане, французы. О судьбе побывавших в немецком плену военных из союзных с нами армий заботилось не только наше командование, но и центральные правительственные органы. Граждан США, Англии и Франции одевали, обували, кормили и доставляли в Одесский порт, откуда они следовали к себе на родину.

Между прочим, не всегда тем же отвечали союзники. Они нередко передавали нам репатриированных с однодневным запасом продовольствия, а по договоренности полагалось обеспечивать их на трое суток. Вскоре последовали и другие недружелюбные акции со стороны союзников, но о них здесь говорить не место.

2 мая пал Берлин.

На 8 мая намечалось подписание в Карлсхорсте, предместье Берлина, акта о полной и безоговорочной капитуляции фашистской Германии. Мне пришлось руководить организационно-хозяйственным обеспечением этой церемонии.

В Карлсхорст прибыли представители всех союзных армий. Советское Верховное Главнокомандование представлял Маршал Советского Союза Г. К. Жуков; верховное командование союзных войск представляли маршал авиации Великобритании Артур В. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами Соединенных Штатов Америки генерал Карл Спаатс и главнокомандующий французской армией генерал Жан Делатр де Тассиньи. В Карлсхорст доставили представителей разгромленных германских вооруженных сил — фельдмаршала Кейтеля, адмирала флота фон Фридебурга и генерал-полковника авиации Штумпфа. Немецких представителей разместили в маленьком особняке вблизи бывшего военно-инженерного училища в Карлсхорсте, где намечалось подписание акта о капитуляции и устройство банкета по этому случаю.

Еще с утра 8 мая мы приняли меры к тому, чтобы стол для

немецких представителей в отведенном для них особняке был накрыт подобающим образом. Поручив официантам столовой военторга Е. П. Михетько и Е. Д. Павловой заняться сервировкой стола для Кейтеля и сопровождающих его лиц, я вызвал к себе начальника военторга фронта Н. В. Каширина, его заместителя А. В. Моргунова и шеф-повара В. М. Павлова, чтобы выслушать их доклад о подготовке торжественного обеда, который должен был состояться после подписания акта о капитуляции, примерно в 15 часов 8 мая. Еще накануне шеф-повар Павлов предложил разработанное им меню этого обеда.

Впервые пришлось нам заниматься «снабжением» такого рода.

Каждый, конечно, хорошо понимал, каковы были моральные переживания и материальные затруднения людей в связи с войной. Казалось бы, не до банкетов в такое время… Но ведь завершилась невиданная по масштабам война! Впервые собрались представители стран-победительниц по такому торжественному поводу. Надо хорошо принять гостей.

Предложенное Павловым меню было согласовано с представителем Министерства иностранных дел СССР и одобрено маршалом Жуковым.

Ассортимент продуктов требовался настолько разнообразный, что пришлось обратиться за помощью к министру пищевой промышленности СССР В. П. Зотову. Через несколько часов все недостающие продукты и напитки доставили самолетом в Берлин. Военторг фронта также выделил кое-что из своих запасов. Мы привлекли и работников столовой 1-го эшелона полевого управления фронта; начальник административно-хозяйственного отдела штаба фронта Л. С. Чернорыж и начальник военторга при штабе фронта Ю. Е. Малиновский принимали активное участие в подготовке обеда и главным образом в оборудовании зала заседания, где предполагалось принятие капитуляции.

Этот зал мог вместить человек 300–400. Столы расставили буквой «П» при подписании акта и буквой «Ш» во время торжественного обеда. Для немецких представителей поставили справа у входа небольшой столик.

Пока шло оборудование зала заседаний, меня пригласили оценить поварское искусство Павлова. Об этом человеке мне хочется рассказать подробнее. Впервые я встретил его в 1943 году на Курской дуге в одном из госпиталей фронта. После опроса претензий раненых мы осмотрели пищевой блок, и там я увидел Павлова. Раненые единодушно хвалили качество госпитальной пищи и благодарили шеф-повара. По внешности Павлов являл

собой классический тип русского повара. Его внушительная фигура, широкое лицо, серо-голубые глаза, приятная улыбка, необычайное добродушие во всем облике, профессиональная манера пускаться в подробное описание подаваемого блюда — все было в нем привлекательно. Впоследствии, когда мы двинулись вперед и госпиталь, где он работал, остался вне границ фронта, Павлова назначили шеф-поваром генеральской столовой 2-го эшелона полевого управления фронта. С той поры и до конца войны мне не раз приходилось слышать восторженные отзывы о необычайном мастерстве шеф-повара.

После войны Павлов работал заведующим производством ресторана Харьковского вокзала. Как прекрасный специалист он удостоен высокого звания мастера-повара всесоюзной категории, что засвидетельствовано дипломом за личной подписью Анастаса Ивановича Микояна.

Хорошо зная Павлова, мы не могли сомневаться в том, что подготовка торжественного обеда ведется на самом высоком уровне.

Но вдруг начались осложнения. К 15 часам обед был приготовлен, а подписание акта о капитуляции откладывалось. Уже вечерело, а команды о созыве людей в зал заседаний все не поступало. Несколько раз я обращался к маршалу Жукову, высказывая ему тревогу за качество обеда. Но не от него зависела проволочка, на то имелись причины высокого дипломатического порядка: Москва, Вашингтон, Лондон не могли договориться о процедуре принятия капитуляции… Поварам не было дела до этих переговоров, их беспокоило одно — как бы не ударить лицом в грязь и показать именитым европейцам во всем блеске русское кулинарное искусство.

Раза два я заходил в домик Кейтеля. Он сидел за столом, накрытым более скромно. За спиной у него и у других немецких представителей стояли английские офицеры. Кейтель держал себя с независимым видом, к пище едва притрагивался. Ему предстояло с минуты на минуту быть вызванным в зал заседания и там перед лицом всего мира подписать документ, который навеки пригвоздит к позорному столбу германских милитаристов — акт о безоговорочной капитуляции. Он сидел напыщенный, вытянув шею, с моноклем в глазу.

Наконец наступил долгожданный час.

За столом официальных представителей стран-победительниц в центре сидел сосредоточенный, суровый Жуков. Бесконечно щелкали затворы фотоаппаратов и кинокамер. Журналисты и кинооператоры суетились, стремительно носились по огромному залу, пытаясь взобраться повыше, чтобы лучше

запечатлеть это историческое событие.

Церемонию открыл маршал Жуков. Он приветствовал генералов, дипломатов, всех гостей. Затем он приказал ввести в зал представителей гитлеровского командования. Картинным жестом Кейтель приветствовал собравшихся фельдмаршальским жезлом.

После проверки полномочий германским представителям предъявили акт о безоговорочной капитуляции. Началась процедура подписания каждого экземпляра.

Кейтеля в эту минуту я видеть не мог — его заслонила толпа журналистов и кинооператоров.

Но вот закончилась процедура подписания акта о капитуляции, маршал Жуков приказал увести немецких генералов.

Советские люди и поныне вправе гордиться тем, что, олицетворяя силу советского оружия, несгибаемую волю советского народа, во главе всей этой церемонии был Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

После подписания акта о капитуляции (это произошло в 0.43 минуты по московскому времени 9 мая 1945 года), пока шла подготовка к ужину, вокруг Жукова тесным кольцом собрались советские генералы и журналисты, поздравляли друг друга с окончанием войны. Среди присутствовавших было немало товарищей, прошедших боевой путь от Москвы до Берлина.

Обращаясь к своим соратникам по оружию, маршал Жуков произнес речь, которую воспроизвожу по памяти:

— Партия и правительство в час смертельной опасности, нависшей над страной, доверили нам оборону столицы нашей Родины Москвы в 1941 году, и это доверие наши доблестные войска оправдали, город не был сдан на поругание врагу. Отборные гитлеровские войска были разгромлены на подступах к столице. Теперь, в 1945 году, нам снова оказаны доверие и великая честь довести до конца разгром ненавистного врага в его собственном логове. И это доверие еще более блистательно оправдали наши славные воины, водрузив знамя победы над рейхстагом.

Во втором часу ночи всех участников церемонии пригласили к столу. Рассаживали гостей так, чтобы рядом с каждым советским генералом сидели француз, англичанин и американец. Такой порядок соблюдали и за другими столами. Я сидел недалеко от главного входа, откуда было удобно наблюдать за всем залом и за работой обслуживавшего персонала. Главный распорядитель по питанию Н. В. Каширин находился недалеко от меня и легко улавливал мой знак, призывавший поставить

недостающее.

Банкет открыл маршал Жуков кратким, но выразительным тостом за победу, за советских воинов, за воинов союзных с нами государств, за здоровье всех присутствующих. Затем такие же короткие тосты произносили Теддер, Делатр де Тассиньи, Спаатс, член Военного совета фронта К. Ф. Телегин, генералы В. Д. Соколовский, Н. Э. Берзарин, С. И. Богданов, В. И. Чуйков и другие.

Откровенно говоря, все мы, в том числе и наши гости, сильно проголодались. Никто не был разочарован краткостью тостов. Да и не было нужды в них. Обстановка с самого начала сложилась весьма дружественная, все старались сказать друг другу приятное, пользуясь скудным запасом иностранных слов. Хотя я и получил на выпускном экзамене в Военной академии имени Фрунзе в 1940 году отличную оценку по английскому языку, но разговорной речью владел слабо, да к тому же многое и позабыл. Все же я смог поддерживать элементарный разговор за столом на каком-то условном, по все же понятном англичанину языке. Весь разговор сначала сводился к похвалам ужину со стороны гостей. Гости опрокидывали рюмку за рюмкой с «русской горькой»; даже отличный армянский коньяк не имел такого спроса, как «Особая московская» с белой головкой. Хотя это было уже под утро, но и суточные щи гости приняли с превеликим удовольствием, что доставило особую радость шеф-повару. Еще большим успехом пользовались украинский индюк со сметаной и уральский пирог с рыбой. Сидевший напротив меня американский генерал заметил мое влияние на восполнение ресурсов и перед тем как уйти, попросил обеспечить его на отъезд бутылкой водки и бутербродами с черной икрой. Конечно, не только он, но и другие иностранные генералы получили такой «посошок на дорогу».

Банкет завершился песнями и, конечно же, разудалой русской пляской. Второй раз за войну довелось мне увидеть, как пляшет маршал Жуков. Первый раз это было 19 ноября 1944 года в Бяла-Подляске по случаю Дня артиллерии. Он и генерал А. И. Радзиевский показали тогда изрядное умение — кавалеристы! На этот раз в паре с Г. К. Жуковым был Делатр де Тассиньи. Оба они старались превзойти друг друга сложными пируэтами…

Было около 6 часов утра. Пора разъезжаться по домам.

Расставались мы, как настоящие боевые друзья. Не думалось тогда, что дружба, скрепленная кровью, вскоре будет омрачена длительным периодом «холодной войны».

Если бы наши бывшие союзники, боровшиеся с фашизмом, не забывали тяжелых уроков минувшей войны, человечество могло бы спокойнее жить и трудиться, более уверенно смотреть в

будущее.

Мирная жизнь началась для нас вдали от Родины. Устроился быт личного состава, началась боевая подготовка. Воины теперь в норме спали, получили так называемое личное время. По вечерам из казарм доносились песни, музыка.

Артиллеристы надраивали материальную часть. Танкисты чистили, смазывали и подкрашивали боевые машины. Кавалеристы приводили в порядок снаряжение, начищали трензеля, стремена, чинили седла, а больше всего хлопотали вокруг своих лошадей. У каждого была своя служебная и личная забота.

Многих, у кого не стало семьи, кто лишился крова, одолевали нелегкие мысли: «Куда ехать после армии? Как жить дальше?» Пока шла война, эти вопросы остро возникали на какой-то миг, чтобы снова угаснуть — быть может, завтра вообще ни о чем не надо будет мечтать… А теперь думы стали неотвязными. Ожидалось, что скоро начнется увольнение из армии людей старших возрастов и, естественно, будут опрашивать, куда каждый хочет ехать. Командиры всех степеней, от лейтенанта до генерала, обязаны были помочь своим подчиненным как можно лучше решить их жизненные вопросы.

Еще до окончания войны во фронт начали поступать приглашения на работу. Люди требовались всюду. Страна все более широким фронтом шла в поход против разрухи, против бесчисленных бедствий, принесенных войной. Выбирай любой район, любую отрасль промышленности, любой колхоз, любую стройку. Конечно, в каждом отдельном случае решение принять было нелегко, и не всегда оно оказывалось удачным. Но в целом вопрос трудоустройства демобилизуемых не представлял трудности.

Для нас, работников фронтового тыла, увольнение тысяч воинов, отбывавших на Родину, принесло новые заботы: надо было заново одеть, обуть каждого человека, чтобы он уехал в добром здравии и хорошем настроении. Не обременяя страну заявками и просьбами, мы изготовили на месте до 400 тысяч комплектов обмундирования, не менее миллиона пар белья, много обуви. По решению Государственного Комитета Обороны каждому увольняемому, хорошо несшему службу, полагалось выдать подарок. По существу, речь шла о всех, ибо на фронте не было плохо несших службу. Следовательно, предстояло подготовить много тысяч подарков, по возможности учитывая при этом личные нужды увольняемых, состав их семей и пр.

Военный совет фронта выделил в подарочный фонд

радиоприемники, фотоаппараты, велосипеды, швейные машины и распорядился выдать каждому увольняемому один комплект верхней одежды. Кроме того, каждый получал шесть метров любой имевшейся на складах ткани.

Кажется, оставались чисто технические вопросы — выдать подарки, выдать 300–400 тысяч новых чемоданов и вещевых мешков. Но когда дело дошло до порядка перевозок, опять возникло множество трудноразрешимых вопросов. На поезд можно было посадить не больше тысячи демобилизованных. Где взять в короткий срок 400–500 поездов? А ведь только что для перевозки репатриантов требовалась тысяча поездов. И эти перевозки наслаивались одна на другую! Было ясно, что по железной дороге отправить всех демобилизованных невозможно.

Стали прикидывать вариант использования автомобильного транспорта. Начальник автомобильного управления фронта генерал П. С. Вайзман подсчитал, что для перевозки демобилизованных до Бреста в течение двух месяцев потребуется 5 тысяч автомобилей и 42 тысячи тонн горючего. Но маршал Жуков требовал провести увольнение в течение одного месяца. Во-первых, сами солдаты рвались домой, во-вторых, стране безотлагательно нужны были рабочие руки — приближалась уборка хлеба. Значит, требовалось еще что-то придумать.

К тому времени выяснилось, что наш фронт обязан отправить в СССР из числа обозных и строевых лошадей 50 тысяч голов, разумеется, своим ходом. А что если с ними отправить и повозки? У нас насчитывалось 59 тысяч повозок. От 30 тысяч можно было отказаться. Если на каждой повозке разместить 4–5 человек, это намного облегчит решение задачи.

Так родился вариант комбинированного способа отправки демобилизованных, одобренный Военным советом фронта. Каждая армия решала его по-своему. Только «пеший вариант» был начисто отвергнут.

Военные железнодорожники позаботились, чтобы поезда для демобилизованных были хорошо промыты, продезинфицированы, обеспечены матрацами, подушками и инвентарем.

Продовольственная служба оборудовала на всем пути следования кухонные очаги и хлебопекарни. Финансовая служба произвела расчеты с увольняемыми и выплату единовременного денежного вознаграждения, содержания за два месяца и полевой надбавки, с тем чтобы воин мог купить в магазинах военторга нужный ему товар. Финансисты проделали всю эту работу оперативно.

В общем все службы тыла сделали все от них зависящее, чтобы воины-победители уехали на Родину в хорошем

настроении.

В Бресте их радостно встречало население. И тут военные тыловики заблаговременно позаботились о том, чтобы помочь местным властям как можно лучше принять защитников Родины. Одни гражданские власти не могли тогда справиться с организацией такой встречи.

Уезжали с фронта солдаты, сержанты, старшины.

— А вы, товарищ Грунь, когда намереваетесь отбыть на Родину? — спросил я своего водителя.

— Уж послужу вместе с вами, сколько можно будет.

Так и остался Дмитрий Максимович Грунь служить «сколько можно будет». Откровенно говоря, и я не представлял себе, как могу расстаться с этим человеком. Сколько раз вместе с ним мы попадали в беду, особенно в первые дни войны, сколько раз лежали рядом, наблюдая летящие сверху черные «сигары» с самолетов противника!

22 года просидел Грунь за рулем моей служебной машины, и не помню ни единой аварии, даже самой незначительной поломки. Случай, прямо сказать, не частый в нашей жизни, но он был возможен потому, что отличительная черта Груня — абсолютное спокойствие, молчаливость и сосредоточенное внимание при любой ситуации. За все годы во время езды не было случая, чтобы Грунь повернул голову ко мне или к другому пассажиру при разговоре с ним. Он всегда смотрел только вперед, на дорогу. В длинные разговоры он также не вступал, чаще всего ограничивался односложными «да», «нет». Что он чем-то встревожен, я понимал тотчас же без слов: в эти минуты он тихонько что-то насвистывал. Сидевший в машине рядом с ним адъютант М. Свиридов также был в пути малоразговорчив. Ко мне обращался лишь, когда сомневался в правильности маршрута. После войны мы с ним расстались в связи с его демобилизацией. Адъютантом он стал случайно, получив такое назначение после тяжелой раны, хотя мог бы, если бы захотел, уйти из армии.

Трудно было расставаться с такими людьми, как Грунь и Свиридов. При каждой встрече с Грунем мне доставляет большую радость пожать его руку, посмотреть в его открытое, по-прежнему сияющее добротой лицо.

Наша экономика сильно пострадала в этой войне. Гитлеровцы разрушили 1710 советских городов и поселков городского типа, более 70 тысяч сел и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий, 98 тысяч колхозов, 1878 совхозов. Они подорвали 65 тысяч километров железных дорог, взорвали и вывезли 16 тысяч паровозов, 428 тысяч вагонов и др. В целом материальные потери Советского Союза составили около 2 триллионов 600

миллиардов рублей[37]. Вряд ли вся промышленность Германии, Восточной и Западной, если бы ее демонтировать и вывезти до последнего болта, была бы достаточной компенсацией за такие потери. Это ясно каждому.

Но мере продвижения наших войск на запад нам все чаще встречались крупные военно-промышленные объекты, построенные гитлеровской Германией для нужд агрессивной войны: пороховые, авиационные, танковые заводы и т. д. В соответствии с решениями Крымской конференции их надо было немедленно уничтожить: демонтировать и взорвать. И эта работа также выполнялась органами тыла фронта и армий по заданиям Советского правительства под руководством специальных уполномоченных Государственного Комитета Обороны М. З. Сабурова и П. Н. Зернова. Это была очень сложная и трудная работа. Она требовала хорошо продуманной технологии и высокой квалификации исполнителей. Надо сказать, что в ряде случаев немецкие инженеры и рабочие оказывали нам активную помощь.

Вспоминаю пороховой завод в Бромберге. Это был целый город с огромной сетью подземных коммуникаций. Еще более разительная картина открылась в районе Мезерицкого рубежа, где на несколько километров в подземелье протянулись цехи авиационных заводов, поставлявших истребители и бомбардировщики. Это то, что принято называть военным потенциалом гитлеровской Германии, и подобные объекты подлежали уничтожению.

Повторяю, трудно решать эти задачи в то время, когда еще идет война. Перед органами тыла со всей остротой возникали вопросы, связанные с обеспечением ее победоносного завершения. Дорога была каждая машина, каждый работник, каждая минута времени. Мы и теперь, сразу после войны, не могли полностью выполнить задачи, связанные с уничтожением крупных военно-промышленных объектов гитлеровской Германии, но всячески стремились сделать максимум возможного. Этого требовали интересы Родины, которой мы всем обязаны!

Вскоре выяснилось, что наличных ресурсов мяса нам не хватит. Рассчитывать на поставки скота из СССР было бы неправильно. Между тем фронт (вместе с репатриантами) потреблял ежедневно 450 тонн мяса.

Всем войсковым частям и соединениям мы рекомендовали, чтобы облегчить положение, обзаводиться подсобными хозяйствами, главным образом для разведения свиней. Но почему бы не помочь решению мясной проблемы еще и за счет рыбы?

Ведь побережье Балтийского моря на протяжении 300 километров примыкало к территории, занятой нашими войсками, и, кроме того, всюду было много внутренних водоемов.

В течение июня 1945 года этот вопрос тщательно изучался. Каждая армия, каждый комендант провинции и района получили задачу — учесть сохранившиеся рыболовецкие артели, снасти и возможные перспективы улова рыбы, а также выяснить, какая помощь потребуется со стороны тыла фронта, чтобы немедленно развернуть промысловый лов.

И июля Военный совет Группы советских войск в Германии (ГСВГ) вынес постановление «Об организации лова рыбы на побережье Балтийского моря». В 1945 году предстояло наловить 21 тысячу тонн рыбы, что заменило бы 14 тысяч тонн мяса, или около 50 тысяч голов крупного рогатого скота.

По данным упродснаба Группы войск, в бывших рыболовецких хозяйствах учли моторных судов 103, парусных — 21; моторных лодок 166, парусных — 12, весельных — 132; неводов и сетей — 2355. Немало рыболовецких снастей обнаружили на фронтовых и армейских складах.

Встало множество организационно-хозяйственных вопросов, в частности, где взять тару, консервные банки. Требовалось завезти на консервные заводы большое количество соли, растительного масла, перца, лаврового листа. Нужны были вагоны-холодильники.

Стали искать среди военнослужащих и репатриантов людей, имевших опыт в рыбопромысловом деле. Установили поощрительную систему оплаты труда за успешный лов, особенно ощутимую для немецких рыбаков; им выдавалось натурой изрядное количество продуктов. Немцы дружно взялись за дело, но с нашей стороны им потребовалась большая помощь автотранспортом, горючим и др. Надо было быстрее довести до конца уже начатое разминирование прибрежных вод, иначе рыбаки не хотели отправляться в море.

Промысловое рыболовство явилось совершенно новым делом для всех нас, ибо на протяжении воины мы с ним не встречались. По нужда всему научит. Научились и рыбу ловить. Армии и отдельные корпуса доносили об улове по 500–700 тонн рыбы за декаду. Бойцы охотно ели свежую рыбу. Так была решена и эта задача.

Немалую помощь оказал войскам находившийся в Берлине нарком рыбной промышленности СССР А. А. Ишков.

Несколько слов об участии работников тыла ГСВГ в подготовке Потсдамской конференции.

Начали с подыскивания места для конференции. Группа офицеров, среди которых находился представитель начальника тыла ГСВГ полковник Г. Д. Косогляд (начальник квартирно-эксплуатационного отдела Группы), объехала окрестности Берлина. Их выбор пал на Бабельсберг, рядом с Потсдамом. Это — красивая дачная местность, она вся в зелени. Там раньше жила крупная берлинская буржуазия. Владельцы домов убежали на Запад, оставив прислугу. Рядом — красивый парк Сан-Суси с дворцом бывшего германского кронпринца.

Г. К. Жуков одобрил выбор, после чего И. В. Сталин также остановился на этом варианте: в своем послании от 18 июня 1945 года на имя Черчилля Сталин рекомендовал местом для проведения конференции Бабельсберг. Для каждой союзнической делегации отводились отдельные помещения, а совместные заседания международной конференции намечалось проводить во дворце Гогенцоллернов.

Пока шла дипломатическая переписка, мы начали ремонтно-строительные работы. Объем их оказался значительным. Перед приходом советских войск немцы взорвали в Бабельсберге все подземные коммуникации, вывели из строя водопровод, канализацию и энергосеть. Предстояло заново отремонтировать по 6–8 дачных домов для каждой делегации и подвести подъездные пути к ним — построить 6 километров новых дорог, отлично заасфальтированных, и восстановить 15 километров прежних. Особо сложным оказался ремонт дворца кронпринца. Он много лет не ремонтировался, и внутренняя отделка его обветшала. Во дворце 36 комнат, из них на первом этаже — 22. Каждой делегации предоставлялся отдельный подъезд; один общий подъезд предназначался для корреспондентов и обслуживающего персонала. Конференц-зал для совместных заседаний также имел 4 отдельных входа. Кроме того, рядом с этим залом для каждой делегации мы подготовили по одному общему залу и несколько рабочих комнат. Так появились «Белый зал» — для советской делегации, «Голубой зал» — для американской делегации и «Розовый зал» — для английской делегации.

Дворец полностью отремонтировали. Наружные его стекла не пришлось закрывать плотными шторами, так как они оказались затянутыми густо разросшейся декоративной зеленью. Конференц-зал еще в прежние годы был отделан изнутри дубом, и теперь потребовалась лишь тщательная зачистка стен. Представители США и Англии наблюдали за ходом ремонтно-восстановительных работ, предъявляя порой весьма высокие требования. По их желанию пришлось стены в залах и спальнях

отделать цветным натуральным шелком. Полы всюду застлали дорогими коврами.

Мне казалось, что и И. В. Сталину надо обставить особняк не менее роскошно, и в этом направлении кое-что успели сделать. Но представитель Москвы генерал И. С. Власик разъяснил, что чем скромнее будет отделка и убранство, тем лучше. Вместо дорогих кроватей и столов, откуда-то привезенных, поставили простые кровать и диваны, строгий письменный стол и кресло к нему. Кабинет, спальню, приемную заново выкрасили в темные цвета; все ковры из помещения убрали и заменили дорожками.

Для конференц-зала круглый стол диаметром 6,8 метра был изготовлен на московской мебельной фабрике «Люкс». Вокруг него размещалось два ряда кресел: первый ряд — для глав и членов делегаций, второй — для их помощников и консультантов.

Для производства ремонтных работ в помещениях и для восстановления нарушенных подземных коммуникаций привлекли немецких инженеров, техников и рабочих, для которых выделили 1200 продовольственных пайков, Хорошо потрудились дорожники генерала Г. Т. Донца и саперы генерала А. И. Прошлякова: они с необыкновенной быстротой вымостили и заасфальтировали все въезды и выезды, проложенные с таким расчетом, чтобы всюду исключалось встречное движение. Службе регулирования придавалось особое значение. Построили два новых моста через озеро в Потсдаме и два моста восстановили. Большие работы провели по благоустройству приусадебных территорий и восстановлению парка Сан-Суси: привезли и высадили более 1500 туй, серебристых елей и других насаждений, устроили 50 клумб и высадили много цветов.

Ради надежности охраны всю ближайшую территорию разбили на три кольца — внешнее, среднее и внутреннее. Охрану первых двух колец несли советские люди; внутреннее кольцо размежевали на три сектора, из них каждый охранялся людьми соответствующей державы.

Питание и другие виды обслуживания по предварительной договоренности обеспечивала себе каждая делегация своими силами и ресурсами (на Крымской конференции было иначе, там все заботы и расходы нес Советский Союз); только буфет в конференц-зале был общим, за счет СССР.

Теперь эта работа, доставившая немало хлопот тыловикам, кажется маловажной. Но рассказать о ней я должен в своей книге, потому что этот пример еще раз подтверждает истину, что нет такого положения и нет такого события, которое хоть на короткое время сняло бы с начальника тыла бремя забот, и очень часты

такие положения и такие события, когда бремя это становилось более тяжелым. Так и в данном случае. Конечно, справиться с описанными выше работами — не то, что обслуживать полуторамиллионное войско. Но и в Бабельсберге не проходило часа, чтобы не создавалась напряженная и нервная ситуация. В качестве постоянного своего представителя при аппарате делегации я выделил начальника штаба тыла Группы генерала М. К. Шляхтенко. Непосредственным руководителем ремонтно-строительных работ был полковник Г. Д. Косогляд, а бытовым устройством занимался начальник хозяйственного отдела штаба ГСВГ майор Л. С. Чернорыж.

По окончании конференции многие непосредственные исполнители, занятые подготовкой и обслуживанием ее, были отмечены правительственными наградами. Особой похвалы заслужили Косогляд и Чернорыж.

Приближаясь к Берлину, мы видели немцев, пашущих землю, сажающих картофель. Но это были одиночки, и они обрабатывали отдельные клочки. Большая же часть земель между Одером и Берлином и даже западнее Берлина оставалась необработанной. Не до заботы о завтрашнем дне было в то время немцам! Многие из них считали себя обреченными и боялись, что км придется расплачиваться за все содеянное ими самими или их родными и соотечественниками. Но Красная Армия пришла в Германию не мстить немецкому народу, а помочь ему искоренить нацизм. Воспитанные Коммунистической партией, советские воины обладали высокими морально-политическими качествами. И вскоре немцы в этом сами убедились.

Какими бы в то время сильными ни казались апатия п депрессия в широких кругах населения Германии, нельзя было медлить с мобилизацией его на весенний сев. Близился конец войны — завтра встанут задачи мирной жизни.

В те дни в Берлин прибыла группа Вальтера Ульбрихта, взявшая на себя руководство демократически настроенной частью населения. В. Ульбрихт сразу же с головой ушел в дело восстановления экономики страны, налаживания новой жизни. Изучив положение, он обратился за помощью к советскому командованию. Военный совет фронта выразил готовность оказать всяческую помощь. Проводником такого рода решений, естественно, были органы тыла. Многое зависело от быстроты, организованности всей системы тыла, от ее готовности включиться в новые хозяйственные дела.

Уже упоминалось, что, подготавливая Берлинскую операцию, еще находясь на восточном берегу Одера, войска нашего фронта

развернули работу по весеннему севу: к 5 мая 1945 года площадь засеянных войсками земель достигла 300 тысяч гектаров. Теперь надо было продолжить эту работу.

Всего в восточной части Германии насчитывалось пригодной земли 6700 тысяч гектаров, из них 1400 тысяч было засеяно пшеницей и рожью осенью 1944 года. Для Германии — это нехарактерное явление, там всегда преобладал озимый клин, но война внесла свои поправки. Около 5 миллионов гектаров требовалось засеять весной. Много поместий осталось без хозяев; часть из них взяли в свои руки крестьяне и назначили управляющих, остальные оставались безнадзорными. Надо было остановить разбазаривание бесхозных поместий, собрать уцелевший инвентарь, организовать его ремонт, приостановить изъятие лошадей, а главное — помочь семенами, картофелем, тракторами, горючим, транспортом. Во всем этом оказывалась существенная помощь со стороны нашего командования немецкому населению. Тысячи тонн картофеля, проса, гороха и других культур, которые еще можно сажать и сеять, были выданы немцам; помогли мы им и тракторами, автомобилями, горючим. В конце концов засеяли всю землю. Работая в поле, немцы очнулись от летаргии и показали себя, как прежде, рачительными хозяевами и тружениками.

Однако самой сложной и трудной продовольственной задачей, вставшей перед нами, явилось снабжение Берлина. В городе, где раньше насчитывалось около 5 миллионов жителей, к нашему приходу осталось немногим более 2 миллионов, остальные разбежались по всей Германии, спасаясь от бомбежек.

Берлин — индустриальный центр с одним из крупнейших отрядов рабочего класса страны. Уже давно трудящиеся города голодали. Буржуазия сбежала, остались труженики, и о них Советское правительство позаботилось еще до капитуляции Германии. Сразу после взятия Берлина Военный совет фронта в ожидании решений Государственного Комитета Обороны ввел временные нормы снабжения населения.

В. Ульбрихт писал: «…В то время немецкий народ не мог прочно встать на ноги без помощи извне. Население Германской Демократической Республики никогда не забудет самоотверженной мирной работы советских комендантов и офицеров, еще совсем недавно сражавшихся на фронтах против фашистских войск; теперь они с небывалой энергией приступили к оказанию помощи немцам, побуждая их целеустремленно и самоотверженно взяться за работу. Это было достойным завершением освободительной миссии советских войск»[38].

9 мая в Берлин прибыли заместитель Председателя Совета

Народных Комиссаров СССР А. И. Микоян и начальник тыла Красной Армии генерал А. В. Хрулев. Они привезли решение Советского правительства об организации помощи населению Берлина.

В соответствии с принятыми нормами лицам, занятым на тяжелых физических работах, и рабочим вредных профессий выдавалось в день по 600 граммов хлеба, 80 граммов крупы и макаронных изделий, 100 граммов мяса, 30 граммов жиров, 25 граммов сахара; рабочие получали по 500 граммов хлеба, 60 граммов макаронных изделий и круп, 65 граммов мяса, 15 граммов жиров и 20 граммов сахара. Все остальное население получало по 300 граммов хлеба, 30 граммов макаронных изделий и круп, 20 граммов мяса, 7 граммов жиров и 15 граммов сахара. Кроме того, каждый житель получал по 400–500 граммов картофеля в день и по 400 граммов соли в месяц. Наконец, по карточкам выдавали кофе и чай. Для ученых, инженеров, врачей, работников культуры и искусства, а также для руководящих работников городского и районного самоуправления, тяжелой промышленности и транспорта были установлены такие же нормы, как и для рабочих, занятых на физически тяжелых и вредных работах. Прочие технические работники в Берлине, равно как и предприниматели, учителя и служители церкви, получали продовольствие по тем же нормам, что и рабочие обычных предприятий. Для больных, находящихся на излечении в больницах, были введены особые нормы. Кроме того, А. И. Микоян распорядился всем детям Берлина до 13-летнего возраста ежедневно выдавать по 200 граммов молока.

Вначале мы рассчитывали обеспечить питанием два с лишним миллиона учтенных жителей Берлина, и, исходя из этого числа, напечатали продовольственные карточки. Однако вскоре положение изменилось. Прослышав о том, что советское командование никаких расправ с немцами не учиняет и даже, наоборот, намеревается кормить жителей Берлина, со всех концов Германии потекли в столицу длинные колонны мужчин, женщин и детей — кто на чем мог: на велосипедах, мотоциклах, полуразбитых автомашинах, телегах, запряженных в ручные повозки собаках или просто пешком. Пришлось допечатывать продовольственные карточки, доведя их число до 4 миллионов.

Для обеспечения продовольствием населения Берлина было заготовлено за счет ресурсов 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов на пятимесячную потребность 105 тысяч тонн зерна, 18 тысяч тонн мясопродуктов, 4,5 тысячи тонн жиров, 6 тысяч тонн сахара, 50 тысяч тонн картофеля на месячную потребность, 4 тысячи тонн соли и 350 тонн кофе.

Всю работу по завозу в Берлин продовольствия, организации товаропроводящей сети, обеспечению порядка при выдаче продовольствия жителям А. И. Микоян возложил на органы тыла фронта, объявив мне, что несу персональную ответственность за точное и своевременное выполнение правительственного решения. Вот уж никак не думал я, скажем, полгода назад, что мне придется кормить немцев!

Пока мы были заняты завозом продовольствия, в Берлине ходило множество провокационных слухов. Шептались даже, что, мол, соберут немцев у продовольственных пунктов, чтобы там перехватать всех. Каково же было удивление жителей, когда в назначенный день и час (15 мая в 8 часов утра) открылись все ларьки и началась выдача продовольствия.

Незадолго перед этим А. И. Микоян, просматривая текст продовольственной карточки, спросил меня:

— А какой кофе вы собираетесь давать немцам?

— Суррогатный, — ответил я.

— А почему не натуральный?

Я ответил, что натурального кофе на складах фронта нет.

А. И. Микоян сказал:

— На складах у вас нет, а в Советском государстве есть. Потрудитесь в каждой карточке в графе «кофе» добавить «натуральный»…

Пришлось допечатывать слово «натуральный» в 4 миллионах карточек.

Пока мы вносили эту поправку, заместитель члена ГКО по продовольственным вопросам В. П. Зотов отправил из Москвы в Берлин поезд с натуральным кофе. Наркомат путей сообщения обеспечил этому эшелону «зеленую улицу». Как всегда, Зотов выручил нас в трудную минуту.

Когда начали выдавать продукты, немцы были поражены: все они, кроме правящей верхушки и богачей, давно и, казалось, навсегда забыли запах и вкус натурального кофе, и им не верилось, что теперь вдруг русские его дадут; но мы выдавали по карточкам именно натуральный кофе, притом на месяц и даже на два вперед, чтобы пачку не делить, а целиком вручить ее потребителю.

В первый день выдачи продовольствия Микоян и маршал Жуков лично осмотрели ряд продовольственных магазинов. Всюду они нашли должный порядок и не раз выслушивали от немцев слова благодарности и признательности советскому народу за помощь.

По решению Военного совета фронта городским властям Берлина передали 1000 грузовых и 100 легковых автомашин,

тысячу тони горюче-смазочных материалов, 5 тысяч голов дойных коров для обеспечения молоком детей и больных.

На органы тыла была возложена задача совместно с первым военным комендантом Берлина генерал-полковником Н. Э. Берзариным содействовать быстрейшему налаживанию нормальной жизни в городе, открытию театров, кино, кафе, восстановлению электроосвещения, телефонной связи, усилению санитарного надзора, пуску промышленных предприятий, доставке угля и т. д.

Передо мной доклад начальника тыла Группы советских войск в Германии члену Государственного Комитета Обороны А. И. Микояну от 21 июня 1945 года о снабжении населения Берлина продовольствием и об организации нормальной работы коммунального хозяйства и городского транспорта, лечебных и культурных учреждений. В докладе говорилось:

«На июнь выдано потребное количество продовольственных карточек. Сеть магазинов достаточна, очередей нет. Детям регулярно выдается молоко. Продовольствие выдается бесперебойно.

Проведена широкая санитарно-эпидемиологическая разведка, ликвидированы очаги инфекции. На территории города собрано и закопано свыше 2 тысяч трупов животных.

Обследованы водопроводные станции, воспрещены для использования засоренные источники. Организован медицинский контроль на холодильниках и консервно-колбасных фабриках. Начали работать: больниц — 92, детских больниц — 4, родильных домов — 10, аптек — 146, амбулаторий — 9, диспансеров — 4, медпунктов — 13, детских консультаций — 3, станций скорой помощи — 6. Общее количество коек в больницах — 31 780. Врачей, работающих в лечебных учреждениях — 654, частно практикующих — 801. Созданы главное управление здравоохранения Берлина и районные органы.

Мощность действующих электростанций доведена до 98 000 квт. Подключено к электросети: жилых домов — 33 тысячи, водопроводных и канализационных станций — 51, бань — 4, прачечных — 7, парикмахерских — 480, пекарен — 1084. Восстановлено и включено свыше 3 тысяч фонарей уличного освещения.

Пущено в эксплуатацию 15 водопроводных станций с суточной мощностью 510 тысяч кубометров, восстановлены основные водопроводные магистрали. Подключены к водопроводной сети зданий 85 тысяч и все работающие коммунальные предприятия.

Пущено в эксплуатацию 35 канализационных станций.

Введено в эксплуатацию 39,2 километра линий метрополитена, открыто 52 станции, работает 16 поездов в составе 62 вагонов.

Введено в эксплуатацию 8 линий трамвая общей протяженностью 65,4 километра, работает 122 вагона.

Введено в эксплуатацию 7 линий омнибусного сообщения протяженностью 91 километр, работает 46 омнибусов.

Пущено в эксплуатацию 5 газовых заводов общей суточной производительностью 157 тысяч кубометров.

Пущено в эксплуатацию 6 бань, ремонтируется 5 бань. Пущено в эксплуатацию 10 прачечных.

Для подвоза каменного угля из Силезии сформировано 18 железнодорожных вертушек. Брикетированный уголь из Мюнхеберга подвозится 25 вертушками, 850 тонн каждая.

Открытие магазинов и ресторанов получило пока незначительное развитие.

Открыты и работают театры: „Западный театр“, где выступает балетная группа, „Ренессанс“ — театр (комедия), симфонический оркестр филармонии, в ближайшие дни будут работать оперный и драматический театры. Открыты и работают 45 варьете, 127 кинотеатров, посещаемость которых от 80 до 100 тысяч в сутки»[39].

И так далее…

Читаешь это и поневоле вспоминаешь, какую участь готовил Гитлер для нашей столицы Москвы, если бы ему удалось овладеть ею. На совещании в штабе группы армий «Центр» в 1941 году он сказал: «Город должен быть окружен так, чтобы ни один русский солдат, ни один житель — будь то мужчина, женщина или ребенок — не мог его покинуть. Всякую попытку выхода подавлять силой. Произведены необходимые приготовления к тому, чтобы Москва и ее окрестности с помощью огромных сооружений были затоплены водой. Там, где стоит сегодня Москва, должно возникнуть огромное море, которое навсегда скроет от цивилизованного мира столицу русского народа…»

Та же участь готовилась и для Ленинграда. «Для всех других городов, — говорил Гитлер, — должно действовать правило, что перед их занятием они должны быть превращены в развалины артиллерийским огнем и воздушными налетами. Недопустимо рисковать жизнью немецкого солдата для спасения русских городов от огня»[40]. Один из верных псов Гитлера, фельдмаршал Рейхенау, издал в 1941 году приказ, в котором говорилось: «Снабжение питанием местных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью…»

Советский народ и его армия-победительница не мстили

поверженному противнику. Сколько горя претерпели советские люди от фашистского вторжения! Ведь не оказалось ни одной семьи в стране, которая не была бы задета войной.

20 миллионов человеческих жизней потеряли мы в этой войне. Но армия понимала, что нельзя ставить знак равенства между гитлеризмом и немецким народом, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается.

Советские воины помогли немецкому народу. Передовые представители его выражали удивление невиданному гуманизму Красной Армии.

«Что вы с нами теперь сделаете? — спросил советского офицера немецкий писатель и драматург Гергарт Гауптман. — Горе нам, если вы решили отомстить немцам за все содеянное… То, что произошло, так ужасно, так чудовищно, так отвратительно, что я не могу ни с чем это сравнить. Я не сомневаюсь, что если не сейчас, то через пятьдесят лет немецкий народ снова найдет себя. Он возродится. Но это должен быть уже другой народ, а не тот, что так слепо пошел навстречу своей катастрофе»[41].

Другой талантливый немецкий писатель Ганс Фаллада собирался написать роман о советских офицерах, особенно о военных комендантах, с которыми ему приходилось часто общаться как бургомистру города. Он писал:

«И не потому, что я многим обязан русским… Русские люди потрясли меня, ничего подобного я еще не видел… Где и когда видано это было, чтобы армия-победительница была так великодушна и добра к побежденному народу?.. Я говорю о буднях, о том, что я видел и пережил за время моего пребывания на посту бургомистра в городе Фельдберге… Черт побери!.. Вы же пришли к нам победителями. Освободителями Европы. Четыре года не знали ни сна, ни отдыха, не раз смотрели смерти в лицо… Тысячам смертей! Вы должны были озвереть, сердца ваши должны были стать булыжниками… У вас было право пировать, кутить, отбирать самых красивых женщин, обогащаться, наслаждаться жизнью, которую вам подарила судьба… А что я увидел? Я увидел одержимых комендантов, которые ни себе, ни мне не давали покоя, пока не откроется еще одна булочная для немцев, пока не пустят электростанцию, откроют кинотеатры, пока не завезут продукты в детскую больницу… Какое вам было дело до всего этого? Пускай немцы вымрут, подохнут с голоду, сойдут с ума — вам-то что до этого? Так даже многие немцы рассуждали в те дни… А мои друзья-коменданты… чуть свет поднимали меня с постели и спрашивали: сколько я послал людей на разборку руин, сколько выпечено хлеба и завезены ли

овощи? Потом они ездили на поля, проверяли, как идет посевная, как будто это было где-то у них в Рязани, как будто этот хлеб нужен был их детям!»[42]

А вот что писал более молодой немец, восторгаясь тем, что он видел в Волгограде в мемориале на Мамаевом Кургане.

«В центре зала гигантская рука держит горящий факел с Вечным огнем. Помещение наполняют тихие, волнующие звуки музыки: нежные и вместе с тем властные „Грезы“ Шумана… Немецкая музыка… Здесь, в таком месте!.. Кто до сих пор этого не понимал, тот понял сегодня, здесь. Каким великим сердцем и умом обладает этот народ! Даже тут, где рекой лилась кровь, он безошибочно отсекает фашистский разбой от немецкой культуры»[43].

Советским людям невозможно без волнения читать эти искренние признания двух поколений немцев.

Думая над всем этим, я вновь и вновь восхищаюсь гуманизмом Красной Армии — победительницы, проявленным по отношению к поверженному врагу. Восхищаюсь силой влияния и благородством идей Коммунистической партии Советского Союза, которая уберегла свой народ и армию от чуждой нам идеологии кровавых расправ. Нет, не такова природа социалистического государства, чтобы нести насилие и разграбление в побежденную страну!

Впрочем, нельзя и ставить «китайскую стену» между фашиствующими мракобесами и всеми остальными немцами, ибо это значило бы полностью снять вину с тех, кто, борясь против коммунизма, предал интересы трудящихся и породил фашизм. И кто же в наши дни несет ответственность перед историей за ростки неофашизма на той же почве, какая взрастила гитлеризм?

Хочется верить, что в ФРГ силы прогресса возобладают над реакцией и реваншизмом и не будет обращено во зло великодушие и долготерпение советского народа. Основанием для такой веры служит все возрастающая роль Германской Демократической Республики.

Теперь, спустя более трех с половиной десятилетий после победы над гитлеровской Германией, мы можем с чувством глубокого удовлетворения сказать, что семена гуманности были брошены советским народом на благодатную почву. В лице трудящихся Германской Демократической Республики наша страна обрела верных союзников. Рабочий класс и крестьянство ГДР успешно строят социализм.

ГДР находится в первом десятке высокоразвитых стран мира и производит сейчас столько промышленной продукции, сколько ее производилось до войны во всей Германии.

Германская Демократическая Республика являет собой надежный форпост социализма в Западной Европе. Она проводит миролюбивую внешнюю политику и оказывает серьезное сдерживающее воздействие на реваншистскую политику неонацистов. В сентябре 1973 года ГДР принята в члены ООН. Первое в истории Германии социалистическое государство твердо и уверенно шагает в будущее.

Боевым союзником Советской Армии является Национальная народная армия ГДР.

Отношения СССР с Германской Демократической Республикой основываются на полном равноправии, взаимном уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела. В соответствии с договором от 7 октября 1975 года углубляются, становятся разносторонними наши межпартийные связи и межгосударственные отношения, расширяется сотрудничество в осуществлении планов социалистического и коммунистического строительства.

Кровь, обильно пролитая советским народом в борьбе с фашизмом, призывает всех нас к братской солидарности в борьбе за мир во всем мире.

Это и есть тыл фронта

В предыдущих главах я рассказал лишь об основных функциях тыла и привел немногие случаи, встречавшиеся в работе. Действительное многообразие задач так велико, условия выполнения каждой из них настолько сложны и специфичны, что даже протокольное описание их потребовало бы слишком много места и времени. Тем не менее основное представление о работе тыла дать следует.

Итак, что же такое тыл фронта?

Это большой коллектив людей, призванных решать сложные и разнообразные задачи по обеспечению боевой деятельности войск.

Это огромная территория, иногда в сотни тысяч квадратных километров, равная по площади Франции или ФРГ, и не просто территория, а вся экономика, сырьевые ресурсы, производственные мощности, рабочая сила, находящиеся на ней.

Это коммуникации — железнодорожные, водные, автомобильные, воздушные, дополняющий друг друга транспорт, используемый в соответствии с географическими особенностями театра войны, погодными условиями и боевой обстановкой.

Это множество соединений, частей, учреждений, всевозможных специальных технических и других подразделений, сведенных в единую систему.

Вся эта система живет и работает лишь в своем органическом единстве, взаимодействии и взаимопомощи.

Если учесть все звенья тыла до роты и всех людей, обеспечивающих войска в материальном, техническом, медицинском, ветеринарном, транспортном и других отношениях, то этот коллектив составит не менее одной пятой всей численности войск; на 1-м Белорусском фронте в тылах было в разное время от 250 до 400 тысяч человек. Разумеется, это очень много, и поэтому извечная проблема — сократить тылы…

Сколько раз в минувшую войну с «частым ситом» прохаживались по тыловым учреждениям всевозможные комиссии в поисках «единиц», которые можно было бы сократить в штатах, в поисках здоровых, пригодных для строя людей, в поисках оружия, более необходимого на фронте. Но результаты всегда были мизерными, и не потому, что кто-то комиссиям сопротивлялся. Уж такова природа современной войны и современной армии, что тылы имеют тенденцию к разбуханию: всякий новый вид оружия, новый вид вооруженных сил требует более разветвленной и сложной системы обеспечения и обслуживания.

В Москве на параде проходит громада на колесах или гусеницах, именуемая боевой машиной пехоты, танком или ракетой. А задумывался ли кто над тем, как питать эту громаду боеприпасами, горючим, самыми деликатными видами масел? Какие дороги и мосты, сколько всяких дополнительных машин и людей требуется для того, чтобы эта техника безотказно действовала?

Этим занимается тыл фронта.

Теперь тылы во многом механизированы, но главенствующую роль, как и прежде, играют люди. Без них невозможно обойтись даже в наш век вычислительной техники и кибернетики.

В составе тыла 1-го Белорусского фронта насчитывалось около 1500 частей и учреждений, не считая дивизионного и полкового звена. Каждому надо было указать место в общей системе построения тыла, обеспечить его средствами связи, своевременно поставить задачи и следить за тем, чтобы ни одно учреждение не оказалось неуправляемым.

20 генералов, 33 тысячи офицеров насчитывалось в системе тыла нашего фронта. Это — люди, научившиеся в жестокой школе войны преодолевать трудности, находить выход из, казалось бы, безвыходных положений.

Все это и есть тыл фронта.

Как ни велика бывает территория тыла фронта, она имеет свои границы — переднюю, совпадающую с расположением передовых частей, боковые и тыловую. Разграничительные линии устанавливались для того, чтобы командование точно знало территорию, на которой ему предоставлено право располагать войска, пользоваться коммуникациями, эшелонировать материальные запасы, части и учреждения, производить заготовки продовольствия, использовать для своих нужд промышленные предприятия, базы, склады, сырье, привлекать местное население для тех или иных работ. Возлагалась ответственность фронтов за поддержание порядка на отведенной им территории, за сохранность коммуникаций, за охрану и оборону тыла в целом.

В обороне размеры этой территории бывали обычно большими, а перед началом наступления они резко, почти вдвое сокращались. Но случалось и так, что в ходе наступления на большую глубину передняя линия перемещалась вперед, а перенос тыловой разграничительной линии задерживался, и тогда территория тыла фронта быстро увеличивалась.

А кто повинен в том, что перенос тыловой границы задерживался? Тут всякое бывало. В одном случае сам начальник тыла фронта не заинтересован в сокращении территории, поскольку в глубоком тылу еще остались его материальные запасы и учреждения, и чтобы их подтянуть ближе к войскам, надо сохранить за собой право управления железными дорогами; отдав территорию в распоряжение центра, начальник тыла фронта попадал в прямую зависимость от него. Но, с другой стороны, чрезмерная растяжка крайне затрудняла управление тылом.

Случалось и так, что начальник тыла фронта был заинтересован в том, чтобы поскорее отдать излишек территории центру, но последний с этим не торопился, так как еще не подготовился к принятию на себя ответственности за порядок на территории, за успешную работу железнодорожного транспорта, за автомобильные дороги и т. д. Нередко по этому поводу затевалась оживленная и даже нервозная переписка между фронтом и центром.

Определение тыловых разграничительных линий для фронта и армии весьма существенно — оно является одним из способов управления системой тыла. В отведенных границах Военный совет фронта располагал высшей властью и действовал от имени правительства СССР.

Что характернее всего для системы тыла фронта в годы войны? На мой взгляд, это его многогранность и единство.

Именно такое сочетание позволяло руководству тылом самому решать задачи быстро и до конца, освобождая командующего от множества больших и малых тыловых вопросов. Именно в этом заложен смысл перестройки, произведенной в августе 1941 года и целиком оправданной опытом войны.

В современных условиях, когда так усложнилось управление войсками, сама жизнь выдвинула необходимость создания единой централизованной системы тылового обеспечения всех видов и родов войск.

Перед Великой Отечественной войной тылом руководили общевойсковые штабы, которые отвечали за организацию тыла, планирование материального обеспечения, организацию подвоза. Но непосредственной ответственности за снабжение и медицинское обслуживание войск они не несли, поскольку эти службы не были им подчинены. Снабжением войск материальными средствами, медицинским и ветеринарным обеспечением ведали начальники родов войск и служб, подчиненные не штабу, а непосредственно командующему.

Уже опыт советско-финляндского конфликта 1939–1940 годов наглядно показал, как часто нарушалось управление тылом из-за того, что начальники штабов не могли уделить ему должного внимания. Ввиду этого в некоторых армиях тогда назначили заместителей начальников штабов по тылу, а в 8-й армии — помощника командующего по тылу. К сожалению, этот мимолетный, но очень важный опыт расценивался как частный случай, и мы вступили в Великую Отечественную войну с разобщенной системой тылового обеспечения. Самого термина «тыловое обеспечение» не было перед войной. Обычно выражались так: «организация тыла и материально-техническое обеспечение операции». Термин хотя и длинный, но далеко не исчерпывающий.

Родившаяся в самом начале войны система тылового обеспечения войск характерна тем, что соединяла в едином руководящем органе функции снабжения и подвоза. Разорвать эти две функции — значит нарушить единство системы тыла, резко ослабить ее.

О многогранности системы тыла свидетельствует простой перечень служб и направлений в работе, которыми ведал начальник тыла фронта в годы Великой Отечественной войны: штаб тыла; политотдел тыла; железные дороги, их восстановление и эксплуатация; автомобильные дороги, их

строительство, восстановление и эксплуатация; автомобильная служба; служба снабжения горючим; вещевое снабжение; квартирное довольствие; медицинская служба; ветеринарная служба; финансовая служба; продовольственное снабжение; государственный банк; трофейная служба; сельскохозяйственное управление (в конце войны); промышленный отдел (в конце войны); отдел кадров; инспекция начальника тыла; военторг; полевая почта.

Кроме перечисленного, начальник тыла отвечал за подвоз всеми видами транспорта боеприпасов, инженерного имущества и всего остального, за эвакуацию всего ненужного, что было в войсках.

Из приведенного перечня видно, что начальник тыла ведал не только основными видами довольствия, но и всеми средствами доставки их в войска. В этом именно состоит законченность системы. Командующий фронтом имел все основания требовать от своего заместителя по тылу гибкого и своевременного решения вопросов потому, что в руках последнего было для этого все необходимое. Уже не общевойсковой штаб, а начальник тыла становился организатором. Он устраивал тыл так, чтобы это было наиболее выгодно со всех точек зрения: с учетом характера предстоящей операции, надежности охраны и обороны тыла, наибольших удобств размещения тыловых учреждений, а также организации подвоза и эвакуации.

В минувшей войне начальник тыла впервые выступил во всей полноте персональной ответственности перед Военным советом за работу тыла.

Что значит организовать тыл на фронте?

Не может быть отвлеченной, безотносительной организации тыла. Она должна соответствовать оперативным задачам фронта. Если войска, например, имеют оборонительную задачу, то и тыл должен иметь организацию, соответствующую обороне. При этом надо учитывать, что не исключены временные неудачи, вынужденные отходы, широкое маневрирование войсками и боевой техникой, нанесение контрударов и т. д. Было бы крайне неразумно подставлять под удар противника большое количество тыловых частей, учреждений и материальных запасов. Особенно недопустимо скопление раненых вблизи переднего края. Поэтому в обороне тыл глубоко эшелонировался. Из глубины гораздо удобнее маневрировать подвозом материальных средств, легче обеспечивать перегруппировку войск.

Совсем другое в наступлении. Зная замысел командования и общий план наступательной операции, начальник тыла фронта соответствующим образом организовывал работу. Было бы

ошибкой относить далеко от переднего края наиболее важные тыловые части, учреждения и запасы. Наоборот, чем глубже и стремительней планировалась операция, тем больше основания было идти на решительное приближение к войскам всего необходимого. Разумеется, в рамках разумного, не по шаблону.

В Висло-Одерской операции, например, мы решились на необычное приближение к переднему краю не только армейских, но и фронтовых частей, учреждений и запасов, и это вполне соответствовало оперативно-стратегической обстановке. При другой ситуации мы, конечно, поступили бы иначе.

Следовательно, организовать тыл на фронте — это означает придать тылу такое организационно-оперативное построение, которое соответствовало бы характеру боевой операции.

Эту же мысль можно выразить и другими словами: тыл должен быть так организован для предстоящей операции, чтобы он сохранял возможно дольше свою устойчивость и мобильность, не претерпевая больших встрясок и перестроек при тех или иных частичных изменениях на фронте. Известно немало случаев, когда даже незначительная неустойчивость в тылу пагубно влияла на состояние войск на фронте.

Чтобы организовать тыл, его начальник должен возможно полнее, а главное — заблаговременно знать замысел операции и план проведения ее. То, что принято называть оперативным ориентированием начальников, имеет первостепенное значение для тыла.

Немалым недостатком в минувшую войну было кое-где несвоевременное, запоздалое ориентирование начальника тыла в замысле операции, в планировании ее. Если любому командующему родом войск или начальнику службы требовалось несколько суток для перегруппировки сил и средств, то начальнику тыла фронта необходимо еще больше времени, чтобы привести систему тыла в соответствие с планом операции. Ему нужны железные и автомобильные дороги, всевозможные виды транспорта, чтобы переместить десятки тысяч тонн грузов, нужна тщательная организация. И, естественно, требуется время. Вот почему я снова подчеркиваю неоценимое значение того факта, что командующий фронтом маршал Г. К. Жуков еще задолго до начала Висло-Одерской операции ознакомил меня с планом ее проведения. Не будет преувеличением сказать, что даже на такой ранней стадии, как разработка замысла, а тем более плана операции, начальник тыла фронта должен принимать в ней не меньшее участие, чем начальник штаба фронта.

Непременным условием правильного функционирования тыла является хорошее взаимопонимание между штабом тыла и

общевойсковым штабом.

Организовать тыл — значит предвидеть. Глубина и точность предвидения зависят от общей военно-теоретической и экономической подготовки руководящих генералов и офицеров тыла, от их умения извлечь уроки из предыдущего опыта, от способности объективно оценить намерения противника не только перед нашим передним краем, но и за много сотен километров впереди, в оперативно-стратегической глубине.

Организация тыла на фронте сопряжена с множеством сложных, не всегда поддающихся учету явлений. Многое зависит и от противника.

Организация тыла на фронте — это не чертеж, заново наносимый на чистый лист бумаги. Та или иная организация возникает не только на основе замысла и оперативного решения; она, равно как и само оперативное решение, но в еще большей степени, зависит от характера театра войны, предыдущих операций, от состояния войск и тыла. Иными словами, комплекс мероприятий, осуществленных при завершении предыдущей операции, оказывает прямое влияние на масштаб и сроки подготовки новой операции. Зависимость и преемственность между двумя последовательными операциями — одна из характернейших особенностей в работе оперативного тыла. Во всяком случае так было в минувшей войне.

Организаторы тыла не сразу, конечно, научились анализировать обстановку и принимать решение не по заученной схеме, а на основе конкретных фактов, часто выходящих за рамки формальных положений. Нешаблонное решение требует от начальника не только большей затраты умственной энергии, но и большей смелости, готовности пойти на риск, принять на себя ответственность. На то и война. Вероятность неоправданного риска будет тем меньшей, чем согласованнее работает начальник тыла с общевойсковым штабом.

Классическим примером согласованной работы штаба тыла и штаба фронта, глубокого понимания командующим роли тыла, примером своевременного оперативного ориентирования начальника тыла я считаю Висло-Одерскую операцию.

Хорошо продуманная организация предопределяет успешное решение такой проблемы, как охрана и оборона тыла. Уже сама группировка частей и учреждений тыла составляет важную сторону этой проблемы. Повышение боевой готовности личного состава, четкое и бдительное несение гарнизонной и караульной служб, правильные взаимоотношения с войсками НКВД по охране, привлечение местных властей и населения для той же цели, а главное, надежное прикрытие средствами ПВО — все это

обеспечивало устойчивость оперативного тыла. Однако официально регламентированных прав и обязанностей у начальника тыла на территории, за которую он отвечал, не было; работали ощупью, и до конца войны этот вопрос не получил достаточной ясности. Мне представляется, что в деле охраны и обороны тыла начальник тыла должен быть облечен более широкими полномочиями и ему надо иметь для этой цели в своем распоряжении достаточные силы и средства.

Правильно спланировать возможные материальные издержки в предстоящей боевой операции — одна из основных задач начальника тыла, его штаба и начальников служб. В основе такого планирования лежат общеизвестные факторы: наличие сил и средств на фронте, продолжительность, глубина и темпы операции, характер театра военных действий, время года и погодные условия, опыт предшествующих операций. Каждый из названных факторов оказывает в конкретных условиях определенное влияние.

Опыт минувшей войны учит более тщательному планированию мероприятий по тыловому обеспечению первого этапа наступательной операции. Однако не менее важно предусмотреть всю совокупность условий, которые могут возникнуть на завершающем, наиболее трудном этапе, от которого нередко зависит успешное окончание операции. Большая часть наступательных операций минувшей войны заканчивалась не затуханием, не снижением боевой активности, а, наоборот, возрастанием ее по сравнению с периодом преследования, так как противник успевал подтянуть резервы и стремился отбросить наши войска назад. Лишь после того как противник убеждался в бесплодности своих усилий, наступала оперативная пауза.

Для планирующих органов тыла крайне важно иметь правильное представление о понятии «продолжительность операции», чтобы точнее определить и потребные материальные средства, и порядок маневрирования резервами. Частично я коснулся этого вопроса в главе «Освобождение и возрождение Белоруссии».

Что касается начала операции, то определить его очень просто: артиллерийская подготовка обычно широко возвещает о начале «Д» и «Ч» (день и час назначенного времени). А конец операции? Тут мнения расходятся. На мой взгляд, наиболее правильным является такое определение: выход войск на заданный рубеж, закрепление их на этом рубеже и создание благоприятных условий для подготовки последующей операции.

На примерах Белорусской и Висло-Одерской операций я

показал, что тыл не может планировать свою работу, только исходя из такого формального момента, как достижение войсками заданного рубежа. Он обязан быть готовым к тому, чтобы обеспечить войска в критические, иногда самые критические моменты, возникающие нередко тут же без всяких пауз, после того как конечная цель операции достигнута. Отсюда вытекает важнейшее значение проблемы резервов — резервов боеприпасов, горючего, медицинских сил и средств, а главное — транспорта.

Начальник тыла без резервов — уже не начальник тыла, это беспомощный созерцатель нарастающей трагедии. Поэтому он должен собрать все свое мужество, самообладание, волю, чтобы удерживать в своих руках резервы, пока не наступит крайняя надобность ввести их в дело, чтобы по лишиться их преждевременно, уступив бесконечным требованиям, просьбам и даже угрозам с разных сторон. Забота о разум-пом использовании тающих с каждым днем ресурсов, о постоянном их восполнении — это абсолютно обязательно для всех начальников.

Я говорю о материальных издержках в операциях минувшей войны. Но позволительно несколько заглянуть в будущее, рассмотреть этот вопрос в свете научно-технической революции.

Увеличатся или уменьшатся материальные издержки, связанные с непосредственным обеспечением боевых операций? Я бы ответил так: поскольку вооруженные силы с обеих сторон сохранят такие решающие признаки, как массовость и высокая техническая оснащенность, объем материальных издержек на конкретную боевую операцию значительно превысит показатели минувшей войны. Изменится структура этих издержек: полностью отпадет такой вид снабжения, как фураж, занимавший раньше около 40 процентов общего объема; многократно возрастет расход всех видов горючего, удельный вес которого может перевалить за 50 процентов общего объема затрачиваемых средств. Что касается продовольствия, то расход его будет соответствовать числу едоков плюс возможные, порой значительные потери продуктов от воздействия новых средств борьбы. Естественно, возникнет необходимость улучшить способы доставки войскам военных грузов, особенно горючего. Такие мощные средства, как полевые сборно-разборные трубопроводы, большегрузные бензоцистерны, вертолеты, обеспечат доставку горючего в кратчайшие сроки до потребителя.

Попутно хочется подчеркнуть неизменную остроту проблемы экономии горючего. Вряд ли уменьшится значение ее по сравнению с минувшей войной. Чем больше техники, тем неукоснительнее должна соблюдаться экономия горючего. Если

Висло-Одерская наступательная операция обошлась 1-му Белорусскому фронту в полмиллиона тонн основных материальных средств (и 1-му Украинскому фронту столько же), то при современной боевой технике и моторизации войск в аналогичной обстановке расход далеко превзойдет названную цифру.

Какое влияние на расход материальных средств оказывают те или иные темпы наступления?

Известно, что операции последнего периода Великой Отечественной войны характерны высокими темпами. Это предъявляло к тылу повышенные требования. Однако опыт показал, что чем выше темпы наступления, тем меньше и потери, которые несет наступающий не только в личном составе, но и в материальных средствах. Если сравнить расход боеприпасов и горючего на каждый погонный километр, отбитый у противника войсками 1-го Белорусского фронта в Висло-Одерской и Берлинской операциях (последняя характерна медленным темпом), получится следующая картина (в тоннах):

Виды снабжения	Висло-Одерская операция	Берлинская операция
Боеприпасы	250	2000
Горючее всех видов	333	1430

Разница огромная!

Правда, Берлинская операция необычная: здесь противник с фанатическим упорством дрался за каждый квартал, улицу, дом, даже этаж и лестничную клетку. Но высказанная мысль о превосходстве высоких темпов наступления над замедленными убедительно иллюстрируется этими данными.

Высокие темпы наступления не дают противнику возможности произвести большие разрушения искусственных сооружений на дорогах и водных преградах. В этом случае нам достанется больше сохранившихся объектов и коммуникаций. Высокие темпы наступления тыл чувствует особенно сильно. Они требуют от личного состава исключительной организованности, мобильности, предельного напряжения физических и моральных сил, находчивого изыскания способов для обеспечения быстро продвигающихся частей.

Наступательная задача определяет соответствующую ей группировку тыловых частей и учреждений, создание резервов и маневра ими. Чем выше запланированные темпы наступления,

тем решительнее должен осуществляться принцип приближения к войскам в исходном положении тыловых частей и учреждений, баз снабжения, ибо отрыв войск от баз будет нарастать в соответствии с силой первоначального удара. По тем же соображениям целесообразно в исходном положении снять с армий большую часть функций по тыловому обеспечению, переложив их на фронтовое звено. Армейский тыл сохранит в этом случае свои ресурсы для нужд наступающих войск и будет более подвижным.

Таким образом, высокие темпы наступления требуют самой продуманной организации тыла на всех этапах операции.

Что главное в работе тыла?

Нередко приходится слышать: главное — боеприпасы, горючее, без них невозможно воевать, а остальное не столь существенно. Я не сторонник подобных категоричных утверждений и противопоставлений. На одном этапе успех решают боеприпасы, на другом — горючее, на третьем — транспорт. Но всегда, на всех этапах на первом месте должно быть питание воина.

Независимо от того, отступаем мы или наступаем, стоим ли на отдыхе, воина кормить надо ежедневно, по два-три раза, да еще посытнее и повкуснее. Наш народ все давал армии, чтобы боец и командир на фронте были накормлены. Органы тыла являлись в этом отношении обеспечивающими учреждениями. Они научились и сами многое делать для того, чтобы вовремя и получше накормить личный состав.

Первейшая функция тыла — накормить, напоить, одеть, обуть и обогреть бойца. Это не простая задача. Ведь на одном 1-м Белорусском фронте вместе с прикомандированными насчитывалось более 2 миллионов человек. Им надо было два раза в сутки выдать горячую пищу и не менее двух раз — горячий чай, выпечь ежедневно около тысячи тонн хлеба.

В мирных условиях и то трудно обеспечить все население и вовремя всех накормить. На фронте же часто бывает так — всюду голое поле, в лучшем случае кустарник, не хватает топлива, разрушены мельницы и пекарни, с водой плохо, к тому же противник зорко выслеживает любую струйку дыма на нашей стороне, чтобы обрушиться на это место огнем. В таких условиях надо питать людей. Приходилось самим заготавливать зерно и молоть муку, своевременно развозить по частям и подразделениям хлеб, мясо, жиры, сахар, соль, специи.

Конечно, можно искать выход из затруднительных положений, представляя заявки в вышестоящую инстанцию. Так

нас и учили раньше. Но началась война, и все обернулось по-другому. Не все сумели быстро перестроиться, многие руководители тыла продолжали по инерции все просить у центра. Однако делать нечего: не получая просимого, приходилось искать его на месте, осуществлять также организационно-хозяйственные мероприятия, о которых в довоенное время не думали.

Разумеется, было бы неправильно говорить, что, самостоятельно решая многие задачи на фронте, мы мало нуждались в помощи центра, обходились только своими силами. К сожалению, нельзя было обойтись одними своими и местными ресурсами. Приходилось просить у центра то одно, то другое, а уж консервы, сахар, табак, всевозможные специи вообще редко удавалось раздобыть на месте.

Случалось так, что и Главное управление продовольственной службы оказывалось бессильным удовлетворить нужды фронта. Тогда мы обращались непосредственно к заместителю члена Государственного Комитета Обороны В. П. Зотову. Вместе с А. И. Микояном В. П. Зотов на протяжении всей войны, можно сказать, ежечасно следил за продовольственным снабжением действующей армии. И в том, что войска даже в самое трудное время получали в целом достаточное питание, немалая заслуга принадлежит ему лично.

А как была одета, обута наша армия в годы войны?

С чувством глубокой благодарности нашему народу скажем, что фронт был хорошо одет и обут. Даже удивляться приходилось, откуда бралось столько обуви, особенно валенок, ватных и меховых телогреек, полушубков, шапок. Ведь мы так много потеряли при отходе летом 1941 года! И все же суровую зиму того же года войска встретили вполне подготовленными.

Фронтовики, прочитав эти строки, подтвердят, что обморожения на фронте наблюдались лишь в единичных случаях, чаще всего обмораживали нос, щеки и пальцы рук повозочные или кавалеристы, подолгу оставаясь на ветру.

Много сил и средств отдавала наша страна, чтобы зимой солдаты ходили в валенках, в теплой одежде, в шапках, а летом в ботинках или сапогах, в легком обмундировании. Но чтобы все обмундирование и снаряжение дошло до бойца, должен был работать — и хорошо работать — интендант Красной Армии, а также фронтовой, армейский, дивизионный, полковой. Представьте себе быстро наступившую весну. Все Вооруженные Силы переходят на летнюю форму одежды. Миллионы пар валенок, полушубков, ватных брюк, курток надо собрать, просушить, отремонтировать, уберечь от моли,

продезинфицировать и подготовить к очередной зиме. И это в условиях, где все делается силами самой армии!

Все вещевое имущество на фронте было отечественного производства. Полученные из США обувь и некоторое другое имущество оказались низкого качества. У ботинок, например, была неудобная колодка (низкий подъем), подошва быстро лопалась. Наш боец охотнее надевал свою починенную обувь, чем заграничную новую.

Особенно трудно бывало во время оттепелей, внезапно наступавших среди зимы в средней и южной полосах нашей страны. В это время всегда нависала над бойцом угроза обморожения ног — ведь ранние оттепели сменяются резкими ветрами и морозами… На протяжении всей войны с большими трудностями удавалось налаживать переход с одного вида обуви на другой в дни внезапного похолодания или потепления. В каком звене — в полку, дивизии или армии — хранить второй комплект обуви? Ведь с хранением ее связано «утяжеление» тылов, удлинение колонн при перемещении, а главное, возникает опасность потери имущества в условиях быстро меняющейся обстановки. Заботливые командиры полков, умудренные опытом, предпочитали всегда иметь у себя в полку хоть небольшой запас так называемой «дежурной обуви», и они были правы — такой резерв выручал личный состав при любой перемене погоды.

Теперь о военно-медицинской службе.

Наши военные врачи, профессора, медицинские сестры, санитарные инструкторы, санитары, пренебрегая опасностью и лишениями, всегда стремились быть там, где они нужны. На машине, на повозке, пешком добирались медицинские работники до передовых позиций на помощь раненым советским воинам.

Военно-медицинская служба в минувшей войне с честью выдержала суровое испытание. Но и в этой области пришлось многому учиться заново.

Для того чтобы благородный труд медиков превратился в отлично действующую медицинскую службу, он должен быть окружен заботой и поддержкой других служб тыла. Медицинская служба одна не может добиться возможно полного излечения раненых и больных. Для этого необходимы хорошая палата (или палатка), свет, тепло, питание, одежда, транспорт. Вот почему глубоко неправы были те товарищи из медицинской службы, которые даже в самое тяжелое время предлагали вывести ее из системы тыла. Им казалось, что у них тогда будет больше самостоятельности. Когда спрашивали моего мнения, я всегда отвечал, что сама постановка этого вопроса недопустима, ибо

речь должна идти не о чести мундира, а о совместных усилиях всех служб тыла ради спасения миллионов жизней. Даже в мирное время такую постановку вопроса следует считать неприемлемой, памятуя о возможных последствиях применения нового оружия. Нахождение медицинской службы в системе тыла повышает ответственность всех работников тыла за создание наиболее благоприятных условий для выполнения медиками своих обязанностей.

В успешном лечении раненых решающее значение имела организация медицинского обеспечения. Здесь особенно нетерпим шаблон. Дело не только в том, чтобы иметь побольше персонала и госпиталей — еще важнее найти всему этому правильное применение, которое обеспечило бы возможно более раннее оказание квалифицированной медицинской помощи, сократило бы многоэтапность эвакуации, гарантировало бы наличие постоянных резервов для дополнительного развертывания медицинских учреждений в ходе операции и особенно на ее завершающем этапе.

Наши медики прекрасно усвоили благородный девиз: «Не раненый идет к госпиталю, а госпиталь — к раненому». Резервные подвижные полевые госпитали все время выдвигались вперед и развертывались там, где накапливались раненые или ожидалось возможное их появление. В любой обстановке медицина должна неотступно следовать за войсками. Это правило подтверждено опытом войны.

Буквально крупицами, изо дня в день, с каждого фронта отбиралось все новое и прогрессивное в работе медицинской службы. Огромное развитие во время воины получила научно-исследовательская работа среди фронтовых медиков. По существу каждая армейская или фронтовая конференция хирургов, терапевтов, стоматологов, невропатологов, эпидемиологов представляла собой известный шаг по пути научного обобщения опыта, выработки единых взглядов по наиболее актуальным вопросам. Уже тогда зарождались ценнейшие идеи, легшие в основу монографий, изданных после войны. Да и в годы войны выходили из печати книги, вносившие немало нового в различные вопросы, связанные с медициной.

Санитарная эвакуация — один из важнейших участков в системе медицинской службы. Многое было сделано для решения этой проблемы в минувшую войну. Однако в низших звеньях медицинской службы порою приходилось доставлять на «волокуше» раненого на ближайший медпункт. Нужно настойчиво искать лучшие способы эвакуации раненых, особенно с поля боя.

Величайшей заслугой советской медицинской службы, в

частности медиков 1-го Белорусского фронта, является то, что за все годы войны наши войска не знали сколько-нибудь серьезных эпидемий. А провоцирующих моментов было немало: появлялись и сыпной тиф, и туляремия, и дизентерия. Но каждый раз усилиями медиков при поддержке всей системы тыла вспышки инфекционных заболеваний удавалось локализовать и ликвидировать.

Четыре года войны — это четыре года непрерывного маневрирования не только дивизиями, корпусами, но целыми армиями и даже фронтами. И в этих невиданных по масштабам перевозках решающая роль принадлежала железнодорожному транспорту: во всех видах воинских перевозок на его долю выпало 70 процентов. Автомобильный транспорт дополнял железнодорожный, иногда действуя параллельно с ним.

Как показал опыт минувшей войны, фронт мог обходиться в отведенных ему границах одним лишь автотранспортом не более 10–15 суток, после чего обязательно должны были вступить в действие железные дороги. Если этого не случалось, неизбежно наступал кризис. Современный автомобильный транспорт технически значительно совершеннее, и он, конечно, может иметь большее значение во фронтовых перевозках. Однако, думаю, и в будущем лишь железные дороги в состоянии будут перевезти миллионы тонн груза на большие расстояния за короткое время.

Напомню, что такие операции, как Белорусская, Висло-Одерская, Берлинская, потребовали по миллиону тонн материальных средств каждая. А вся война поглотила свыше 16 миллионов тонн горючего, около 40 миллионов тонн продовольствия и фуража, огромное количество боеприпасов и различного имущества. Вся эта масса грузов перевезена в действующую армию главным образом по железным дорогам за многие тысячи километров, на что потребовалось 198 610 поездов, или 9 930 457 вагонов. Водным транспортом за годы войны доставлено для нужд фронта 21 500 тысяч тонн различных грузов. Существенную помощь оказала нам во время войны военно-транспортная авиация, силами которой было доставлено войскам свыше 123 тысяч тонн различных воинских грузов[44].

Отдадим должное и гужевому транспорту. Немало было таких ситуаций, когда лошадка или ослик выручали нас в дни распутицы или в горных условиях.

Все виды транспорта на фронте давали наибольший эффект лишь при комплексном использовании. Некоторые склонны выдавать принцип комплексного использования транспортных средств за новинку последних лет. Это заблуждение. Именно в

опыте Великой Отечественной войны надо искать наиболее яркие примеры применения этого принципа.

Когда говорят, что тыл должен действовать с точностью часового механизма, то имеют в виду прежде всего умелое использование всех видов транспорта и коммуникаций, искусную организацию подвоза и эвакуации. Органы тыла во время войны с каким-то, я бы сказал, артистическим умением пользовались любой возможностью, чтобы «оседлать» даже несколько десятков километров уцелевших железных дорог, организуя всюду перевалочные устройства. Только на нашем фронте в ходе Висло-Одерской операции было создано свыше 10 фронтовых и армейских перевалочных баз. В одних случаях грузы переваливались из вагонов одной колеи в вагоны другой; в других шла перевалка из вагонов на автотранспорт или наоборот.

Из сказанного можно сделать вывод, что противопоставление или фетишизация роли того или иного вида транспорта на войне — затея бесполезная. Все виды транспорта хороши, если ими пользоваться разумно, в соответствии с обстановкой. Нет сомнения в том, что всюду, где возможно, надо до максимума использовать железнодорожный транспорт в интересах войск. Но это не значит, что теперь после минувшей войны сохранилась прежняя зависимость войск от железнодорожных коммуникаций, «привязанность» их к линиям железных дорог.

С модернизацией других видов транспорта значительно возросли возможности обеспечения боевых действий войск на большую глубину независимо от железных дорог. Так, велико значение полевых трубопроводов для доставки горючего; благодаря усовершенствованию процесса сборки и разборки труб практически решена задача непрерывного питания войск горючим при любых темпах их передвижения. Транспортная авиация, особенно вертолеты, способны поднимать и перемещать по воздуху большие мостовые конструкции и укладывать их в новом районе. В зонах с высоким уровнем радиации полезную работу вертолетов по прокладке коммуникаций трудно переоценить. На фронте могут оказать неоценимую помощь и вьючные животные, оленьи и собачьи упряжки и даже носильщики — все зависит от обстановки.

Следовательно, дело не в том, какому виду транспорта отдать предпочтение, а в том, чтобы умело использовать их — порознь или комплексно. Комплексное использование всех видов транспорта составляет один из краеугольных камней в работе тыла на фронте. От этого в значительной мере зависит так называемая живучесть тыла. Своевременно перейти с одного вида транспорта на другой, воспользоваться имеющимися обходными

путями или заблаговременно их оборудовать — все это повышает живучесть тыла.

Когда речь идет о целесообразности использования войсками уцелевших (изолированных) участков железной дороги, невольно напрашивается мысль о паровозах. Именно о паровозах, а не о тепловозах или электровозах. Такое «примитивное» тягло, как паровоз, может оказаться единственно применимым там, где энергетической основой будут только дрова или другое подручное топливо. Спешить с отправкой паровозов в металлолом не следует.

Комплексная эксплуатация всех видов транспорта и коммуникаций обеспечивается единством системы самого тыла. Благодаря такому единству хорошо решается и вторая сторона этой проблемы — комплексное восстановление нарушенных коммуникаций. В минувшей войне часто практиковалось объединение усилий на одном направлении или на одном объекте железнодорожных, дорожных, инженерных войск и местного населения. Теперь такое объединение становится абсолютной необходимостью. Начальник тыла должен иметь возможность осуществить любой маневр наличными силами и средствами. Этому способствовала бы подготовка личного состава восстановительных частей по более широкому профилю специализации, чтобы соблюсти принцип взаимозаменяемости.

Живучесть и мобильность тыла — понятия неотделимые одно от другого. Недостаточная мобильность тыла в минувшей войне существенно ограничивала боевую деятельность войск. Фронту недоставало транспорта, механизмов, моторов. Проблема механизации и моторизации тыла всегда оставалась актуальной. В прямой зависимости от этого фактора находилась и его организация: ограниченные транспортные возможности вынуждали идти на чрезмерное сближение тыловых частей и учреждений, располагаемых на недопустимо коротких дистанциях от войск, когда оперативная обстановка диктовала лучшее решение.

Чем более моторизован тыл, тем решительнее может осуществляться принцип рассредоточения всех его элементов. Опыт войны показывает, что войска тем лучше обеспечивались, чем меньше был разрыв между уровнем моторизации войск и тыла.

В ведении тыла находилась такая, казалось бы, сугубо мирная служба, как финансовая. Она подчинялась начальнику тыла фронта.

Финансовые органы должны были в любой обстановке

своевременно и полностью выдавать людям причитающиеся им деньги.

Может возникнуть вопрос: «К чему в действующей армии деньги?» Ведь все там получают бесплатное питание, обмундирование. А что купишь? В том-то и дело, что на фронте мы старались дать возможность разумно расходовать деньги, особенно рядовому и сержантскому составу, для которого товары подбирались по специальному ассортименту. Я уже говорил о полевых военторгах.

Таким образом, товарное обеспечение рубля на фронте существовало. От финансовой службы в немалой степени зависело поддержание экономической устойчивости и значимости рубля. Финансисты встречались при этом со множеством специфических трудностей, возникавших вследствие изменения фронтовой обстановки: постоянные колебания в численности людей, в персональном составе, пестрота в окладах и в поощрительной системе, в надбавках к окладам и т. д. Во время боевых действий часть людей выбывала из строя. Постоянно прибывало все новое и новое пополнение. За всем этим надо было уследить.

В одних частях люди получали только оклады по должности, в других — плюс к тому еще и полевые деньги. Существовали гвардейские оклады в гвардейских соединениях и объединениях, но и они отличались многообразием: были повышенные оклады в гвардейских минометных частях, в истребительно-противотанковых артиллерийских частях и подразделениях; другие оклады были в ударных армиях, в воздушно-десантных войсках. Довольно сложная дифференциация наблюдалась в танковых войсках в зависимости от типа боевых машин, экипажности, класса вождения и т. д. Повышенные оклады выдавались снайперам, пулеметчикам, расчетам противотанковых ружей.

Раздаточная ведомость на денежное содержание — это сложный лабиринт, в котором не каждый мог разобраться. Кроме постоянных надбавок к окладам выдавались одноразовые премии за сбитый самолет, подбитый танк, потопленный корабль, возврат артиллерийской специальной укупорки.

Были и вычеты: за утраченное по небрежности военное имущество, за арест при исполнении служебных обязанностей. Удерживалась часть содержания, посылаемая по аттестату семье, оплачивалась подписка на заем.

Следовательно, и на фронте находил широкое применение принцип материального стимулирования. Разумеется, это не то, что на производстве в мирное время, но все же, скажем, воину-

гвардейцу приятно было сознавать, что он не только находится в войсках, овеянных боевой славой, но и получает повышенное денежное содержание.

Важнейшей задачей финансовой службы на фронте было обеспечение семей советских воинов. Как известно, во время войны военнослужащие имели право выдать аттестаты своим семьям на получение ими по месту жительства определенной части денежного содержания. Это имело огромное моральное и экономическое значение. Воин на фронте был спокойнее за своих родных, где бы они ни находились, тем более что военкоматы помогали семьям фронтовиков, которые у них зарегистрировались на основании аттестатов, дровами, керосином, продуктами питания. Финансово-экономический результат усиливался еще и тем, что отпадала надобность в завозе в действующую армию больших масс денежных знаков и ими не наводнялась прифронтовая полоса, где и без того денежный рынок был крайне неустойчив.

Финансовые органы тщательно проверяли высылку аттестатов и способствовали установлению связи каждого военнослужащего с его родными. Благодаря настойчивым усилиям финансистов нередко удавалось разыскать семьи, которые после эвакуации оказались в отдаленных уголках страны. Морально-политическое значение этой работы было исключительно велико. Центральный Комитет нашей партии не раз подчеркивал, что забота о семьях воинов — это забота о самих воинах, об их высоком морально-политическом и боевом состоянии.

Борясь за максимальное сокращение выпуска денежных знаков во время войны, финансовая служба фронта внедряла систему безналичных расчетов во взаимоотношениях с поставщиками, что также способствовало оздоровлению финансовой системы в стране. Кредитуя поставщиков, финансовые органы фронта вместе с тем контролировали своевременность и качество получаемых материальных ценностей.

Вообще говоря, поставки на фронт осуществлялись аккуратно, несмотря на недостаток материалов, квалифицированной рабочей силы, необходимой тары, транспортные трудности. Но были случаи, когда отдельные нерадивые поставщики посылали нам некондиционную продукцию, а деньги стремились получить по высшей шкале прейскуранта — на войне, мол, все сойдет. По протестам финансовых органов интендантское управление фронта лишь в 1944 году вынуждено было отказать в оплате ряда счетов из-за

низкого качества поставленной продукции. Особенно много всяких тяжб было с железными дорогами и пароходствами в связи с недостачей или порчей грузов в пути.

Каждая воинская часть не реже четырех раз в году подвергалась ревизии; это способствовало укреплению финансовой дисциплины в войсках.

Совершенно новые задачи встали перед финансистами фронта с выходом наших войск на зарубежную территорию. Тут потребовалась напряженная и вдумчивая работа, чтобы решать наряду с основными множество попутных задач, далеко выходящих за рамки официальных положений. Жизнь неумолимо требовала смелых, продуманных решений, и наши финансисты показали свою зрелость.

Во главе финансовой службы фронта стоял очень опытный работник полковник В. Н. Дутов. Он отличался большой гибкостью, не страдал мелочностью, присущей многим его коллегам, и шел на финансирование мероприятий, направленных на повышение боеготовности и боеспособности войск, если даже эти мероприятия и не вполне соответствовали требованиям инструкций. Его достойным коллегой был не менее энергичный и знающий дело начальник полевой конторы Госбанка И. А. Лопасов. Он приложил немало усилий к сохранению банков, сберегательных касс, ценных бумаг и драгоценностей.

Весь коллектив финансистов фронта до войскового звена включительно показал свою высокую преданность и честность в работе.

Столь значительное число служб и такое разнообразие задач, стоявших перед тылом фронта во время войны, требовало особо четкой работы его штаба — органа управления и координации.

Хорошо работающий штаб не просто собирает разностороннюю информацию и анализирует полученные данные для доклада начальнику. Маршал Б. М. Шапошников называл Генеральный штаб мозгом армии. Это в известной мере относится к каждому военному штабу. У меня навсегда осталось доброе чувство к штабу нашего фронта, к его работникам и особенно к его начальнику Михаилу Сергеевичу Малинину.

Генерала М. С. Малинина, казалось, сама природа предназначила для этой должности. Он сочетал в себе необычайно широкий оперативный кругозор и скрупулезный подход к изучению любого явления. Ни одного вопроса он не оставлял без самого детального анализа и проверки. Кажущийся его скептицизм на самом деле был неоценимым качеством штабиста, ставящего под сомнение все, на что нельзя полагаться на веру при принятии ответственного решения. Ведь за этим

решением стояли живые люди, и всякий непроверенный шаг мог привести к неоправданным потерям. Каждый раз, когда мне приходилось убеждать Михаила Сергеевича в целесообразности тех или иных мер, относящихся к тылу, мы достигали полного взаимопонимания лишь после самого строгого критического анализа. Так было с обсуждением вариантов решения на организацию тыла, с выбором направления железных дорог, с оценкой территории, на которой намечалось развертывание нашего наступления, и т. д.

Малинин ценил нашего начальника штаба тыла генерала М. К. Шляхтенко и имел для этого основание: штаб тыла фронта хорошо координировал работу всех служб. В чем заключалась такая координация? Попытаюсь очень коротко ответить на этот вопрос.

Начальники служб, прежде чем ставить перед начальником тыла или Военным советом фронта тот или иной принципиальный вопрос, всесторонне «увязывали» свои предложения со всеми другими службами. Лишь после этого они рассчитывали на успех. Штаб занимался «притиркой» и «увязкой» этих вопросов. Например, начальник санитарного управления фронта считал целесообразным группу госпиталей на 10–15 тысяч коек поставить в таком-то районе. Глядя на карту, начальник штаба не видел ничего, что вызвало бы сомнение в целесообразности такого намерения. А как это выглядело с точки зрения других служб тыла — дорожной, железнодорожной, автомобильной, квартирной и т. д.? Как просматривалась эта местность с воздуха, какие естественные укрытия имелись на ней для людей и техники? А может быть, в этом районе целесообразнее разместить другие объекты тыла? Возникал целый комплекс вопросов, без предварительного изучения которых невозможно принять окончательное решение. Штаб тыла проводил глубокую, я бы сказал, исследовательскую работу, чтобы иметь свое мнение о предложении того или другого начальника службы.

Или такой вопрос, как перемещение тыловых частей и учреждений в новый район. Если бы несколько сот частей и учреждений по своей инициативе, своими силами, когда кому вздумается стали переходить в этот район, это создало бы невероятный хаос. Чтобы этого не случилось, штаб тыла искусно маневрировал, управлял всей грандиозной лавиной передислокации, заботясь о том, чтобы войска всегда чувствовали безотказную работу тыла. Поспешность в перемещении тылов и отставание их от войск одинаково пагубны. Улавливать пульс боевой обстановки на фронте — в этом одна из важнейших задач

штаба тыла. И не только улавливать, но и своевременно передавать этот пульс всем службам, чтобы и они жили единым ритмом, единым пониманием обстановки и постоянным стремлением всегда быть наготове, чтобы помочь войскам. В этом состоит одна из сторон координирующей роли штаба тыла.

Постараемся представить себе процесс перемещения сотен фронтовых тыловых частей и учреждений в новый район: тысячи людей рядового, сержантского, офицерского, вольнонаемного состава со всевозможным имуществом, инвентарем, книгами, личными делами, пишущими машинками, кухнями, столовыми и т. д. — все это в определенной последовательности и обычно в темноте грузится в машины, и люди не знают, куда их повезут. А когда наступит рассвет — они все должны быть на своих новых местах. Каждое колесико огромного механизма снова завертелось, оно как бы и не останавливалось, оно просто продолжает действовать на новом месте, в нужном ритме, выполняя полезную работу. Таких перемещений, например, в ходе Висло-Одерской операции было не менее десяти, притом в самой сложной обстановке — под дождем, в метель, в гололед, в непроглядной ночной тьме, по проселочным и лесным дорогам.

Кто же этот невидимый «управитель» всего процесса? Штаб тыла. Через него начальник тыла организует всю систему, управляет ею, взаимодействует со всеми видами и родами войск.

Штаб тыла — это и орган планирования материальных издержек в боевой операции. Хорошо натренированный штаб, имея за плечами опыт войны, мог в кратчайший срок сказать, сколько и каких материальных средств необходимо фронту при данной численности людей и техники, при намеченной глубине операции и темпах наступления.

Мы старались свести к минимуму бумажный поток, приучить людей к тому, чтобы они работали, доверяя друг другу. Редко когда требовались расписки в получении приказаний. Самые ответственные задания зачастую давались устно, а исполнитель лишь заносил их в свою рабочую тетрадь, которая была основной формой штабной документации на фронте. Не меньшее значение имела топографическая карта определенного масштаба. Смотришь, бывало, на карту масштаба 1:200 000, на которой нанесены в общем виде фронтовая и подробно тыловая обстановка, и все предстает перед глазами как живое, ибо за каждым кружочком, квадратиком, прямоугольником, за каждой линией и пунктиром скрывались знакомые части и учреждения тыла, рассредоточенные повсюду материальные запасы, транспортные средства и густая сеть коммуникаций. Штаб внимательно следил за положением, динамикой на переднем

крае и в тылу, отражая на карте происходящие изменения.

Приятно вспоминать о хорошо сколоченном, четко работавшем коллективе штаба тыла. Генерал М. К. Шляхтенко был человеком широкой эрудиции и большого такта. Решительность не являлась его основной чертой. Он обладал мягким характером и имел склонность к затяжному обдумыванию того, что более импульсивному человеку сразу показалось бы очевидным. Зато по способности к глубокому размышлению он был незаменим, а действенное начало, решительность, целеустремленность воплощал в себе его заместитель полковник М. С. Новиков. Шляхтенко и он отлично дополняли друг друга. Новиков ведал всеми организационными вопросами и сколотил в своем отделе группу талантливых офицеров (И. В. Дружинин, Д. Н. Шпагин, Б. А. Сергеев, И. И. Моладницкий, М. С. Покумейко, Т. Е. Калинчук, А. Е. Пустовойтенко, Л. А. Пекарский, Я. А. Борухсон и другие), которая быстро и квалифицированно разрабатывала важнейшие предложения по организации тыла на всех этапах операции.

В штабе тыла был учетно-плановый отдел во главе с полковником Н. П. Ваховским и отдел возврата спецукупорки во главе с полковником Л. С. Заруденко. О последнем надо сказать отдельно. Благодаря необыкновенно кропотливой, даже придирчивой, навлекавшей недовольство многих, работе по возврату в тыл страны спецукупорки и тары наш фронт сэкономил для государства десятки миллионов рублей и спас от порубки много тысяч гектаров драгоценных пород леса.

Одним из важных вопросов являлся подбор кадров. Как во всей армии в годы войны, так и у нас абсолютное большинство работников тыла не были, как говорят, кадровыми военными. На руководящих должностях фронтового и армейского масштаба преобладали кадровые генералы и офицеры, а основная масса работников (врачи, инженеры-дорожники, автомобилисты, железнодорожники, специалисты службы ГСМ, продовольственной и вещевой служб и др.) состояла из недавних гражданских лиц.

Это вполне естественно для военного времени. Мне хочется лишь подчеркнуть очень важную положительную сторону такого явления. Приход гражданских специалистов оказал благотворное влияние на всю деятельность тыла. Эти люди внесли живительную струю в стиль, в характер, в самую сущность работы. Правда, они чувствовали себя на первых порах слишком «гражданскими», не могли сразу приобрести необходимый внешний вид, что их стесняло. Но главное другое: опыт работы в

народном хозяйстве, принесенный ими в армию, заставил старых военных хозяйственников во многом решительно перестроиться, находить другие пути и методы хозяйствования, отличные от прежних, построенных на формальном соблюдении инструкций мирного времени, на «искусстве» получать готовое и распределять по нормам. Произошло очень важное, полезное сращивание опыта — военного и мирного. В самом деле, бывший заместитель наркома пищевой промышленности УССР И. Д. Кравченко стал комиссаром упродснаба фронта; он был не только политработником, сразу же ставшим душой коллектива, но и отличным знатоком всех тонкостей продовольственной работы в крупном масштабе, благодаря чему его опыт и полезные советы приобрели особую ценность в продовольственном снабжении фронта. Другой пример: И. И. Макаров, до войны работник Госплана, занимавшийся продовольственными вопросами, стал превосходным начальником продовольственного отдела фронта. В 1942 году далеко не каждый кадровый военный хозяйственник мог быстро уяснить себе сущность создавшегося тогда трудного продовольственного положения в стране, а для Макарова все это было знакомо, он мгновенно ориентировался в обстановке.

Приход в армию высококвалифицированных работников был реальной помощью военно-хозяйственным органам в самый трудный период. Подобных примеров можно было бы привести множество. Характер деятельности тыла по существу близок мирной гражданской работе. Поэтому не наблюдалось серьезных заминок в освоении этими специалистами новых обязанностей. Им не требовалось много времени, чтобы стать достойными руководителями на своих участках.

Нам же, военным, включая начальников тыла соединений и объединений, порой не хватало экономических знаний, были присущи односторонний подход к изысканию ресурсов, слабая ориентировка в структуре народного хозяйства, недостаточно инициативное и порой несмелое решение крупных хозяйственных проблем. Потребовалось пройти суровую школу фронтовой жизни, претерпеть массу неудач, пока не накопился опыт, стабилизировались и сработались кадры тыла и установилось правильное отношение к ним со стороны общевойсковых начальников.

Война явилась для многих из нас подлинной академией. Тем труднее была задача подобрать для только что сложившейся системы тыла людей, способных выполнить ту или иную руководящую функцию.

До весны 1944 года начальником отдела кадров тыла Центрального, затем Белорусского и 1-го Белорусского фронтов

был полковник А. Г. Найденко, хорошо знавший свое дело. Но он тяжело заболел, и его пришлось откомандировать. Встал вопрос о новом начальнике. Обратились к А. В. Хрулеву. Вскоре после этого мне позвонил его помощник по кадрам генерал И. Т. Смелов и сказал:

— Мы можем рекомендовать вам довольно подходящую кандидатуру на должность начальника отдела кадров подполковника Курылева Анатолия Константиновича. Он имеет опыт, хороший, чуткий человек, можем прислать его к вам…

Я ответил согласием. Через несколько дней А. К. Курылев уже руководил отделом кадров тыла 1-го Белорусского фронта.

Не раз приходилось разговаривать с Курылевым об общих задачах кадровиков на фронте. Как бы излагая программу своей работы, он формулировал ее следующим образом:

— Правильно расставить кадры — это великое дело. Человек должен знать порученную ему работу. Найти вовремя нужную кандидатуру, взять на себя ответственность за офицера, которого рекомендуешь на ту или иную работу, тщательно следить за его ростом, за тем, чтобы он не «закис» на одной должности, открыть ему дорогу на новые подвиги, новые дерзания, представить вовремя к поощрению, к очередному званию, проявить максимум внимания к тем, у кого «дела не ладятся», и помочь найти причину неудач — вот работа отдела кадров.

Под таким углом зрения А. К. Курылев провел общефронтовое совещание работников кадровых органов и начальников политотделов тыла перед Берлинской операцией в марте 1945 года. Коренными вопросами были тогда: обеспечение окончательного разгрома противника; улучшение практики награждения личного состава; подготовка личных дел офицеров в связи с предстоящим увольнением многих из них после войны в запас.

В совещании участвовал заместитель начальника тыла фронта по политической части (он же начальник политотдела) полковник Д. И. Лошаков. Выяснилось, что тысячи храбрых воинов, сразу же после ранения попавших в госпитали, не были представлены к награде. Лошаков призвал всех кадровиков к выявлению таких случаев. Выступавшие на совещании говорили о том, что сами встречали офицеров, возвратившихся из госпиталей после пятого или шестого ранения, и без единой награды. Подобные факты свидетельствовали о неблагополучии в наградной практике. После совещания обследовали все госпитали и опросили раненых, чтобы сообщить о каждом человеке в его армию, дивизию и часть.

Представитель отдела кадров фронта подполковник А. И.

Николаенко сказал на совещании, что, находясь в 5-й ударной и в 47-й армиях, он выслушал жалобы некоторых командиров дивизий и полков на задержку наградных материалов и представлений к очередным воинским званиям на тыловиков, как будто это люди второго сорта, что представления к наградам и воинским званиям строевых командиров оформляются за 5—10 суток, а на тыловиков маринуются и даже бесследно исчезают. В этом немало повинны кадровики.

Эти слова были совершенно справедливы.

Впоследствии А. К. Курылев стал педагогом, доктором философских наук, профессором Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

В минувшей войне приняли участие сотни тысяч женщин-военнослужащих и вольнонаемных. Женщина заменяла мужчину на многих участках, и не только в различных вспомогательных службах, по и непосредственно в вооруженной борьбе.

Среди врачебного и среднего медперсонала 1-го Белорусского фронта 65 процентов были женщины, а среди работников общественного питания — 75 процентов. Не только на нашем фронте, но и во всей Красной Армии санитарная служба, части и подразделения противовоздушной обороны, связи, охраны тыла, регулирования движения на военно-автомобильных дорогах, организации общественного питания были укомплектованы преимущественно женщинами. На многих участках женщины показали образцы героизма. Они шли в тыл врага, выполняя до дерзости смелые боевые задания, выносили раненых из развалин и пожарищ, неся на себе не только бойцов, но и их оружие и становясь при этом нередко жертвами пуль фашистских снайперов, мин, снарядов и бомб.

Летчицы, снайперы, связистки, врачи, медицинские сестры, санитарки, регулировщицы на дорогах, поварихи, машинистки, продавщицы в торговой сети военторга и труженицы всевозможных специальностей на фронте — все они воспеты в произведениях искусства. Их образы запечатлены в книгах, стихах, кинокадрах, картинах и скульптурах. «Образ женщины-бойца с винтовкой в руках, у штурвала самолета, образ санитарки, сестры или врача с погонами на плечах, — говорит Л. И. Брежнев, — будет жить в нашей памяти как светлый пример самоотверженности и патриотизма»[45].

За их славный труд мы кланяемся им земным поклоном. Но мало кто задумывался над тем, что женщина на фронте требует к себе особого внимания, что в ее быту есть много того, что не предусмотрено военными инструкциями, рассчитанными на

мужчин, на общие солдатские привычки. Женщине требуются специальное обмундирование, обувь, особое медицинское наблюдение, свои бытовые условия. Далеко не все знают и даже не задумывались о тех особых трудностях, которые испытывают женщины во фронтовой обстановке.

Было бы несправедливо сказать, что о женщинах вообще не думали в годы войны. Особенно много думали о том, где можно поставить женщину вместо мужчины. Была даже такая комиссия в начале войны, которая просмотрела буквально каждую мужскую штатную единицу на предмет возможного замещения ее женщиной.

Начальник тыла Красной Армии А. В. Хрулев, подходивший к решению всех вопросов в крупном масштабе, так же поступил и в отношении женщин, находившихся в армии: он ввел должность помощника главного интенданта Красной Армии по женскому обмундированию и пригласил на эту работу А. К. Осину — директора одной из крупнейших швейных фабрик Москвы, которая была одновременно, так сказать, женским консультантом и для других служб в армии. Для женщин придумали более или менее подходящую одежду на фронте и даже красивые сапоги. К сожалению, мы не имели всего этого в достаточном количестве, и нередко приходилось выдавать женщинам ватные брюки, мужское теплое белье и кирзовые сапоги. Лишь к концу войны женщин на фронте стали одевать и обувать не только добротно, но и красиво. Но это к концу войны.

На 1-й Белорусский фронт в 1943 году прибыл на должность консультанта-гинеколога подполковник медицинской службы профессор Э. М. Каплун, бывший директор гинекологической клиники имени Отта в Ленинграде. До его приезда военно-полевой гинекологической службы на фронте не существовало. Не было и специалистов. Между тем нужда в оказании медицинской гинекологической помощи раненым и заболевшим женщинам была большая. Организовали фронтовые краткосрочные курсы, по окончании которых врач-гинеколог назначался в дивизию.

Э. М. Каплун проделал большую организационную и научную работу и фактически заново создал военно-полевую гинекологию на фронте. Несмотря на свое подорванное здоровье, он побывал в каждой армии, дивизии и прилагал большие усилия к тому, чтобы всюду, где находились женщины, были созданы для них надлежащие бытовые условия. Он читал лекции женщинам в госпиталях, медсанбатах, в банно-прачечных отрядах, столовых и т. д.

Первое время я об этом знал лишь по общей информации

своих подчиненных. Однажды начальник санитарного управления фронта генерал А. Я. Барабанов попросил меня непременно выслушать доклад гинеколога фронта, возвратившегося недавно из большой поездки по соединениям. Я удивленно пожал плечами, но согласился его выслушать. Профессор Каплун сообщил мне о ряде тяжелых случаев, происшедших с женщинами на фронте. Каждый случай отличался от другого индивидуальностью, силой драматизма и последствиями. Но во всех было много общего: невнимание со стороны начальников к элементарным нуждам, обусловленным физиологическими особенностями женщин, невозможность получить консультацию и квалифицированную лечебную помощь в случае заболевания, почти полное забвение бытовых нужд женщин — не было нужного белья, специальных медикаментов первой необходимости и т. п. Профессор Каплун при этом патетически воскликнул:

— Знают ли начальники-мужчины, что женщина — человек?! Думают ли они об элементарных нуждах женщин, когда останавливают воинскую колонну на небольшой привал в пути? Знают ли они о том, что женщина в роте, батальоне, полку постоянно находится на виду у мужчин, перенося от этого огромные неудобства? Нормально ли такое положение, когда во фронте и в армиях нет специальных женских госпиталей, а если кое-где такие госпитали и открыты, то это сделано самочинно.

А насколько сложным было положение беременной женщины на фронте! Хотя и существовал приказ об обязательной отправке в тыл всех беременных, но ведь это общий приказ, а жизнь шла своим чередом. Не каждая женщина могла найти себе пристанище в тылу, у многих не осталось ни родителей, ни родных, ни жилья; а кроме того, моральная сторона тоже имела большое значение… У многих на фронте сложились хорошие семьи, и не каждый согласен был, чтобы его жена разрешалась от беременности где-то вдали от него, да и не всякая жена на это соглашалась. Следовательно, надо было создать условия для благополучных родов тут же, на фронте. А вслед за этим вставал вопрос об «экипировке» новорожденных.

Кто должен решать все эти вопросы? Они переросли местное значение. Об этом я доложил командующему фронтом. Мне поручили подготовить и издать специальный приказ по тылу. Автором его стал сам профессор Каплун. Он вложил в него всю свою душу. Можно без преувеличения сказать, что после издания этого приказа наступил перелом в быту женщин. Во многих госпиталях открыли женские отделения. Усилилась санитарно-просветительная работа среди женщин. Производились регулярные медицинские осмотры. Улучшилось качество женской

одежды и обуви. На фронте открыли 11 женских стационаров по 20 коек и, кроме того, два женских госпиталя на 200 коек каждый. Были созданы, правда, к концу войны, благоприятные условия для рожениц и новорожденных. Начальник военторга Н. В. Каширин изыскал возможность изготовить значительное число комплектов «приданого» для новорожденных, которое вручалось молодым матерям. На быт женщин, особенно в роте, батальоне, полку, хотя и с опозданием, обратили самое серьезное внимание командиров всех степеней.

Я не сгустил краски. Я хотел показать, хотя бы немного, оборотную сторону прекрасной, сияющей медали, чтобы не думали, что путь женщин на фронте был усеян исключительно цветами славы и всеобщего восхищения. Полезно знать и теневую сторону не только для истории, но и для будущего.

Профессору Каплуну принадлежит немалая заслуга в теоретическом обобщении военно-полевой гинекологии. Под его руководством написаны на фронте 22 научные работы, проведены три специальные фронтовые научные конференции. Он являлся общепризнанным авторитетом в своей области и пользовался глубоким уважением у коллег. Тяжелая болезнь не дала дожить до наших дней этому прекрасному человеку.

Надо отдать должное его жене Э. А. Каплун, ушедшей вместе с мужем на фронт и показавшей себя неутомимой труженицей на посту врача-ординатора гинекологического отделения фронтового эвакогоспиталя. Она прошла весь трудный путь фронтовой жизни, помогая мужу в его врачебной работе. Э. А. Каплун и после войны продолжала трудиться в той же клинике имени Отта, откуда пошла на фронт и где до последних дней жизни работал Э. М. Каплун.

В ведении начальника тыла фронта находились огромные и разнообразные материальные ценности, и распоряжался ими только он. Многовластие здесь чревато тяжелыми последствиями. Строгое единоначалие в управлении тылом обеспечивало наиболее целесообразное использование материальных средств и создавало условия для слаженной работы всей системы. Исключительную важность и полезность имели широкие предварительные консультации и коллективная разработка главнейших мероприятий. Сама природа вопросов, которыми занимался начальник тыла, такова, что их не решить «единым махом».

Начальнику тыла подчинялось 15, а иногда и более всевозможных направлений работы, в ряде случаев сильно отличавшихся друг от друга. Они органически связаны между

собой самым главным — все нужны для обеспечения победы над врагом и потому все зависели друг от друга.

Не может быть такого начальника тыла, который был бы одинаково хорошо сведущим во всех вопросах. Но в одном он должен стоять на высоте — в искусстве руководить людьми, в умении направлять их деятельность. А это достигается не администрированием, не грубым нажимом, тем более не игнорированием знаний специалистов. Всегда полезно советоваться с умными людьми, выслушать их мнение и предложения, хотя бы они и шли вразрез с твоими предварительными намерениями. Координация действий специалистов, целенаправленная, глубоко продуманная организация тыла, построенная на учете специфических сторон каждой службы, требуют, чтобы все они постоянно чувствовали единый ритм в работе, четко и слаженно взаимодействовали между собой. Например, начальнику медицинской службы нельзя не знать перспективы дорожного и железнодорожного строительства, а дорожным начальникам также важно знать, как организуется медицинское обеспечение, как ему содействует дорожная сеть. Начальнику службы ГСМ необходимо знать потребности авиации и автомобильной службы. Начальник трофейной службы не выполнит своих обязанностей, если не будет в курсе ближайших задач войск, чтобы точно нацелить свои силы и средства на соответствующие объекты в тылу противника. Короче говоря, все службы тыла должны понимать друг друга и строить свою работу на принципе взаимодействия и взаимопомощи.

До того как принять окончательное решение, начальнику тыла весьма полезно предварительно обсудить с руководителями служб свой проект. Дело от этого только выиграет, а принцип единоначалия отнюдь не нарушится.

Может возникнуть вопрос, к какой группе специалистов следует отнести начальника тыла?

Я не ошибусь, если скажу, что главная черта, главная особенность, пожалуй, даже специальность таких людей может быть выражена в общей форме понятием «организатор» или «военный организатор».

В. И. Ленин не раз подчеркивал важность организаторской деятельности. Он высоко ценил людей с организаторским талантом[46].

Говорят, что нет таких школ, которые готовили бы организаторов, что организаторы выявляются самой жизнью, так сказать, естественным путем. С этим можно согласиться лишь отчасти. Такое стихийное «выявление» обычно стоит немалых

жертв — сменится несколько человек, пока наконец останется тот, кто более всего соответствует этой должности. На многочисленных примерах можно проследить тяжелый и тернистый путь генералов и офицеров, выдержавших суровое испытание войны на военно-тыловой работе.

Очень важно, правильно подбирая людей на ту или иную должность, выявить среди них организаторов. Но еще важнее — умение подготовить организатора. Соответствовала ли система подготовки военно-тыловых руководящих кадров в мирное время той работе, с какой мы встретились в годы войны? Безусловно, нет.

Предвоенная структура тыла даже не предусматривала подобной категории руководителей. Руководящих лиц тыла крупного масштаба готовили главным образом как штабных работников «с военно-тыловым уклоном». Поскольку предвоенная структура тыла была разобщена, то и подготовка руководящих кадров не имела той целенаправленности, какой потребовала война.

Организаторов тыла надо подбирать и обучать, давать им тот минимум общих и специальных знаний, который позволил бы квалифицированно управлять людьми; надо привить им навыки в координации усилий разнообразных специалистов. Чем выше звено в системе тыла, тем разностороннее должен быть подготовлен организатор.

Начальник тыла фронта (армии) — это оперативно грамотный командир, способный разбираться в сложной оперативно-стратегической и военно-политической обстановке, широко эрудированный военный экономист, решительный и волевой организатор.

Откуда черпали энергию воины Красной Армии, в том числе работники тыла, готовые отдать свои силы, а то и жизнь, за свою Родину, за свой народ?

Любовь к Родине, советский патриотизм — это та великая сила, которая управляет миллионами сердец, вдохновляет на труд, на подвиги, на полное самопожертвование. Любовь к народу, который послал своих воинов на защиту Отчизны, оказал им доверие и вручил свою судьбу в час смертельной опасности, безграничная вера в партию Ленина, возглавившую священную борьбу с врагом, — вот что вело нас к Победе.

Фронт и советский тыл слились воедино. Вся страна поднялась на защиту своей земли. В этом сила, в этом истоки могущества Красной Армии.

Органы тыла были достойными проводниками воли народа в

таком важном деле, как постоянная забота о быте бойца, обеспечение действующей армии всеми материальными средствами, поддержание постоянной боевой готовности войск. Большая ответственность выпала на долю коммунистов, посланных партией в органы тыла. Сделать эти органы максимально работоспособными, чуткими к нуждам советских воинов, готовыми выполнять любое задание командования — такую задачу решали коммунисты и вся система партийно-политического воспитания личного состава тыла фронта.

Особенно важной и благородной задачей коммунистов являлась забота о раненых. В свое время М. И. Калинин говорил: «Раненые нуждаются в теплом слове, в участии, и вот тут вы проявите задушевность. Хорошее отношение раненый боец навсегда запомнит и расскажет об этом в тысяче мест. В результате слово, сказанное потихоньку, разнесется далеко»[47].

Личный состав тыла в годы войны воспитывался в духе непримиримости к нерасчетливому, неэкономному расходованию материальных средств. Работники тыла понимали свою ответственность за плоды труда советских людей, за достояние нашего общества. Они отдавали все силы, ведя строительство мостов, дорог, ремонт боевой техники, обеспечивая своевременную доставку на фронт всего необходимого, эвакуацию в тыл различного имущества, заготовку продовольствия, проведение полевых работ. Партия призывала личный состав тыла к повышению производительности труда, к проявлению творческой инициативы, к выполнению высокого воинского долга.

Огромное мобилизующее значение имело «Обращение Военного совета фронта к работникам тыла» перед началом Берлинской операции. Военный совет требовал от всех нас широкого разъяснения политики Коммунистической партии и Советского правительства по отношению к немецкому народу — лютой ненависти к вооруженному врагу и гуманности к обманутому населению, заботы о детях.

В обращении Военного совета говорилось:

«Героями в этой величайшей битве являются не только те, кто непосредственно уничтожает врага в бою, но и те, кто, несмотря ни на какие трудности, всегда поспевает подвезти к полю боя все необходимое для уничтожения врага и стремительного продвижения вперед»[48].

Этот призыв Военного совета фронта нашел отклик в душе каждого солдата, сержанта, офицера и генерала тыла.

Не менее важным было проведение широкой партийно-политической работы среди жителей прифронтовой полосы,

непосредственное участие в организации восстановления экономики и использования ее для нужд Красной Армии, поддержание правильных отношений с местным населением (последнее — задача непростая на зарубежных территориях).

В годы войны у нас имелась хорошая наглядная агитация.

По плакатам, лозунгам, указательным знакам на дорогах можно было бы составить целую летопись войны. Это являлось одной из сильных форм политической работы в тылу фронта.

Я не ставлю себе задачу дать подробное описание всех форм и методов партийно-политической работы в тылу фронта. Это предмет самостоятельного исследования. Скажу о главном: к особым заслугам многочисленного коллектива коммунистов тыла я отношу тот дух единства, сплоченности, товарищеской взаимовыручки, глубочайшего взаимного уважения и доверия, который царил у нас.

Политотдел тыла фронта в немалой степени содействовал установлению и поддержанию здоровой товарищеской атмосферы во взаимоотношениях между людьми. Начальник политотдела полковник Д. И. Лошаков, обладавший большим опытом партийной работы в гражданских условиях, во многом помог мне и штабу тыла руководить этим сложным делом.

На протяжении всей книги я приводил множество примеров исполнения высокого партийного долга всеми работниками тыла фронта. Несмотря на большое многообразие задач, общей и самой главной обязанностью каждого труженика системы тыла на фронте была постоянная забота о человеке, особенно о воинах переднего края. Питание, одежда, лечение, тепло, всевозможные виды снабжения и обеспечения, а также многие другие насущные потребности человека на фронте составляли основной смысл деятельности всего командного состава органов тыла, включая и партийно-политических работников.

Высокое политико-моральное состояние войск в большой мере определялось отеческой заботой о солдатах со стороны командиров и политработников. Вся система тылового обеспечения на фронте была призвана обеспечить высокий боевой дух воина.

Одной из центральных задач партийно-политической работы в системе органов тыла являлось решительное искоренение бюрократизма, бездушия к повседневным нуждам воинов, проведение большой воспитательной работы с личным составом частей и учреждений тыла.

Наряду с этим политические органы и парторганизации проявляли большую заботу о бережном хранении и расходовании государственного имущества. С этой целью коммунисты служб

снабжения и обеспечения чутко улавливали обстановку в войсках, лично проверяя на местах выполнение установленных норм и правил расходования материальных ценностей.

Нередко проводились собрания, конференции представителей служб снабжения с целью самокритичного анализа собственной деятельности и изыскания новых путей и форм для лучшего обеспечения доблестных воинов.

Личный пример коммунистов тыла на фронте служил наиболее действенным средством воспитания.

На 1-м Белорусском фронте в системе всех звеньев тыла насчитывалось от 20 до 25 тысяч коммунистов, входивших в одну тысячу партийных организаций. Начальник политотдела тыла фронта осуществлял руководство партийно-политической работой во всех частях и учреждениях тыла фронтового подчинения. Структура политорганов тыла, сложившаяся за годы войны на фронте, целиком себя оправдала.

Мне как-то везло на комиссаров, заместителей по политической части. Иногда мои коллеги даже спрашивали, чем объяснить такое завидное содружество? Не знаю, что на это ответить. Может быть, и в самом деле мне просто везло. Я рассказывал о комиссаре тыла 49-й армии А. Н. Рассадине. На этой должности его сменил И. С. Фурсов. Оба они были до войны крупными партийными работниками. Комиссаром тыла Брянского фронта в 1942 году был М. И. Смирнов, член партии с 1915 года, добровольно вступивший в московское народное ополчение. Долгое время, вплоть до окончания войны, заместителем начальника тыла по политической части — начальником политотдела тыла 1-го Белорусского фронта был полковник Д. И. Лошаков. Сразу же после войны моим заместителем по политической части в Главвоенстрое был С. А. Деньгин, ранее работавший секретарем Смоленского обкома партии.

Это были замечательные люди, имевшие за плечами большой опыт партийно-политической работы, знавшие экономику страны, особенно областей, где работали до войны. Их знания и опыт оказались драгоценным приобретением для армии, где есть много родственного со сложной и многогранной работой партийного руководителя района, области или края. Став партийными руководителями в системе тыла армии и фронта, они быстро «врастали» в новые условия. С ними у меня были самые добрые взаимоотношения, способствовавшие нормальной деятельности всех руководителей и работников служб тыла.

Разумеется, у каждого из них были свои особые качества. Но общим являлась способность создавать атмосферу

принципиальности, деловитости и товарищества. В установлении добрых, деловых, товарищеских отношений с комиссарами, возможно, некоторую роль играло и то обстоятельство, что я сам до войны 18 лет находился на партийно-политической работе в армии.

С особой теплотой и глубоким уважением я должен сказать о начальнике политического управления фронта генерале С. ф. Галаджеве. Политуправление под его руководством оказывало постоянную помощь тылу фронта буквально во всем: в подборе людей, в организации политической работы в период заготовок, в поддержании порядка, в проведении различных массовых мероприятий (смотр боевой техники, смотр коня, конференция специалистов, наглядная агитация на военных дорогах и т. д.).

Вопросами тыла постоянно занимались члены Военного совета фронта генералы К. Ф. Телегин и М. М. Стахурский. Они почти всегда присутствовали на совещаниях начальника тыла с начальниками служб при разработке основных вопросов тылового обеспечения, участвовали в общефронтовых конференциях, обсуждавших постановку лечебно-эвакуационного дела, качество питания солдат на переднем крае и др.

Иногда мне казалось, что К. Ф. Телегин и М. М. Стахурский даже чрезмерно вникают в некоторые детали; начальники служб крайне болезненно реагировали на подобное вмешательство, усматривая в нем недоверие к себе и нарушение принципа единоначалия. Но это могло быть и следствием чисто субъективной впечатлительности. Бесспорно то, что и К. Ф. Телегин и М. М. Стахурский всегда находили время для беседы с работниками тыла и в своем желании помочь им не считались порой с формальными рамками.

Центральные органы тыла

Создание единой централизованной системы тыла Советских Вооруженных Сил в августе 1941 года явилось новым крупным шагом в военном строительстве. Эта система тылового обеспечения войск с честью выдержала все испытания. Да и теперь, когда произошла невиданная по масштабам и характеру революция в военном деле, выработанная тогда единая структура тыла приобрела еще большую значимость.

Перестройка тыла в самом начале Великой Отечественной войны вполне отвечала данным в условиях гражданской войны указаниям В. И. Ленина о необходимости иметь крепко организованный тыл и недопустимости распыления идущих на войну материальных сил и средств, о централизованном управлении всеми разнородными элементами тылового обеспечения Вооруженных Сил[49].

Первейшей задачей вновь созданных центральных органов управления тылом Красной Армии был подбор руководителей как для самого центрального аппарата, так и для нижестоящего звена.

Как известно, до войны в Красной Армии не было должности

начальника тыла. Специалисты — и отличные специалисты, — возглавлявшие службы тыла, были, но организаторов всей системы тыла в целом не хватало.

Далеко не каждый, даже высокостоящий начальник, понимал, что означает должность начальника тыла фронта или армии. Видимо, поэтому И. В. Сталин категорически требовал, чтобы на должность начальников тыла посылались наиболее подготовленные командиры. В частности, начальниками тыла фронтов он рекомендовал назначать генералов из числа командующих военными округами и начальников академий.

Любопытные подробности по этому поводу рассказал генерал А. В. Хрулев. Он получил указание от Верховного явиться к нему с первыми, только что предложенными на эти должности кандидатами. Сталин пожелал сам проинструктировать их. Все собрались 30 июля 1941 года в Кремле. Присутствовали А. И. Микоян, А. В. Хрулев, начальник Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-лейтенант М. С. Хозин, начальник Академии Генерального штаба генерал-лейтенант В. К. Мордвинов, командующие войсками военных округов генералы В. Н. Курдюмов и Т. И. Шевалдин, заместитель командующего войсками военного округа генерал М. А. Рейтер, начальник Управления военно-учебных заведений Красной Армии генерал И. К. Смирнов и другие. Обращаясь к собравшимся, Верховный Главнокомандующий сказал, что война требует железного порядка в снабжении войск. Этот порядок должен наводиться твердой рукой. Начальники тыла фронтов и армий должны быть диктаторами в тыловой полосе своих фронтов, и это каждому надо хорошо усвоить[50].

По словам А. В. Хрулева, Сталин рассматривал деятельность начальника тыла сверху донизу не только как снабженческую, но и как большую организаторскую работу. В первые месяцы начальники тыла были приравнены в правовом положении и должностном окладе к соответствующим командующим, при которых они состояли заместителями (позже последовали некоторые изменения). Но не каждому из генералов пришлось по душе такое назначение. В частности, генерал Т. И. Шевалдин поднялся и откровенно доложил, что округом командовать он может, а за руководство тылом фронта браться не рискует. Сталин тут же освободил его от нового назначения. Правда, и остальные товарищи ненадолго задержались на этих должностях. Лишь один И. К. Смирнов пробыл около года, других освободили через несколько месяцев.

Крепкий орешек — тыл…

Потребовалось не менее года, пока сложились устойчивые

кадры руководящих работников оперативного тыла.

Во главе главных и центральных управлений были поставлены энергичные люди, о достоинствах которых свидетельствует сам факт их несменяемости на протяжении всей войны.

Могу заявить не только от себя, но и от лица многих своих коллег по фронту, что у нас были самые добрые деловые отношения с центральным аппаратом тыла. Самой ценной и наиболее характерной чертой его работников являлось понимание нужд фронтов, стремление сделать максимум возможного для их удовлетворения.

Остановлюсь на работе лишь некоторых центральных органов тыла как подчиненных начальнику тыла Красной Армии, так и не входивших в его систему.

С первых же дней войны обстановка на железных дорогах усложнилась до крайности: встретились два потока поездов. С запада шли эвакогрузы и уезжало из угрожаемых районов население. А с востока непрерывно шли поезда с личным составом воинских частей, боевой техникой, боеприпасами и т. д.

В пределах досягаемости авиации противник интенсивно бомбил поезда, мосты, станции и узлы дорог, стремясь сорвать перевозки.

Центральное управление военных сообщений (ЦУП ВОСО) во главе с генералом И. В. Ковалевым превратилось в постоянно действующий штаб, куда стекалась информация по многим каналам и откуда посылались импульсы на железные дороги всей страны. Установилось самое тесное содружество между руководством Наркомата путей сообщения (НКПС), начальниками дорог, отделений, железнодорожных станций и органами тыла Красной Армии, особенно с Управлением военных сообщений, важнейшими функциями которого было знание положения на железных дорогах всей страны и умение изменить его в соответствии с быстро меняющейся оперативной обстановкой.

Если в штабе фронта начальник ВОСО, докладывая мне о поездном положении на железных дорогах, имел на учете одну-две сотни номеров эшелонов и транспортов, то в аппарате ЦУП ВОСО ежедневно значилось на учете до 2 тысяч оперативных эшелонов и 10–12 тысяч транспортов[51]. В те годы еще не было электронно-счетных устройств; телефон, телеграф и человеческий мозг собирали и перерабатывали бесконечные потоки информации. Офицеры ЦУП ВОСО становились своего рода автоматами, мгновенно реагировавшими на изменения в железнодорожной обстановке.

В ту пору взоры всех руководящих деятелей страны устремлены были на работу железных дорог. Секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев являлся как бы военным комиссаром на транспорте, ему было поручено повседневное руководство транспортным комитетом при ГКО.

Железные дороги работали на пределе.

Война потребовала совершенно необычных методов руководства. Если в мирное время план перевозок по железным дорогам составлялся за 20–30 дней до начала планируемого месяца, то теперь вступил в силу метод распорядительного планирования, заключавшийся в том, что указания на перевозку давались тут же, сегодня, ибо завтра эти указания могли стать нереальными и взамен их поступали новые, более неотложные. Конечно, это не прогрессивный метод, нередко он вносил элемент дезорганизации, но иного выхода не было. Ведь война-то началась не «по плану», и надо было разобраться в невероятной путанице на железных дорогах.

По инициативе начальника ЦУП ВОСО провели две всесоюзные переписи на всех железных дорогах страны: одну — в июле, другую — в сентябре 1941 года. Благодаря им тысячи вагонов с неотложными воинскими грузами были доставлены по назначению, другие разгружены на месте. По решению Государственного Комитета Обороны произвели принудительное освобождение подвижного состава от невоенных грузов.

Это явилось акцией стратегического значения. Вскоре на железных дорогах навели жесткий порядок. Установилась система специального учета оперативных эшелонов и транспортов, многие из которых имели особое сопровождение; ведь каждый большой начальник требовал от органов ВОСО пропустить его грузы по «зеленой улице» впереди всех, и указаний о пропуске «впереди всех поездов» давалось так много, что эта фраза превратилась в злую шутку: чтобы тот или иной груз доставить быстрее, он должен был бы идти не только впереди других поездов, но и впереди своего паровоза…

Ни один воинский поезд и даже отдельный вагон не мог пройти без контроля ВОСО. Специальные индексы и серии транспортов позволяли даже неспециалисту-восовцу хорошо ориентироваться в положении поездов на дорогах. Мне, как заместителю командующего, а иногда и самому командующему фронтом достаточно было взглянуть одним глазом на огромную ведомость с перечнем идущих в наш адрес поездов, как мы уже знали, какой груз и когда поступит на фронтовую распорядительную станцию.

Конечно, не всегда соблюдалась точность. Бичом железных дорог являлись переадресовки, и ими грешили и центральные органы ВОСО, и мы, фронтовые начальники. Замечу, что переадресовка поезда — это еще полбеды, а вот переадресовка вагонов в составе данного поезда — это уже настоящая беда, это дезорганизация движения. На протяжении всей войны было издано множество директив, запрещающих делать это, но обстановка менялась порой настолько быстро, что приходилось поневоле давать грузам новые места назначения. И в этих случаях благодаря хорошо поставленной системе учета воинских поездов приказ о переадресовке выполнялся с необыкновенной четкостью и быстротой. Так было до конца войны.

Осенью 1941 года возникло и такое новшество, как паровозные колонны. Сейчас трудно сказать, кто явился инициатором их создания; вероятнее всего, сами машинисты в депо сговаривались между собою и с непосредственными руководителями о том, как эффективней использовать наличный парк. Но для того чтобы это получило широкое распространение, требовались организаторы, умеющие обобщать опыт. Одним из таких организаторов был заместитель наркома путей сообщения Виктор Антонович Гарнык, о котором я уже говорил в связи с подготовкой Белорусской операции[52]. Во время битвы под Москвой машинисты-паровозники (главным образом Белорусской железной дороги) сами стали формировать паровозные колонны особого назначения для выполнения специальных заданий Ставки. Машинисты, их помощники, кочегары, вагонные мастера, работники кондукторских бригад дружно взялись за формирование первых трех колонн особого резерва НКПС по 30 паровозов в каждой. Весь личный состав этих колонн перевели на военное положение, зачислили на все виды довольствия. К слову сказать, вскоре выяснилось, что несколькими днями раньше по такому же принципу были сформированы паровозные колонны на Северной железной дороге под руководством начальника дороги Н. А. Груничева.

Вскоре организовали паровозные колонны имени ГКО в депо станции Челябинск и на Забайкальской железной дороге, где таких колонн насчитывалось 122[53]. Во многом принцип организации оставался таким же, но условия работы сильно отличались — на фронтовых дорогах они были куда более сложными. Работники паровозных колонн на протяжении всей войны проводили поезда под авиационным и артиллерийским огнем противника, неся немало потерь. Имена многих начальников колонн стали известны всей стране. Первой вошла в Берлин 35-я колонна под руководством С. М.

Любатова. Начальник паровозной колонны заместитель начальника Южной железной дороги К. И. Даниленко удостоился звания Героя Социалистического Труда; такого же звания удостоена и машинист паровозной колонны № 4 Елена Чухнюк за отличную работу в период Курской битвы и битвы за Днепр.

Труд наших славных восовцев отмечен правительственными наградами, а начальника ЦУП ВОСО генерала И. В. Ковалева назначили в декабре 1944 года наркомом путей сообщения.

Как начальник тыла фронта могу свидетельствовать, что на всем огромном боевом пути войск Центрального, затем Белорусского и 1-го Белорусского фронтов нас всюду выручали паровозные колонны особого резерва НКПС. На них мы всегда полагались. Но и с нашей стороны отказа в чем-либо нужном для людей этих колонн также не было. Мы их хорошо одевали, обеспечивали продовольствием, представляли к наградам. Мы видели в них один из лучших отрядов защитников Родины.

Однако как ни велики были мужество и умение железнодорожников службы тяги и службы движения, они одни не справились бы со своей задачей, если бы с ними рука об руку не действовали ремонтники-восстановители путей и мостов.

Отходя, наши войска стремились не оставить противнику ни одного километра исправной железной дороги, ни одного не взорванного моста. Восстановление их значительно замедляло продвижение вражеских войск и давало выигрыш времени нашему командованию. А когда перешли в наступление мы, то увидели потрясающую картину разрушений, произведенных фашистами на железнодорожном транспорте; были разрушены не только пути и станции, но и все пристанционные сооружения, вплоть до жилищ. Разрушая железнодорожное хозяйство, фашисты старались как можно больше вывезти к себе рельсов, шпал и другого имущества. Взрывались не только мосты, разрушались также высокие насыпи до самого основания, особенно там, где под ними находились водосточные трубы. Иногда казалось, что легче найти другую трассу и построить новую железную дорогу, нежели восстановить прежнюю. Мосты чаще всего действительно приходилось строить заново рядом с подорванными, используя лишь сохранившиеся подходы к ним.

Темп — коренной вопрос в восстановлении железных дорог.

Чем быстрее восстанавливаются коммуникации, тем меньше войска отрываются от баз снабжения, тем успешнее идет их боевое питание. Без железных дорог можно выиграть бой, сражение, даже боевую операцию, но надолго закрепить достигнутый успех очень трудно. Так по крайней мере было в минувшую войну.

Война не ограничивалась районами боевых действий и прилегающей к ним прифронтовой полосой. В глубоком тылу также сильно возрос объем работ по строительству новых и развитию существовавших железных дорог. Вот почему так велика была роль железнодорожных войск в годы Великой Отечественной войны. Численность их достигла 300 тысяч человек — и этого недоставало. Лишь одному нашему 1-му Белорусскому фронту требовалось 30–35 тысяч железнодорожников-восстановителей. И дело не только в численности людей, еще большее значение имел уровень технической оснащенности и обученности их.

С декабря 1941 года и до конца войны военные и гражданские железнодорожники восстановили, перешили и привели в эксплуатационное состояние около 120 тысяч километров железнодорожных путей, 2756 больших и средних мостов общей протяженностью 242 143 погонных метра, более 13 тысяч малых мостов и труб, 46 тоннелей (23 230 погонных метров), 182 паровозных депо, 2345 пунктов водоснабжения, свыше 729 тысяч проводо-километров связи и т. д.[54].

В годы войны железнодорожные войска входили в НКПС, в составе которого находилось Главное управление военно-восстановительных работ (ГУВВР) под командованием ветерана железнодорожных войск генерала В. А. Головко. Начальником железнодорожных войск в составе ГУВВР был не менее опытный специалист-железнодорожник Н. А. Просвиров, а с 1944 года Герой Социалистического Труда генерал П. А. Кабанов, проработавший затем на этом посту 25 лет.

Железнодорожные войска, как показал опыт войны, составляют неотъемлемую часть стратегического тыла Вооруженных Сил; они могут выполнять свои обязанности гораздо успешнее, если находятся в составе Вооруженных Сил. Эти войска не знают покоя ни в войну, ни в мирное время. Они всегда строят. Благодаря постоянной занятости железнодорожные войска приобретают ценнейший опыт и тренировку, обеспечивающую им высокую боевую готовность.

Выработка в мирное время навыков дружной, согласованной работы железнодорожных войск с органами тыла Вооруженных Сил является крайне полезным делом. Организаторам тыла важно хорошо понимать роль, задачи и возможности железнодорожных войск и оказывать им повседневную помощь.

По крайней мере мой опыт настоятельно диктует такой вывод.

Не менее важное изменение произошло в дорожном и

автотранспортном обеспечении Вооруженных Сил.

Началось с того, что 15 июля 1941 года ГКО принял постановление «О создании Управления автотранспортной и дорожной службы Генерального штаба Красной Армии».

Перед этим начальник Генерального штаба Красной Армии генерал Г. К. Жуков вызвал к себе генерала З. И. Кондратьева и сказал ему:

— В мирное время у нас в армии не придавали должного значения автотранспорту. При Генштабе есть отдел автотранспортной и дорожной службы… Мы решили этот отдел переформировать в управление. Начальником нового управления называют вас[55].

Однако этим еще не устранялась крайне неудобная двойственность. На дорогах было два хозяина: НКВД со своими дорожными частями и НКО с еще не сложившейся системой дорожного обслуживания.

С начальником Главного управления шоссейных дорог (ГУШОСДОР) бригадным инженером В. Т. Федоровым, в чьих руках находились основные силы и дорожная техника, установили тесный деловой контакт. Но параллелизм в работе оставался. Пришлось заняться выработкой инструкций и положений о строительстве и эксплуатации военно-автомобильных дорог, ни на минуту не отвлекаясь при этом от забот о наведении порядка на дорогах, где в те дни творилось нечто невообразимое.

Сложная работа по созданию центрального руководящего органа завершилась в короткий срок. Через неделю вновь созданное Управление автомобильно-дорожной службы передали из Генерального штаба в систему начальника тыла Красной Армии и переформировали в Главное автомобильно-дорожное управление. Во фронтах и армиях создали автомобильно-дорожные управления и отделы. Одновременно начали формирование дорожно-строительных, мостостроительных и дорожно-эксплуатационных частей. Такое понятие, как «военно-автомобильная дорога», приобрело юридическую силу; было сформировано Управление военно-автомобильных дорог (УВАД) с довольно стройной системой периферийных органов.

С ростом технического оснащения Красной Армии возрастало и значение автотранспортной службы и дорожного обеспечения. Все более настоятельно назревала необходимость создания самостоятельных служб — автомобильной и дорожной. Господствовавшая ранее точка зрения, по которой автомобильное ведомство должно одновременно и управлять дорогами и строить их, ходом войны была опровергнута. Дорожная проблема

приобрела небывалую остроту: ведь еще до войны развитие дорог с твердым покрытием заметно отставало от автомобилизации страны.

Правда, в предвоенный период наша страна совершила немалый скачок в дорожном строительстве. В 1913 году в России числилось дорог с твердым покрытием 24,3 тысячи километров, а к июню 1941 года эта цифра достигла 143,4 тысячи километров. Кроме того, в стране было 200 тысяч улучшенных и 250 тысяч километров профилированных грунтовых дорог. Но автомобильный парк страны составил уже 1100 тысяч единиц, в том числе грузовых автомобилей 704 тысячи, и война предъявила к дорожной службе высокие требования.

В ноябре 1942 года Главное автомобильно-дорожное управление разделили на Главное автомобильное управление Красной Армии (ГЛАВТУ КА) и Главное дорожное управление Красной Армии (ГДУ КА). Автомобильную службу возглавил генерал И. П. Тягунов, его заместителями назначили генералов Н. В. Страхова и С. М. Чемериса. Во главе дорожной службы Красной Армии до конца войны оставался генерал З. И. Кондратьев, человек большой воли и знаток своего дела. С целью усиления дорожной службы Красной Армии всю систему Главного управления шоссейных дорог при НКВД, имевшую довольно мощную технику и опытные кадры, правительство передало в состав ГДУ КА. Бывший начальник ГУШОСДОРА генерал В. Т. Федоров стал заместителем З. И. Кондратьева.

Во фронтах и армиях с весны 1943 года стали существовать раздельно автомобильная и дорожная службы, подчиненные начальнику тыла.

За годы войны военные дорожники довели до высокого мастерства свое умение строить и эксплуатировать коммуникации. Ими построено, восстановлено, усилено и отремонтировано свыше 100 тысяч километров дорог и более миллиона погонных метров автодорожных мостов[56].

А сколько мужества и героизма проявили военные дорожники на фронте!

Эксплуатация военных дорог все время совершенствовалась. Миллионы людей были накормлены и согреты в придорожных гостиницах, сотни тысяч машин отремонтированы в пути, заправлены бензином, десятки тысяч водителей обслужены парикмахерскими, банями. Читались лекции, давалась информация о положении на фронтах.

Опыт войны показал, как полезно было создание самостоятельной, хорошо технически оснащенной дорожной службы в составе органов тыла Красной Армии.

Возвращаясь к прошлому, можно утверждать, не рискуя ошибиться, что к концу войны на театрах военных действий значительно сократился разрыв между ростом, техническим состоянием автомобильного парка и качеством дорожного обеспечения войск. Густая сеть шоссейных и автомобильных дорог на западе страны в большой мере этому способствовала.

В течение второго и третьего периодов войны автомобильный транспорт подвоза увеличился в четыре раза (с 25 тысяч автомобилей в 1942 году до 100 тысяч в 1945 году). Общий грузооборот автомобильного транспорта в ходе войны составил 3,5 миллиарда тонно-километров[57]. Автомобиль как средство увеличения подвижности войск приобрел серьезное оперативное значение.

Весьма важным достижением военно-автомобильной службы явилась организация всевозможных видов ремонта машин — среднего и капитального, а также изготовление запасных частей силами самих фронтов и армий. Были также созданы мощные обменные базы агрегатов и запчастей, питаемые промышленностью.

Благодаря высокому мастерству наших автомобилистов коэффициент технической готовности машин достигал к началу стратегических операций 94–95 процентов. Не менее блистательный факт: ремонтные органы оказались способны удерживать этот уровень технической готовности до самого конца операции.

Служба снабжения горючим, пожалуй, самая молодая среди служб тыла. С ростом боевой техники роль ее повышалась.

13 февраля 1936 года Совнарком СССР принял постановление о сформировании в Народном комиссариате обороны Управления снабжения горючим Красной Армии и отделов снабжения горючим в военных округах. Управление непосредственно подчинялось Генеральному штабу.

Приступили к подбору кадров и созданию материально-технической базы для новой службы. Квалифицированных специалистов поставлял факультет горючего Военной академии механизации и моторизации Красной Армии. Немало специалистов прибыло из народного хозяйства. Однако к 1941 году строительство военных баз ГСМ в нужной мере не развернулось, не было налажено в достаточном объеме производство перекачивающих средств, особенно полевого типа, не хватало приборов для контроля за качеством горючего.

К началу войны мы накопили удовлетворительные запасы горючего, но размещение их далеко не отвечало обстановке: базы

Главнефтесбыта, на которых хранились неприкосновенные запасы для нужд армии, располагались и эшелонировались главным образом с учетом народнохозяйственных нужд, а не военного ведомства.

Война сразу предъявила службе ГСМ несравненно большие требования. Понадобились руководящие кадры высокой квалификации. Начальником Управления снабжения горючим Красной Армии (УСГ КА) назначили опытного инженера-нефтяника, бывшего заместителя наркома нефтяной промышленности Михаила Ивановича Кормилицына (впоследствии генерал-лейтенант инженерно-технической службы). Он хорошо знал всю систему снабжения горючим в стране и мог маневрировать ее силами и средствами. Опытных специалистов и организаторов поставили также во главе службы ГСМ во фронтах и в армиях.

Быстрый рост технической оснащенности Красной Армии требовал все больше горючего. Добыча нефти и производство бензинов не поспевали за этими требованиями. Самое трудное положение с горючим сложилось в 1942 году, когда противник перерезал все южные коммуникации и вышел на Волгу. Войска повсеместно испытывали острейшую нужду в горючем. Обстановка настолько обострилась, что член ГКО А. И. Микоян большую часть своего времени отдавал тогда этой проблеме.

Помогла изобретательность советских людей. Стали подавать горючее по Каспийскому морю до Гурьева и Красноводска. Трезво рассуждая, это был единственный выход.

По решению ГКО в район Каспия командировали в 1942 году бригаду с задачей организовать доставку горючего кружным путем. Ее возглавлял весьма энергичный и инициативный заместитель наркома морского флота генерал Л. Ю. Белахов. В нее входили заместитель наркома речного флота А. А. Лукьянов, заместитель начальника Главнефтесбыта Н. М. Михайлов, заместитель начальника Управления снабжения горючим Красной Армии подполковник С. М. Бланк, заместитель наркома нефтяной промышленности Н. М. Чекрыжев.

Прежде всего надо было отправить по морю в район Гурьева более 150 барж Волжского пароходства, чтобы транспортировать горючее с гурьевского рейда до пристани. Но главное заключалось в огромном строительстве в районе Гурьева. Углубили русла Урала и подходы к местам слива, построили емкости по 2 тысячи кубометров каждая, эстакаду для одновременного налива 50 железнодорожных цистерн, установили два постоянно действующих насоса

производительностью по 400 кубометров в час, построили трубопровод около 12 километров по морю и по берегу Урала. Бригаде Белахова помогал Гурьевский обком партии, а также ЦК Компартии Казахстана.

Другим способом доставки горючего кружным путем стала буксировка по морю железнодорожных цистерн от Баку до Красноводска. Это совершенно фантастический способ. Чтобы цистерна не тонула, ее заливали горючим не полностью, оставляя место для воздуха, снимали с колес и спускали на воду. «Караван» таких цистерн в количестве 40–50 единиц буксир тянул до Красноводска; там их снова ставили на колеса, и поезд шел на Москву через Ашхабад, Ташкент… Около 500 тысяч тонн горючего доставили из Гурьева и Красноводска на фронт в 1942 году. Это имело огромное значение для наших войск, оборонявших Сталинград, Москву, Ленинград.

Не менее смелым мероприятием явилась прокладка подводного трубопровода по дну Ладожского озера в 1942 году. Идея прокладки трубопровода зародилась в штабе тыла Ленинградского фронта. Ее одобрил Военный совет, который предложил подготовить доклад Государственному Комитету Обороны. 25 апреля ГКО обязал Наркомстрой построить сварной подводный 4-дюймовый трубопровод длиной около 25 километров, производительностью 300–350 тонн в сутки. Начальником строительства трубопровода назначили М. И. Недюжко, главным инженером — А. С. Фалькевича, главным инженером проекта трубопровода — Д. Я. Шинберга. Координировал все работы на строительстве уполномоченный Наркомстроя СССР М. И. Иванов. Строительство велось коллективом гражданских и военных строителей, насчитывавшим до 1000 человек. Сварку труб вела бригада знаменитого мастера Г. П. Ломоносова. Всестороннюю помощь оказывал строительству начальник тыла Ленинградского фронта генерал Ф. Н. Лагунов. Трасса была готова за 50 дней, и более двух лет по ней подавалось горючее Ленинграду.

Надо помнить: это не обычное инженерное сооружение. Инженерная мысль родилась не в кабинетной тиши, а фактически в боевых условиях, когда все время довлело требование о необходимости любым путем и быстрее доставить горючее осажденному городу. А если еще учесть, что работы производились под непрерывным воздействием авиационного и артиллерийского огня противника, что строители несли немалые жертвы, то вряд ли кто не поймет моего желания еще раз выразить восхищение людьми, задумавшими и осуществившими столь грандиозное дело.

Подобный трубопровод союзники уложили по дну Ла-Манша. Но разве условия строительства у них были сходны с нашими? Тот трубопровод проектировали два года, сооружали более двух месяцев, и над строителями в то время уже не висела авиация противника.

В ходе войны строились и другие трубопроводы, преимущественно наземные и надводные. Но, конечно, даже лучшие из них были не похожи на те, которыми оснащена современная армия и о которых не раз сообщала наша пресса в период проведения больших маневров. С восхищением наблюдаешь теперь автоматическое развертывание трубопроводов различных диаметров на сотни километров. Об этом мы и мечтать не могли во время войны.

В 1943–1944 годах наша авиация предъявила большой спрос на высокооктановый бензин, а в стране его имелось очень мало. Где же его взять? Как повысить октановое число отечественного бензина? Наладили смешение бензина марки Б-70 с компонентами изооктана и изопентана и появились Б-74, Б-76, Б-90, то есть то, что нужно авиации. Сперва это делалось на центральных базах, потом научились и на фронтовых, в частности на 1-м Белорусском, где новый метод внедрял С. М. Бланк.

Не трудно понять, насколько усложнились задачи службы ГСМ в нынешнее время. Мало сказать — техника изменилась. В корне изменились условия использования ее. Современная номенклатура видов горючего и масел поражает своим разнообразием и невиданными ранее трудностями хранения, что для военных специалистов в этой области имеет особое значение.

Есть еще очень важные службы тылового обеспечения, которые не входили в подчинение начальника тыла Красной Армии. К ним относится прежде всего артиллерийское снабжение. Сама жизнь, однако, настолько сблизила людей этой службы со всей системой тыла в годы минувшей войны, что порой трудно бывало установить линию раздела между ними.

И это вполне естественно: чем больше производилось снарядов, мин, пушек, минометов, всевозможной другой артиллерийской техники, тем больше транспорта требовалось для их перевозки. Транспорт и дороги — эти решающие средства системы тыла — больше всего были задействованы в интересах артиллерии. Если все воюющие государства к концу первой мировой войны довели количество орудий до 50 тысяч, то советская промышленность поставила Красной Армии в 1943 году 130,3 тысячи, а в 1944 году — 122,5 тысячи орудий. Если вся русская армия в первую мировую войну израсходовала 44

миллиона снарядов, то Красная Армия в Великой Отечественной войне перекрыла эту цифру в десятки раз. Доставка боеприпасов за четыре года войны потребовала около 500 тысяч вагонов. Перевозка затаренных снарядов — это по существу завершающий цикл, которому предшествовали перевозки сотен миллионов различных элементов этих снарядов с заводов на базы и арсеналы. А возврат с фронтов стреляных гильз, спецукупорки — это ведь тоже десятки тысяч вагонов, сотни тысяч автомобилей…

Вот почему так тесно переплетались интересы службы артиллерийского снабжения и органов тыла Красной Армии.

Объем и масштабы работы Главного артиллерийского управления (ГАУ) далеко не ограничивались обеспечением материальной частью и боеприпасами собственно артиллерийских частей и соединений. Кроме них ГАУ обеспечивало пушками и снарядами танки, самоходные артиллерийские установки (САУ), войска ПВО и все другие наземные войска.

Выступая в качестве заказчика в Госплане и наркоматах, ГАУ имело развернутую сеть облеченных большим доверием и правами военных представителей (военпредов) на всех крупных заводах и в арсеналах. На опыте работы ГАУ в годы войны можно видеть с большой наглядностью глубину и эффективность планово-производственных, организационно-хозяйственных и научно-изобретательских отношений и связей между Вооруженными Силами и народным хозяйством.

Более 100 лет существует в России ГАУ. Немало славных страниц вписала в свою историю эта старейшая служба. Советская артиллерия в годы войны против фашизма наносила сокрушительные удары по врагу, и службе артиллерийского снабжения принадлежит в этом большая заслуга.

Начальник Главного артиллерийского управления Красной Армии генерал-полковник (позже маршал артиллерии) Николай Дмитриевич Яковлев неоднократно высказывал свое удовлетворение по поводу дружных деловых отношений между ГАУ и органами тыла, подчиненными генералу А. В. Хрулеву. Этому немало способствовал сам Н. Д. Яковлев, отличавшийся глубоким пониманием роли и условий работы тыла на войне, умевший создать атмосферу взаимного уважения, доверия как в своем аппарате, так и в общении с работниками тыла. Даже мы, работники фронтовой периферии, чувствовали взаимную симпатию между А. В. Хрулевым и Н. Д. Яковлевым. Мы близко знали и первого заместителя начальника ГАУ генерал-полковника Ивана Ивановича Волкотрубенко — одного из опытнейших артиллеристов нашей армии.

Четкие деловые отношения между ГАУ и центральным руководством тыла в годы войны можно отнести к лучшим традициям всей системы тыла Советских Вооруженных Сил.

Ни один мой приезд с фронта в Москву не обходился без того, чтобы не побывать в ГАУ, не «пролить слезу» о боеприпасах тех или иных калибров, не уточнить план поставок фронту. Об этом меня просили командующий артиллерией фронта генерал В. И. Казаков и начальник артснабжения фронта генерал В. И. Шабанин. Во всех случаях приходилось завершать решение этих вопросов в ЦУП ВОСО у генерала И. В. Ковалева, который сообщал фронту не только данные о грузах, что уже на колесах, но и график запланированных перевозок по всем дорогам на каждый день.

Генерал Василий Иванович Шабанин сам считал свою службу неотъемлемой частью тыла, придерживался в работе наших рекомендаций, вытекавших из опыта войны и из конкретной оперативно-тыловой обстановки. Такое сотрудничество нередко приводило меня к мысли, что службу артиллерийского снабжения целесообразно было бы включить в систему начальника тыла фронта, армии, дивизии, полка. От этого, по моему мнению, выиграла бы прежде всего служба артиллерийского снабжения, так как начальник тыла нес бы ответственность не только за подвоз боеприпасов и возврат спец-укупорки, но и за планирование расхода, за эшелонирование боеприпасов, за организацию ремонта боевой техники и т. д. Сам Шабанин не раз высказывал такую же мысль. Этих взглядов я придерживаюсь и теперь, несмотря на то (вернее, именно потому), что функции артснабжения стали более специфичными и сложными. Но и в принятой тогда организационной форме система ГАУ сверху донизу выдержала величайшее испытание войны, обеспечила невиданную по объему и разнообразию потребность войск в боеприпасах и вооружении.

Если уж говорить о древности рода тыловых служб и отмечать столетнюю генеалогию Главного артиллерийского управления, то наиболее древней надо признать продовольственную службу. Она ведет свое начало с той поры, как появились армии, а появились они тысячелетия назад…

Однако таких масштабов и условий работы, какие имела эта служба в годы Великой Отечественной войны, история не знает: приходилось кормить 10–15 миллионов воинов, а продовольственная база страны сузилась в первые два года войны до минимальных размеров.

Наряду с армией остронуждающимся потребителем

продовольствия оказалось население блокированного Ленинграда.

Центральным органом продовольственного снабжения Красной Армии являлось Управление продовольственного снабжения (Упродснаб) в системе Главного интендантского управления. Главным интендантом Красной Армии был генерал-полковник П. И. Драчев, а начальником Упродснаба — генерал-майор В. Ф. Белоусов. В начале 1942 года создали Главное управление продовольственного снабжения Красной Армии, подчиненное непосредственно начальнику тыла. Его начальником назначили министра торговли РСФСР Дмитрия Васильевича Павлова. Он только что возвратился из Ленинграда, где ему приходилось выполнять ответственное и трудное задание по доставке продовольствия в блокированный город. Генерал В. Ф. Белоусов стал заместителем начальника Главупродснаба.

К концу 1943 года, когда несколько уменьшилось напряжение, Главупродснаб вновь преобразовали в Упродснаб и подчинили главному интенданту. На мой взгляд, это была излишняя реорганизация, ибо существо дела не изменилось, и по-прежнему продовольственными вопросами занимался начальник тыла. К тому же по своему опыту и государственной зрелости Д. В. Павлов меньше всего нуждался в такой промежуточной инстанции, как главный интендант. К слову сказать, современные центральные органы тыла с успехом обходятся без такой должности.

Самым характерным для деятельности продовольственной службы являлся тот факт, что калорийность пайка советского воина на протяжении всей войны оставалась и достаточно высокой (3500–3600 калорий, а для летчиков — 5500 калорий), и стабильной, за исключением, разумеется, тех особых случаев, когда боевая обстановка или распутица временно затрудняли подвоз.

Много внимания уделялось заготовкам на месте. Из 40 миллионов тонн продовольствия, израсходованного на содержание Вооруженных Сил за четыре года войны, 20 миллионов тонн было заготовлено самими войсками. Это в большой мере облегчило заботы государства об армии, сократило использование железнодорожного транспорта на дальних рейсах. Не только заготавливали зерно, но и перерабатывали его на месте в муку и крупу. Фронты, армии, дивизии обзаводились подсобными хозяйствами. Госпитали и летные части чаще всего получали такие продукты, как свежие яйца и молоко, из этих войсковых хозяйств.

Правда, не все исследователи данного вопроса одинаково

оценивают проблему самозаготовок. Сколько заготовили войска своими силами за четыре года войны продовольственного и фуражного зерна, стало известно из статьи бывшего начальника Центрального управления продовольственного снабжения Советских Вооруженных Сил генерала Ф. С. Саушина. Его сведения подтверждаются отчетами Главупродснаба. Известно также, что объемистый фураж (сено, солома) централизованным путем в войска не подавался — считалось нормальным заготавливать его на месте.

Каждый из нас, фронтовых и армейских работников, видел свой партийный и государственный долг в том, чтобы всемерно помогать государству в изыскании и использовании ресурсов на месте, в своей прифронтовой полосе.

Слово «самозаготовки» во всех случаях не надо понимать так, что Красная Армия сама пахала, сеяла, косила, обмолачивала, везла в свои хранилища. В жизни дело обстояло иначе. Самозаготовки продовольствия и фуража проводились не ради усиления положенного по нормам пайка. Должен сказать, что командование в любом звене решительно боролось за соблюдение установленных норм питания, зная цену каждому килограмму зерна, мяса и пр. Все, что заготавливалось своими силами, бралось на государственный учет и расходовалось по установленным нормам.

Самозаготовки носили различный характер. В одних случаях войска помогали народному хозяйству сеять, но не убирали посеянное, так как далеко уходили от тех мест. В других случаях сеяли местные жители, а убирали хлеб войска, выделяя для этого личный состав, трактора, лошадей. Были случаи, когда хлеб скашивали местные жители и даже собирали его в валки, а обмолот и перевозку зерна брали на себя войска.

Все это мы считали самозаготовками. Существовал незыблемый принцип: заготовленным считать то, что доставлено к прирельсовым пунктам хранения или к военно-автомобильным дорогам. Все заготовленное учитывалось органами Наркомзага и оформлялось нарядами.

Хочу еще раз подчеркнуть важность инициативы военного командования в изыскании и использовании местных ресурсов для обеспечения войск на фронте. Это один из уроков минувшей войны. Нет никакого основания рассматривать проблему как исключение из правил, скорее наоборот — такое понимание вопроса принесет лишь пользу. Я уже не говорю о том, насколько важно было не отвлекать от народнохозяйственных нужд миллионы вагонов.

Опыт продовольственного обеспечения советских воинов в

минувшей войне и поныне служит научной базой для совершенствования этого дела. Конечно, теперь задачи продовольственной службы намного усложнились, как усложнилась и сама служба солдата. Продовольственники должны идти в ногу с революцией в военном деле, а равно и с общим научно-техническим прогрессом. Летчики выполняют учебные задания на сверхзвуковых скоростях; моряки-подводники подолгу не выходят на поверхность из океанских глубин; ракетчики несут боевую вахту в исключительно сложных условиях. Пехотинца, в собственном смысле этого слова — пешком шагающего солдата, — заменил воин в машине, мчащейся на большой скорости по бездорожью, по «зараженной» местности. И ко всем этим переменам должен быть приспособлен продовольственный паек как по калорийности, так и по технологии хранения и потребления.

И опять-таки мне хочется еще раз напомнить о той огромной роли, какую сыграли в продовольственном снабжении виднейшие организаторы и государственные деятели Анастас Иванович Микоян и Василий Петрович Зотов. Их работа в этой области оставила неизгладимый след в истории Великой Отечественной войны.

Накормить многомиллионную армию, пожалуй, не труднее, чем ее одеть и обуть. Четыре раза в течение четырехлетней войны советский народ одевал свою армию в зимнюю одежду и четыре раза в летнюю. Десятки миллионов шинелей, а также десятки миллионов пар летнего обмундирования, белья, обуви, валенок, теплого верхнего обмундирования и т. д. было выдано советским воинам за годы войны.

Как могло выдержать народное хозяйство такую нагрузку?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо обратиться к довоенным мероприятиям в области производства военного обмундирования и обуви. Еще в 1939 году нарком легкой промышленности СССР Алексей Николаевич Косыгин с военными товарищами изучал проблему вещевого снабжения на случай войны. Были выработаны и приняты на снабжение армии новые образцы тканей и кожи, успешно решена задача заменителей и красителей. Все ведущие предприятия текстильной и кожевенной промышленности развернули специальные цехи по изготовлению военных изделий. Расширилась пошивочная база Наркомлегпрома для выпуска военного обмундирования и обуви.

С первого дня войны заводы, фабрики, артели, мастерские, добровольные группы и отдельные граждане поспешили на

помощь своей армии, чтобы одеть и обуть ее в первую суровую зиму.

Управление вещевого снабжения Красной Армии, возглавляемое весьма энергичным и инициативным начальником генералом Н. Н. Карпинским и его заместителем генералом Ф. Г. Тармосиным, установило самые тесные контакты с изготовителями-поставщиками, организовало всестороннюю помощь им сырьем, транспортом, топливом и пр. Благодаря всем этим мерам советские воины встретили зиму 1941/42 года хорошо одетыми и обутыми.

Нелишне вспомнить, что гитлеровские войска потеряли в эту же зиму много тысяч солдат и офицеров замерзшими и обмороженными, хотя немецкое командование пользовалось ресурсами почти всей Европы.

Заслуга работников вещевого снабжения нашей армии не только в том, что они сумели вовремя доставить все для солдата, сержанта, офицера и генерала. Исключительное значение имел также ремонт обмундирования и обуви в ходе войны. Своими силами служба вещевого снабжения отремонтировала за четыре года шинелей — 17,1 миллиона, кожаной обуви — 61,4 миллиона пар, верхнего обмундирования — около 30 миллионов комплектов, валенок — 20,6 миллиона пар, телогреек — 17,3 миллиона и много другого имущества[58]. Многие вещи ремонтировались не один раз, особенно валенки; хорошо отремонтированные и подшитые, они пользовались у воинов лучшей репутацией, нежели новые необношенные, более жесткие и холодные.

Конечно, в те годы ремонтно-техническая база вещевой службы была «узким местом» — почти все делалось вручную. Иное дело теперь: в поле, в палатке развертывается за несколько часов целое предприятие по ремонту обуви и одежды с применением самых современных механизмов, автоматов колоссальной производительности.

Служба вещевого снабжения Красной Армии в годы войны, особенно в ее второй половине, наладила пошив нового обмундирования, благодаря чему в армии накопилось изрядное количество резервного имущества и появилась возможность передать народному хозяйству излишки на сумму до 2 миллиардов рублей по государственным ценам того времени.

Характерно, что всякий раз, как только позволяла обстановка, армия возвращала народу имущество, иногда и нужное ей самой, чтобы побыстрее залечить раны, нанесенные войной экономике и быту. Возьмем, к примеру, обозно-хозяйственное имущество, о котором в наши годы и вспоминать как будто неудобно. А в

минувшую войну оно имело немаловажное значение. На завершающем этапе войны потребность в лошадях и обозно-хозяйственном имуществе непосредственно для военных нужд сокращалась, и поэтому началась постепенная передача их в народное хозяйство. А что значило передать в сельское хозяйство сотни тысяч лошадей, наборы упряжи, повозки, сани и прочее в те годы, когда труженики села, в основном женщины и подростки, в качестве тягловой силы использовали коров, а в некоторых случаях и сами впрягались в плуги!

Служба вещевого снабжения Красной Армии с честью выполнила такую, я бы сказал, хозяйственно-политическую задачу: одела и обула во все новое воинов, возвращавшихся с фронта после окончания войны. Возвращалось несколько миллионов победителей, которых нельзя было отпускать домой в износившейся и грязной одежде. Они получили все новенькое.

В годы войны ввели новую форму для офицеров, генералов и отдельных родов войск. Перед службой вещевого снабжения встала тогда сложная задача: сделать форму красивее и дешевле. Я бы не сказал, что это удалось вполне. Форма, возможно, оказалась красивее прежней, но вряд ли она стала дешевле и практичнее.

Как разрабатывалась новая форма? В войсках говорили, будто технический комитет Главного интендантского управления собрал образцы всех военных форм за несколько столетий и по всем армиям мира. Картина получилась изумительно пестрая.

В годы Великой Отечественной войны службе вещевого снабжения Красной Армии довелось экипировать войска иностранных формирований — польские, чехословацкие, югославские, румынские, болгарские, венгерские. Пришлось поломать голову «модельерам» и над обновленными образцами формы, чтобы при виде их в представлении людей не возникали воспоминания о реакционных режимах и чтобы в то же время сохранились традиционные национальные особенности.

Теперь военнослужащие Советских Вооруженных Сил одеты в красивую добротную одежду. И в этом немалая заслуга службы вещевого снабжения.

Я рассказал о различных видах материально-технического обеспечения армии. Но есть служба, которая непосредственно беспокоится о самом воине как о человеке — это военно-медицинская служба. Она заботится о его здоровье, лечит раны и помогает бороться с недугами.

Особенно трудно приходилось военным медикам в первый год войны, когда объем санитарных потерь был велик, а сама

служба медицинского обеспечения еще по-настоящему не организовалась.

Главную тяжесть в это время взяли на себя полковые медицинские пункты и дивизионные медико-санитарные батальоны, а также небольшое число госпиталей, какое имелось в приграничных гарнизонах. Потребовались огромные усилия Главного военно-санитарного управления, чтобы в короткий срок мобилизовать медперсонал, сформировать медицинские учреждения, создать медицинские базы на важнейших направлениях.

К началу Великой Отечественной войны уже был обобщен и мог быть использован в новых условиях опыт медицинского обеспечения боевых действий у озера Хасан (1938 год), на реке Халхин-Гол (1939 год), в советско-финляндском конфликте (1939–1940 годы). Военно-санитарное управление Красной Армии, во главе которого стоял энергичный бригадный врач Ефим Иванович Смирнов (ему тогда было 34 года), разработало в 1940 году ряд важных указаний научного и организационного значения по военно-полевой хирургии, положение о санитарной службе на военное время и многие другие.

Важную роль в общей перестройке медицинской службы играл ученый медицинский совет (УМС) при начальнике Главного военно-санитарного управления, созданный в 1940 году. В него входили многие корифеи медицинской науки. Разработка единой военно-медицинской доктрины была одной из серьезных заслуг советских военных медиков в предвоенное время. Этот же ученый совет плодотворно работал на протяжении всей войны, обобщая богатейший опыт многих тысяч медиков фронтового, армейского и войскового звеньев.

Е. И. Смирнов как подлинный организатор военно-медицинской службы с первых дней войны привлек для работы в Главном военно-санитарном управлении видных деятелей медицины: на должность главного хирурга Красной Армии — профессора (впоследствии академика) Николая Ниловича Бурденко; его заместителями — профессоров С. С. Гирголава, В. И. Шамова, В. С. Левита; инспекторами Главсанупра — профессоров С. С. Юдина, В. В. Гориневскую, А. Д. Сперанского, А. П. Фрумкина. Главным терапевтом Красной Армии назначили профессора М. С. Вовси, главным эпидемиологом — И. Д. Ионина, главным гигиенистом — профессора Ф. Г. Кроткова, главным отоларингологом — профессора Г. Г. Куликовского. Главным хирургом Военно-Морского Флота стал профессор Ю. Ю. Джанелидзе.

В центральный аппарат Главсанупра пригласили военврача 1

ранга Ф. А. Ходоркова (начальником лечебно-эвакуационного управления), военврача 1 ранга Ю. М. Волынкина (начальником управления кадров), бригадного врача И. М. Журавлева (начальником управления снабжения медицинским имуществом; после его гибели начальником этого управления стал генерал К. Д. Тиманьков), профессора Т. С. Болдырева (начальником противоэпидемиологического управления), Д. А. Энтина, В. И. Воячека и других.

На должность главных хирургов и главных терапевтов фронтов назначили крупных специалистов: М. Н. Ахутина, С. И. Банайтиса, Н. Н. Еланского, П. А. Куприянова, А. А. Вишневского, В. И. Попова, П. И. Егорова, П. С. Молчанова и других профессоров.

Мы часто видели у себя на фронте многих специалистов из Главсанупра, да и сам Е. И. Смирнов приезжал каждый раз, когда готовилась стратегическая операция.

29 сентября 1941 года при ЦК ВКП(б) был создан комитет помощи раненым во главе с секретарем ЦК А. А. Андреевым. Аналогичные комитеты образовали также в республиках и областях. И в аппарате начальника тыла Красной Армии, и в органах тыла фронтов и армий все хорошо понимали, что военно-медицинская служба может успешно выполнить свою обязанность лишь при неослабной помощи всех служб тыла и всего народа. И такая помощь оказывалась на протяжении всей войны. Высокий возврат в строй раненых (72,3 процента) был бы невозможен без той помощи, без того внимания к раненым, какое оказывали учреждения, организации, граждане Советской страны.

Включение военно-медицинской службы в систему тыла Красной Армии, несомненно, оказало самое благотворное влияние на ее работу. Это один из важных уроков войны. Маршал Советского Союза А. М. Василевский в письме ко мне по этому поводу высказался так:

«Говоря о месте военно-медицинской службы, я не мыслю себе иного положения, чем то, которое сложилось во время войны и которое существует сейчас. Было бы несерьезно предлагать что-либо другое. Находясь в системе органов тыла, медицинская служба во время войны, а вместе с ней и Вооруженные Силы, да и страна в целом, очень много выиграли. Взять хотя бы вопросы эвакуации раненых, санитарного обеспечения войск, возвращения в строй после выздоровления, общее материальное обеспечение раненых и т. д.».

Трудно оспаривать столь авторитетное заявление, тем более что современные условия ведения боевых действий потребуют еще большей концентрации сил и средств тылового обеспечения.

Роль военно-медицинской службы будет еще большей, чем прежде, и ее деятельность поэтому нуждается в самой широкой поддержке со стороны всей системы тыла.

Главное военно-санитарное управление оказывало действенную помощь фронтам. Формы ее были самые различные: принятие на центральные госпитальные базы тех контингентов раненых, которые нуждались в длительном лечении; усиление фронтовых госпитальных баз за счет резервов Ставки; забота о повышении квалификации врачей, особенно в медсанбатах дивизий, где требовались наиболее подготовленные хирурги; доставка фронтам донорской крови и кровезамещающих жидкостей; широкое представительство крупных специалистов центра на фронтовых и армейских медицинских научных конференциях и т. д.

Отзывчивость, быстрое реагирование на запросы фронтов — эти замечательные качества характерны были для всего центрального аппарата Главсанупра, особенно для Е. И. Смирнова, К, Д. Тиманькова, Ф. А. Ходоркова, к которым чаще всего мы обращались.

Кураторами 1-го Белорусского фронта со стороны Главсанупра были профессора В. С. Левит и С. С. Юдин. Они часто приезжали к нам, посещали госпитали, медсанбаты, изучали постановку хирургической помощи, нередко сами становились у операционного стола и показывали молодым врачам свое высокое мастерство.

На один из таких «сеансов» пригласили меня. Это было в Бяла-Подляске (Польша). С. С. Юдин демонстрировал резекцию желудка по поводу язвы. Для показа операции взяли двух больных — одного тучного, другого худого. Операционную подготовили по всем правилам (как только позволяла обстановка); посередине большого зала — стол, вокруг амфитеатром 8—10 рядов скамей для наблюдающих. Всего присутствовало свыше 150 человек. Сперва положили на стол худого. В зале установилась тишина. Все мы, особенно врачебный персонал, наслышались о необыкновенном мастерстве Сергея Сергеевича. Ассистировала ему старшая операционная сестра Марина Голикова, обладавшая высокой техникой и до такой степени постигшая весь процесс операций Юдина, что она мгновенно, почти автоматически реагировала на любое движение шефа[59].

Взоры людей в белых халатах были прикованы к операционному столу. Анестезия сделала свое дело. Мгновение — и Юдин рассек живот. Даже мой неопытный глаз замечал кровоточащие сосуды, на которые быстро накладывались зажимы. Слышалось лишь щелканье инструментов, которые

безмолвно вкладывала в руки хирурга операционная сестра. Казалось, совершается невиданное таинство. Вся операция длилась 45 минут.

Привезли тучного с таким же заболеванием. Та же последовательность, то же безмолвное взаимодействие хирурга и сестры. Ни одного лишнего движения. Анестезия также местная. Опять рассечение. Тут уже другая картина. Все сосуды спрятались в толстую жировую прослойку. Кровь заливает операционное поле, а сосудов не видно. Но Юдин их видит, перевязывает. Удаляется желудок, зашивается рана. Операция длилась 50 минут.

Объявили перерыв. Все вздохнули после чрезмерного напряжения. Сергей Сергеевич, сощурив глаза, осматривал аудиторию.

До моего слуха доносились восторженные возгласы врачей. Позднее я беседовал с ними. Они говорили примерно следующее: никто из нас не может повторить с таким же блеском операцию, но это нас не удручает, мы научились многому, прежде всего поверили в возможность совершенствования.

Незабываемый человек Сергей Сергеевич Юдин!

Не раз приезжала на фронт профессор Валентина Валентиновна Гориневская, по инициативе которой была развернута по всей действующей армии густая сеть госпиталей для легкораненых (ГЛР). Эти госпитали стали самой сильной специализированной формой помощи раненым. В них находилось не менее 50 процентов всех пострадавших. Почти 100 процентов из этого контингента возвращались в строй.

Профессора Т. С. Болдырев, В. И. Воячек, Г. Г. Куликовский, Д. А. Энтин также часто бывали на нашем фронте, оказывая практическую помощь санитарному управлению.

Главное военно-санитарное управление под руководством Е. И. Смирнова обобщило опыт медицинского обеспечения Красной Армии за четыре года войны. И поныне многотомное издание «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» является незаменимым пособием для всех интересующихся этой областью науки.

За заслуги в развитии советской медицины, большой вклад в дело медицинского обеспечения боевых действий войск в годы Великой Отечественной войны и в связи о 60-летнем Советской Армии и Военно-Морского Флота Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1978 года генерал-полковнику медицинской службы Е. И. Смирнову присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Ныне медицинская служба Советских Вооруженных Сил

широко использует опыт войны для организации работы в новых условиях.

Наша славная конница снискала себе в годы войны добрую боевую славу. Несколько кавалерийских корпусов действовали на главных стратегических направлениях (рейд по тылам противника зимой 1941/42 года корпуса генерала П. А. Белова, действия знаменитых кавалерийских корпусов генералов Л. М. Доватора, В. В. Крюкова, М. П. Константинова, И. А. Плиева). Немало конского состава числилось также в стрелковых дивизиях (более 2 тысяч голов в каждой). В первой половине войны значительная часть артиллерии была на конной тяге. Только в одной Белорусской операции четыре фронта имели свыше 500 тысяч лошадей.

Велико было значение военно-ветеринарной службы. Ею осуществлялись: обслуживание конского состава, а также продовольственного скота и служебных собак; проведение противоэпизоотических мероприятий, особенно по сапу, сибирской язве, чесотке, острым заболеваниям дыхательных путей, чтобы не допустить распространения этих болезней среди животных и людей; экспертиза и надзор за состоянием продовольственного скота.

Во главе ветеринарной службы Красной Армии с 1940 по 1955 год стоял крупный организатор и авторитетный руководитель генерал-лейтенант ветеринарной службы В. М. Лекарев. Его заместителем был известный теоретик (впоследствии начальник Военно-ветеринарной академии) генерал-лейтенант ветеринарной службы Н. М. Власов. Под их руководством военно-ветеринарная служба добилась немалых успехов. Так, если в годы гражданской войны заболеваемость лошадей составляла 40 процентов, то в Великую Отечественную войну она снизилась до 3 процентов; почти половину всего конского состава действующей армии пропустили через специальные профилактории; лишь на нашем фронте за годы войны лечилось 302 тысячи лошадей, из них выздоровело 93 процента.

На фронтах и в армиях работали крупные специалисты ветеринарного дела: профессора генералы Н. М. Шпайер и П. Ю. Лянда, генералы А. М. Пенионжко, С. Л. Аличкин, И. В. Новиков, А. П. Корниенко, С. П. Финансов, П. Г. Галушко.

Военно-ветеринарная служба провела большую оздоровительную работу в народном хозяйстве, особенно в приграничных и прифронтовых районах.

В современных условиях значение военно-ветеринарной

службы сохраняется и даже возрастает, поскольку новые виды оружия, которые, возможно, будут применены, потребуют еще более тщательного ветеринарного надзора за эпизоотическим состоянием театров военных действий, особенно за состоянием животноводства как источника снабжения войск мясопродуктами.

Военно-финансовая служба отличается от других тыловых служб своим более общим характером.

До войны она подчинялась непосредственно наркому обороны СССР. Это вполне естественно, так как через финансовую систему в мирное время осуществляется вся экономическая и техническая политика в Вооруженных Силах.

В годы войны военно-финансовая служба находилась в системе тыла Вооруженных Сил. Через нее прошло за четыре года 582,4 миллиарда рублей, выделенных на финансирование войны[60].

Финансовая служба на всех ступенях очень энергично и успешно добивалась сокращения денежной наличности во фронтовой полосе.

Наиболее ответственная работа проводилась Финансовым управлением Красной Армии.

Общему делу сокращения денежной наличности хорошо помогали полевые учреждения Государственного банка, которые были открыты во всех фронтах, армиях и соединениях. Они производили вкладные операции, причем вкладчик мог получить деньги в любом полевом или стационарном учреждении Госбанка СССР.

Политорганы и армейская печать широко разъясняли преимущество вкладных операций. Если на 1 января 1942 года в полевых учреждениях Госбанка числилось всего 98 тысяч вкладчиков-военнослужащих с суммой вкладов 68 миллионов рублей, то на 1 января 1945 года насчитывалось 3769 тысяч вкладчиков с суммой вкладов 8987 миллионов рублей. Интересно отметить, что широкое внедрение безналичных расчетов на фронтах свело среднемесячную потребность в наличных деньгах к 35–40 процентам против номинала[61].

О финансовых мероприятиях, связанных с выходом войск на зарубежные территории, с демобилизацией и пр., уже говорилось в предыдущей главе.

Одной из центральных функций военно-финансовых органов явилось пенсионное обеспечение военнослужащих и их семей. Более 50 миллиардов рублей государство выдало пенсионного пособия за годы войны.

Большой проблемой было ценообразование идущей от

промышленности военной продукции и снижение ее стоимости. В составе Финансового управления НКО СССР создали специальный отдел цен и калькуляции — высший методологический орган, руководивший работой таких же отделов в других главных и центральных управлениях Наркомата обороны. Уже спустя год, в 1943 году, снижение цен на военную продукцию против уровня 1941 года составило в среднем 26,6 процента. Представление о снижении цен на отдельные предметы военных поставок можно получить из следующих данных (в тысячах рублей):

Боевая техника	1941 год	1942 год	1945 год
Самолет Ил-4	800	462	380
Танк КВ	635	295	—
122-мм гаубица	94	39	35

Общая экономия, полученная от снижения цен на самолеты, танки, пушки, винтовки за годы войны, составила 50 304 миллиона рублей[62].

Из сказанного видно, что военно-финансовая служба решала в огромном масштабе также производственные и экономические задачи.

Во главе этой службы в годы войны стоял генерал-лейтенант Яков Алексеевич Хотенко, человек большого государственного ума. У него установились отличные контакты по работе с заместителем наркома обороны А. В. Хрулевым, который в свое время был начальником Финансового управления НКО СССР и хорошо знал эту службу.

Народный комиссар финансов СССР А. Г. Зверев оказывал всяческое содействие военно-финансовым органам Красной Армии.

Заместитель председателя Госплана СССР Г. П. Косяченко непосредственно занимался рассмотрением предложений военных финансистов, относящихся к ценообразованию военной продукции.

Нечего и говорить, что опыт финансовой службы Вооруженных Сил, приобретенный за годы войны, имеет серьезное значение и для настоящего времени, когда хозяйственному расчету принадлежит решающая роль.

Одной из областей работы тыла Вооруженных Сил была военная торговля. Она обеспечивала бытовые нужды военнослужащих и их семей в любых условиях как в мирное, так

и в военное время.

Со времени своего основания (в период гражданской войны) органы военной торговли подчинялись гражданским ведомствам. На ранней стадии военно-торговая система была кооперативным объединением, входившим в Центросоюз. С 1935 года она стала государственным торговым объединением в составе Наркомторга. Это, однако, не освобождало военное ведомство от забот и помощи военной торговле, особенно в полевых условиях. Скажем больше — военное ведомство никогда не считалось с формальными перегородками и оказывало работникам военной торговли самое широкое содействие транспортом, помещениями и даже кадрами. В годы войны система военторга составляла фактически единое целое с другими службами тыла. После войны, с 1957 года, военную торговлю передали в систему тыла Вооруженных Сил.

Как показал себя военторг в годы войны?

Немалый опыт торгово-бытового обслуживания войск в полевых условиях накопили еще в мирное время. Походные столовые, буфеты, автолавки, всевозможные пошивочные и ремонтные мастерские, парикмахерские, прачечные и другие учреждения неотступно следовали за войсками как во время борьбы с японскими захватчиками (1938–1939 годы), так и во время советско-финляндского конфликта.

К 1941 году военная торговля представляла собой вполне сложившуюся систему, насчитывавшую тысячи опытных работников, большое количество товаров, хорошие магазины, свыше 3 тысяч различных автомашин и др. Война резко нарушила работу этой системы. Но уже месяца через два-три положение стало выравниваться. Начало этому положил приказ наркома торговли СССР А. В. Любимова и заместителя наркома обороны СССР А. В. Хрулева от 2 октября 1941 года. По этому приказу каждый фронт, округ, каждая армия обязаны были выделить военторгу необходимое число машин, оборудования, людей.

Ассортимент товаров военторгов в действующих частях, конечно, стал другой. Торговали главным образом ненормированными товарами, в которых не переставали нуждаться военнослужащие (бритвы, лезвия для бритья, щетки зубные, одежные и сапожные, зубной порошок и паста, носовые платки, туалетное мыло, гуталин, зажигалки, писчая бумага, конверты, карандаши, одеколон, кондитерские изделия и т. д.).

Но сфера деятельности военторгов значительно расширилась. Их работники изыскивали местные ресурсы, создавали собственные перерабатывающие предприятия.

С 1943 года в полевых военторгах появились свои подсобные

хозяйства, производившие для соединений продовольственное зерно, картофель, овощи, разводившие свиней, овец, птицу, а затем и крупный рогатый скот.

Проявляя заботу о воинах-фронтовиках, Государственный Комитет Обороны в октябре 1943 года принял решение об укреплении военной торговли сверху донизу. На должность начальника Главвоенторга назначили члена Военного совета Волховского фронта генерал-майора Павла Васильевича Кочеткова на правах заместителя наркома торговли СССР. По указанию Государственного Комитета Обороны создали комиссию для выработки предложений по улучшению торгово-бытового обслуживания военнослужащих в составе А. И. Микояна, Г. К. Жукова, А. М. Василевского, А. В. Хрулева, П. В. Кочеткова.

В начале 1944 года на фронтах работало более 500 автолавок, которым ставилась задача добираться до каждого полка; продавцы-разносчики этих лавок с заплечными контейнерами, наполненными самыми ходовыми товарами, должны были добираться до воинов первой линии.

Успешно торговали также путем отправки «посылок» — коллективных, индивидуальных, именных для солдат, сержантов и офицеров, наиболее отличившихся в боях.

Исключительным успехом пользовались военторговские фотомастерские.

В подшивках фронтовых газет имеется немало благодарственных писем в адрес работников военной торговли, особенно тех, кто, пренебрегая любыми трудностями и опасностями, стремился доставить товар отважным советским воинам на передовые позиции.

В настоящее время военторг Министерства обороны СССР придерживается принципа — обслуживать в первую очередь тех воинов, которые находятся в наиболее трудных условиях. Это и есть продолжение славных традиций фронтовых военторгов.

Нахождение военной торговли в системе тыла Советских Вооруженных Сил дает ей возможность проявлять инициативу, отыскивать лучшие формы и методы обслуживания военнослужащих.

Особое место в системе тыла Вооруженных Сил занимала трофейная служба. Родилась она в ходе Великой Отечественной войны. Трофеи были так велики и разнообразны, что учет и использование их требовали участия разносторонне подготовленных специалистов, способных разобраться в этом имуществе.

Наряду с пригодным к употреблению вооружением в качестве

трофеев доставалось огромное количество подбитой боевой техники, из которой большая часть подлежала отправке как металлолом на металлургические заводы.

За годы войны было захвачено у противника и учтено трофейными органами: танков и штурмовых орудий — 24 615, орудий — 72 204, снарядов — 122 199 566. Всего со снарядами вся эта техника весила не менее 10 миллионов тонн[63]. Нетрудно представить, что значила эта цифра для наших металлургических заводов. А ведь было много и другой подбитой техники. Для лучшего понимания того, что значит металлолом, скажу, что для получения тонны стали из чугуна необходимо переплавить в доменной печи 25 тонн руды и израсходовать 2 тонны кокса. Для получения же тонны стали из металлолома не требуется ни руды, ни кокса; для этого нужно лишь 690 килограммов металлолома, 400 килограммов чугуна и 60 килограммов флюса. Переработка металлического лома позволяла быстро увеличивать производство стали.

Неоценимое значение в годы войны имел сбор стреляных гильз, специальной укупорки и возврат их на заводы.

Трофейные органы выполнили огромную военно-экономическую работу, которая значительно облегчалась тем, что они находились в системе тыла Вооруженных Сил и поэтому обеспечивались нужными средствами и силами. Действительно, опыт выделения трофейного дела в самостоятельную службу, независимую от начальника тыла в центре и на местах, принес лишь вред, и это испытали на себе немедленно сами работники трофейной службы. На завершающем этапе войны начальник трофейного управления фронта стал заместителем начальника тыла, и это кроме названных выгод имело еще и ту, что повысило авторитет самой службы в соответствии со значимостью ее как нового направления в работе тыла.

В начале войны трофеями ведали довольствующие службы — каждая по своей специальности. Потом учредили в системе штабов тыла отделы эвакуации, которые в первые месяцы военных неудач занимались больше всего эвакуацией в глубокий тыл важнейших народнохозяйственных объектов. Но после битвы под Москвой, когда противник бросил на полях сражения большое число трофеев, эвакоорганы не в состоянии были не только их вывезти, но даже учесть. Пришлось создавать нештатные команды по сбору и эвакуации трофеев, но и это мало помогло.

Задачу по-настоящему решили лишь после постановления ГКО от 23 марта 1942 года. Создали стройную систему трофейных органов снизу доверху со специальными частями и

учреждениями.

По мере развития успехов Красной Армии возрастало значение и трофейной службы. На завершающем этапе войны она технически оснастилась, у нее появились и стабилизировались свои технические кадры. Расширился и круг задач этой службы. Наряду с «чистыми трофеями» наши войска отбивали у противника награбленное им советское оборудование и другое народнохозяйственное имущество. Например, трофейные органы 3-го Украинского фронта взяли на себя заботу по охране и передаче народному хозяйству советского оборудования, захваченного противником в Одессе, а на Дунае взяли под охрану много барж с советским имуществом. Несколько тысяч вагонов награбленного имущества бросили фашистские власти в Восточной Пруссии в полосе 3-го Белорусского фронта, и трофейные органы хорошо справились с задачей учета, сортировки и передачи его в народное хозяйство.

При Государственном Комитете Обороны под председательством К. Е. Ворошилова существовал трофейный комитет. Членами его были А. В. Хрулев, Н. М. Шверник, Н. Д. Яковлев, Б. М. Коробков. Комитет планировал работу по сбору и отправке на заводы черного и цветного металлолома, по очистке городов, узловых железнодорожных станций и портов от взрывоопасных предметов. Как правило, правительственные задания по сбору и отгрузке металлолома выполнялись и перевыполнялись. В годы войны трофейные органы отправили на металлургические заводы страны металлолома почти на 2 миллиарда рублей.

Велика была роль трофейных органов в выполнении правительственных заданий в связи с военно-экономическим разоружением фашистской Германии, а затем милитаристской Японии.

Трофейная служба за годы войны научилась вести экономическую разведку освобождаемых от противника районов. Ее представители вместе с передовыми частями вступали в города и села, своевременно устанавливали посты для охраны трофейного имущества. Кроме того, эта служба несла множество, казалось бы, несвойственных ей задач: тушение пожаров на предприятиях после отхода противника, уничтожение путем подрыва трофейных снарядов, мин, авиабомб, восстановление электростанций, водопроводов, мельниц, хлебопекарен, больниц, школ, расчистка русел рек и т. д. Понятно, каким опасностям подвергалась жизнь тысяч «трофейщиков», выполнявших в полном смысле задачи боевые. Они несли немало жертв.

Начальником Главного трофейного управления в годы войны

был генерал-лейтенант Федор Иванович Вахитов.

Уместно ли в этой книге говорить о так называемом общевойсковом строительстве?

Сначала обратимся к тому, что принято понимать под этим термином. В подробности вопроса я не буду вдаваться, поскольку тема носит узкоспециальный характер. На ранней стадии строительство для нужд Вооруженных Сил делилось на оборонительное и необоронительное; последнее именовали также общевойсковым строительством, которое включало сооружение зданий для личного состава, то есть казарм, штабных помещений, квартир для начальствующего состава, всевозможных подсобных помещений и т. д. Такое деление сохранилось и по настоящее время.

Я остановлюсь на «чистом» общевойсковом строительстве, без которого не может обойтись любая война, особенно такая разрушительная и длительная, какой была Великая Отечественная.

Предвоенную историю советских военно-строительных органов можно назвать и длинной, и сложной. Она началась с квартирной службы, которую создали в 1918 году. Но уже через год появляется Главное военно-инженерное управление (ГВИУ), куда вошла и квартирная служба в качестве отдела по необоронительному строительству; этот отдел занимался также эксплуатацией зданий. 1 апреля 1924 года на базе отдела по необоронительному строительству образуется Военностроительное управление (ВСУ) РККА, на которое возлагалось казарменное строительство, эксплуатация казарменно-жилищного фонда, снабжение войск топливом и всеми видами квартирного довольствия.

В 1932 году произошло разделение: из состава ВСУ выделилось самостоятельное Квартирно-эксплуатационное управление (КЭУ) РККА, в которое вошла и военно-проектная организация, созданная двумя годами раньше. В 1935 году ВСУ и КЭУ вновь слились, но в 1938 году по решению правительства создается Главное военно-строительное управление при СНК СССР, а квартирная служба в РККА остается на правах основного заказчика.

Таким образом, к началу войны Вооруженные Силы своей общестроительной организации не имели. В составе КЭУ находились лишь мелкие ремонтно-строительные организации. Этот пробел почувствовался в первый же год войны. Во фронте у нас имелся квартирно-эксплуатационный отдел при интенданте, обеспечивавший войска осветительными приборами (приборов

этих было ничтожно мало) и пр.

Уже после битвы под Москвой войскам потребовалась своя строительная организация.

Боевая обстановка ежедневно выдвигала все новые и новые запросы не только перед фронтовыми и армейскими, но и перед центральными органами тыла в области ремонтно-восстановительных работ. Где разместить сотни тысяч раненых? Как создать для них благоприятные условия, особенно зимой? Где в полевых условиях хранить сотни тысяч тонн драгоценного военного имущества, без которого немыслимо успешное ведение войны? Где хранить миллионы пудов заготовленного для армии зерна? Ведь кругом — сплошные развалины.

Нельзя же все возложить на государство. А мы сами — разве не часть государства?

Медицинская служба оказалась в этом смысле в наиболее тяжелом положении. Порой, когда иного выхода не было, сами врачи, медсестры, санитары надевали спецовки и принимались за работу в качестве печников, маляров, стекольщиков, лесозаготовителей и т. п. Но долго так продолжаться не могло, и мы начали создавать «нештатные» ремонтно-строительные организации из вербуемых местных жителей и из выздоравливающих в госпиталях. К концу войны в распоряжении начальника тыла 1-го Белорусского фронта насчитывалось свыше 2 тысяч строителей, оснащенных необходимой техникой. Конечно, это не решало вопроса, но кое-что все-таки давало. На тех фронтах, где случайно задержались военные строители из Главвоенстроя при СНК СССР, их не отпускали до конца войны, хотя это считалось делом незаконным.

А что делалось в Квартирно-эксплуатационном управлении Красной Армии? Достаточно напомнить, что в первые же дни войны было эвакуировано 120 военно-учебных заведений, 80 ремонтных баз, свыше 200 госпиталей, около 100 центральных учреждений Наркомата обороны. Местные власти на востоке едва справлялись с размещением прибывших промышленных объектов и эвакуированного населения; военные же сами должны были позаботиться о себе.

Волей-неволей стали организовывать ремонтно-строительные органы при квартирной службе Наркомата обороны, и это вылилось в грандиозную созидательную работу, которую и поныне не всякий может оценить. Своими силами органы тыла, в частности квартирная служба, за короткий срок разместили в тыловых округах свыше 3 миллионов человек. Ввиду огромного скопления на крупных узловых железнодорожных станциях

одиночно следовавших военнослужащих специально для них оборудовали привокзальные общежития на 15 тысяч коек. Квартирная служба построила на востоке земляночных городков на 1,9 миллиона человек, где размещались запасные части. Кроме того, приспособили много всевозможных временных помещений под госпитали, в которых разместили 1388 тысяч раненых.

И после того как начался процесс реэвакуации на запад, строительно-квартирным органам легче не стало. Многие здания, куда возвращались люди, занимавшие их прежде, пришли в ветхость, требовали капитального ремонта. А тут новая задача: разместить вновь организованные 15 суворовских училищ.

Силами военных строителей за годы войны заготовлено более 2 миллионов кубометров деловой древесины. Всевозможных работ по необоронительному строительству выполнено вновь созданными в системе тыла строительными органами на 4 миллиарда рублей (в ценах того времени). Это поистине грандиозно!

Во главе квартирной службы стоял необыкновенно заботливый, энергичный, исполнительный, отличавшийся пунктуальностью генерал-майор Лука Семенович Колядко. В годы гражданской войны он был адъютантом М. В. Фрунзе. Видимо, от своего учителя унаследовал этот генерал постоянную заботу о воинах, стремление как можно глубже знать их жизнь на фронте. Вместе с Л. С. Колядко в органах квартирной службы работали его помощники И. В. Кондратьев, Г. Ф. Гришаенко, В. И. Тимофеев, К. А. Александров, Н. М. Лебедев, А. А. Сазонов, В. С. Тарлычев, С. А. Антонов и другие замечательные товарищи.

Некоторым работникам из Главвоенстроя при СНК СССР, которых война застала на западной границе, почти все военные годы пришлось выполнять задания фронтового командования. К числу их относятся полковник, ныне генерал-майор в отставке Г. И. Саркисов, военный инженер 2 ранга, ныне генерал-полковник в отставке Герой Социалистического Труда Н. М. Попов и другие. После войны многие офицеры-строители, специалисты по проектированию промышленных зданий, возвратились в свое ведомство.

Известно, в какой мере успех строительства зависит от проектировщиков. Наркомат обороны с давних пор имел свою организацию — Центрвоенпроект с филиалами в округах. За свою долголетнюю историю он приобрел большую известность, разработав немало затем осуществленных интересных проектов, в том числе танкоремонтного завода в Брянске, научно-исследовательского института в Чкаловской (Московской области), крупных производственных комплексов для всех родов

войск, Домов Красной Армии во многих гарнизонах, военного санатория имени Ворошилова в Сочи и др.

Большая заслуга Центрвоенпроекта — типовое проектирование наиболее массовых видов военных сооружений: казарм, домов начсостава, столовых, учебных корпусов, клубов, госпиталей и др. Типизация проектирования и стандартизация строительных изделий — тот особый вклад, который внес Центрвоенпроект еще до войны. Да и в годы войны пригодились эти типовые проекты, в виде альбомов разосланные фронтам и округам. На нашем фронте, в частности, использовали проекты и рабочие чертежи для дезинфекционных камер, водомаслогреек, бомбоубежищ и др.

В годы войны военные архитекторы и строители занимались строительством крупных оборонных заводов в Сибири, новых цехов Кировского танкового, Томского кабельного заводов и других объектов, предусмотренных решениями ГКО. Бригада военных строителей и архитекторов под руководством начальника Центрвоенпроекта Д. М. Когана в 1943 году восстановила разрушенный немцами нефтепровод на трассе Грозный — Ростов протяженностью 600 километров с насосными станциями, эстакадами и мостами. Это имело исключительно важное значение: войска получали по этому трубопроводу по 2300 тонн горючего ежесуточно.

Среди инженеров и архитекторов Военпроекта добрую славу снискали инженер-полковник А. М. Атариков, длительное время возглавлявший эту систему, инженер-полковник Д. М. Коган — главный инженер, а затем начальник Центрвоенпроекта (он более 30 лет беспрерывно проработал в этой системе); главный конструктор Центрвоенпроекта инженер-полковник П. Е. Гнедовский, инженер-полковники М. И. Смирнов и М. М. Дзисько, инженеры Г. Г. Кореновский, А. С. Бухаров, Н. И. Гайгаров, В. Е. Асс, В. М. Новосадов, К. А. Фомин, В. И. Хуциев, М. М. Ткачева, Л. М. Мочин, С. Д. Левитан и многие другие. Всего в этой системе насчитывалось до 3 тысяч инженеров-архитекторов.

В обучении военных архитекторов большую роль сыграли И. В. Жолтовский и Л. В. Руднев. Хочу напомнить, что И. В. Жолтовский неоднократно встречался с В. И. Лениным в Кремле. Владимир Ильич подолгу беседовал с ним об архитектуре новой эпохи, о ее будущем. Вождь революции советовался с Жолтовским о плане строительства Москвы, сооружении метрополитена, возможности нового жилищного строительства в юго-западном направлении — в районе Воробьевых гор. Беспокоился В. И. Ленин о сохранении памятников древнего зодчества и вообще всего, что было создано художественным гением нашего народа.

Об этом И. В. Жолтовский поведал в своих воспоминаниях.

Известно, как велики были разрушения, причиненные войной. Всюду стояли развалины, тысячи семей военнослужащих остались без крова, а солдаты в казармах спали в два-три яруса. Трудное положение создалось для летно-технического состава: все жилые здания, построенные до войны вблизи аэродромов, оказались разрушенными; летчики жили в землянках, без света и тепла.

Еще в ходе войны И. В. Сталин часто возвращался к вопросу о том, что в Наркомате обороны необходима своя строительная организация.

Осенью 1945 года меня вызвали в Москву. По приезде из Берлина я представился первому заместителю наркома обороны Н. А. Булганину. Разговор зашел о перспективах моей дальнейшей службы. Н. А. Булганин, как бы между прочим, сообщил о возможном создании военно-строительной организации. Затем беседа перешла на другие темы, и я не придал этому сообщению особого значения. Но через несколько дней меня представили в Кремле членам Политбюро ЦК ВКП(б) как кандидата на должность начальника Главвоенстроя Вооруженных Сил.

С этого и началась не совсем обычная для меня работа: строить «от края и до края, от моря и до моря».

Мне было 44 года. Энергии еще хватало. С чего же начинать?

Подлежала разделу организация Главвоенпромстрой при СНК СССР. Недостроенные объекты Наркомата обороны передавались вместе с техникой и кадрами во вновь создаваемый Главвоенстрой Вооруженных Сил. Таких объектов было много, а техники, тем более кадров — очень мало.

Поначалу наш главк подчинялся первому заместителю наркома обороны Н. А. Булганину. Мне очень помогал А. В. Хрулев в таких вопросах, как подбор руководящих кадров, выработка структуры, порядок финансирования. Ведь до войны он являлся начальником Военно-строительного управления и начальником Финансового управления Наркомата обороны; ему хорошо были известны кадры военных строителей и основы общевойскового строительства. По его рекомендации главным инженером главка назначили генерал-майора С. Г. Шапиро, заместителем главного инженера — инженер-полковника Н. М. Попова, заместителем начальника главка по снабжению — полковника И. З. Сапожникова.

Илья Зиновьевич Сапожников является теперь заместителем начальника Главмосстроя по материально-техническому снабжению. Уже много лет он успешно выполняет свои архитрудные обязанности, удостоен почетного звания

заслуженного строителя РСФСР.

На работу к нам пришли и другие опытные товарищи. Ряд из них до сих пор занимается строительством. И поныне занимают руководящие посты в строительной системе Министерства обороны генерал-лейтенант М. Л. Штерн, Герой Социалистического Труда генерал-полковник А. Г. Караогланов и другие.

Герой Советского Союза Иван Дмитриевич Зайцев 26 лет находился на посту заместителя командующего войсками Киевского военного округа по строительству. Он вырастил целую плеяду специалистов, удостоенных почетного звания заслуженного строителя УССР. Без отрыва от основной работы Иван Дмитриевич получил высшее литературное образование. Ему принадлежат драматургические произведения «Люди в шинелях», «Когда мертвые оживают», «Есть такая партия», «Суд матери», «Вдовы», «Над голубым Дунаем», «Полынь — трава горькая», «Белые волки на травле», «Непрошеный гость» и др.

Встал вопрос о наборе рабочей силы. Откуда ее взять? Обсуждалось два пути: первый — создавать строительные батальоны, второй — вербовать вольнонаемных рабочих. Первый путь представлялся более простым: строительные батальоны за счет призывного контингента менее притязательны к жилью, питанию, личным удобствам. Их можно посылать на любую стройку, в любой район страны, размещать в приспособленных помещениях, держать на казарменном положении. Но квалификация военнослужащих как строителей, особенно на первом году службы, крайне невысока. Вольнонаемным же надо предоставить жилье с учетом их семей, соответственные бытовые условия, школы и пр. Свободная переброска таких кадров в отдаленные районы затруднительна. Но это люди квалифицированные.

Пришлось сочетать то и другое. За короткий срок число рабочих-строителей в Главвоенстрое достигло довольно значительных размеров.

Не менее важно было создать собственную производственную базу Главвоенстроя, без которой немыслим сколько-нибудь серьезный разворот строительства. На основе глубокого и всестороннего изучения этого вопроса составили трехлетний план. Наметили построить и реконструировать свыше 150 различных заводов. Оборудование выделяло правительство. Чтобы уменьшить затраты на капитальные вложения, решили использовать полуразрушенные казарменные и другие помещения как в центре, так и в военных округах. А где взять кадры для этих

заводов? В один из приездов в Германию я спросил главнокомандующего Группой советских войск Г. К. Жукова, можно ли провести вербовку в Главвоенстрой воинов, подлежащих увольнению, и одновременно организовать подготовку их тут же, на месте, в соответствии с профилем намеченных к строительству предприятий. Маршал охотно дал согласие и добавил, что все расходы по содержанию учебных центров отнесет за счет Группы советских войск. Политуправление Группы войск оказало существенную помощь в проведении вербовки, и уже через месяц мы смогли открыть в различных местах учебные центры на 2800 человек. Спустя год выпустили довольно неплохих специалистов — электромонтеров, краснодеревщиков, отделочников и других. Это было очень нужное подкрепление, подоспевшее как раз ко времени.

Один за другим вступали в строй заводы, реализовался трехлетний план. А ведь сколько сомнений вызывала наша «трехлетка» в начале 1946 года. Помню, как на первом совещании представителей военных округов главный инженер С. Г. Шапиро докладывал соображения по этому плану. Маловеры отвечали ядовитыми репликами и усмешками; требуется, мол, минимум десять лет, а тут хотят за три года…

Благодаря большой помощи со стороны военных советов округов, областных и районных партийных и советских организаций наша «трехлетка» была выполнена. И поныне многие из построенных тогда и реконструированных заводов продолжают работу, но уже с обновленной технической оснасткой, с другими кадрами, с новой производственной программой. Правда, на некоторых предприятиях до сих пор ряд должностей, в том числе и начальников цехов, занимают старые кадры.

Внезапная болезнь не позволила мне продолжать работу в строительных органах. Но и трех лет, которые я провел в этой системе, было достаточно, чтобы понять созидательный смысл труда строителей, насыщенного всевозможными планами, творческими дерзаниями, неукротимым желанием достичь чего-либо нового. Каждый месяц и даже день свидетельствовали о неуклонном движении вперед. Недаром строитель — одна из самых почетных профессий в нашей стране.

Я несколько задержал свое внимание на строительстве. Сделал это не только потому, что и поныне преклоняюсь перед героическим созидательным трудом строителей, но и потому, что, по моему глубокому убеждению, строительство составляет одну из самых важных основ всей системы тыла Вооруженных Сил независимо от подчиненности его. Это верно как для мирного, так и особенно для военного времени. Отчетливое понимание

всеми военачальниками, в первую очередь начальниками тыла всех степеней, как велика роль военно-строительных органов, как необходимо оказывать им повседневную помощь, — немалый залог успеха.

В этом до предела сжатом описании деятельности центральных органов тыла Красной Армии в годы Великой Отечественной войны я показал лишь общую их схему, и такое краткое знакомство может вызвать вопрос, как справлялся с руководством всей этой сложной системой начальник тыла Красной Армии Андрей Васильевич Хрулев. О нем, о его многогранной, всеобъемлющей и, я бы сказал, неизмеримой деятельности мне хочется поведать. Сложной и трудной была работа начальника тыла фронта. Каким же грандиозным являлся масштаб работы начальника тыла всех Вооруженных Сил страны!

Хрулева знали не только в армии. Он был тесно связан со всем народным хозяйством — с Госпланом, с ведущими наркоматами. Это — крупный военный и государственный деятель. Его биография, как в зеркале, отражает путь многих представителей старшего поколения, отдавших всю свою жизнь революции.

Выходец из крестьян деревни Большая Александровка, ныне Ленинградской области, он стал кадровым питерским пролетарием — слесарем Порховского завода; солдат первой мировой войны, он участвовал в Февральской и Великой Октябрьской революциях. В самом начале социалистической революции вступил в ряды Красной гвардии, а затем Красной Армии. Членом Коммунистической партии стал в марте 1918 года. В годы гражданской войны он комиссар 11-й кавалерийской дивизии в составе Первой Конной армии. Был делегатом X, XIV и XV съездов партии, XIV и XV партийных конференций, депутатом Верховного Совета СССР второго созыва.

С началом Великой Отечественной войны Хрулев возглавил сложнейшее дело материально-технического обеспечения Вооруженных Сил. Как заместитель наркома обороны по тылу он по существу заново организовал систему тылового обеспечения действующей армии. Это его заслуга, что родилась сама идея создания тыла Вооруженных Сил как единой системы снабжения и материального обеспечения воюющих войск.

Основной чертой этого военного деятеля была его способность искать пути решения важнейших народнохозяйственных задач, определяющих прочность тыла Вооруженных Сил. Когда в ходе войны выяснилось, что дальнейший подъем промышленности и успешное обеспечение

боевых операций на фронтах невозможны, если не будут достигнуты четкость и безотказность в работе железнодорожного транспорта, на Хрулева возложили по совместительству и обязанности наркома путей сообщения. Чтобы обеспечить металлургическую промышленность сырьем, начальнику тыла Красной Армии поручили руководить сбором металлолома и доставкой его на металлургические заводы.

А. В. Хрулев требовал активного участия войск в проведении весеннего и осеннего сева, в уборке урожая, особенно в прифронтовой полосе, помогал наркоматам и ведомствам, перерабатывавшим сельскохозяйственные продукты. Он близко принимал к сердцу грандиозные работы по восстановлению угольных бассейнов, производившиеся во время войны и после нее в районе Тулы, в Донбассе, в Домбровском районе (Польша), по повышению добычи нефти в Баку, Грозном, Дрогобыче, а затем в Плоешти (Румыния).

Ему был свойствен необычайный размах в любом деле, где требовалась помощь со стороны тыла Вооруженных Сил, — будь то хлебоуборочная кампания, подвоз свеклы на сахарные заводы, налаживание табачного производства, восстановление текстильной промышленности, управление угольным бассейном, производство бензина и т. д.

А. В. Хрулев выезжал на фронт, когда там было очень трудно. О его приезде на Курскую дугу в 1943 году я уже рассказал. Он очень не любил медлительности, лишних слов, всегда требовал быстроты в работе. На принятие дел начальника тыла Центрального фронта в марте 1943 года он предоставил мне 48 часов, но не прошло и двух часов после этого, как позвонил и спросил, долго ли я собираюсь принимать дела, а еще через два часа приказал вступить в должность и нести полную ответственность за работу… Так он «пустил в ход машину», и после этого через каждые два-три часа я докладывал ему о положении дел.

Он мог иногда нашуметь — именно нашуметь, но не оскорбить подчиненного, не обругать. А. В. Хрулев ценил в каждом человеческое достоинство. Он был очень общителен, любознателен, добирался «до корня» в любом интересующем его вопросе.

Большое внимание к подчиненному — одна из характерных и сильных сторон Хрулева. Он часто беспокоился о быте, о здоровье того или иного командира. Особенно много заботы проявлял о семьях командного состава, оказавшихся в трудном положении.

Откуда только бралось у этого человека столько энергии? Как мог он выдерживать постоянный натиск с различных сторон —

военных советов, наркомов, Генерального штаба, республиканских и областных руководящих органов, директоров оборонных заводов и других? А доклады Сталину?

Много раз приходилось мне слышать от Хрулева, как трудно ему бывало во время таких докладов. Одно дело докладывать Сталину один на один — тогда все проходило благополучно: Сталин подробно вникал во все детали рассматриваемого вопроса и спокойно давал указания. Иначе обстояло дело, когда в кабинете Верховного находились некоторые члены ГКО, а также тот или иной командующий родом войск (артиллерист, танкист, авиатор). Все они высказывали претензии к тылу — всюду чего-нибудь не хватало. Иные не прочь были снять с себя и отнести на личный счет Хрулева вину за неполадки на фронтах или в оборонной промышленности.

Но не таков Хрулев, чтобы сдавать позиции. Он хорошо знал свое дело, знал состояние хозяйства, и никакой вопрос не мог застать его врасплох. Он мог со всей смелостью, прямотой и даже резкостью парировать нападки.

В большинстве случаев Сталин становился на сторону Хрулева и поддерживал его.

— Но однажды, — рассказывал мне Хрулев, — звонит Сталин, спрашивает о состоянии снабжения такого-то фронта. Я только открыл рот, чтобы спросить разрешения дать ответ по существу, как Сталин резко оборвал меня и повесил трубку. Нетрудно понять мое настроение после этого.

И все же Сталин уважал его за непреклонность, за смелость, за неспособность подлаживаться к начальству, даже к самому Верховному.

После войны мне не раз приходилось видеть Андрея Васильевича в быту, в кругу его семьи. У него всегда бывало много народу, особенно в выходные дни. Как патриарх многочисленной семьи, усаживался он за столом, и дружный веселый смех друзей, родственников, детей разных возрастов отвечал остроумным и веселым замечаниям хозяина и хозяйки Эсфири Самсоновны.

Андрея Васильевича любили все, кто понимал, какую тяжелую ношу нес он на своих плечах во время войны.

«Все мы, генштабисты, глубоко любили, уважали, ценили и с большой благодарностью вместе со всем народом вспоминаем дорогого Андрея Васильевича Хрулева как выдающегося военного деятеля за все, совершенное им на посту начальника тыла Советских Вооруженных Сил в деле обеспечения великой исторической победы над фашизмом», — писал в одном из писем ко мне маршал А. М. Василевский.

Хрулева недолюбливали неспособные видеть, какой ценой достается нашему народу каждый килограмм хлеба, каждая шинель, каждая тонна горючего, каждая машина и т. д. Отказ в продовольствии, в обмундировании, в подаче того или иного груза расценивался ими как прижимистость и даже скупость этого человека.

Андрей Васильевич Хрулев никогда не отдавался делу наполовину. Либо вовсе не брался, либо если брался за что-нибудь, то доводил все до конца. Не могу обойти молчанием один факт. Приехав однажды в Москву по делам нашего фронта, я встретился с секретарем И. В. Сталина А. Н. Поскребышевым. Он сказал, что в ближайшие дни будет объявлен Указ о награждении руководящих работников Центра, в том числе и Хрулева. Перечисляя заслуги начальника тыла Красной Армии, отмеченные в проекте Указа, он добавил, что намечается присвоение ему звания Героя Социалистического Труда.

А. В. Хрулев тогда имел звание генерал-полковника интендантской службы.

Я заметил, что Хрулеву можно дать любого Героя, и главным образом за то, что он всю войну выдерживает нечеловеческую нагрузку.

Вскоре я прочитал в газетах Указ о присвоении начальнику тыла Красной Армии воинского звания генерала армии, о Герое — ни слова.

Уже после войны в одну из наших встреч А. В. Хрулев рассказал:

— Звонит мне Поскребышев по поручению Сталина и спрашивает: «Что вас больше устраивает — оставаться в том же воинском звании, но получить Героя Социалистического Труда, или получить очередное воинское звание генерала армии?» Я обрадовался представившейся возможности освободиться от интендантской приставки, которая мне всегда была досадна, о чем я не раз говорил Сталину. В самом деле, почему мне присвоено интендантское звание? Кроме интендантов мне подчинены многие специалисты — медики, ветеринары, дорожники, железнодорожники и другие, и никому не пришла в голову мысль дать мне звание генерала медицинской или ветеринарной службы.

— Я попросил Поскребышева доложить Сталину, что если уж выбор предоставляется мне самому, то я желал бы получить очередное воинское звание. А до Героя я еще дослужусь, — полушутя-полусерьезно закончил свой рассказ А. В. Хрулев.

Не подлежит сомнению, что заслуги Андрея Васильевича Хрулева перед революцией, перед народом исключительно

велики. Его имя присвоено Высшему финансовому училищу Советской Армии, а на доме № 9 по улице Горького в Москве, где долгие годы проживал Андрей Васильевич с семьей, установлена мемориальная доска.

Прах коммуниста А. В. Хрулева покоится в Кремлевской стене, рядом с Мавзолеем В. И. Ленина, по заветам которого он жил и трудился.

Задача начальника тыла Красной Армии облегчалась тем, что начальники главных и центральных управлений, облеченные полным доверием и наделенные огромными правами, сами чувствовали всю силу ответственности за порученное им дело и уверенно руководили своими службами. Все четыре года войны они бессменно находились на своих постах, что свидетельствует о высоких деловых качествах каждого из них и о большом умении А. В. Хрулева подбирать работников. Мало сказать подбирать — беречь их. Именно беречь, не подставлять под удар при неблагоприятной ситуации в переменчивой военной судьбе.

Известно, что стиль работы командующего налагает отпечаток на всю работу его штаба. На войне все спешно, все важно, любое промедление прямо или косвенно ведет к неоправданным жертвам. Чем выше ступень, на которой решается задача, тем больше командир или начальник должен обладать способностью мыслить в надлежащем масштабе, видеть стоящую задачу вглубь и вширь, тем увереннее должен быть организатор исполнения, тем меньше влияния на него должна оказывать текущая, почти всегда противоречивая обстановка.

Каждый раз, когда я получал от командующего фронтом задание, выйдя от него в соседнюю комнату, тут же, немедленно стремился привести в движение весь тыловой механизм в том направлении, какого требовало это новое задание. Через аппарат ВЧ и простой телефон, иногда через посыльного, словно импульсы, посылались указания всем, кого это касалось. При этом я всегда сам себя контролировал, не забыл ли какой-либо детали в огромном механизме, который, как говорится, следует задействовать. Естественно, первый звонок был всегда начальнику штаба тыла.

На возвращение в свой штаб требовалось обычно 30–40 минут — время, казалось бы, небольшое. Но как важно на войне не потерять ни одной минуты! По приезде я уже получал информацию о принятых мерах и о предварительных результатах. Мне оставалось лишь проверить, уточнить, переговорить с тем или иным исполнителем. А штаб продолжал, подобно маховику, уравновешивать, согласовывать и ускорять усилия всех служб.

Ясно, как важно абсолютное взаимопонимание между начальником тыла и начальником штаба.

Думаю, что и в центре была аналогичная обстановка, разница лишь в масштабах.

А. В. Хрулеву была присуща экспансивность, иногда и некоторая торопливость в принятии решений; порой он просто не хотел считаться с установленными порядками, если признавал их устаревшими. Слишком острые углы его характера сглаживались спокойным, уравновешенным характером Михаила Павловича Миловского. Иногда мне случалось наблюдать, как начальник штаба с блокнотом в руках терпеливо выслушивал указания Хрулева, записывая каждую его мысль. Со стороны было видно, что некоторые указания Андрея Васильевича навеяны эмоциями, неудержимым стремлением одним махом поправить запутанное и сложное дело; возможно, через час-два последовали бы от него другие указания по тому же вопросу. Начальник штаба учитывал это. Он спокойно, с достоинством произносил:

— Хорошо. Будет сделано.

Потом докладывал начальнику тыла проект приказа или директивы с такими поправками и уточнениями, с которыми не мог не согласиться Хрулев.

Сложный жизненный путь прошел Михаил Павлович Миловский. Он уроженец деревни Никулино Филипповской волости Покровского уезда, что вблизи Иванова. С первых дней Октябрьской революции участвовал в комиссиях по национализации промышленности, а также по распределению помещичьих земель среди трудового крестьянства. М. П. Миловскому посчастливилось дважды слушать Владимира Ильича Ленина.

— В течение сорока шести лет своей службы в Советской Армии я смотрю на себя как на слугу советского народа, которому поручено с оружием в руках защищать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции, — так сказал Миловский о своем служебном пути.

Еще до Великой Отечественной войны он окончил Академию Генерального штаба и обладал широкими военно-теоретическими познаниями. Посвятив себя обучению молодых военных специалистов, Миловский работал сначала в Академии имени Фрунзе, а затем в Военно-хозяйственной академии РККА. В нем на редкость хорошо сочетались качества боевого командира времен гражданской войны (на которой он получил два серьезных ранения) и организатора-методиста в учебной, а также научно-исследовательской работе высшего учебного заведения. Михаил Павлович был уже хорошо подготовленным штабистом, когда в

1941 году ему пришлось возглавить штаб тыла Красной Армии. Выбор Хрулева оказался как нельзя более удачным: штаб тыла с приходом Миловского превратился в культурный, слаженный, ритмично работавший центр, где каждый из нас, периферийных работников, мог получить оперативную ориентировку, интересные обобщения накопленного опыта и советы.

Важнейшее, быть может, решающее значение для нас имела личность начальника штаба, его общая культура и эрудиция в специальных вопросах, тактичность в обращении и с подчиненными, и с теми людьми, которые ему формально не подчинены, но на которых он должен влиять силой своего служебного положения и личного авторитета. Это очень тонкий вопрос. Начальник штаба — единственное лицо, облеченное правом разговаривать от имени своего начальника или командующего. Пользоваться этим правом в меру — большое искусство, особенно когда имеешь дело с видными специалистами, не всегда считающимися с существующей военной субординацией. Не случайно поэтому с М. П. Миловским все считались, его все уважали, советовались с ним и охотно шли к нему.

Столь же хорошие отношения сложились у Миловского и с Генеральным штабом.

На первом этапе войны к разработке планов операция нередко привлекались руководители центральных служб тыла через Генеральный штаб. Конечно, такое положение не было нормальным. Потребовалось вмешательство заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, определившего более четко права и обязанности начальника штаба тыла Красной Армии. Маршал Жуков писал начальнику Генерального штаба о том, что разрешает привлекать начальника штаба Главного управления тыла Красной Армии генерал-лейтенанта Миловского к проработке планов обеспечения операций. М. П. Миловскому вменялось в обязанность разрабатывать и представлять в Генеральный штаб: схему устройства тыла фронтов и армий; план подготовки сети фронтовых и армейских грунтовых дорог и подъездных путей к железнодорожным станциям; план восстановления железных дорог в период подготовки операции и в ходе ее проведения; перечень и количество потребных для фронта (армии) тыловых частей и учреждений; заявку на перевозку по железной дороге тыловых частей и учреждений для фронта (армии); план накопления запасов продовольствия, фуража, горюче-смазочных материалов, вещевого имущества, медико-санитарного и ветеринарного имущества; объем перевозок боеприпасов,

бронетанкового, автомобильного, инженерного имущества, имущества связи, химического и пр.

Из этого видно, что штаб тыла Красной Армии выполнял важнейшие функции в организации и тыловом обеспечении операций.

Для работы Миловского во время войны характерны его частые выезды на тот или иной фронт или в армию; видимо, такие выезды становились неизбежными при возникновении острых ситуаций. А. М. Василевский по этому поводу писал мне: «Начальнику штаба Миловскому, так же, впрочем, как и мне самому, приходилось в годы войны часто выезжать в войска, заниматься координацией работы тыла на важнейших направлениях. Мы знали большой опыт и эрудицию генерала Миловского и всегда с уважением относились к нему».

Штаб тыла Красной Армии представлялся нам, фронтовым работникам, крепким, хорошо сколоченным организмом. Фамилии его многих офицеров знали не только фронтовые, но и армейские работники.

Кроме всего прочего, штаб тыла Красной Армии занимался обобщением накопленного опыта через свой журнал «Тыл и снабжение». Этот печатный орган в годы войны сослужил большую службу для всей системы тыла.

После того как рассмотрен вопрос о характере работы центральных органов тыла, я попытаюсь теоретически определить место и роль этих органов в системе Вооруженных Сил.

Из сказанного видно, что эти высшие инстанции тыла непосредственно взаимодействовали с народным хозяйством, давали заказы промышленности, организовывали получение от промышленности готовых изделий, распределяли материальные силы и средства, боевую технику, вооружение между действующими фронтами, участвовали в разработке стратегических замыслов Главного Командования.

Каким термином обозначить это высшее звено тыла в отличие от оперативного (фронт, армия) и войскового (соединение, часть)? Бытовавшее выражение «тыл центра», на мой взгляд, не отражает сущности проблемы, так как возникает недоуменный вопрос: «Что за „центр“, который имеет свой тыл?» В стране есть немало центров — научных, медицинских и других, — имеющих свой тыл. Но мы в данном случае говорим о высшем звене органов тыла Советских Вооруженных Сил, масштаб и содержание работы которых носит стратегический характер.

По нашему мнению, это высшее звено тыла Советских

Вооруженных Сил и следовало бы именовать стратегическим тылом; каждому было бы понятно, что в армии существуют войсковой, оперативный и стратегический тылы.

Попытаюсь коротко сформулировать это понятие: стратегический тыл — это центральные органы снабжения и обеспечения Вооруженных Сил. Или стратегический тыл — это система тыловых органов, обеспечивающая войска сухопутные, ракетные, военно-морские, военно-воздушные и войска ПВО.

Некоторые утверждают, что для Вооруженных Сил стратегическим тылом является вся страна в целом со всей ее экономикой, материальными и людскими ресурсами. Но это верно лишь отчасти, ибо нельзя ставить знак равенства между системой тылового обеспечения Вооруженных Сил и народным хозяйством.

Государство ведает всеми ресурсами страны, но Вооруженным Силам оно отдает лишь часть их через центральные органы тыла — стратегический тыл. Последние отвечают за накопление, хранение и распределение боевой техники, вооружения, материальных сил и средств, поступающих от народного хозяйства. Проблема создания стратегических резервов материальных сил и средств (в отличие от государственных резервов) составляет одну из важнейших задач органов стратегического тыла.

Таким образом, все становится на свое место. Необходимость в таком теоретическом определении диктуется также опытом минувшей войны, когда нередко наблюдалось смешение понятий резервов — государственных и стратегических, принадлежащих военному ведомству.

Недаром, подводя итоги деятельности органов тыла по обеспечению победы над фашистской Германией, генерал армии А. В. Хрулев свою статью в «Военно-историческом журнале» № 6 за 1961 год назвал «Становление стратегического тыла в Великой Отечественной войне».

Теперь этот вопрос приобрел полную ясность с выходом 7 тома Советской Военной Энциклопедии. В нем дается сжатое определение понятия «стратегический тыл»:

«Стратегический тыл, высшее звено тыла Вооруженных Сил СССР. Включает тыл центра, часть государственных резервов, специальные формирования и предприятия народного хозяйства, выделяемые правительством в распоряжение центральных органов военного управления для тылового обеспечения войск (сил)»[64].

Вся сложная и многогранная система центральных органов

тыла Вооруженных Сил находилась под непосредственным руководством Государственного Комитета Обороны (ГКО). В его состав входили И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (заместитель председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков. Затем в ГКО были введены Н. А. Булганин, Н. А. Вознесенский, Л. М. Каганович, А. И. Микоян. Между членами ГКО были распределены обязанности по руководству отраслями народного хозяйства для мобилизации ресурсов на оборону страны.

В самом начале войны наиболее трудной задачей была перестройка всего народного хозяйства на военный лад с одновременным перебазированием промышленности на восток. Во всей этой огромной организационно-хозяйственной работе члены ГКО повседневно опирались на помощь аппарата тыла Советских Вооруженных Сил.

Соединение усилий военно-тыловых органов и всех государственных, хозяйственных, строительных, транспортных наркоматов и учреждений составляло одну из важнейших сторон всего процесса перестройки и дальнейшего развития военного производства.

Уже на второй день войны был создан Совет по эвакуации при СНК СССР — сначала под председательством Л. М. Кагановича, а спустя три недели председателем стал Н. М. Шверник, его заместителями — А. Н. Косыгин и М. Г. Первухин. В состав Совета входили также А. И. Микоян, М. З. Сабуров и другие.

ЦК ВКП(б), ГКО и Совнарком СССР неослабно наблюдали за осуществлением плана эвакуации, возложив оперативное руководство на председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского.

Во второй половине 1941 года на восток вывезли из прифронтовой зоны полностью или частично 1523 промышленных предприятия, эвакуировали много научных институтов, библиотек, музейных ценностей и пр.[65] За несколько месяцев свершилось «чудо», над которым и поныне задумываются западные историки. Как бы отвечая на их недоуменные вопросы, бывший секретарь Челябинского обкома партии, ныне министр внешней торговли СССР дважды Герой Социалистического Труда Николай Семенович Патоличев говорил, что перебазирование промышленности на восток и невиданно быстрое приведение ее в действие составляет одну из «неразгаданных тайн» Советской страны. Все мы привыкли к тому, что в мирное время любое предприятие месяцами, а то и годами проектируется, долго строится, наконец, мучительно долго осваивается. А тут вдруг за несколько месяцев совершается «чудо»: оборудование и кадры переместились на несколько тысяч

километров на восток, там для них немедленно нашли производственные площади и жилье, добавочные кадры и электроэнергию, спроектировали новые образцы военных изделий, и вот готовая продукция стремительным потоком пошла на запад, на фронт.

Такое стало возможным только в стране, где фронт и тыл составляли единое целое: рабочие, колхозники, инженерно-технический персонал, советские, партийные и профсоюзные руководители, хотя и без военной формы, но все, как один, стали солдатами своей Родины, встали на самую ответственную вахту во имя жизни — своей и грядущих поколений.

О героической работе в глубоком тылу нашей страны Н. С. Патоличев рассказал маршалу Г. К. Жукову, навестив его в день рождения в 1972 году. Этому же Николай Семенович посвятил свою книгу «Испытание на зрелость», вышедшую в 1977 году в Политиздате.

Значительное участие в налаживании военного производства в глубоком тылу принимали центральные органы тыла под руководством А. В. Хрулева. Ни одно решение ГКО по тому или иному вопросу не обходилось без специальных поручений начальнику тыла Красной Армии. Танковая, артиллерийская, авиационная промышленность получали от него наиболее ощутимую помощь.

Контакты центральных органов тыла Красной Армии с народным хозяйством еще более усилились после того, как заместителя наркома обороны по тылу генерала А. В. Хрулева назначили одновременно на пост наркома путей сообщения. Правда, было немало не только положительных, но и отрицательных результатов от такого совмещения. Мне приходилось видеть, как Хрулев к рассвету доходил до полного изнеможения, сидя в кабинете наркома путей сообщения. Глаза его слипались, и он на миг засыпал, выслушивая по телефону чей-либо доклад.

Об этом стало известно и в «верхах». Хрулев рассказывал, как в конце февраля 1943 года И. В. Сталин позвонил ему и спросил, от какой должности он хотел бы освободиться: наркома путей сообщения или заместителя наркома обороны по тылу. Андрей Васильевич ответил, что хотел бы освободиться от работы в НКПС. Тут же его просьбу удовлетворили: он был освобожден от руководства наркоматом путей сообщения ввиду большой перегруженности работой по делам тыла Красной Армии и его обязали сосредоточить все свое внимание на эту область работы.

В заключение должен еще раз сказать, что четыре года Великой Отечественной войны прошли под знаком тесного

сотрудничества и взаимопонимания всех звеньев тыла Красной Армии с народным хозяйством, с партийными, советскими и общественными организациями. Вдохновителем самоотверженного труда многочисленной армии военных тыловиков была наша Коммунистическая партия. Коммунисты всюду показывали пример мужества и безграничной преданности своей Родине.

Драгоценный опыт работы всей системы тыла, особенно высшего звена его, является составной частью современной теории советского военного искусства.

Да, опыт работы тыла на фронтах Великой Отечественной войны и поныне является базой для развития теории советского военного искусства в этой области. Чрезвычайно важно всесторонне и объективно изучать его. Многое уже сделано.

Но было бы неверно представлять себе дело так, что если каждая служба (или отрасль) тыла обобщила свой опыт, то этим можно и ограничиться. Хотя и такие отраслевые работы имеют большое значение для теоретического обобщения всего комплекса вопросов тылового обеспечения войск в войне.

Анализ проблем тылового обеспечения в минувшей войне показывает, что и в этой области военного искусства есть своя тактика, своя стратегия, есть ряд своих закономерностей, сохраняющих известное значение и в настоящее время.

Опыт боевой деятельности фронтов, где я работал почти всю войну, составляет немалую ценность хотя бы потому, что их путь проходил на важнейшем стратегическом направлении — от Москвы до Берлина. Я далек от мысли канонизировать этот опыт. Каждый фронт, каждая армия внесли много своего весьма ценного в военную науку, и было бы непростительно отказываться от самого скрупулезного анализа и обобщения всего этого обширного материала, особенно когда речь идет о тыле, поскольку эта область наиболее слабо освещена в литературе.

Структура тыла выдержала суровое испытание. Она доказала свое соответствие характеру войны, а в этом именно и суть дела: были соединены воедино главные функции — планирование и организация, снабжение и подвоз. В будущем этот принцип, я уверен, не только сохранит свое значение, но и приобретет еще более богатое содержание.

Проверенную войной структуру тыла мы должны непрерывно совершенствовать в соответствии с коренными сдвигами, происходящими в области военной техники, — таков непреложный урок войны.

Работники тыла Красной Армии выполнили свой священный

долг перед Родиной. Они постоянно чувствовали ответственность перед воином, заботились о его здоровье и настроении. Черствость, бездушие, формализм в работе решительно искоренялись. Родина вознаградила солдат, офицеров и генералов тыла за их самоотверженный труд.

«Тыловое обеспечение…» По сравнению с боевой деятельностью пехотинцев, артиллеристов, летчиков, танкистов, партизан это звучит прозаично. Тыл — не та область военного искусства, в честь которого, как в День танкистов, День артиллеристов, салютует Москва. В некоторых книгах, посвященных работе тыла в минувшую войну, можно даже прочесть, что это «незаметная служба».

Однако Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян однажды сказал:

— Тыл — это половина победы и даже немножко больше, чем половина.

И. Х. Баграмян имел в виду и народное хозяйство.

Что же получается? Служба незаметная, а имеет такое огромное значение для победы?

Да, трудный орешек — тыл. Не всякому дано его раскусить. Зато каждый считает себя вправе судить и осуждать работу тыловых служб. Не раз говорил генерал А. В. Хрулев, что у нас много всезнаек, всегда готовых дать совет, как воспитывать трудновоспитуемых детей, как лечить неизлечимые болезни, как строить дома и, наконец, как управлять тылом…

Трудна, очень трудна работа тыловика на фронте. В первые годы войны я принимал различные дозы возбудителей (пил крепкий чай, кофе), чтобы не спать и сохранить работоспособность до 5–6 часов утра. В 6 часов утра я обычно ужинал и пробовал уснуть. Но какой это сон! Если каждого из подчиненных мне начальников управлений беспокоили лишь по их специальным вопросам, то мне звонили отовсюду, со всех направлений, по всем специальностям. Звонили по телефону, вызывали по радио и ВЧ, приезжали на фронт из Москвы от наркоматов, от начальника тыла Красной Армии, от республик и областей. Звонили по телефону и вызывали для доклада командующий, член Военного совета, звонили все командармы, начальники тыла армий. Каждую минуту, каждый час надо было быть готовым дать точный, краткий и исчерпывающий ответ — «воды» в разговоре, тем более в докладе, никто не терпел.

На нашем фронте (да, вероятно, и на других фронтах) существовал порядок, по которому почти ежесуточно командующий войсками до глубокой ночи выслушивал (сам или через начальника штаба) телефонные доклады

командармов. Последний звонок примерно в 2–3 часа ночи был к заместителю командующего по тылу, чтобы поставить перед ним задачу, вернее, ряд задач.

Разговор обычно заканчивался так:

— Примите меры и доложите в девять утра.

Разумеется, за оставшиеся часы никаких особых мер не примешь, если до этого не сделал всего необходимого хотя бы в главном. Но до утра я успевал проверить, что делается в соответствии с ранее данными указаниями, и подтолкнуть исполнителей. В 8 часов утра после двухчасового отдыха я уже имел точные данные по состоянию на 6 часов утра о местонахождении транспортов с боеприпасами, горючим, продовольствием и по другим вопросам, которые тревожили в данный момент командование. Ровно в 9 часов утра звонил командующему фронтом и докладывал о положении и принятых мерах.

И так каждый день, из месяца в месяц, из года в год, до конца войны…

Иные спрашивают:

— Когда же спал начальник тыла?

Как говорят, на другой день. Иногда удавалось прикорнуть на 40–50 минут, сидя в машине, по пути в первый эшелон полевого управления фронта или на передовую. То были самые сладкие минуты сна, когда никто не мог позвонить или зайти с вопросом. Иногда обращался к командующему фронтом, не будет ли с его стороны каких-либо указаний в ближайшие часы, и откровенно докладывал ему, что хочу «уйти в небытие» хотя бы на несколько часов.

Конечно, не я один находился в таком положении — большинство лиц командного состава на фронте жило нервами. На то война! Но каждый год войны вычитает несколько лет из отпущенного человеку срока жизни. В те годы об этом, собственно, никто не думал.

Сплоченность, товарищество, дружба, взаимное понимание и уважение — этим скрашивалась жизнь на фронте. Такая общая атмосфера в работе и в быту поддерживала в нас бодрость, уверенность, работоспособность.

Здравствующие ныне товарищи из нашей большой фронтовой семьи, встречаясь, всегда вспоминают о тех сердечных отношениях, которые помогали нам переносить самые трудные дни.

Некоторые из иностранных армий, принадлежащих сильным в военном отношении капиталистическим державам, взяли на вооружение советский опыт тылового обеспечения войск. Тем с

большим вниманием и уважением мы сами должны относиться к собственному опыту, давшемуся столь дорогой ценой. Он золотой страницей вошел в историю вооруженной борьбы советского народа с фашизмом, и не одно поколение военачальников будет находить в нем много поучительного.

Освещая опыт работы тыла Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, я ставил себе задачу показать основные стороны этой системы и характер ее деятельности. При этом надо подчеркнуть одно общее положение, существенно определяющее проблему в целом. Как вся Красная Армия, так и ее органы тыла своими корнями уходят в народ. Экономика, политика, идеология являются основой развития Вооруженных Сил.

М. И. Калинин говорил в годы войны, что Советская страна может дать все необходимой для ведения вооруженной борьбы, но нужен такой орган в Красной Армии, который был бы в состоянии принять от народного хозяйства миллионы тонн груза, тысячи эшелонов боевого пополнения, все отпущенное доставить в целости и сохранности до воина, до пушки, до танка, до самолета. Таким органом, сказал М. И. Калинин, и явилась система тыла, созданная Центральным Комитетом партии.

Мы знаем, какое огромное значение В. И. Ленин придавал тылу вооруженных сил в годы гражданской войны. Положения, высказанные Лениным о принципах тылового обеспечения вооруженной борьбы, легли в основу коренной реорганизации нашего военного тыла в августе 1941 года[66].

Сложившаяся структура тыла Вооруженных Сил СССР есть объективное, закономерное явление. Хорошо организованный тыл на фронте лучше управляем, более отзывчив на нужды войск.

В минувшей войне Красная Армия умело использовала местные ресурсы — промышленные, сельскохозяйственные и пр. Это было возможно осуществить в столь значительной мере потому, что в нашей стране советский народ и его армия — едины.

Нападая на Страну Советов, Гитлер тоже надеялся широко использовать местные ресурсы, но его расчеты оказались блефом, чистейшим авантюризмом. Политика грабежа и насилий вообще не может быть надежным источником экономического обеспечения войск.

В захваченных гитлеровцами буржуазных странах им удавалось в какой-то мере использовать местные ресурсы. Ко именно в какой-то мере. Грабеж неизбежно вызывал гнев народа. В отношении своей родной Красной Армии советские люди сами

проявляли инициативу в изыскании лучших способов доставки ей продовольствия и другого имущества. Именно в таком органическом единстве народа и армии заключено неодолимое могущество нашей страны.

Руководитель тыла в Советских Вооруженных Силах — новый тип военного специалиста, проводящий политику партии в области военно-хозяйственной деятельности. Он должен иметь достаточную оперативно-стратегическую и политическую подготовку, понимать природу современной войны и боевых операций, обладать достаточно высокими военно-экономическими познаниями. Речь идет о знании структуры народного хозяйства, конкретной сущности военно-экономического потенциала страны, театров военных действий, иметь представление о путях и методах перевода отдельных отраслей народного хозяйства на военные рельсы, о порядке накопления и обновления мобилизационных фондов, о формах взаимодействия органов тыла Вооруженных Сил с планирующими инстанциями, поставщиками и т. д. Знакомство с экономикой зарубежных стран также необходимо для крупного руководителя тыла.

Тыл Советских Вооруженных Сил в минувшей войне успешно решал свои задачи благодаря высокой сознательности его работников, хорошо поставленному партийному воспитанию людей. В свою очередь, хорошая работа тыла содействовала поддержанию высокого политико-морального состояния войск. Задачи тыла нередко приобретали острый политический характер.

Беспрестанно чувствовать биение пульса на передовой линии, быстро реагировать на запросы личного состава, повышать ответственность всех кадров — в этом смысл работы каждого коммуниста, посланного партией в систему тыла. Честность, чувство ответственности, преданность идеям Коммунистической партии — вот те черты, которые всегда присущи работникам тыла Вооруженных Сил СССР.

Партия не скупилась на кадры для органов тыла в годы войны: сотни и тысячи партийных и советских работников пришли в эту систему от центрального аппарата до низших звеньев, они составили костяк руководящих органов огромного тылового аппарата Вооруженных Сил и с честью выполнили свою авангардную роль.

Сорок лет спустя в Средней Азии

Летят годы. Я уже давно не в строю. Занимаюсь литературной работой и военно-патриотическим воспитанием молодого поколения. Являюсь членом Всесоюзного общества «Знание». С понятным каждому военному человеку огромным волнением посещаю воинские части и соединения, выступаю перед нынешними защитниками Родины.

Декабрьским утром 1975 года в моей квартире раздался телефонный звонок из Ташкента. Командующий войсками Туркестанского военного округа пригласил меня посетить места, где много лет тому назад начинал свою воинскую службу. Я был рад этому приглашению.

Разговор по телефону с командующим укрепил мое желание выехать в Среднюю Азию немедленно. Говорю жене:

— Собирайся, Елена Дмитриевна, в дорогу. Полетим до Ташкента самолетом, а там — видно будет.

Для нее это не было неожиданностью. Она знала: давно мечтаю побывать в Средней Азии, повстречаться с воинами округа и пограничниками, вновь увидеть трудовых людей среднеазиатских республик, с которыми я был так тесно связан в

годы моей службы на границе. С той поры прошло сорок лет. В жизни человека — срок большой.

И вот мы в Ташкенте. Город произвел на нас неизгладимое впечатление. Не таким я оставил его в 1935 году. Тогда в нем преобладала древневосточная архитектура. Огромной разрушительной силы землетрясение в 1966 году потребовало не восстановления, а постройки нового города. Помогали все союзные республики. И столица Узбекистана получилась необычайно красивой по планировке и архитектуре.

В первый же день пребывания в Ташкенте я выступил перед руководящим составом штаба и управлений Туркестанского военного округа. Передо мною была весьма подготовленная аудитория, и это обязывало более глубоко остановиться на вопросах истории и теории тыла армии в войне, донести до присутствующих мысли, сформировавшиеся за многие годы моей научно-исследовательской и преподавательской работы.

Чем многочисленнее и технически оснащеннее армии воюющих сторон, тем шире и сложнее задачи их тылового обеспечения, следовательно, тем большее значение приобретают организационный и временной факторы. Не всегда решающим было количество имевшихся в наличии материальных и других средств обеспечения; четкая организация и высокая мобильность тыла позволяли успешно маневрировать порой ограниченными ресурсами в интересах группировок войск на главных направлениях. Кстати, уничтожающей критике подверг Ф. Энгельс именно организационные неурядицы в тыловом обеспечении тогдашней английской армии[67].

Наполеон Бонапарт не смог найти лучших способов обеспечения своей армии, чем грабеж покоренных народов. Впрочем, такого «способа» придерживались в те времена полководцы и других стран.

В русско-японской войне 1904–1905 годов главком Куропаткин реорганизовал тыловую службу своих войск. Когда вместо одной маньчжурской армии боевые действия против японцев стали вести три армии, он решил всю их хозяйственную деятельность сосредоточить в особых центральных органах при главнокомандующем. Была учреждена должность главного начальника тыла маньчжурских армий, которому подчинили штаб тыла и управления: интенданта, начальника артиллерии, начальника инженеров, начальника санитарной части, начальника военных сообщений, казначея, контролера.

Таким образом, начальнику тыла маньчжурских армий подчинялись все коммуникации, материальные ресурсы театра военных действий, медицина, ветеринария, финансовая служба и

служба обеспечения боеприпасами.

В приказе главкома такая реорганизация обосновывалась тем, что необходимо «было освободить главнокомандующего и состоящее при нем управление от хозяйственных распоряжений и оставить за ним одно лишь общее руководство и в то же время дабы обеспечить успешную и быструю деятельность начальника тыла и состоящих при нем органов…»[68].

В первой мировой войне 1914–1918 годов в русской армии была учреждена должность главного начальника снабжения фронта (ГНС). Ему подчинили во фронте все виды транспорта, коммуникации, артиллерийское, инженерное, продовольственное и вещевое снабжение, а также финансы. Кроме того, ему подчинялись генерал-губернаторы губерний, входивших в границы данного фронта. Однако централизация управления тылом выше фронтового звена тогда не поднялась; центр оставался разобщенным.

В годы гражданской войны В. И. Ленин писал: «… необходимым условием успеха этой войны является единое командование всеми отрядами Красной Армии и строжайшая централизация в распоряжении всеми силами и ресурсами социалистических республик, в частности, всем аппаратом военного снабжения, а также железнодорожным транспортом»[69].

Вспомним о тех радикальных выводах, какие сделал Центральный Комитет нашей партии после разбора причин пермской катастрофы в декабре 1918 года: решительно искоренялись параллелизм, многоступенчатость и многовластие в органах снабжения, выдвигались для руководства тылом наиболее стойкие и преданные революции товарищи.

По окончании гражданской войны начался период обобщения накопленного опыта и поисков новых принципов военного строительства. Особое внимание вопросам тыла Красной Армии уделял Михаил Васильевич Фрунзе. Памятны его слова о том, что организационные вопросы тыла играют отнюдь не меньшую роль, чем оперативное руководство войсками. М. В. Фрунзе писал: «Без самой тщательной, основанной на точных математических расчетах организации тыла, без налаживания правильного питания фронта всем тем, что ему необходимо для ведения военных операций… немыслимо никакое сколько-нибудь правильное, разумное ведение больших военных операций»[70].

Позднее начальник Генерального штаба Красной Армии Маршал Советского Союза А. И. Егоров, обобщая опыт полевых учений с участием органов тыла, предложил учредить должности начальника тыла армии, корпуса, дивизии, полка, возложив на них руководство организацией тыла, снабжением и подвозом. Он

подчеркивал: «Если не решить вопросы организации тыла правильно, мы рискуем соскользнуть в область больших потрясений в боевой обстановке»[71].

Решение этой проблемы затянулось до августа 1941 года.

Единая централизованная система тыла — это не искусственное объединение служб. Подчинив их единому руководству, мы получили многократное умножение сил и средств служб тыла в целом и каждой в отдельности. Выпадение из системы хотя бы одной из них неизбежно ослабило бы как часть, так и целое. И именно поэтому важно беречь достигнутое единство тыла, совершенствовать методы управления им.

О возросшем внимании к тылу Вооруженных Сил в послевоенные годы говорит хотя бы тот факт, что во главе этой сложной, многогранной системы стояли такие видные военачальники, как Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян и генерал армии С. С. Маряхин. Сейчас начальником тыла Вооруженных Сил является генерал армии С. К. Куркоткин.

Таков, в основном, смысл положений, которые я стремился донести до слушателей.

Маршрут, избранный для нашей поездки по необъятным просторам Средней Азии, проходил через Самарканд, Бухару, Мары, Кушку, Ашхабад и другие города. С разными попутными заездами это составляло около четырех тысяч километров. Такое расстояние нельзя было покрыть в намеченный короткий срок ни поездом, ни автомобилем. Помог тогдашний командующий ВВС округа генерал Алексей Анастасович Микоян, которого я знал еще в годы его юности. Он предложил свой вертолет. Восемь суток летали мы на нем. Лишь благодаря такому виду транспорта удалось выполнить намеченный план.

Ознакомившись с достопримечательностями Самарканда и Бухары, мы взяли курс на Керки. С марта 1927 и до осени 1931 года я прожил в этом городе. С чувством большой тревоги ехал когда-то в Керки, казавшиеся мне на краю света. За четыре с половиной года я так привык к обстановке, к местным жителям, к их радушию, что было больно расставаться и уезжать в другое, более «культурное» место — Мары.

Каков же теперь приграничный город Керки? Насколько изменились окружающие кишлаки? Ведь тогда, когда я там служил, только начиналась коллективизация сельского хозяйства. Как члену окружкома партии мне довелось участвовать в строительстве новой жизни.

Пограничники были первыми помощниками у руководителей Туркменистана. По заданию окружкома партии я не раз выезжал в

самые отдаленные кишлаки, где обстановка считалась наименее благоприятной. И каждая такая поездка морально вознаграждала меня доверием со стороны дехкан, их признательностью к пограничникам, в которых они видели падежных защитников от набегов банд, от насильников, грабителей, стремившихся увезти из населенного пункта всевозможные ценности, красивую девушку.

Во главе Керкинского окружного комитета партии стоял Аннакули Артыков, прибывший к нам из Ташауза, где в течение трех лет также был секретарем окружкома. Туркмен по национальности, сравнительно хорошо владевший русским языком, он получил университетское образование при Советской власти. В рядах Коммунистической партии состоял с 1918 года.

В Керкинском округе были более сложные условия, чем в Ташаузе, вытекающие из близости государственной границы и оживленной миграции населения. Вдумчивый, спокойный, неторопливый в решениях, прислушивавшийся к мнению товарищей, особенно дехкан, Аннакули Артыков пользовался у населения уважением.

Теперь Керки — районный центр. Город вырос до неузнаваемости. В нем более десяти промышленных предприятий, в том числе два хлопкоочистительных завода, ковровая фабрика, ремонтно-механический завод, комбинат бытового обслуживания, предприятия, связанные с головным сооружением Каракумского канала. Улицы города вымощены, большая часть их заасфальтирована. Имеется достаточно благоустроенных государственных магазинов с разнообразным ассортиментом товаров. Каракумский канал связал Керки с областными центрами Чарджоу и Мары.

Неузнаваемо изменилась жизнь людей. Для примера приведу некоторые данные по двум колхозам Керкинского района, где мне довелось побывать.

В колхозе «Коммунизм» все дома электрифицированы и радиофицированы, большинство газифицированы (установлены баллоны). Почти во всех семьях стиральные машины и телевизоры. Свыше 100 колхозников приобрели легковые машины. Библиотека, 4 детских сада, 6 домов культуры, 3 школы, 4 бани, родильный дом, — все это говорит само за себя. Это хозяйство обычно в год дает стране около 6 тысяч тонн хлопка и почти 77 тонн кокона. Годовой доход превышает в среднем 5 миллионов рублей.

Другой колхоз — «Ленинизм» — еще более мощный. Здесь многие семьи насчитывают по 7–8 человек. Годовой заработок некоторых семей достигает 20 тысяч рублей.

Оба хозяйства возглавляют видные организаторы и знатоки своего дела. Председателем колхоза «Коммунизм» является Джумагуллы Махрамов. Он удостоен звания Героя Социалистического Труда. Бригадир 5-й бригады этого же хозяйства Халым Сеидов — также Герой Социалистического Труда. Высокими наградами отмечены и рядовые колхозники. Так, Алла Мамедов, Худайгуллы Сеидов, Акмырад Овезов, Сапар Нурматов награждены орденом Ленина.

Встречаясь во время пребывания в Средней Азии с ветеранами-пограничниками, я больше всего донимал их вопросами о происшедших переменах в их службе, быту.

В те далекие годы, когда я тут служил, на многих участках начертание границы носило условный характер. Большие поправки при этом вносил «афганец» — огромной силы ветер, перемещающий на десятки километров песчаные дюны, достигавшие местами высоты 10–15 метров; пограничная тропа в Каракумах перемещалась соответственно. Наблюдательных вышек тогда почти не было.

Во время этой поездки я увидел, какие большие перемены произошли в охране государственной границы. Созданы нормальные условия для бдительного, надежного несения службы.

Само понятие «граница» обрело новое содержание. Это уже не «условная линия», а местность, оборудованная в инженерном отношении. В распоряжении пограничников — вся необходимая техника. Так что даже пробежавший тушканчик или змея, переползшая через контрольно-следовую полосу, не остаются незамеченными.

На смену керосиновым фонарям пришли удобные в обращении и надежные в эксплуатации электрические. Прожекторные станции стационарного и подвижного действия значительно облегчают наблюдение за границей.

Вместо конных посыльных и голубиной почты применяются современные проводные средства связи и радиостанции. Ни один наряд не уходит на границу без средств связи. Все виды служебных нарядов управляются начальником погранзаставы.

Конь был верным другом пограничника. Раньше он нес всю ту службу, на которой теперь его заменили автомобили, вертолеты, самолеты…

Высокое техническое оснащение пограничных войск не снижает степени нервного напряжения личного состава. Возможно, даже наоборот — увеличивает. Ведь потенциальный нарушитель тоже идет не с голыми руками, он также использует новейшие технические средства. Высокая бдительность теперь

нужна больше, чем когда-либо. К тому же для Средней Азии остаются постоянно действующими факторами нещадный солнцепек, скудные запасы воды, ядовитые змеи, ящерицы, пауки, скорпионы, фаланги, шакалы, гиены, а в Таджикистане — и тигры. Подобное «окружение» также требует от пограничника повышенной бдительности, большой силы воли, решительности, самообладания.

Бдительность и еще раз бдительность! Нервная система, все органы чувств всегда находятся «на взводе». И пусть молодому пограничнику только 18 лет — он уже закаленный боец.

Невольно приходят на память первые часы и дни войны на нашей юго-западной границе.

В основе гитлеровского блицкрига лежал план: два часа на ликвидацию пограничных застав и два-три месяца для завершения войны. Но героическая Красная Армия сорвала этот сумасбродный замысел. Если говорить точнее, срыв начался с первых минут и часов самоотверженной борьбы пограничников. Это они, доблестные сыны Родины, воспитанные в духе постоянной бдительности и боеготовности, нанесли первые чувствительные удары по ненавистному врагу. Не 2–3 часа, а 7–8 суток мужественно боролись пограничники. Много немецких трупов было уложено перед нашими заставами. Вот что писал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков:

«Большая заслуга перед Родиной принадлежит пограничникам. Они первыми приняли удары немецких войск и сделали все, что было в их силах, для срыва гитлеровского плана молниеносной войны, согласно которому пограничные отряды должны были быть сметены за один-два часа после вторжения.

Пограничные войска стойко сражались на границе с превосходящими силами противника, а затем они вместе с войсками Красной Армии самоотверженно боролись за каждую пядь советской земли»[72].

Мы снова в воздухе. Я попросил командира корабля лететь строго над Каракумским каналом, придерживаясь минимальной высоты. И поныне нахожусь во власти полученных впечатлений. «Вода дороже алмаза», — говорят туркмены. Канал называют Рекой Счастья. Теперь уже около тысячи километров он несет свои воды по пустыне. До Каспия осталось меньше половины.

Надо видеть, и видеть именно с высоты, эту чудесную картину: спокойное течение канала, разрезающего просторы бескрайних и безмолвных Каракумов. Голубая река оживляет на своем пути тысячи и тысячи гектаров земли, над которыми уже не имеет прежней власти «афганец». По обеим сторонам канала

раскинулись сады. Здесь получают самые высокие урожаи хлопка.

Пролетая над каналом, я вновь вспомнил, как в 1930 году вместе с Председателем ЦИК Туркменской республики Н. Айтаковым проплыл на плоскодонке по водосбросу первые 15 километров в глубь каракумских песков. Тогда никому и в голову не приходило, что этот стихийно возникший водосброс будет началом могучего, самого большого в мире канала. Но сама природа указывала на то, что здесь таится нечто необычайное: в первые же годы выросли густые камыши, появилась дичь. Туркмены начали выращивать на берегах дыни. А вода сама, без помощи человека, пробивала себе дорогу на запад.

Не до того было Советской стране в то тревожное время, чтобы вести грандиозную стройку, — надвигалась военная угроза. Лишь после войны возобновилось наступление на Голодную степь, на Каракумы.

Мары… Мы осмотрели город, побывали на той улице, где я проживал в 1932–1933 годах и откуда уходил в Каракумы наш так называемый истребительный отряд для перехвата банды Ана-Кули.

Раньше город назывался Мерв. Мургабская долина и близость железной дороги уже тогда способствовали его развитию. Но теперь это уже не тот город, что был 40 лет назад. Всюду новые здания, промышленные предприятия, учебные заведения, мощеные улицы. Все неузнаваемо!

Сразу же после прибытия в Кушку мне пришлось выступить с лекцией. Между прочим, декабрь тогда на самой южной точке страны выдался холодным. В Кушке было 18 градусов мороза. Помещение, в котором выступал, не отапливалось. Но на лекцию собралось много народу.

Мы обратили внимание на офицера Дмитрия Васильевича Давыдова. Он произвел впечатление не только от природы остроумного, но и хорошо образованного человека. Как потом выяснилось, Д. В. Давыдов окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Ростом и внешним видом он очень напоминал К. К. Рокоссовского, чем еще больше привлек наше внимание.

В сопровождении Д. В. Давыдова мы прибыли на самую южную точку нашей границы с Афганистаном, обозначенную шлагбаумом. Осмотрели большой каменный крест, поставленный в 1913 году царским правительством. Таких крестов было тогда установлено четыре: один — здесь, на юге, другой — на севере, третий — на западе и четвертый — на востоке, в районе Чукотки. Сохранился лишь один — на юге. Там же недалеко установлен памятник тех времен Неизвестному солдату.

В истории Кушки немало славных страниц, вошедших в историю Советского государства. В 1928 году город наградили орденом Красного Знамени Туркменской ССР. И в наши дни живущие здесь люди достойно представляют Советскую Туркмению на юге СССР. Приятно было видеть новые постройки, чистоту и порядок на улицах, хорошие жилые дома для офицеров.

Через день я уже выступал в Ашхабаде перед офицерами. После этого состоялась встреча с генералами и офицерами пограничного округа. Было о чем поговорить ветеранам-пограничникам.

С удовлетворением отмечалось, что в настоящее время значительно поднята роль заместителей командующих по тылу. Начальник тыла стал ближе ко всем мероприятиям командования округа, и ему теперь легче направлять деятельность подчиненных служб соответственно замыслам командующего.

Нельзя не высказать свое восхищение жилищно-бытовыми условиями пограничников. Это уже не глинобитные приземистые постройки с малюсенькими окнами и земляными полами, освещаемые керосиновыми лампами или масляными каганцами. Это — не юрты, продуваемые неистовым «афганцем». Это — уютные, культурные общежития для личного состава с хорошими ленинскими комнатами, с электрическими или газовыми плитами на кухне, со столовой и прочими служебными помещениями.

Даже не верится, что где-то далеко-далеко, на Памире или у подножия Тянь-Шаня, в Каракумах воздвигнуты современные, комфортабельные жилые дома и солдатские общежития.

У пограничников существует порядок: при встрече с начальником подчиненный сперва докладывает о делах на границе, а затем уже о прочих вопросах. Чем выше начальник, тем более беспокойна у него жизнь. Мало ли какие неприятности могут принести каждые сутки! Начальник погранзаставы живет этими мыслями, и начальник пограничных войск Советского Союза денно и нощно живет теми же заботами. Поди, узнай, что замышляет враг на границе, растянувшейся на 60 тысяч километров. Да и не только нарушитель может причинить беспокойство… А разыгравшаяся буря на том или ином океане, в пустыне, в горах! Начальнику погранвойск СССР обо всем надо знать тотчас же, и не только знать, но принять меры и доложить правительству.

Да, трудна, беспокойна жизнь советского пограничника на любой ступени.

О том, с каким настроением я уезжал из Средней Азии в 1935

году после 9 лет службы в пограничных войсках, сказано в первой главе книги. Но вот более позднее выражение тех же чувств Александром Васильевичем Арбековым — бывшим заместителем начальника войск Среднеазиатского пограничного округа. Он прислал мне письмо, в котором сообщил: «Кончилась моя служба в Средней Азии. 16 лучших молодых лет я отдал ей, и Вы знаете — нисколько не сожалею. Хорошие там люди: и те, кто там служит, и те, кто постоянно живет. Видимо, сама обстановка, условия заставляют их быть именно такими, проявлять прежде всего хорошие качества, которые всем им свойственны».

Туркмения!.. Там, на границе, я провел свои молодые годы, сроднился с местными жителями, свыкся с суровыми природными условиями.

Современная Туркмения — это республика древней и новейшей культуры, пример торжества ленинской национальной политики.

Сыны и дочери Туркмении внесли немалый вклад в оборону нашей страны. Многие сложили свои головы на полях сражений в годы Великой Отечественной войны. Более 13 тысяч воинов из Туркменистана награждены орденами и медалями и свыше 60 удостоены звания Героя Советского Союза.

Туркменский народ, следуя призыву «Все для фронта, все для победы!», показал подлинный трудовой героизм в промышленности и сельском хозяйстве. В музее Туркменской ССР я узнал, что в фонд обороны было собрано 200 миллионов рублей, поступило облигаций государственных займов на сумму более 100 миллионов рублей и 7314 килограммов серебра. На собранные средства построили самолеты, танки, самоходные артиллерийские установки. Это явилось весомым вкладом в оборонную мощь страны.

А как важно было в годы войны получить в зимнюю пору теплое обмундирование! Со всех концов Советского Союза присылали на фронт валенки, полушубки и другие теплые вещи. По сведениям того же музея, Туркмения дала 11 500 полушубков, 43 000 пар валенок, 1 200 000 пар шерстяных носков, много варежек, теплых перчаток и других предметов.

Не раз приезжали на фронт туркменские делегации с подарками для воинов. В октябре 1942 года делегация во главе с председателем Президиума Верховного Совета ТССР Амлаберды Бедрыевым доставила под Сталинград 45 вагонов подарков от тружеников республики. Одну из таких делегаций мы принимали на Курской дуге в апреле 1943 года. Она сопровождала комсомольско-молодежный эшелон в количестве 23 вагонов.

Гости сами раздавали подарки раненым воинам Центрального фронта, от которых они увезли сердечные слова благодарности туркменскому народу. Вторая делегация доставила 29 вагонов подарков своей подшефной 76-й Ельнинской стрелковой дивизии.

Трудящиеся Туркмении отправили в освобожденную от фашистских захватчиков Сталинградскую область более 13 000 голов продуктивного скота, более 2000 плугов, огородных семян на 200 гектаров, 5 вагонов оконного стекла и много другого необходимейшего имущества. Освобожденным областям Украины отправили продуктивного скота 41 500 голов. В 1943 году трудящиеся Туркмении засеяли 1500 гектаров хлопка в фонд помощи освобожденным районам.

Я привел лишь некоторые данные о братской помощи туркменского народа воинам Красной Армии и пострадавшим районам.

Чудесен Ашхабад. Он утопает в зелени. Прямые чистые улицы. Множество памятников.

С волнением подъехал к памятнику Недырбаю Айтакову, бывшему председателю ЦИК Туркменской ССР. С ним мне довелось в 1930 году совершить поездку по многим кишлакам Керкинского округа. За его подписью мне было вручено удостоверение о награждении орденом Красного Знамени ТССР за борьбу с басмачеством и за политическую работу среди местного населения. С гордостью я смотрю на этот орден, напоминающий о священном долге пограничников…

Безвременно ушел от нас Недырбай Айтаков — видный государственный деятель, человек огромного личного обаяния.

Перед убытием в Москву меня с женой пригласил на обед первый секретарь Центрального Комитета Компартии Туркмении М. Н. Гапуров. Мухамед Назарович — активный участник Великой Отечественной войны, был разведчиком, имеет ранение. Получил высшее педагогическое образование. Он много лет находится на партийной работе. Тремя орденами Ленина наградила Родина прославленного сына туркменского народа.

Трудно выделить, что было главное в этой интересной поездке. Основное, ради чего я ехал, — хотелось рассказать нашим воинам, советским людям о важнейших уроках Великой Отечественной войны, рассказать о великом единстве многонациональной Советской страны. Непобедим народ, ведомый испытанной партией Ленина.

Родные места

На протяжении всей войны меня не покидала мысль о земляках, о родном селе Жовтневе Токмакского района Запорожской области, оказавшемся в фашистской оккупации. Это легко понять. Ведь советского человека никогда не покидает любовь и преданность великой Родине. Рядом с этим большим патриотическим чувством всегда остается место для любви к тому селу или городу, где родился, научился ходить, играл с ребятами, где впервые сел за парту и выучил наизусть первый стишок, где впервые познал труд… Мне всегда казалось, что нет села краше моего.

Запорожская область по праву славится своим историческим прошлым, своими революционными и боевыми традициями. В годы гражданской войны рабочие, сельская беднота, большинство крестьян-середняков здешних мест добровольно пошли в ряды Красной Армии. Многие из них отдали жизнь за Советскую власть.

Свое военно-революционное прошлое имеет и село Жовтневе. В самом начало гражданской войны почти каждый второй двор послал на фронт одного, а то и двух защитников молодой

Советской Республики от нашествия армий Деникина, Врангеля, буржуазной Польши, от банд Махно.

В революционном движении участвовали мой отец и ближайшие родственники. В Симферопольском государственном архиве имеются материалы, в которых подробно описывается крестьянское движение периода 1905–1907 годов в Таврической губернии. В них называются свыше 40 активистов социал-демократов Большого Токмака Бердянского уезда, в том числе Александр Данилович Антипенко (мой отец), Кондрат Сергеевич и Кирилл Сергеевич Лисняки (родные братья моей матери Марии Сергеевны), Петр Федотович Ефименко (муж родной сестры моей матери) и другие.

В памяти сохранился такой эпизод. В 1907 году жандармы произвели у нас обыск. Обнаружив у отца «компрометирующие» материалы, власти лишили нашу семью права оседлости. Отец находился под постоянным надзором полиции и не имел права жить в одном населенном пункте больше двух лет. Вот почему с 1908 по 1917 год мы пять раз меняли место своего жительства. После Февральской революции вся семья навсегда возвратилась в родное село. Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции я узнал от отца, что он большевик. Коммунистическая партия рекомендовала его на пост председателя ревкома села Жовтневе, образованного в январе 1918 года. В то время на Украине часто менялась власть, и, когда ее захватывали белогвардейцы, отец уходил в подполье. Скончался он в мае 1920 года от сыпного тифа.

В осенние дни 1943 года, когда войска нашего Центрального фронта завязывали бои на правобережье Днепра, Красная Армия принесла свободу и моему родному селу. Разумеется, гораздо позже я узнал об участии моих земляков в Великой Отечественной войне. Почти все трудоспособное население села ушло в Красную Армию и партизанские отряды, чтобы с оружием в руках бить врага. Немало моих односельчан полегло в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами, многие остались инвалидами.

Гитлеровцы расстреляли братьев Николая и Поликарпа Щусь, имена которых значатся в сборнике документов «Запорожская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», изданном в Запорожье в 1959 году. Они были активными участниками партизанского движения в области. Обоих я хорошо знал. Моя родная сестра Антонина Александровна была женой Поликарпа Щуся. После ареста мужа оккупанты ее тоже схватили. О своих мучениях в гитлеровских застенках она смогла рассказать мне, лишь пройдя длительный курс психиатрического

лечения; почти три года сестра непрерывно плакала. Фашистские изверги пытали ее, дважды выводили за деревню, к оврагу, и имитировали расстрел. Потом бросили в пустой амбар, где на нее напали крысы. Антонина едва успевала отбрасывать их руками от лица, от груди. Есть от чего сойти с ума. А на допросах она молчала…

Сложил свою седую непокорную голову Митрофан Андреевич Лесняк, участник гражданской войны. Враг расстрелял его за антифашистскую агитацию. Погибли и многие другие мои односельчане.

Когда осенью 1943 года люди возвратились в свой освобожденный край, им пришлось начинать, как говорится, с нуля. Село было стерто с лица земли: из трехсот домов уцелело пять. Только печные трубы торчали среди развалин и пепелищ. Рыли землянки, селились как в далекую старину. Ни света, ни воды, ни тепла, ни тягла… Чем пахать, чем сеять, чем убирать хотя и скудный урожай?

Партия и правительство принимали меры по оказанию помощи трудящимся освобожденных от немецко-фашистских оккупантов районов в восстановлении народного хозяйства. Десятки тысяч единиц станочного оборудования пошло из городов в машинно-тракторные станции. Селам передавался всевозможный сельхозинвентарь, автотранспорт, строительные материалы, трофейный скот.

Не стояли в стороне от этого важного общегосударственного дела и наши Вооруженные Силы. Они передавали в сельское хозяйство списанную, но отремонтированную технику, в частности, автомобили, трактора, помогали обрабатывать землю и убирать урожай. Немало уволенных в запас офицеров возглавили совхозы, колхозы, МТС. Меня самого не покидала мысль уйти с военной службы в свое село. Но пришлось остаться в армии и искать формы практического участия в делах земляков.

Лет 20–25 назад самым острым для села был вопрос о строительных материалах и самом строительстве. Прежде всего — где достать лес и как получить вагоны? Права колхозов на проведение самодеятельных лесозаготовок крайне ограничены. Фондов на стройматериалы давали мало, строительных организаций на селе не было вовсе.

Зачастую свободное от работы время я отдавал решению подобных вопросов, вставших перед земляками. Фронтовые товарищи помогли подыскать строительную организацию, которая взялась за работу в нашем селе. Колхозники с энтузиазмом трудились на сооружении разных объектов. Именно тогда появилось немало производственных и общественных

зданий, которые и поныне украшают колхоз имени Кирова, составляют базу его экономического роста. Что же касается домов односельчан, то для их возведения купили в одном из подмосковных хозяйств кирпично-черепичный завод. Его быстро смонтировали. На месте оказались прекрасные гончарные глины. Завод давал в год миллион штук кирпича и столько же черепицы.

В родном колхозе были построены 2 клуба, великолепный Дом культуры, 2 школы (одна из них десятилетка), 2 медпункта, 17 животноводческих помещений, 12 других зданий производственного назначения, двухэтажный восьмиквартирный дом для специалистов, 2 магазина, здания для правления колхоза и трех детских яслей, баня и пр. Построено и капитально отремонтировано 370 домов колхозников. В каждом новом доме имеются три-четыре комнаты, кухня, кладовая, остекленная веранда. Все четыре села нашего колхоза связали между собой асфальтированные дороги.

Хозяйство у моих земляков теперь большое. Они подняли его из руин и пепла, оставленного немецко-фашистскими захватчиками. Колхозные угодья — это 7115 гектаров земли, в том числе десятки гектаров прекрасного сада и огромные массивы орошаемых земель.

Много делается для подъема животноводства. В корне изменилась заготовка и переработка кормов для скота, что сказалось на производстве продукции на фермах. Так, количество кормов в колхозе остается стабильным, а общие надои молока по сравнению с шестидесятыми годами возросли втрое, выход мяса — вчетверо.

Когда в родном селе осматриваю поля, жилье, производственные постройки, вникаю в быт колхозников, невольно вспоминается сравнительно недавнее прошлое, пережитые трудности. Давно ли земляки радовались сбору зерновых по 12–14 центнеров с гектара? А теперь получают по 30 центнеров. Прежде колхозная корова давала в среднем в год 1000–1200 килограммов молока, а теперь — 3300 килограммов. Ранее с центнера подсолнухов получали 32–34 килограмма подсолнечного масла, а теперь — свыше 50.

И поныне сохранилась у меня переписка с академиком В. С. Пустовойтом по поводу семян подсолнуха. Просил его отпустить землякам посадочного материала подсолнухов на 7 гектаров. Прославленный ученый-селекционер дал тогда нашему колхозу нужное количество семян. Он велел сообщить, какой будет выращен урожай. Колхоз поддерживал связь с академиком. Теперь семенами его имени мои земляки ежегодно засевают не 7, а 600–700 гектаров, получая масла по 50–56 килограммов с

центнера подсолнухов. Это ли не победа!

Большим достижением является электрификация и на ее основе механизация трудоемких работ в колхозе. Начало этому положено в конце 50-х годов. Помню, как тепло принял делегацию моих земляков министр электростанций СССР А. С. Павленко. С ней к министру пошел и я. Мы развернули перед ним карту, на которой был обозначен колхоз имени Кирова, а рядом — высоковольтная линия Днепрогэса. Линия-то проходила рядом, однако селу электроэнергию не отпускали. В порядке исключения министр разрешил подключить наш колхоз. Сколько было хлопот, пока достали столбы, провода, трансформатор и т. д. Но как радовались колхозники, когда в их домах зажглись лампочки Ильича! К слову сказать, первый трансформатор колхоз получил из Белоруссии.

Первоначальная мощность подстанции равнялась 50 киловаттам. Казалось, что это много, думали, куда девать столько энергии. Теперь колхоз имеет энергомощности до 1000 киловатт, но и их не хватает. На фермах механизированы все работы, даже раздача кормов скоту и уборка навоза. Ночью каждая ферма снаружи напоминает хорошо освещенный городок.

Электрифицированы и другие отрасли производства.

Говоря о родном селе, о земляках, я всегда испытываю чувство невыполненного долга. Кажется, что можно и нужно сделать больше. Видимо, такое чувство знакомо каждому, кто тысячами нитей связан с родными местами. И главная нить — это труд. Многодетная семья моего отца, как и миллионы подобных, провела жизнь в беспросветной бедности. Еще совсем малышами мы с братом Шурой ходили по найму за две-три версты в поле с тяпками полоть сорняки в кукурузе. На зяблевую пахоту выезжал с двоюродным братом Иваном чуть свет, а возвращался затемно. Мне еще не исполнилось 12 лет, а уже умел носить солому штырем на голове, таскал мешки с зерном на чердак дома, гонял на току лошадь, запряженную в каменный каток, которым вымолачивалось зерно. Помню, как радовался, когда за одно лето работы на чужих мне удалось получить новую рубаху и пять пудов муки.

Познав с малых лет тяжелый крестьянский труд, я всю жизнь отношусь с глубочайшим уважением к тем, кто добросовестно работает на колхозных полях. А к землякам — уважение вдвойне. И в Токмакском райкоме, и в Запорожском обкоме партии мне не раз довелось слышать похвалу в адрес колхоза имени Кирова, его людей и прежде всего председателя артели. Почти 30 лет бессменно возглавляет хозяйство Александр Константинович Ярошенко. Родился он в 1926 году и успел повоевать. Причем мы

были на одном фронте (об этом, разумеется, узнал спустя несколько лет после Победы). Перед Висло-Одерской операцией командир отделения разведки 332-го стрелкового полка сержант Ярошенко при выполнении боевого задания был ранен. Его отправили в один из госпиталей, который находился в расположении 8-й гвардейской армии. Пуля — память о Великой Отечественной войне — и поныне осталась у него в шее. Врачи не рискнули извлечь эту пулю, окруженную жизненно важными сосудами. Московские профессора подтвердили; оперативное вмешательство опасно, придется примириться с таким положением.

Конечно, ранение сказывается, особенно теперь, с возрастом. Несмотря на это, Александр Константинович отдает все силы родному колхозу. Он награжден двумя орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени, Золотой медалью ВДНХ СССР. А всего в колхозе более 70 человек удостоены государственных наград: доярка Е. И. Авраменко, заведующий гаражом М. Ф. Ефименко, комбайнер А. А. Лисняк и другие.

В один из моих приездов в родное село председатель колхоза показал последние достижения в борьбе с водной и ветровой эрозией. Водной эрозии подвергаются 75 процентов земель, имеющих склоны. Около 1150 гектаров естественных пастбищ в колхозе были издавна непригодны под пашню и числились бедными угодьями. Нетрудно понять, сколь велико значение успешной борьбы с эрозией и массового залужения склонов и балок. Здесь кроется огромный резерв увеличения кормовой базы для скота.

Правление колхоза и партийная организация (в ней 65 коммунистов) ведут книгу, в которой записывают историю села и колхоза. Составление ее взял на себя учитель средней школы Андрей Маркович Лазько, который за три года, используя свои отпуска, побывал в архивах Мелитополя, Симферополя, Запорожья, Харькова и Москвы. Ему удалось установить, что селу Жовтневе свыше 180 лет, получить интересные и достоверные материалы об его истории. Так что описание прошлого можно считать законченным. В книгу заносятся самые важные современные события сельхозартели, рассказы о лучших людях. Каждый сознает, какая большая честь быть упомянутым в истории своего колхоза. Мои земляки высоко чтут участников гражданской и Великой Отечественной войн, заслуженных тружеников. О их делах рассказывается и в открытой в Доме культуры комнате боевой и трудовой славы.

Уважение к людям, справедливая оценка их труда, естественно, способствуют достижению производственных

успехов.

Заканчивая свою книгу, я хочу выразить сердечную благодарность великой партии Ленина, в рядах которой состою более 60 лет. Она меня воспитала и сделала таким, каким я стал. Низко кланяюсь родной земле, на которой вырос и возмужал. Передаю горячий привет землякам, в труде которых вижу образец честного служения Отчизне.

Считаю своим долгом поблагодарить Елену Дмитриевну Антипенко и подполковника Петра Алексеевича Акатьева за помощь в подготовке рукописи этой книги.

Фотоиллюстрации

Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков.

Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза Константин Константинович Рокоссовский.

Генерал армии Андрей Васильевич Хрулев.

К. Ф. Телегин.

М. С. Малинин.

В. И. Казаков.

Г. Н. Орел.

С. И. Руденко.

М. П. Миловский.

И. Х. Баграмян.

С. С. Маряхин.

С. К. Куркоткин.

В. Н. Дутов.

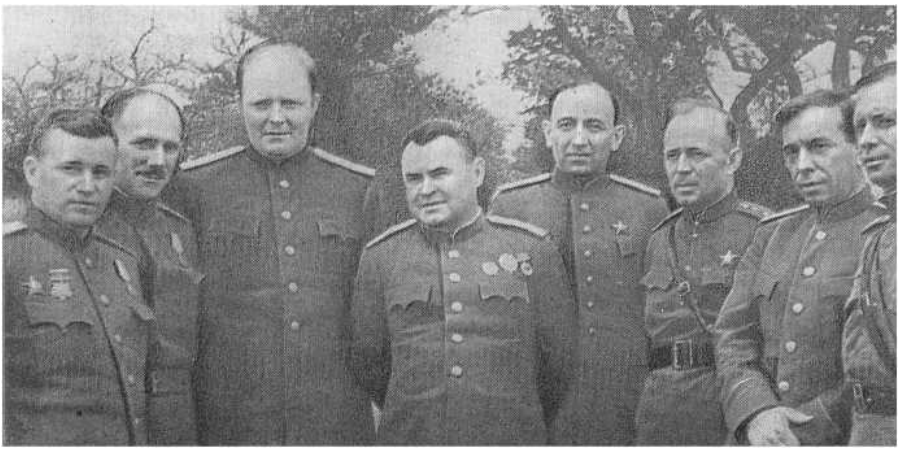
А. Н. Рассадин.

И. С. Фурсов.

Е. Д. Хмара (Антипенко).

Ю. Цеденбал, Г. К. Жуков, Н. С. Патоличев.

П. А. Белов и Ю. Цеденбал (март 1943 года).



Группа участников общефронтовой медицинской конференции, состоявшейся перед Курской битвой.

А. А. Чернушевич.

Танки «Челябинские колхозники».

А. В. Геловани.

Монумент в Улан-Баторе в честь боевой дружбы советского и

монгольского народов.

Н. В. Борисов.

Н. В. Каширин.

В. И. Дейнеко.

И. З. Сапожников.

И. Л. Москалев.

Родители Н. А. Антипенко — Мария Сергеевна и Александр Даниловичч.

Н. М. Попов.

Сестры и братья автора — Антонина Александровна и Анна Александровна, Иван Александрович и Антон Александрович.

Г. К. Жуков с земляками автора — председателем колхоза А. К. Ярошенко (слева) и секретарем парторганизации Н. М. Костюком.

Актив колхоза имени Кирова Токмакского района Запорожской области во главе с секретарем райкома партии И. А. Сидоренко (третий слева в первом ряду).

Д. В. Павлов.

Передовые люди колхоза имени Кирова, участвовавшие в слете ударников пятилетки Токмакского района Запорожской области.

П. К. Пономаренко.

Танкисты из взвода лейтенанта Г. А. Чобаняна.

П. М. Машеров беседует с воинами Краснознаменного Белорусского военного округа (1973 год).

Н. Г. Грекова.

Е. Е. Серкова.

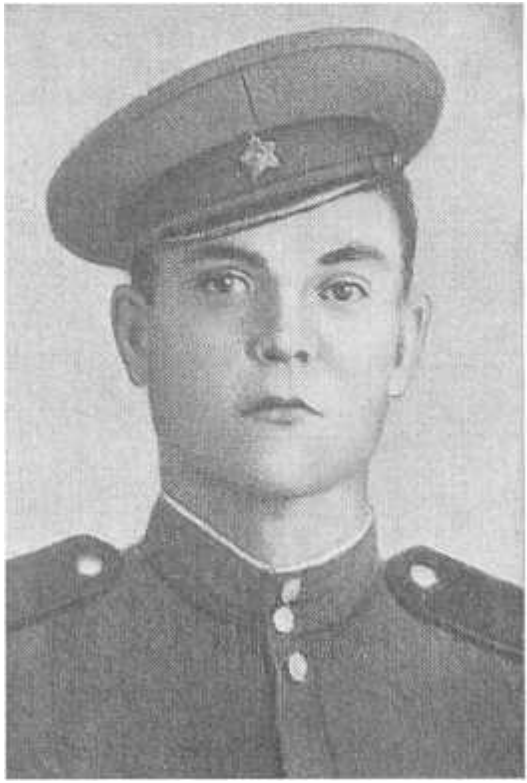
Н. И. Краснобаев.

Н. Н. Еланский.

Герой Советского Союза В. С. Кащеева.

Полный кавалер ордена Славы Нечипорукова-Ноздрачева.

Апрель 1945 года. На наблюдательном пункте командующего 1-м Белорусским фронтом (слева направо): В. И. Казаков, Н. А. Антипенко, Г. К. Жуков, К. Ф. Телегин.



Сержант А. К. Ярошенко. Ныне он возглавляет колхоз имени Кирова на родине автора.

Санитар Н. Н. Федоров, вынесший с поля боя 190 раненых с оружием.

Группа руководящих работников тыла 1-го Белорусского фронта.

Дочь Г. К. Жукова Мария Георгиевна с сыном Георгием.

Дорогой Николай Александрович!

Мы с Вами начали ответственное оборонительное сражение с немецкими войсками под Москвой, а закончили успешным наступательное сражение, которое было завершено после овладения Берлином и выходом наших войск на Эльбу.

Вы были бессменным организатором тылового обеспечения всех операций и эта Ваша деятельность запомнилась мне навсегда.

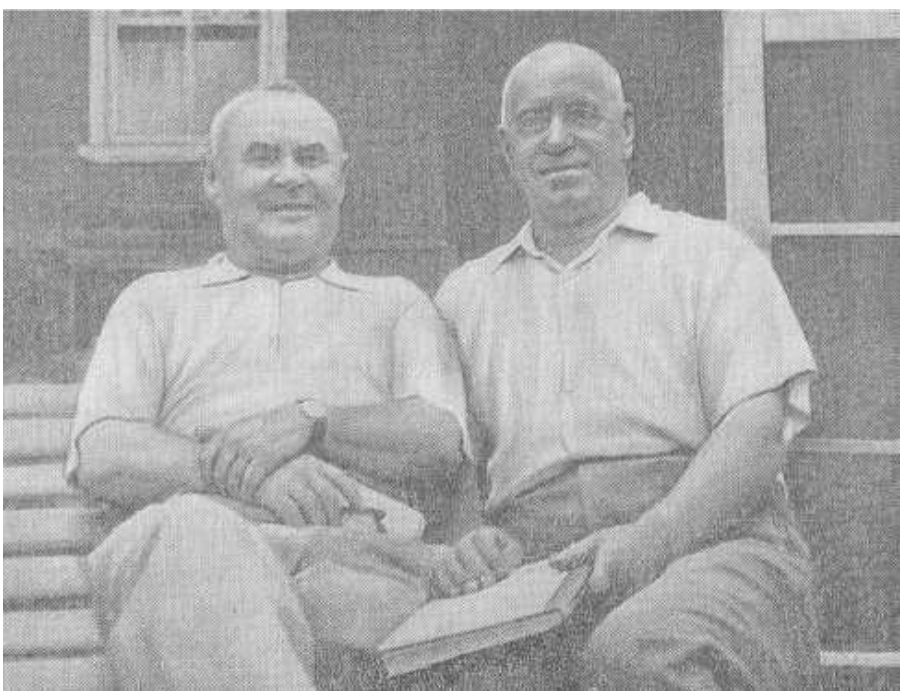
Посылаю Вам книгу на память о Великой Отечественной войне и совместной работе.

С уважением

Г. Жуков

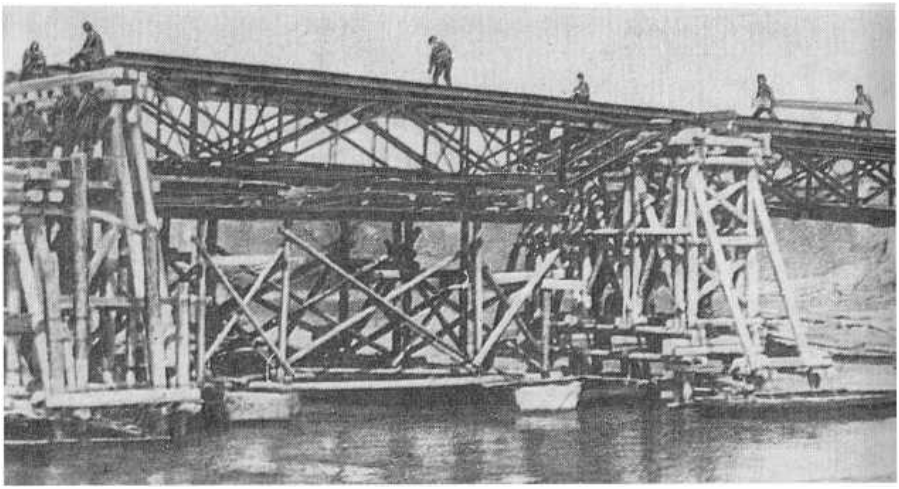
14/IV-69 г.

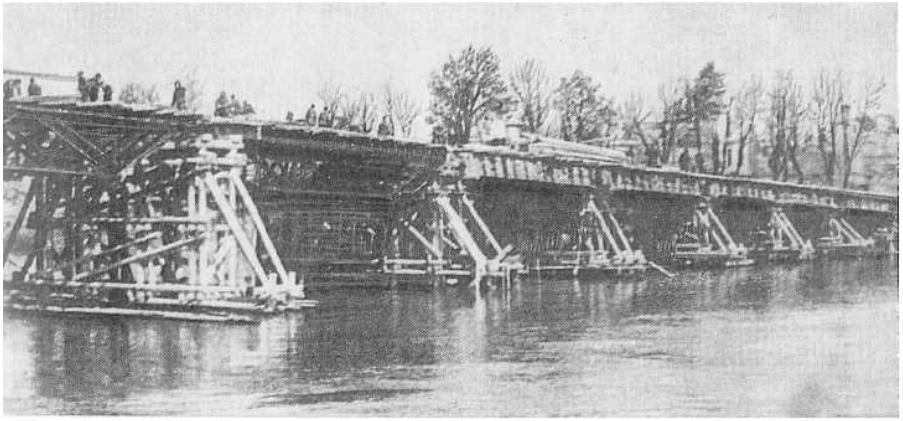
Эту надпись Г. К. Жуков сделал на своей книге «Воспоминания и размышления», которую подарил Н. А. Антипенко.



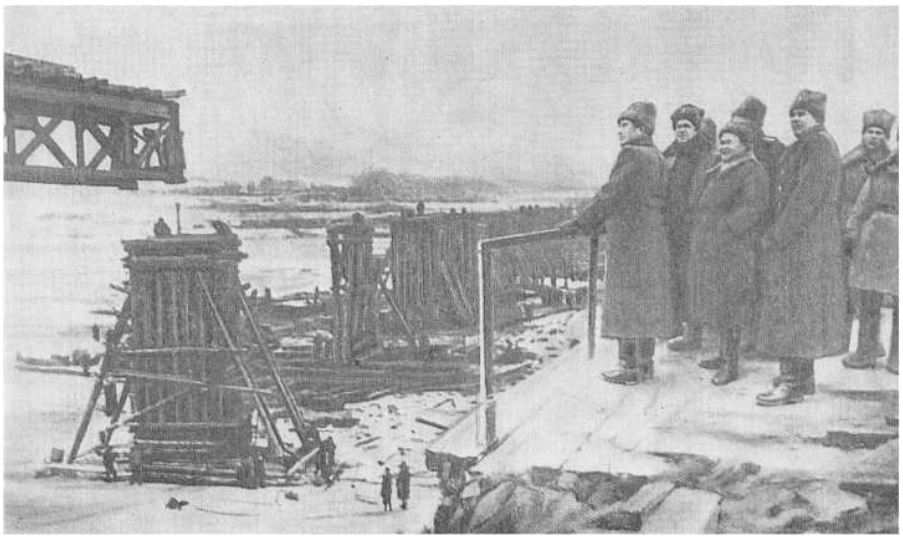
Г. К. Жуков и Н. А. Антипенко на отдыхе (1965 год).

Автомобильный мост через Вислу у Варшавы (1945 год).

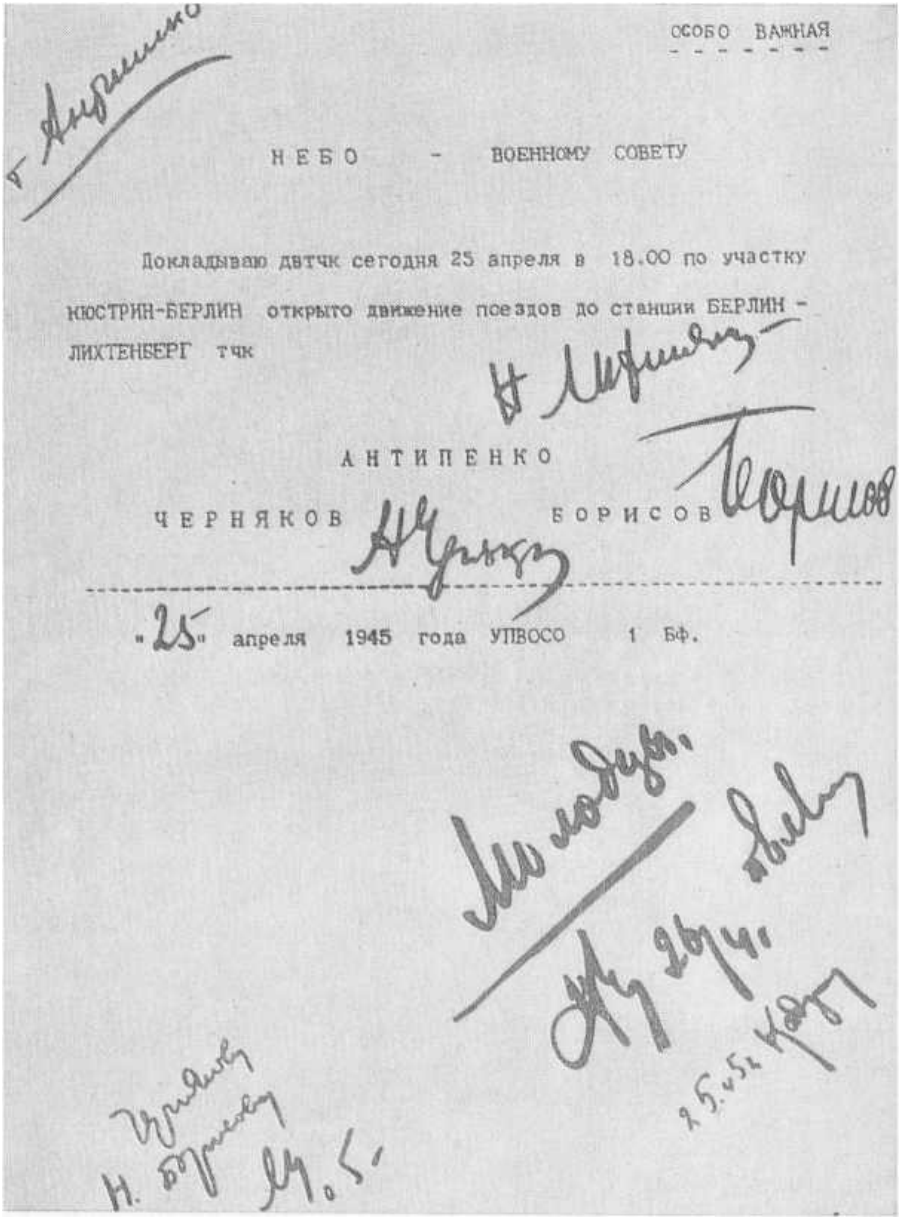




Восстановление автомобильного моста у Кюстрина (1945 год).



Г. К. Жуков с генералами на восстанавливаемом варшавском железнодорожном мосту (январь 1945 года).



ОСОБО ВАЖНАЯ

НЕБО - ВОЕННОМУ СОВЕТУ

Докладываю двтчк сегодня 25 апреля в 18.00 по участку КЮСТРИН-БЕРЛИН открыто движение поездов до станции БЕРЛИН - ЛИХТЕНБЕРГ тчк

АНТИПЕНКО

ЧЕРНЯКОВ БОРИСОВ

«25» апреля 1945 года УПВОСО 1 Бф.

Донесение о восстановлении железнодорожной линии Кюстрин — Берлин.

Участники совещания командующих и членов военных советов армий 5 июня 1945 года в Кепеннике.

Прибытие в Берлин 9 мая 1945 года А. И. Микояна и А. В. Хрулева.

М. К. Клочкова.

З. П. Кулькова.

Е. Я. Розенблюм.

Т. А. Горчинская.

А. Артыков.

В. Ф. Шевченко.

Председатель туркменского колхоза «Ленинизм» Байрамов и Н. А. Антипенко.

В этих юртах в Каракумах была установлена радиостанция (1928 год).

Партийный актив погранотряда (1931 год).

Курсанты-пограничники школы младшего начальствующего состава (1929 год).

Воду в погранотряд по горным тропам доставляли на ишаке.

В гостях у пограничников (1975 год).

Во время посещения Туркменской ССР в 1975 году. Автор с группой руководящих работников республики.

notes

Примечания

1

Дорожные части были подчинены Автомобильно-дорожному управлению Красной Армии 1 июля 1942 года. — В кн.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1977, с. 281 (*прим. авт.*).

2

По уточненным данным, в строй были возвращены 72,3 процента раненых и 90,6 процента больных. — В кн.: Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 322 (*прим. авт.*).

3

Военно-исторический журнал, 1959, № 4, с. 64.

Там же, с. 65.

5

Военно-исторический журнал, 1965, № 6, с. 51–56.

6

Муриев Д. З. Провал операции «Тайфун». М., 1972, с. 140.

С. Лувсан впоследствии стал первым заместителем председателя Совета Министров МНР.

8

Подполковник Александр Антонович Чернушевич командовал 438-м отдельным танковым батальоном 49-й армии. Впоследствии он командовал танковой бригадой, награжден четырьмя орденами, трижды ранен.

9

История второй мировой войны 1939–1945. М., 1976, т. 7, с. 136, 137, 144.

10

История второй мировой войны 1939–1945, т. 7, с. 136, 137.

11

Там же, с. 137.

На огненной дуге. М., 1963, с. 26.

13

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 207.

14

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 137, 168, 183.

15

Подсчет сделан автором.

16

История второй мировой войны 1939–1945, т. 9, с. 43.

17

Подсчет сделан автором.

18

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 377.

Пономаренко П. К. Непокоренные. М., 1975, с. 62–63.

Освобождение Белоруссии. 1944. М., 1975, с. 161–162.

21

Там же, с. 164.

22

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. М., 1979, т. 2, с. 212.

23

Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–20 января 1946 года). Мн., 1947, с. 369–370.

24

История второй мировой войны 1939–1945, т. 9, с. 40.

25

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 207.

26

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник. М., 1972, с. 182–183.

27

Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне. Военно-исторический справочник, с. 183.

28

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 145, 146.

Советская Военная Энциклопедия. М., 1976, т. 2, с. 148.

Коммунист, 1970, № 1, с. 91.

31

ЦАМО, ф. 233, оп. 15038, д. 44, л. 1.

32

История второй мировой войны 1939–1945, т. 10, с. 140.

Кондратьев З. И. Дороги войны. М., 1968, с. 352.

34

История второй мировой войны 1939–1945, т. 10, с. 326.

35

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 380–381.

Тыл Советской Армии. М., 1968, с. 241.

37

Великая Отечественная война Советского Союза 1911–1945. Краткая история. 2-е изд., исправл. и доп. М. 1970, с. 562.

Ульбрихт В. К истории новейшего времени. М., 1957, с. 60.

Новый мир, 1965, № 8, с. 127–128.

Нюрнбергский процесс. М., 1957, т. 1, с. 495.

Новый мир, 1972, № 10, с. 210.

Там же, с. 204–205.

Лит. газ., 1973, 31 янв.

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 244, 252, 262, 492.

45

Брежнев Л. И. — Ленинским курсом, М., 1970, т, 1, с. 136.

Ленин В. И. — Полн. собр. соч., т. 36, с. 193.

Калинин М. И. — О коммунистическом воспитании. Избранные статьи и речи. 3-е изд. М., 1947, с. 173.

48

ЦАМО, ф. 233, оп. 2356, д. 804, л. 510.

Ленин В. И. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 400.

Военно-исторический журнал, 1961, № 6, с. 70.

51

Понятие «эшелон» здесь включает перевозку людей; «транспорт» — перевозку грузов снабжения.

52

В. А. Гарнык в настоящее время работает директором крупного завода в Таллине. Подробности, которые я здесь передаю, он сообщил по моей просьбе.

Куманев Г. А. Советские железнодорожники в годы Великой Отечественной войны. М., 1963, с, 30.

54

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 243.

Кондратьев З. И. Дороги войны. М., 1968, с. 17.

56

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 289.

57

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 277.

58

Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., с. 224.

59

М. П. Голикова — крестьянская девушка, после окончания фельдшерской школы посвятила себя хирургии. Все хирурги, знавшие С. С. Юдина, знали и эту его замечательную помощницу.

Плотников К. Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М., 1954, с. 243.

61

Финансовая служба Вооруженных Сил СССР в период войны. М., 1967, с. 46.

Там же, с. 82.

63

ЦАМО, ф. 796, оп. 264, д. 237, л. 168.

Советская Военная Энциклопедия. М., 1979, т. 7, с. 554.

65

История второй мировой войны 1939–1945, т. 4, с. 140.

Ленин В. И. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 400–401.

Маркс К. и Энгельс Ф. — Соч., т. 10, с. 244–245.

Русско-японская война 1904–1905 гг. Тыл действующей армии. СПБ, 1910, т. 7, с. 13.

Ленин В. И. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 400.

Фрунзе М. В. — Избранные произведения. М., 1950, с, 306.

71

ЦАМО, ф. 1, оп. 11487, д. 127, л. 45.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2, с. 341.